

782977

28г

Д 20

Дарвин, Ч. Р.

Иллюстрированное
собрание сочинений

Том 3:

О выражении ощущений
у человека
и животных

0081

5 00

011398-

782977

12/4

РФ

50 г.

1955

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

✓ 57
Д 20

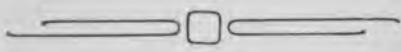
ЧАРЛЗА ДАРВИНА.

О ВЫРОЖЕНИИ ОЩУЩЕНИЙ
У ЧЕЛОВѢКА И ЖИВОТНЫХЪ.

011398

Томъ III.

ПЕРЕВОДЪ СО ВТОРОГО АНГЛІЙСКАГО ИЗДАНІЯ ПРИВ.-ДОЦ.
Ф. Н. КРАШЕНИННИКОВА.

ЧИТАЛЬНЯ

МОСКВА.

Издание Ю. ЛЕПКОВСКАГО.

2

46

282977

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. В. А. Плещеева**

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., соб. домъ.
Москва — 1908.

Оглавление III тома.

	<i>Стр.</i>
I. О выражении ощущений у человека и животных	1—211
II. О движениях и поведках лазящих растений	1—113

ВВЕДЕНІЕ.

О выраженіи ¹⁾ написано много сочиненій, но еще больше о физиогномикѣ, то-есть объ опредѣленіи характера посредствомъ изученія постоянного склада чертъ лица. Я не занимаюсь здѣсь этимъ вопросомъ. Старыя работы ²⁾, съ которыми я справлялся, были для меня почти или вполнѣ бесполезны. Самая извѣстная изъ старыхъ работъ—знаменитыя «Conférences» ³⁾ живописца Лебрена, напечатанныя въ 1667 г. и заключающія въ себѣ нѣкоторыя дѣльныя замѣчанія. Другую довольно старую работу, именно «Discours» произнесенныя весьма извѣстнымъ голландскимъ анатомомъ Камперомъ ⁴⁾ въ 1774—1782 гг., едва ли можно считать замѣтнымъ шагомъ впередъ въ этомъ вопросѣ. Слѣдующія работы, напротивъ, заслуживаютъ полнаго вниманія.

Сэръ Чарльзъ Белль, прославившійся своими открытіями въ физиологіи, напечаталъ въ 1806 г. первое, а въ 1844 г. третье изданіе своей «Анатоміи и философіи выраженія» ⁵⁾. Про него можно справедливо сказать, что онъ не только положилъ основаніе своему предмету, какъ отрасли науки, но и воздвигъ изъ него стройное зданіе. Его работа во всѣхъ отношеніяхъ глубоко интересна; въ ней живо описаны различныя душевныя движенія и она превосходно иллюстрирована. По общему признанію, заслуга его состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что онъ показалъ тѣсное соотношеніе между выразительными движеніями и тѣми, которыя происходятъ при дыханіи. Одно изъ самыхъ важныхъ указаній,

1) [Джонъ Бульверъ въ „Pathomyotomia“, 1649, довольно хорошо описываетъ различныя выраженія и подробно говоритъ о мышцахъ, завѣдывающихъ каждымъ изъ нихъ. Д-ръ Наскъ Туке („Influence of the Mind upon the Body, 2-е изд., 1884, т. I, стр. 232) ссылается на „Chirologia“ Джона Бульвера, содержащую, по его словамъ, превосходныя замѣчанія о выразительныхъ движеніяхъ. Лордъ Беконъ указывалъ, въ числѣ сочиненій, которыя имѣютъ быть написаны потомствомъ „Теорію жестикуляціи“, или „Тѣлодвиженія и опытъ истолкованія ихъ“].

2) Дж. Парсонсъ въ статьѣ, помѣщенной въ приложеніи къ „Philosophical Transactions“ за 1746 г., стр. 41, перечисляетъ сорокъ одного стараго автора, которые писали о выраженіи. [Мантегацца даетъ „Esquisse historique de la science de la physionomie et de la mimique humaine“ въ главѣ I своей работы „La Physionomie et l'Expression des Sentiments“ (International Series), 1885.]

3) „Conférences sur l'expression des differents caractères des passions“. Парижъ, in 4°, 1667. Я всегда ссылаюсь на перепечатку „Conférences“ въ сочиненіяхъ Лафатера, изданныхъ Моро, 1820 г., т. IX, стр. 257.

4) „Discours par Pierre Camper sur le moyen de représenter les diverses passions“ etc. 1792.

5) Я всегда цитирую по третьему изданію, 1844 г., которое вышло въ свѣтъ послѣ смерти сэра Ч. Белля и содержитъ его послѣднія поправки. Достоинства перваго изданія, 1806 г., значительно ниже, и въ немъ нѣтъ нѣкоторыхъ наиболее существенныхъ взглядовъ автора.

маеть, что подобныя замѣчанія сколько-нибудь освѣщаютъ смыслъ или происхожденіе различныхъ выраженій, тотъ смотритъ на этотъ предметъ совершенно иначе, чѣмъ я.

Если въ вышеприведенномъ отрывкѣ философія нашего предмета и подвинулась впередъ, то подвинулась незначительно сравнительно со ступеню, достигнутой живописцемъ Лебреномъ, который говоритъ въ 1667 г. при описаніи выраженія страха: «Le sourcil qui est abaissé d'un côté et élevé de l'autre, fait voir que la partie élevée semble le vouloir joindre au cerveau pour le garantir du mal que l'âme aperçoit, et le côté qui est abaissé et qui paraît enflé, nous fait trouver dans cet état par les esprits qui viennent du cerveau en abondance, comme pour couvrir l'âme et la défendre du mal qu'elle craint; la bouche fort ouverte fait voir le saisissement du cœur, par le sang qui se retire vers lui, ce qui l'oblige, voulant respirer, à faire un effort qui est cause que la bouche s'ouvre extrêmement, et qui, lorsqu'il passe par les organes de la voix, forme un son qui n'est point articulé; que si les muscles et les veines paraissent enflés, ce n'est que par les esprits que le cerveau envoie en ces parties-là». Я счелъ, что стоить привести эти фразы, какъ образцы удивительной безсмыслицы, которую писали о занимающемъ насъ предметѣ.

«Физиологія или механизмъ краснѣнія» д-ра Бергеса появилась въ 1839 г. и я буду часто ссылаться на эту работу въ моей тринадцатой главѣ.

Въ 1862 г. д-ръ Дюшенъ выпустилъ въ свѣтъ два изданія, in folio и in-8°, своего труда «Mécanisme de la physionomie humaine», въ которомъ онъ при помощи электричества изслѣдуетъ движенія лицевыхъ мышцъ и иллюстрируетъ ихъ великолѣпными фотографическими снимками. Онъ великодушно разрѣшилъ мнѣ заимствовать его фотографии въ любомъ количествѣ. Нѣкоторые изъ его соотечественниковъ отзывались объ его трудахъ безъ большого уваженія или совсѣмъ не замѣчали ихъ. Возможно, что д-ръ Дюшенъ преувеличилъ ту роль, которую играетъ сокращеніе отдѣльныхъ мышцъ въ выраженіи; ибо, вслѣдствіе тѣсной связи мышцъ между собою, которую можно видѣть на рисункахъ въ анатоміи Генле ¹⁾ (лучше которыхъ, кажется, никогда не появлялось), трудно повѣрить, чтобы онѣ дѣйствовали независимо отъ другихъ. Тѣмъ не менѣе д-ръ Дюшенъ очевидно вполне сознавалъ этотъ и другіе источники ошибокъ; а такъ какъ извѣстно, что ему вполне удалось выяснитъ физиологію мышцъ руки при помощи электричества, то онъ, вѣроятно, въ общемъ правъ, когда говоритъ о мышцахъ лица. По моему мнѣнію д-ръ Дюшенъ своими трудами значительно подвинулъ впередъ этотъ предметъ. Никто тщательнѣе его не изучалъ сокращеніе каждаго отдѣльнаго мускула и складки кожи, образующіяся вслѣдствіе этого сокращенія. Онъ показалъ также, какія мышцы менѣе всего находятся подъ непосредственнымъ контролемъ воли, что составляетъ весьма важную заслугу д-ра Дюшена. Онъ очень мало входитъ въ теоретическія соображенія и рѣдко пытается объяснить, почему подъ вліяніемъ опредѣленныхъ эмоцій сокращаются именно данныя мышцы, а не какія-либо другія.

Извѣстный французскій анатомъ, Пьеръ Грасіоле, прочелъ въ Сорбоннѣ курсъ о выраженіи, и его записки были изданы (1865) послѣ его смерти подъ заглавіемъ «De la physionomie et des mouvements d'express-

¹⁾ „Handbuch der systematischen Anatomie des Menschen“, Band I, dritte Abtheilung, 1858.

sion». Это сочиненіе очень интересно и полно цѣнныхъ замѣчаній. Теорія автора довольно сложна и, насколько ее можно выразить одною фразою (стр. 65), состоитъ въ слѣдующемъ: «Il résulte, de tous les faits que j'ai rappelés, que les sens, l'imagination et la pensée elle-même, si élevée, si abstraite qu'on la suppose, ne peuvent s'exercer sans éveiller un sentiment corrélatif, et que ce sentiment se traduit directement, sympathiquement, symboliquement ou métaphoriquement, dans toutes les sphères des organes extérieurs, qui le racontent tous, suivant leur mode d'action propre, comme si chacun d'eux avait été directement affecté».

Повидимому Грасіоле не придаетъ значенія наслѣдственной привычкѣ и даже до нѣкоторой степени не придаетъ его значенія привычкѣ индивидуума; поэтому, какъ мнѣ кажется, ему не удастся дать правильное или какое бы то ни было объясненіе многимъ жестамъ и выраженіямъ. Какъ примѣръ того, что онъ называетъ символическими движеніями, я приведу его замѣчанія (стр. 37), взятія у Шевреля, о человѣкѣ, играющемъ на билліардѣ: «Si une bille dévie légèrement de la direction que le joueur prétend lui imprimer, ne l'avez-vous pas vu cent fois la pousser du regard, de la tête et même des épaules, comme si ces mouvements, purement symboliques, pouvaient rectifier son trajet? Des mouvements non moins significatifs se produisent quand la bille manque d'une impulsion suffisante. Et, chez les joueurs novices, ils sont quelquefois accusés au point d'éveiller le sourire sur les lèvres des spectateurs». Мнѣ кажется, что такія движенія можно просто приписать привычкѣ. Всякій разъ, какъ человѣкъ желалъ передвинуть предметъ въ сторону, онъ всегда толкалъ его въ эту сторону; когда онъ хотѣлъ подвинуть его впередъ, онъ и толкалъ его впередъ, если же онъ желалъ остановить предметъ, онъ тянулъ его назадъ. Поэтому, когда игрокъ видитъ, что его шаръ идетъ въ нежелательномъ направленіи, а онъ сильно желаетъ, чтобы шаръ шелъ иначе, игрокъ, въ силу долгой привычки, не можетъ удержаться отъ безсознательныхъ движеній, которыя оказывались полезными въ другихъ случаяхъ.

Какъ примѣръ симпатическихъ движеній Грасіоле приводитъ (стр. 212) слѣдующій случай: «Un jeune chien à oreilles droites, auquel son maître présente de loin quelque viande appétissante, fixe avec ardeur ses yeux sur cet objet dont il suit tous les mouvements, et pendant que les yeux regardent, les deux oreilles se portent en avant comme si cet objet pouvait être entendu». Здѣсь, вмѣсто того, чтобы говорить о симпатіи между ушами и глазами, проще, какъ мнѣ кажется, предположить, что такъ какъ собаки въ продолженіе многихъ поколѣній, пристально глядя на какой-нибудь предметъ, настораживали уши, чтобы уловить всякій звукъ и, обратно, пристально смотрѣли въ направленіи звука, къ которому имъ случалось прислушиваться, то движенія этихъ органовъ, вслѣдствіе долговременной привычки, пришли въ тѣсную связь между собою.

Въ 1859 г. д-ръ Пидеритъ напечаталъ очеркъ о выраженіи; я не видалъ этого очерка, но, по утверженію автора, онъ опередилъ Грасіоле многими изъ своихъ взглядовъ. Въ 1867 г. онъ выпустилъ въ свѣтъ свою «Wissenschaftliches System der Mimik und Physiognomik». Дать въ нѣсколькихъ фразахъ точное понятіе объ его взглядахъ почти невозможно; можетъ быть, въ двухъ слѣдующихъ фразахъ сказано все, что можно выразить кратко: «Мышечныя выразительныя движенія связаны отчасти съ воображаемыми объектами и отчасти съ воображаемыми чувственными впечатлѣніями. Это предположеніе служитъ ключомъ къ пониманію всѣхъ выразительныхъ мышечныхъ движеній» (стр. 25). И далѣе: «Выразительныя движенія проявляются главнымъ образомъ въ

многочисленныхъ и подвижныхъ лицевыхъ мышцахъ, отчасти потому, что нервы, приводящіе ихъ въ движеніе, начинаются въ непосредственной близости органа разума, но отчасти и потому, что эти мышцы служатъ для содѣйствія органамъ чувствъ» (стр. 26). Если бы д-ръ Пидеритъ изучилъ работу сэра Ч. Белля, онъ вѣроятно не сказалъ бы (стр. 101), что сильный смѣхъ вызываетъ нахмуриваніе, такъ какъ по своему характеру приближается къ боли, и что у маленькихъ дѣтей (стр. 103) слезы раздражаютъ глаза и такимъ образомъ вызываютъ сокращеніе окружающихъ мышцъ. Въ этомъ трудѣ, на который я буду впоследствии ссылаться, разсѣяно много правильныхъ замѣчаній.

Въ различныхъ сочиненіяхъ, которыя нѣтъ надобности перечислять здѣсь, можно найти краткія разсужденія о выраженіи. Впрочемъ, м-ръ Бенъ довольно подробно занимается этимъ вопросомъ въ двухъ изъ своихъ произведеній. Онъ говоритъ ¹⁾: «Я считаю такъ называемое выраженіе частью и долею чувства. Я считаю, что общій законъ духа таковъ: наряду съ фактическимъ внутреннимъ чувствомъ или сознаниемъ существуетъ разсѣянное дѣйствіе или возбужденіе въ членахъ тѣла». Въ другомъ мѣстѣ онъ прибавляетъ: «Весьма значительное число фактовъ можно подвести подъ слѣдующій принципъ,—именно, что состоянія удовольствія связаны съ увеличеніемъ, а состоянія страданія—съ пониженіемъ нѣкоторыхъ или всѣхъ жизненныхъ функций». Но вышеприведенный законъ разсѣяннаго дѣйствія чувствъ представляется слишкомъ общимъ для того, чтобы пролить много свѣта на спеціальныя выраженія ²⁾.

Гербертъ Спенсеръ, говоря о чувствахъ въ своихъ «Началахъ психологіи» (1855), дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Сильная степень страха выражается въ крикахъ, въ попыткахъ спрятаться или спастись бѣгствомъ, въ трепетъ и дрожи; точно такія же проявленія сопровождали бы дѣйствительное наступленіе того зла, которое внушаетъ страхъ. Страсть къ разрушенію выражается общимъ напряженіемъ мышечной системы, скрежетомъ зубовъ, выпусканіемъ когтей, расширеніемъ глазъ и ноздрей, рычаніемъ,—все это болѣе слабыя формы тѣхъ дѣйствій, которыми сопровождается убиваніе добычи». Здѣсь мы имѣемъ, какъ мнѣ кажется, правильную теорію большаго числа выраженій; но главный интересъ и трудность предмета заключаются въ томъ, чтобы прослѣдить удивительно сложные результаты ихъ. Я заключаю, что кто-то (но мнѣ не удалось установить, кто именно) раньше высказывалъ почти такой же взглядъ, ибо сэръ Ч. Белль говоритъ ³⁾: «Утверждали, что то, что мы называемъ внѣшними знаками страсти, есть только спутники тѣхъ произвольныхъ движеній, которыя вызваны строеніемъ организма». Спен-

¹⁾ „The Senses and the Intellect“, 2-е изд., 1864, стр. 96 и 288. Предисловіе къ первому изданію этого труда помѣчено іюнемъ 1855 г. См. также 2-е изданіе работы Бена „Emotions and Will“.

²⁾ [Въ написанномъ Беномъ „Обзорѣ сочиненія Дарвина о выраженіи“, который составляетъ прибавленіе къ его „The Senses and the Intellect“, 1873, стр. 698, авторъ говоритъ: „Дарвинъ приводитъ мое утвержденіе относительно этого закона (разсѣяннаго дѣйствія) и замѣчаетъ, что онъ „представляется слишкомъ общимъ для того, чтобы пролить много свѣта на спеціальныя выраженія“, что вполне справедливо; однако самъ онъ для той же цѣли прибѣгаетъ къ утвержденію, которое я считаю еще болѣе неопредѣленнымъ“. Повидимому, Чарльзъ Дарвинъ сознавалъ справедливость критическаго замѣчанія Бена, насколько можно судить по замѣткамъ, сдѣланнымъ карандашомъ на принадлежавшемъ ему экземплярѣ „Прибавленія“.]

³⁾ „Anatomy of Expression“, 3-е изд., стр. 121.

серъ также напечаталъ ¹⁾ цѣнный очеркъ физиологіи смѣха, въ которомъ онъ настаиваетъ на томъ «общемъ законѣ, что чувство, переступивъ за извѣстный предѣлъ, обыкновенно находитъ себѣ выходъ въ тѣлодвиженіи», и что «избытокъ нервной силы, если никакое побужденіе его не направляетъ, очевидно, сначала пойдетъ по наиболѣе привычнымъ путямъ; если же ихъ недостаточно, то онъ затѣмъ пошется по менѣе привычнымъ». Я полагаю, что этотъ законъ въ высшей степени важенъ для освѣщенія нашего предмета» ²⁾.

Всѣ авторы, писавшіе о выраженіи, за исключеніемъ Спенсера, великаго истолкователя принципа эволюціи, повидимому, были твердо убѣждены, что виды, включая, конечно, и человѣка, появились на свѣтъ въ своемъ настоящемъ состояніи. Серъ Ч. Белль, убѣжденный въ этомъ, утверждаетъ, что многія изъ нашихъ лицевыхъ мышцъ служатъ «только орудіями выраженія» или «спеціально предназначены» только для этой цѣли ³⁾. Но тотъ простой фактъ, что человѣкоподобныя обезьяны имѣютъ одинаковыя съ нами лицевыя мышцы ⁴⁾, дѣлаетъ весьма неправдоподобнымъ предположеніе, что у насъ эти мышцы служатъ исключительно для выраженія; я думаю, никто не согласится съ тѣмъ, что обезьянамъ были даны спеціальныя мышцы, чтобы онѣ могли дѣлать свои гримасы ⁵⁾. На самомъ дѣлѣ, можно довольно точно указать определенное назначеніе почти для всѣхъ лицевыхъ мышцъ независимо отъ выраженія.

Серъ Ч. Белль, очевидно, желалъ провести какъ можно рѣзче границу между человѣкомъ и низшими животными; вслѣдствіе этого онъ утверждаетъ, что «у низшихъ существъ не бываетъ выраженія, кромѣ того, которое можно поставить въ связь, болѣе или менѣе явственную, съ ихъ желаніями или необходимыми инстинктами». Далѣе, онъ утверждаетъ, что ихъ лица, «повидимому, способны главнымъ образомъ выражать ярость и страхъ» ⁶⁾. Но самъ человѣкъ не можетъ выразить внѣшними знаками любовь и смиреніе такъ ясно, какъ это дѣлаетъ собака, когда она встрѣчаетъ любимаго хозяина, опустивъ уши, свѣсивъ губы, изгибая туловище и виляя хвостомъ. Кромѣ того, эти движенія собаки такъ же мало можно объяснить желаніями или необходимыми инстинктами, какъ и блескъ глазъ и улыбку человѣка при встрѣчѣ со старымъ другомъ. Если бы мы задали сэру Ч. Беллю вопросъ относительно выра-

¹⁾ „Essays, Scientific, Political and Speculative“, вторая серія, 1863, стр. 111. Въ первой серіи очерковъ есть разсужденіе о смѣхѣ, которое, какъ мнѣ кажется, имѣетъ весьма второстепенное значеніе.

²⁾ Послѣ выхода только что упомянутого очерка Спенсеръ написалъ другой—„Morals and Moral Sentiments“, въ „Fortnightly Review“, 1 апр. 1871 г., стр. 426. Недавно онъ напечаталъ также свои заключительные выводы въ томъ II втораго изданія „Principles of Psychology“, 1872, стр. 539. Чтобы меня не обвинили въ захватѣ области Спенсера, укажу на свое заявленіе въ „Происхожденіи человѣка“ о томъ, что часть настоящаго тома была тогда написана: мои первыя рукописныя замѣтки о выраженіи помѣчены 1838 годомъ.

³⁾ „Anatomy of Expression“, 3-е изданіе, стр. 98, 121, 131.

⁴⁾ Профессоръ Оуэнъ определенно утверждаетъ („Proc. Zoolog. Soc.“, 1830, стр. 28), что это справедливо относительно орангъ-утанга, и перечисляетъ наиболѣе важныя мышцы изъ тѣхъ, которыя, какъ хорошо извѣстно, служатъ человѣку для выраженія его чувствъ. См. также описаніе нѣсколькихъ мышцъ лица у шимпанзе, проф. Маса-листеръ въ „Annals and Magazine of Natural History“, т. VII, май 1871, стр. 342.

⁵⁾ [Въ первомъ изданіи гримасы были названы „отвратительными“. Авторъ вычеркнулъ это прилагательное изъ уваженія къ одному критику въ „Athenaeum“ (3 ноября 1872 г., стр. 591), который не понимаетъ, „причемъ отвратительность гримасъ въ такомъ вопросѣ, который не имѣетъ отношенія къ прекрасному“.]

⁶⁾ „Anatomy of Expression“, стр. 121, 138.

женія привязанности у собаки, онъ несомнѣнно отвѣтилъ бы, что это животное было сотворено со специальными инстинктами, которые приспособили его для общенія съ человѣкомъ, и что всѣ дальнѣйшіе запросы по этому предмету излишни.

Хотя Грасіоле настойчиво отрицаетъ ¹⁾, чтобы какая-либо мышца развивалась специально для выраженія, однако онъ, повидимому, никогда не размышлялъ о принципѣ эволюціи. Онъ, повидимому, смотритъ на каждый видъ какъ на отдѣльный актъ творенія. То же самое относится и къ другимъ, писавшимъ о выраженіи. Напримѣръ, д-ръ Дюшенъ послѣ рѣчи о движеніи конечностей упоминаетъ о тѣхъ движеніяхъ, которыя сообщаютъ выраженіе лицу, и замѣчаетъ ²⁾: «Le créateur n'a donc pas eu à se préoccuper ici des besoins de la mécanique; il a pu, selon sa sagesse, ou que l'on me pardonne cette manière de parler—par une divine fantaisie mettre en action tel ou tel muscle, un seul ou plusieurs muscles à la fois, lorsqu'il a voulu que les signes caractéristiques des passions, même les plus fugaces, fussent écrits passagèrement sur la face de l'homme. Ce langage de la physionomie une fois créé, il lui a suffi, pour le rendre universel et immuable, de donner à tout être humain la faculté instinctive d'exprimer toujours ses sentiments par la contraction des mêmes muscles».

Многіе писатели считаютъ весь вопросъ о выраженіи несбъяснимымъ. Такъ, знаменитый физиологъ Мюллеръ говоритъ ³⁾: «Рѣзкое различіе въ выраженіи чертъ лица при различныхъ страстяхъ показываетъ, что дѣйствіе сказывается на совершенно различныхъ группахъ волоконъ лицевого нерва, смотря по характеру возбуждаемаго чувства. Причина этого явленія намъ совершенно неизвѣстна».

Безъ сомнѣнія, пока мы посмотримъ на человѣка и на всѣхъ остальныхъ животныхъ, какъ на независимые акты творенія, наше естественное желаніе изслѣдовать, насколько возможно, причины выраженія, встрѣчаетъ большую преграду. Посредствомъ этого ученія можно одинаково хорошо объяснить рѣшительно все, что угодно; оно оказалось столь же гибельнымъ по отношенію къ выраженію, какъ и по отношенію ко всѣмъ другимъ отраслямъ естествознанія. Нѣкоторыя выраженія человѣка, напримѣръ, подниманіе волосъ дыбомъ подъ вліяніемъ крайняго страха или оскаливаніе зубовъ при неистовой ярости едва ли могутъ быть поняты помимо предположенія, что человѣкъ нѣкогда существовалъ въ гораздо низшемъ, животноподобномъ состояніи. Общность нѣкоторыхъ выраженій у различныхъ, хотя родственныхъ видовъ, напримѣръ, движенія однѣхъ и тѣхъ же мышцъ при смѣхѣ у человѣка и у различныхъ обезьянъ, становится нѣсколько понятнѣе, если мы повѣримъ происхожденію ихъ отъ общаго прародителя. Кто допуститъ на общихъ основаніяхъ науки, что строеніе и привычки всѣхъ животныхъ развились постепенно, тотъ посмотритъ на весь вопросъ о выраженіи въ новомъ, интересномъ освѣщеніи.

Изучать выраженіе трудно вслѣдствіе того, что движенія часто бываютъ крайне слабы и мимолетны. Можно ясно замѣчать различіе и въ то же время не находить возможнымъ опредѣлить, въ чемъ это различіе состоитъ; по крайней мѣрѣ это случилось со мною. Когда мы бываемъ свидѣтелями какого-нибудь глубокаго волненія, наше сочувствіе возбуждается такъ сильно, что мы забываемъ о внимательномъ наблю-

1) „De la physionomie“, стр. 12, 73.

2) „Mécanisme de la physionomie humaine“, изд. 8-е, стр. 31.

3) „Elements of Physiology“, англійскій переводъ, т. II, стр. 934.

дени или оно становится почти невозможным; у меня было много любопытныхъ доказательствъ этого факта. Наше воображеніе представляетъ собою другой, еще болѣе серьезный источникъ ошибокъ, ибо, если по характеру обстоятельствъ мы ожидаемъ увидѣть опредѣленное выраженіе, мы легко воображаемъ, что оно дѣйствительно налицо. Несмотря на большую опытность д-ра Дюшена, ему долгое время казалось, какъ онъ заявляетъ, что при нѣкоторыхъ эмоціяхъ сокращается нѣскольکو мышць, а подъ конецъ онъ убѣдился, что движеніе ограничивается только одной мышцей.

Чтобы чтобы стать по возможности на болѣе твердую почву и проверить, независимо отъ ходячаго мнѣнія, насколько отдѣльныя движенія чертъ лица и жесты дѣйствительно выражаютъ опредѣленное душевное состояніе, я нашелъ, что полезнѣе всего слѣдующій способъ. Во-первыхъ, наблюдать маленькихъ дѣтей, потому что они проявляютъ многія эмоціи, какъ замѣчаетъ сэръ Ч. Белль, «съ необычайной силой», тогда какъ въ послѣдствіи нѣкоторыя изъ нашихъ выраженій «утрачиваютъ тотъ чистый и простой источникъ, изъ котораго они исходятъ во младенчествѣ»¹⁾.

Во-вторыхъ, мнѣ пришло въ голову, что слѣдовало бы изучать умалишенныхъ, такъ какъ они подвержены сильнѣйшимъ страстямъ и даютъ имъ полную свободу. Самъ я не имѣлъ случая заняться ими, поэтому я обратился къ д-ру Модслею и получилъ отъ него рекомендацію къ д-ру Дж. Кричтону Броуну, который завѣдуетъ громаднымъ пріютомъ для душевнобольныхъ близъ Уэкфильда и который, какъ я нашелъ, уже занимался этимъ вопросомъ. Этотъ превосходный наблюдатель съ неистощимю любезностью посылалъ мнѣ многочисленныя замѣтки и описанія съ цѣнными указаніями по многимъ вопросамъ; его помощь для меня неоцѣнима. Кроме того, я обязанъ интересными указаніями по двумъ или тремъ вопросамъ любезности м-ра Патрика Найколя, врача въ домѣ умалишенныхъ въ Сессексѣ.

Въ-третьихъ, д-ръ Дюшенъ, какъ мы уже видѣли, гальванизировалъ нѣкоторыя лицевыя мышцы у старика, кожа котораго была мало чувствительна; такимъ образомъ д-ръ Дюшенъ вызывалъ различныя выраженія, которыя были сфотографированы въ крупномъ размѣрѣ. Мнѣ къ счастью пришло въ голову показать нѣсколько лучшихъ снимковъ, не прибавляя ни слова въ объясненіе, приблизительно двадцати образованнымъ лицамъ различнаго возраста и обоего пола; въ каждомъ случаѣ я спрашивалъ ихъ, какаго рода волненіе или чувство, по ихъ предположенію, испытываетъ старикъ. Почти всѣ тотчасъ же угадали нѣсколько выраженій, но описывали ихъ не вполне одинаковыми словами; я думаю, что эти выраженія можно счесть согласными съ дѣйствительностью, и въ послѣдствіи я перечислю ихъ. Съ другой стороны, о нѣкоторыхъ выраженіяхъ были высказаны сужденія, чрезвычайно расходившіяся между собою. Этотъ пересмотръ былъ полезенъ и въ другомъ смыслѣ, ибо показалъ мнѣ, какъ легко воображеніе можетъ ввести насъ въ заблужденіе: когда я въ первый разъ просматривалъ фотографіи д-ра Дюшена, одновременно читая текстъ и узнавая такимъ образомъ, что именно онѣ должны были означать, я былъ восхищенъ правдивостью всѣхъ снимковъ, за немногими исключеніями. А между тѣмъ если бы я рассмотрѣлъ ихъ безо всякаго объясненія, я, несомнѣнно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ былъ бы въ такомъ же недоумѣніи, какъ другія лица.

¹⁾ „Anatomy of Expression“, 3-е изданіе, стр. 198.

Въ-четвертыхъ, я надѣялся получить большую помощь отъ великихъ мастеровъ въ живописи и скульптурѣ, которые отличаются такою тонкою наблюдательностью. Поэтому я пересмотрѣлъ фотографическіе снимки и гравюры со многихъ очень извѣстныхъ произведеній, но, за немногими исключеніями, не извлекъ изъ этого пользы. Причина, безъ сомнѣнія, въ томъ, что въ произведеніяхъ искусства красота составляетъ главную цѣль, а при сильномъ сокращеніи лицевыхъ мышцъ красота исчезаетъ ¹⁾). Смыслъ произведенія обыкновенно бываетъ выражень съ удивительною силой и правдивостью при помощи искусно подобранныхъ аксессуаровъ.

Въ-пятыхъ, мнѣ казалось весьма важнымъ провѣрить, господствуютъ ли у всѣхъ человѣческихъ расъ и особенно у тѣхъ, которыя имѣли мало общенія съ европейцами, одни и тѣ же выраженія и жесты; это часто утверждали, не приводя вѣскихъ доказательствъ. Всякій разъ, когда одинаковыя движенія чертъ лица или тѣла выражаютъ одинаковыя эмоціи у нѣсколькихъ различныхъ человѣческихъ расъ, мы можемъ заключить съ большою долею вѣроятія, что такія выраженія правдивы, то-есть что они прирождены или инстинктивны. Условныя выраженія, или жесты, пріобрѣтенныя индивидуумомъ въ раннюю эпоху, вѣроятно, должны были бы различаться у различныхъ расъ, такъ же, какъ различны ихъ языки. Поэтому въ началѣ 1867 года я напечаталъ и разослалъ слѣдующіе вопросы, сопровождая ихъ просьбою (которая была въ точности исполнена), чтобы отвѣчающіе руководствовались дѣйствительными наблюденіями, а не полагались бы на свою память. Эти вопросы были написаны послѣ большого перерыва, во время котораго мое вниманіе было занято другимъ, и теперь я вижу, что въ нихъ можно было бы сдѣлать большія поправки. Къ нѣкоторымъ изъ позднѣйшихъ экземпляровъ я прибавилъ нѣсколько рукописныхъ примѣчаній:

1) Выражается ли удивленіе тѣмъ, что ротъ и глаза широко раскрываются, а брови поднимаются?

2) Вызываетъ ли стыдъ краску въ тѣхъ случаяхъ, когда цвѣтъ кожи позволяетъ видѣть ее, и особенно, какъ низко спускается краснота по тѣлу?

3) Когда человѣкъ испытываетъ негодованіе или угрожаетъ, нахмуривается ли онъ, выпрямляетъ ли туловище и голову, приподнимаетъ ли плечи и сжимаетъ ли кулаки?

4) При глубокомъ размышленіи о какомъ-либо предметѣ или при усиліяхъ разрѣшить недоумѣніе, нахмуривается ли онъ или наморщиваетъ ли кожу подъ нижними вѣками?

5) При удрученномъ состояніи духа, опускаются ли углы рта внизъ и приподнимаются ли внутренніе углы бровей при помощи той мышцы, которую французы называютъ мышцей скорби? При такомъ состояніи бровь принимаетъ слегка наклонное положеніе и немного вздувается на внутреннемъ концѣ; а лобъ покрывается поперечными складками въ своей средней части, но не во всю ширину, какъ бываетъ отъ подниманія бровей при удивленіи.

6) Когда человѣкъ веселъ, блестятъ ли у него глаза при легкомъ наморщиваніи кожи вокругъ нихъ и подъ ними, и отступаютъ ли углы рта слегка назадъ?

7) Когда человѣкъ издѣвается надъ другимъ или говоритъ ему грубости,

¹⁾ См. замѣчанія объ этомъ вопросѣ въ „Лаокоонѣ“ Лессинга, англійскій переводъ Росса, 1836, стр. 19.

приподнимается ли у него уголь верхней губы надъ клыкомъ или глазнымъ зубомъ со стороны, обращенной къ челювѣку, съ которымъ онъ говоритъ?

8) Можно ли узнать угрюмое или упрямое выраженіе, которое называется главнымъ образомъ въ плотно закрытомъ ртѣ, наспуленномъ лбѣ и легкомъ нахмуриваніи?

9) Выражается ли презрѣніе легкимъ оттопыриваніемъ губъ и подниманіемъ носа при легкомъ выдыханіи?

10) Выражается ли отвращеніе отвергиваніемъ нижней губы внизъ, легкимъ приподниманіемъ верхней губы при внезапномъ выдыханіи, похожемъ на начинающуюся рвоту или на выплевываніе чего-то изо рта?

11) Выражается ли страхъ тѣми же общими чертами, что и у европейцевъ?

12) Доходитъ ли когда-либо смѣхъ до такой степени, что слезы выступаютъ на глаза?

13) Когда челювѣкъ желаетъ показать, что онъ не можетъ чему-либо воспрепятствовать или что онъ самъ не можетъ чего-либо сдѣлать, пожимаетъ ли онъ плечами, повертываетъ ли онъ локти внутрь, разставляетъ ли руки и раскрываетъ ли ладони, поднимая при этомъ брови?

14) Когда дѣти бываютъ не въ духѣ, надуваются ли они или выдвигаютъ ли въ значительной степени губы?

15) Можно ли узнать выраженіе виновности или лукавства, или ревности, хотя я не знаю, какъ ихъ можно опредѣлить?

16) Киваютъ ли головою вертикально въ знакъ утвержденія и качаютъ ли ея вбокъ въ знакъ отрицанія?

Наблюденія надъ туземцами, которые мало сообщались съ европейцами, конечно, были бы особенно цѣнны, хотя для меня весьма интересны всякія наблюденія надъ туземцами. Общія замѣчанія о выраженіи представляютъ сравнительно мало цѣны, а память такъ обманчива, что я настоятельно прошу не полагаться на нее. Подробное описаніе лица при какой бы то ни было эмоціи или настроеніи, сопровождаемое изложеніемъ обстоятельствъ, при которыхъ получилось данное выраженіе, было бы для меня весьма полезно.

Я получилъ на эти вопросы тридцать шесть отвѣтовъ отъ различныхъ наблюдателей, изъ которыхъ нѣкоторые были миссіонерами или начальниками у туземцевъ; я глубоко обязанъ всѣмъ имъ за то большое безпокойство, которое они взяли на себя, и за ту цѣнную помощь, которую я получилъ отъ нихъ. Я перечислю ихъ имена въ концѣ этой главы, чтобы не прерывать здѣсь моихъ замѣчаній. Отвѣты касаются нѣсколькихъ весьма типичныхъ и дикихъ челювѣческихъ племенъ. Во многихъ случаяхъ были изложены обстоятельства, при которыхъ наблюдалось каждое выраженіе, и при этомъ было описано самое выраженіе. Въ такихъ случаяхъ къ отвѣтамъ можно относиться съ большимъ довѣріемъ. Когда отвѣты были просто «да» или «нѣтъ», я всегда принималъ ихъ осторожно. Изъ свѣдѣній, собранныхъ такимъ путемъ, слѣдуетъ, что одинаковыя душевныя состоянія выражаются во всемъ мірѣ съ замѣчательнымъ единообразіемъ; этотъ фактъ интересенъ самъ по себѣ, какъ доказательство тѣснаго сходства въ тѣлесномъ строеніи и душевномъ складѣ всѣхъ челювѣческихъ племенъ.

Вѣ-шестыхъ, наконецъ, я какъ можно внимательнѣе слѣдилъ за выраженіемъ различныхъ страстей у нѣкоторыхъ самыхъ обыкновенныхъ животныхъ; я придаю такому наблюденію величайшую важность, не потому, конечно, чтобы оно имѣло рѣшающее значеніе въ томъ, насколько

извѣстныя выраженія у человѣка характерны для извѣстнаго душевнаго состоянія, но потому, что оно даетъ самое надежное основаніе для общихъ выводовъ относительно причинъ или происхожденія различныхъ движеній при выраженіи чувствъ. Когда мы наблюдаемъ животныхъ, воображеніе не такъ легко сбиваетъ насъ съ пути, и мы можемъ быть увѣрены, что ихъ выраженія свободны отъ условностей.

По причинамъ, указаннымъ выше,—именно, вслѣдствіе мимолетнаго характера нѣкоторыхъ выраженій (измѣненія въ чертахъ лица часто бываютъ крайне слабы); вслѣдствіе того, что наше сочувствіе легко возбуждается при видѣ какого-либо сильнаго волненія и такимъ образомъ наше вниманіе легко отвлекается; вслѣдствіе того, что наше воображеніе обманываетъ насъ, когда мы смутно знаемъ, чего намъ ожидать, хотя, конечно, лишь немногіе изъ насъ знаютъ въ точности, въ чемъ состоитъ измѣненіе лица; наконецъ, даже вслѣдствіе нашей долговременной привычки къ этому предмету—по всѣмъ этимъ причинамъ въ совокупности наблюденіе выраженія отнюдь не легко, что вскорѣ замѣтили многія лица, которыхъ я просилъ сдѣлать наблюденія надъ нѣкоторыми подробностями. Поэтому трудно опредѣлить съ увѣренностью, въ чемъ именно состоятъ движенія лица и тѣла, которыя обыкновенно характеризуютъ опредѣленные душевныя состоянія. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя сомнѣнія и трудности были, какъ мнѣ кажется, устранены наблюденіями надъ маленькими дѣтьми, надъ умалишенными, надъ различными человѣческими племенами, изученіемъ произведеній искусства и, наконецъ, изученіемъ лицевыхъ мышцъ подѣ дѣйствіемъ гальваническаго тока, какъ дѣлалъ д-ръ Дюшенъ.

Но остается гораздо большая трудность:—понять причину или происхожденіе различныхъ выраженій и рѣшить, можно ли положиться на какое-либо теоретическое объясненіе ихъ. Кромѣ того, когда мы будемъ рѣшать, насколько умѣемъ, посредствомъ нашего разсудка, безъ помощи какихъ бы то ни было правилъ, которое изъ двухъ или нѣсколькихъ объясненій болѣе удовлетворительно, или же когда мы найдемъ, что они вполне неудовлетворительны, то я вижу только одинъ способъ провѣрить наши заключенія. Слѣдуетъ наблюсти, приложимъ ли тотъ принципъ, посредствомъ котораго, какъ намъ кажется, можно объяснить какое-либо одно выраженіе, къ другимъ, сходнымъ случаямъ; а особенно нужно убѣдиться, приложимы ли въ удовлетворительной мѣрѣ одни и тѣ же общіе принципы какъ къ человѣку, такъ и къ низшимъ животнымъ. Я склоненъ думать, что послѣдній методъ пригоднѣе всѣхъ. Трудности при сужденіи о правильности какого бы то ни было теоретическаго объясненія и при провѣркѣ его изслѣдованіями по какому-нибудь опредѣленному плану въ большой мѣрѣ ослабляютъ тотъ интересъ, котораго вполне заслуживало бы изученіе этого вопроса.

Наконецъ, относительно моихъ собственныхъ наблюденій я могу сказать, что они были начаты въ 1838 году; съ того времени и до нынѣшняго дня я иногда занимался этимъ предметомъ. Въ вышеуказанномъ году я уже былъ склоненъ вѣрить въ принципъ эволюціи или въ происхожденіе видовъ изъ другихъ, низшихъ формъ. Вслѣдствіе этого, когда я прочелъ великое произведеніе Ч. Белля, то его взглядъ, что человѣкъ былъ сотворенъ съ нѣкоторыми мышцами, специально приспособленными для выраженія его чувствъ, поразилъ меня своей неудовлетворительностью. Мнѣ казалось, что привычка выражать наши чувства опредѣленными движеніями была какимъ-нибудь способомъ приобретена постепенно, хотя теперь сдѣлалась природою. Но мнѣ представлялось чрезвычайно

затруднительнымъ открыть, какимъ именно путемъ были приобретены подобныя привычки. Нужно было разсматривать весь вопросъ съ новой точки зрѣнія и каждое выраженіе требовало рациональнаго объясненія. Это убѣжденіе побудило меня предпринять настоящую работу, каковы бы ни были недостатки ея выполнения.

Теперь я перечислю имена тѣхъ людей, которымъ, какъ я сказалъ, я глубоко обязанъ за свѣдѣнія о выраженіи у различныхъ человѣческихъ племенъ; я укажу также нѣкоторыя условія, при которыхъ были сдѣланы наблюденія въ каждомъ случаѣ. Благодаря большой любезности и вліянію м-ра Вильсона (Hayes Place, Kent), я получилъ изъ Австраліи до тринадцати серій отвѣтовъ на мои вопросы. Это было особенно удачно, такъ какъ австралійскіе туземцы считаются однимъ изъ наиболѣе самобытныхъ человѣческихъ племенъ. Мы увидимъ, что наблюденія были произведены главнымъ образомъ на югѣ, въ отдаленныхъ частяхъ колоніи Викторіи; но и съ сѣвера было получено нѣсколько превосходныхъ отвѣтовъ.

М-ръ Дайсонъ Леси подробно изложилъ мнѣ нѣсколько цѣнныхъ наблюденій, сдѣланныхъ на разстояніи нѣсколькихъ сотъ миль въ глубину Квинсленда. Я весьма обязанъ м-ру Броу Смиуту, изъ Мельбурна, за наблюденія, сдѣланныя имъ самимъ, и за то, что онъ прислалъ мнѣ нѣкоторыя изъ слѣдующихъ писемъ: отъ м-ра Хегенора, изъ Лекъ-Веллингтона, миссіонера въ Гипслендѣ, въ Викторіи, который имѣлъ много сношеній съ туземцами; отъ м-ра Самюэля Вильсона, землевладѣльца, живущаго въ Ленджеренонгѣ, въ Виммерѣ, въ Викторіи; отъ м-ра Джорджа Теплина, завѣдывающаго промышленнымъ поселеніемъ туземцевъ въ Портъ-Маклеѣ, отъ м-ра Арчибальда Дж. Ланга, изъ Корандерика, въ Викторіи, учителя школы, въ которой собраны туземцы, старые и молодые, изъ всѣхъ частей колоніи; отъ м-ра Лена, изъ Бельфаста, въ Викторіи, полицейскаго чиновника и смотрителя, наблюденія котораго, какъ меня увѣряютъ, въ высокой степени надежны; отъ м-ра Темплтона Беннета, изъ Ичуки, поселеніе котораго находится на окраинѣ колоніи Викторіи, и который поэтому имѣлъ возможность наблюдать много туземцевъ, мало видавшихъ бѣлыхъ людей. Онъ сравнилъ свои наблюденія съ наблюденіями двухъ другихъ джентльменовъ, давно жившихъ въ той же мѣстности. Кромѣ того, мнѣ доставлено письмо отъ м-ра Дж. Бѣльмера, миссіонера въ отдаленной части Гипсленда, въ Викторіи.

Я обязанъ также извѣстному ботанику, д-ру Фердинанду Мюллеру, изъ Викторіи, за наблюденія, сдѣланныя имъ самимъ, и за присылку другихъ, произведенныхъ миссисъ Гринъ, а также за доставку нѣкоторыхъ писемъ.

Что касается маори на Новой Зеландіи, то м-ръ Стэкъ отвѣтилъ лишь на немногіе изъ моихъ вопросовъ; зато его отвѣты замѣчательно полны, ясны и опредѣленны, причѣмъ изложены обстоятельства, при которыхъ происходили наблюденія.

Раджа Брукъ далъ мнѣ нѣсколько указаній относительно дайаковъ на Борнео.

Относительно малайцевъ мнѣ чрезвычайно повезло, ибо м-ръ Гичъ (съ которымъ меня познакомилъ м-ръ Уоллесъ), живя въ глубинѣ Малакки въ качествѣ горнаго инженера, наблюдалъ много туземцевъ, которые до того времени совсѣмъ не имѣли общенія съ бѣлыми. Онъ написалъ мнѣ два длинныхъ письма съ превосходными, подробными наблюденіями надъ ихъ выраженіемъ. Онъ наблюдалъ также китайцевъ-переселенцевъ въ Малайскомъ архипелагѣ.

тѣмъ же мышцамъ, но названія приведены только для болѣе важныхъ, о которыхъ мнѣ придется говорить. Лицевыя мышцы очень сливаются

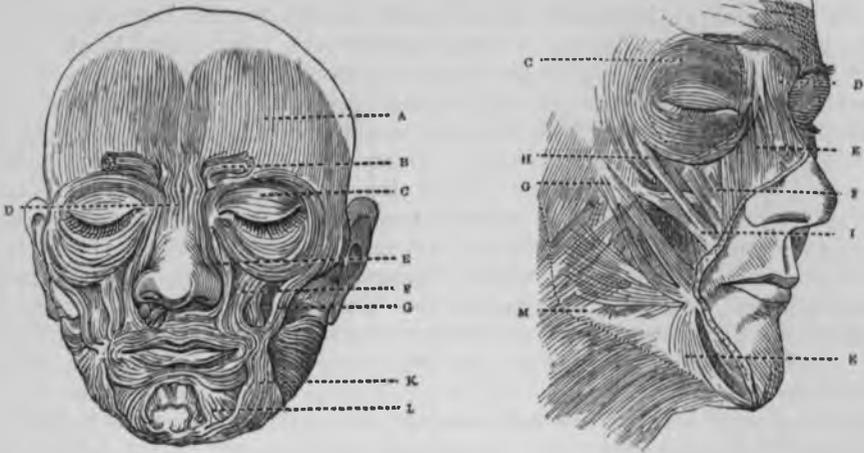

Рис. 1. Схематическое изображеніе лицевыхъ мышцъ по Ч. Беллю. Рис. 2. Схематическое изображеніе лицевыхъ мышцъ по Генле.

A. Occipito-frontalis, или лобная мышца. B. *Corrugator supercillii*, или мышца, стягивающая брови. C. *Orbicularis palpebrarum*, или круговая мышца глаза. D. *Pyramidalis nasi*, или пирамидальная мышца носа. E. *Levator labii superioris alaeque nasi*. F. *Levator labii proprius*. G. *Zygomaticus*. H. *Malaris*. I. *Zygomaticus minor*. K. *Triangularis oris*, или *depressor anguli oris*. L. *Quadratus menti*. M. *Risorius*, часть *Platysma myoides*.
(Значеніе буквъ къ рис. 1, 2 и 3.)

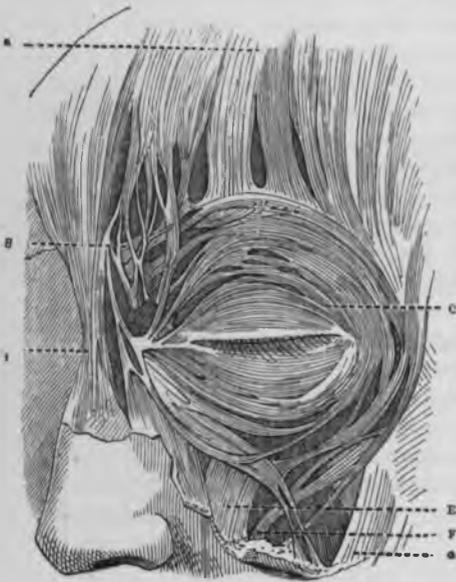

Рис. 3. Схематическое изображеніе лицевыхъ мышцъ по Генле.

между собою и, какъ мнѣ говорили, видны на препарированномъ лицѣ не совсѣмъ такъ ясно, какъ онѣ изображены здѣсь. Нѣкоторые писатели считаютъ, что эти мышцы состоятъ изъ девятнадцати паръ и одной одиночной; ¹⁾ но другіе значительно увеличиваютъ это число, которое по Моро доходитъ до пятидесяти пяти. Строеніе этихъ мышцъ весьма измѣнчиво, съ чѣмъ соглашаются всѣ писавшіе о нихъ; Моро замѣчаетъ, что онѣ едва ли окажутся одинаковыми у полудюжчины субъектовъ ²⁾. Функціи ихъ также различны. Такъ, напримѣръ, способность обнажать глазной зубъ съ одной стороны бываетъ очень различна у разныхъ людей. Способность приподнимать ноздри тоже, по словамъ д-ра Пидерита ³⁾, колеблется замѣчательно сильно; можно было бы привести и другіе подобные случаи.

¹⁾ Партриджъ въ Todd's „Cyclopaedia of Anatomy and Physiology“, т. II, стр. 227.

²⁾ „La physionomie“ par G. Lavater, т. IV. 1820, стр. 275. О числѣ лицевыхъ мышцъ см. т. IV, стр. 209—211.

³⁾ „Mimik und Physiognomik“, 1867, стр. 91.

Въ заключеніе я съ удовольствіемъ выражаю свою признательность м-ру Реджлендеру за хлопоты по фотографированію различныхъ выраженій и жестовъ. Я обязанъ также г-ну Киндерману изъ Гамбурга за то, что онъ одолжилъ мнѣ нѣсколько превосходныхъ негативовъ съ плачущихъ дѣтей, а д-ру Уолличу за прелестный негативъ улыбающейся дѣвочки. Я уже выражалъ свою признательность д-ру Дюшену за великодушное позволеніе скопировать и уменьшить нѣкоторые изъ его большихъ фотографическихъ снимковъ. Всѣ эти снимки были отпечатаны геліотипомъ и такимъ образомъ точность копій обезпечена. Эти таблицы обозначены римскими цифрами.

Кромѣ того, я весьма обязанъ м-ру Вуду за чрезвычайную тщательность, съ которою онъ срисовалъ съ природы выраженія различныхъ животныхъ. Извѣстный художникъ м-ръ Ривиръ любезно далъ мнѣ два рисунка съ собакъ—на одномъ собака изображена во враждебномъ строеніи, а на другомъ въ смиренномъ и ласковомъ. М-ръ Мей также далъ мнѣ два подобныхъ наброска съ собакъ. М-ръ Куперъ весьма тщательно сдѣлалъ съ нихъ гравюры. Нѣкоторыя изъ фотографій и рисунковъ, именно рисунки м-ра Мея и изображеніе павіана, сдѣланное м-ромъ Вульфомъ, сначала были воспроизведены м-ромъ Куперомъ на деревѣ посредствомъ фотографіи, а затѣмъ выгравированы; такимъ путемъ обезпечивается почти полная точность.

ГЛАВА I.

Общіе принципы выраженія.

Изложеніе трех главныхъ принциповъ. — Первый принципъ. — Полезныя дѣйствія становятся привычными въ связи съ опредѣленными душевными состояніями и производятся въ каждомъ частномъ случаѣ, независимо отъ того, полезны они или нѣтъ. — Сила привычки. — Наслѣдственность. — Ассоціированныя привычныя движенія у чловѣка. — Рефлекторныя движенія. — Переходъ привычекъ въ рефлекторныя движенія. — Ассоціированныя привычныя движенія у низшихъ животныхъ. — Заключительныя замѣчанія.

Я начну съ указанія трехъ принциповъ, которыми, какъ мнѣ кажется, объясняется большинство выраженій и жестовъ, невольно употребляемыхъ чловѣкомъ и животными подъ вліяніемъ различныхъ эмоцій и ощущеній ¹⁾. Однако я пришелъ къ этимъ тремъ принципамъ лишь подъ конецъ своихъ наблюденій. Въ настоящей и въ двухъ слѣдующихъ главахъ они будутъ подвергнуты обсужденію въ общихъ чертахъ. Здѣсь мы воспользуемся фактами, которые можно наблюдать и у чловѣка, и у животныхъ, но послѣдніе предпочтительнѣе, такъ какъ менѣе легко вводятъ насъ въ заблужденіе. Въ четвертой и пятой главахъ я опишу спеціальныя выраженія у нѣкоторыхъ низшихъ животныхъ, а въ послѣдующихъ главахъ—у чловѣка. Такимъ образомъ каждый получитъ возможность судить самъ, насколько мои три принципа освѣщаютъ теорію этого вопроса. Мнѣ кажется, что этимъ путемъ можно дать довольно удовлетворительное объясненіе такому значительному числу выраженій, что вѣроятно, впоследствии всѣ они подойдутъ подъ тѣ же самыя или очень сходныя начала. Можетъ быть, будетъ лишнимъ предпосылать, что для выраженія могутъ одинаково служить движенія или измѣненія въ любой части тѣла, какъ на примѣръ вліяніе хвостомъ у собаки, оттягиваніе ушей назадъ у лошади, пожиманіе плечами или расширеніе волосныхъ сосудовъ кожи у чловѣка. Три принципа состоятъ въ слѣдующемъ:

1. Принципъ полезныхъ ассоціированныхъ привычекъ.—Нѣкоторыя сложныя движенія бываютъ прямо или косвенно полезны при извѣстныхъ душевныхъ состояніяхъ, какъ облегченіе или удовлетвореніе опредѣленныхъ ощущеній, желаній и пр., и всякій разъ, когда появляется подобное состояніе, какъ бы оно ни было слабо, въ силу привычки или ассоціаціи является стремленіе произвести тѣ же самыя движенія, хотя бы на этотъ разъ они и не могли принести ни малѣйшей пользы. Нѣкоторыя движенія, обыкновенно ассоціированныя вслѣдствіе привычки

¹⁾ Гербертъ Спенсеръ („Essays“, вторая серія, 1863, стр. 138) провелъ ясное различіе между эмоціями и ощущеніями; послѣднія «появляются въ нашемъ тѣлесномъ организмѣ», онъ называетъ и эмоціи, и ощущенія—чувствами.

съ опредѣленными душевными состояніями, могутъ быть отчасти подавлены волею, и въ этихъ случаяхъ мышцы, наименѣе подчиненныя непосредственному контролю воли, наиболѣе склонны все-таки приходить въ дѣйствіе и производить движенія, которыя мы считаемъ выразительными. Въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ подавленіе одного привычнаго движенія требуетъ другихъ легкихъ движеній; эти послѣднія тоже выразительны.

II. *Принципъ антитезы.*—Опредѣленные душевныя состоянія ведутъ къ опредѣленнымъ привычнымъ движеніямъ, согласно нашему первому принципу. Но когда появляется прямо противоположное душевное состояніе, бываетъ сильное и непроизвольное стремленіе произвести движенія прямо противоположнаго характера, хотя они и бесполезны; такія движенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ бываютъ въ высокой степени выразительными.

III. *Принципъ движеній, обусловленныхъ строеніемъ нервной системы, съ самаго начала не зависящихъ отъ воли и до нѣкоторой степени не зависящихъ отъ привычки.*—Когда чувствительные центры сильно возбуждены, нервная сила развивается въ избытокъ и передается въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ направленіяхъ, зависящихъ отъ взаимной связи нервныхъ клѣтокъ и отчасти отъ привычки, или же притокъ нервной силы можетъ, какъ намъ кажется, прерываться. Такимъ образомъ получаютъ эффекты, которые мы считаемъ выразительными. Для краткости этотъ третій принципъ можно называть принципомъ прямого дѣйствія нервной системы.

Что касается нашего *перваго принципа*, то извѣстно, насколько могущественна сила привычки. Съ теченіемъ времени можно производить самыя сложныя и трудныя движенія безъ малѣйшаго усилія или сознательности. Въ точности не извѣстно, почему привычка въ такой сильной мѣрѣ облегчаетъ сложныя движенія, но физиологи допускаютъ ¹⁾, «что проводящая способность нервныхъ волоконъ увеличивается при частомъ возбужденіи ихъ». Это приложимо къ двигательнымъ и чувствующимъ нервамъ, а также къ тѣмъ, которые связаны съ актомъ мышленія. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что происходитъ какое-то физическое измѣненіе въ тѣхъ нервныхъ клѣткахъ или нервахъ, которые обыкновенно употребляются; въ противномъ случаѣ невозможно понять, какимъ образомъ склонность къ нѣкоторымъ приобретеннымъ движеніямъ передается по наслѣдству. Что они передаются по наслѣдству, это мы видимъ у лошадей, когда у нихъ передаются нѣкоторые аллюры, холы, какъ напримѣръ, легкій галопъ и иноходъ, которые имъ по природѣ не свойственны; у молодыхъ пойнтеровъ, когда они дѣлаютъ стойку, и у молодыхъ сеттеровъ, когда они ищутъ дичь, въ особенностяхъ полета у нѣкоторыхъ породъ голубей и проч. Мы имѣемъ аналогичные случаи и у людей, когда передаются по наслѣдству ужимки или своеобразныя жесты, къ чему мы сейчасъ вернемся. Для тѣхъ, кто допускаетъ постепенную эволюцію видовъ, ночная бабочка (*Macroglossa*) представляетъ поразительнѣйшій примѣръ совершенства, съ которымъ могутъ передаваться самыя трудныя и сложныя движенія; вскорѣ послѣ выхода

¹⁾ Мюллеръ, „Elements of Physiology“, англ. переводъ, т. II, стр. 939. См. также интересныя разсужденія Спенсера о томъ же предметѣ и о происхожденіи нервовъ въ его „Principles of Biology“, т. II, стр. 346 и въ его „Principles of Psychology“, изданіе, стр. 511—557.

этой ночной бабочки изъ кокона, о чемъ свидѣтельствуемъ пушокъ неповрежденныхъ чешуекъ, можно видѣть, какъ она неподвижно стоитъ въ воздухѣ, развернувъ свой длинный волосообразный хоботокъ и опустивъ его въ крошечныя отверстія цвѣтовъ; я думаю, никто никогда не видалъ, чтобы эта ночная бабочка училась производить свою трудную работу, которая требуетъ такой увѣренности и мѣткости.

Когда существуетъ наследственная или инстинктивная склонность производить какое-либо движеніе или унаслѣдованный вкусъ къ опредѣленному роду пищи, то въ индивидуумѣ часто или всегда бываетъ нужна еще нѣкоторая привычка. Мы это видимъ въ аллюрѣ лошади и до нѣкоторой степени въ стойкѣ собакъ; хотя нѣкоторыя молодыя собаки превосходно дѣлаютъ стойку въ первый же разъ, когда ихъ возьмутъ на охоту, однако у нихъ надлежащая наследственная поза часто сопровождается невѣрнымъ чутьемъ и даже ошибками зрѣнія. Я слышалъ, что если позволить теленку пососать мать только одинъ разъ, то потомъ гораздо труднѣе выкармливать его изъ рукъ ¹⁾. Гусеницы, которыхъ кормили листьями опредѣленнаго дерева, какъ извѣстно, скорѣе погибнутъ отъ голода, чѣмъ станутъ ѣсть листья другого дерева, хотя оно составляло подходящую для нихъ пищу въ природномъ состояніи ²⁾; то же самое бываетъ во многихъ другихъ случаяхъ.

Всѣ допускаютъ силу ассоціаціи. Бенъ замѣчаетъ, что «движенія, ощущенія и состоянія чувства, которыя появляются одновременно или въ близкой послѣдовательности, склонны сростаться или сцепляться такъ, что въслѣдствіи, когда какое-либо изъ нихъ представляется духу, остальнымъ тоже свойственно появляться въ идеѣ» ³⁾. Для нашей цѣли такъ важно вполне убѣдиться, что движенія легко вступаютъ въ ассоціацію съ другими движеніями и съ различными душевными состояніями, что я приведу довольно много примѣровъ, сначала такихъ, которые относятся къ человѣку, а потомъ—къ низшимъ животнымъ. Нѣкоторые примѣры очень мелочнаго свойства, но для нашихъ цѣлей они годятся наравнѣ съ болѣе важными привычками. Всѣмъ извѣстно, какъ трудно или даже невозможно, безъ многократныхъ упражненій, двигать конечностями въ опредѣленныхъ противоположныхъ направленіяхъ, если мы никогда раньше этого не дѣлали. Аналогичные случаи бывають съ ощущеніями, напримѣръ, въ извѣстномъ опытѣ, когда мы катаемъ шарикъ концами двухъ скрещенныхъ пальцевъ и онъ производитъ совершенно такое же ощущеніе, какъ два шарика. Каждый изъ насъ при паденіи на землю защищается протянутыми руками, и, какъ замѣтилъ профессоръ Элисонъ, немногіе могутъ удержаться отъ этого движенія, когда добровольно падаютъ на мягкую постель. Взрослый человѣкъ, выходя изъ дома, надѣваетъ перчатки совершенно безсознательно, и намъ можетъ казаться, что эта операція крайне проста; но тотъ, кто училъ ребенка надѣвать перчатки, знаетъ, что это не такъ.

¹⁾ Весьма сходное замѣчаніе было давно сдѣлано Гиппократомъ и знаменитымъ Гарвеемъ; оба они утверждаютъ, что молодое животное черезъ нѣсколько дней позабываетъ искусство сосанія и не безъ нѣкотораго труда вновь приобретаетъ его. Я привожу эти свѣдѣнія, полагаясь на авторитетъ д-ра Дарвина, „*Zoonomia*“, 1794, т. I, стр. 140. [Подтверждено д-ромъ Stanley Haynes въ письмѣ къ автору.]

²⁾ См. мои источники и разные аналогичные факты въ „Прирученныхъ животныхъ и воздѣлываемыхъ растеніяхъ“, 1868, т. II, стр. 304.

³⁾ „*The Senses and Intellect*“, 2-е изд., 1864, стр. 332. Профессоръ Гексли замѣчаетъ („*Elementary Lessons in Physiology*“, 5-е изд., 1872, стр. 306): „Можно считать правиломъ, что если два душевныхъ состоянія появляются одновременно или послѣдовательно достаточно часто и живо, то въслѣдствіи появленія одного изъ нихъ будетъ достаточно, чтобы вызвать и второе, желаемъ ли мы этого или нѣтъ“.

Когда нашъ духъ сильно взволнованъ, это отражается на движеніяхъ нашего тѣла, но здѣсь отчасти играетъ роль и другой принципъ, помимо привычки,—именно, избытокъ нервной силы, не получающій опредѣленнаго направленія. Норфолькъ говорить о кардиналѣ:

Волненіемъ какимъ-то страннымъ мозгъ
Его объять. То онъ кусаетъ губы,
То вздрогнетъ вдругъ, то станетъ неподвижно
И устремить глаза къ землѣ; потомъ
Вдругъ проведетъ по головѣ рукою,
Начнетъ ходить поспѣшно, или вновь
Останется недвиженъ; послѣ сильно
Бьетъ въ грудь себя или возведетъ глаза
На небеса. Да, странныхъ положеній
Не мало онъ при насъ перемѣнилъ.

Генрихъ VIII, актъ III, сцена 2.

Простолюдинъ при умственномъ затрудненіи часто чешетъ себѣ голову; я думаю, что онъ дѣлаетъ это по привычкѣ, какъ бы испытывая слегка непріятное физическое ощущеніе, именно зудъ въ головѣ, которому онъ особенно подверженъ и который онъ такимъ способомъ облегчаетъ. Другіе при недоумѣніи трутъ себѣ глаза или покашливаютъ отъ смущенія, поступая въ обоихъ случаяхъ такъ, какъ если бы они испытывали слегка непріятное ощущеніе въ глазахъ или въ дыхательномъ горлѣ¹⁾.

Благодаря постоянному употребленію глазъ, въ этихъ органахъ особенно часто проявляются ассоціированныя движенія при различныхъ душевныхъ состояніяхъ, хотя бы мы несомнѣнно ничего не могли увидать. По замѣчанію Грасіоле, человѣкъ, рѣшительно отвергающій какое-либо предложеніе, почти навѣрно закроетъ глаза или отвернетъ лицо прочь; но если онъ принимаетъ предложеніе, то онъ утвердительно кивнетъ головою и широко раскроетъ глаза. Въ послѣднемъ случаѣ человѣкъ поступаетъ такъ, какъ будто онъ ясно видитъ данный предметъ, а въ первомъ случаѣ—такъ, какъ будто онъ его не видитъ или не хочетъ видѣть. Я замѣтилъ, что люди, описывая ужасное зрѣлище, часто на мгновеніе зажмуриваются или трясутъ головою какъ бы для того, чтобы не видѣть или отогнать прочь нѣчто непріятное; я самъ поймалъ себя на томъ, что крѣпко зажмурилъ глаза, когда думалъ въ темнотѣ объ ужасномъ зрѣлищѣ. При внезапномъ взглядѣ на какой-нибудь предметъ или осматриваясь кругомъ, всѣ приподнимаютъ брови, чтобы быстро и широко раскрыть глаза, а д-ръ Дюшенъ замѣчаетъ²⁾, что человѣкъ, стараясь припомнить нѣчто, часто приподнимаетъ брови, какъ бы для того, чтобы увидать этотъ предметъ. Одинъ образованный индусъ замѣтилъ м-ру Эрскину совершенно то же самое относительно своихъ соотечественниковъ. Я обратилъ вниманіе, что одна молодая дама, усиливаясь припомнить имя одного художника, сначала посмотрѣла въ одинъ уголокъ потолка, а потомъ въ противоположный, приподнимая бровь съ той же стороны, хотя на потолокъ, конечно, ничего нельзя было увидать.

Въ большинствѣ предыдущихъ случаевъ мы можемъ понять, какимъ образомъ ассоціированныя движенія были приобрѣтены посредствомъ привычки; но у нѣкоторыхъ лицъ опредѣленные странные жесты или ужимки

¹⁾ Грасіоле („De la physionomie“, стр. 324), говоря объ этомъ вопросѣ, приводитъ много аналогичныхъ примѣровъ. См. стр. 42 объ открываніи и закрываніи глазъ. Онъ цитируетъ слова Энгеля (стр. 323) объ измѣненіи походки у человѣка при измѣненіи мыслей.

²⁾ „Mécanisme de la physionomie humaine“, 1862, стр. 17.

появились въ ассоціаціи съ опредѣленными душевными состояніями по совершенно необъяснимымъ причинамъ, и эти жесты, несомнѣнно, передаются по наслѣдству. Въ другомъ мѣстѣ я привожу изъ моихъ собственныхъ наблюденій примѣръ необычайнаго и сложнаго жеста, ассоциированнаго съ пріятными чувствами, который передался отъ отца дочери, а также нѣкоторые другіе аналогичные факты ¹⁾. Въ этой книгѣ будетъ приведенъ еще и другой примѣръ страннаго наслѣдственнаго движенія, связаннаго съ желаніемъ получить какой-либо предметъ.

Существуютъ другія движенія, которыя обыкновенно производятся при опредѣленныхъ обстоятельствахъ, независимо отъ привычки, и происходятъ, повидимому, отъ подражанія или по какой-то симпатіи. Напримѣръ, случается видѣть, что люди, рѣжущіе что-либо ножницами, двигаютъ челюстями въ тактъ лезвіямъ ножницъ. Дѣти, когда учатся писать, часто смѣшно двигаютъ языкомъ одновременно съ движеніемъ пальцевъ. Когда пѣвецъ, поющій передъ публикой, вдругъ слегка охрипнетъ, то можно услышать, по увѣренію одного господина, на котораго

1) „Прирученныя животныя и воздѣлываемыя растенія“, т. II, стр. 6. Для насъ такъ важна наслѣдственная передача привычныхъ жестовъ, что я съ радостью пользуюсь позволеніемъ м-ра Голтона привести его собственными словами слѣдующій замѣчательный случай: „Нижеслѣдующее описаніе привычки, которую имѣли лица трехъ послѣдовательныхъ поколѣній, представляетъ особый интересъ, потому что эта привычка проявляется только во время крѣпкаго сна, слѣдовательно, она не можетъ зависѣть отъ подражанія, но должна быть вполне естественной. Подробности вполне достовѣрны, такъ какъ я разспрашивалъ о нихъ обстоятельно и говорю со словъ многочисленныхъ и независимыхъ другъ отъ друга свидѣтелей. Жена одного господина, занимавшаго довольно видное положеніе, замѣтила, что у него есть странная манера, когда онъ крѣпко спитъ въ постели, лежа на спинѣ, медленно поднимать правую руку къ лицу до самаго лба и затѣмъ ронять ее рѣзкимъ движеніемъ такъ, что кисть тяжело падаетъ на переносицу. Это движеніе случалось не каждую ночь, а лишь время отъ времени и не зависѣло ни отъ какой видимой причины. Иногда оно повторялось безостановочно въ теченіе часа и болѣе. У этого господина носъ выдавался впередъ, и переносица часто начинала болѣть отъ получаемыхъ ударовъ. Одинъ разъ онъ причинилъ себѣ значительное поврежденіе, которое долго не заживало, потому что удары, первоначально вызвавшіе его, повторялись одну ночь за другою. Его женѣ пришлось удалить пуговицу съ рукава его ночной рубашки, такъ какъ она причиняла сильныя паралины; пробовали также привязывать его руку.

Много лѣтъ спустя послѣ его смерти его сынъ женился на дамѣ, которая никогда не слыхала объ этой семейной особенноти. Однако она замѣтила у своего мужа совершенно ту же странность, но его носъ еще ни разу не получалъ поврежденія отъ ударовъ, такъ какъ не особенно выдавался впередъ. [Это случилось однажды, послѣ того, какъ предыдущія слова были написаны. Онъ крѣпко спалъ въ креслѣ послѣ очень утомительнаго дня и проснулся оттого, что сильно оцарапалъ себѣ носъ ногтемъ.] Этого своеобразнаго движенія не случается, когда онъ спитъ некрѣпко, напримѣръ, когда онъ дремлетъ въ креслѣ, но какъ только онъ крѣпко заснетъ, оно можетъ начаться. Какъ и у отца, это движеніе появляется неправильно; иногда оно прекращается на много ночей, а иногда повторяется почти безостановочно въ теченіе части каждой ночи. Это движеніе производится, какъ у отца, правою рукою.

Одинъ изъ его дѣтей, дѣвочка, наслѣдовала ту же особенноти. Она производитъ движеніе тоже правой рукою, но въ слегка измѣненной формѣ: поднимая руку, она не роняетъ кисть на переносицу, но ладонь полусжатой руки падаетъ на носъ и спускается по нему, проходя по нему довольно быстро. У этого ребенка движеніе очень неправильно; иногда его не бываетъ цѣлыми мѣсяцами, иногда же оно повторяется почти безпрерывно.

[М-ръ Лидеккеръ (письмо) сообщаетъ замѣчательный примѣръ наслѣдственной особенноти, которая выражалась въ характерномъ опусканіи вѣкъ. Эта особенноти состоитъ въ параличѣ или, вѣрнѣе, въ отсутствіи мышцы *levator palpebrae*. Сначала эта особенноти обнаружилась у одной женщины, миссисъ А.; у нея было трое дѣтей, изъ которыхъ одинъ, Б., наслѣдовалъ особенноти. У Б. было четверо дѣтей, и всѣ они страдали наслѣдственнымъ опусканіемъ вѣкъ; одинъ изъ нихъ, дочь, вышла замужъ и имѣла двоихъ дѣтей; у втораго изъ нихъ сказалась наслѣдственная особенноти, но только съ одной стороны.]

я могу положитьсь, что многіе изъ присутствующихъ откашливаются; здѣсь, вѣроятно, приходитъ въ дѣйствіе привычка, такъ какъ мы сами откашливаемся при подобныхъ обстоятельствахъ. Я слышалъ также, что на состязаніяхъ въ прыганіи, когда участникъ дѣлаетъ прыжокъ, многіе изъ зрителей, обыкновенно мужчины и мальчики, двигаютъ ногами; здѣсь, вѣроятно, опять-таки дѣйствуетъ привычка ¹⁾, такъ какъ очень сомнительно, чтобы женщины стали это дѣлать.

Рефлекторныя движенія.—Рефлекторныя движенія, въ строгомъ смыслѣ этого термина, зависятъ отъ возбужденія периферическаго нерва, который передаетъ свое вліяніе опредѣленнымъ нервнымъ клеткамъ, а эти въ свою очередь возбуждаютъ къ дѣйствію опредѣленныя мышцы или железы, и все это происходитъ безо всякаго ощущенія или сознанія съ нашей стороны, хотя и то и другое часто сопровождаетъ это дѣйствіе. Такъ какъ многія рефлекторныя движенія въ высшей степени выразительны, мы должны здѣсь заняться этимъ вопросомъ нѣсколько подробнѣе. Мы увидимъ также, что нѣкоторыя изъ нихъ постепенно переходятъ въ движенія, происшедшія вслѣдствіе привычки, и что первыя едва можно отличить отъ вторыхъ ²⁾. Кашель и чиханіе—всѣмъ извѣстные примѣры рефлекторныхъ движеній. У новорожденныхъ первымъ дыхательнымъ актомъ часто бываетъ чиханіе, хотя оно требуетъ координированнаго движенія многихъ мышцъ. Дыханіе отчасти произвольно, но главнымъ образомъ рефлекторно, и производится самымъ естественнымъ и наилучшимъ способомъ безъ вмѣшательства воли. Огромное число сложныхъ движеній рефлекторно. Мы не найдемъ лучшаго примѣра, чѣмъ часто приводимый примѣръ обезглавленной лягушки, которая, конечно, не можетъ чувствовать и не можетъ сознательно производить ни одного движенія. А между тѣмъ, если помѣстить каплю кислоты на нижнюю поверхность голени у лягушки, когда у нея отрѣзана голова, она сотретъ каплю верхней поверхностью лапы той же ноги. Если эту лапу отрѣзать, то она не можетъ этого сдѣлать. «Поэтому, послѣ нѣсколькихъ бесплодныхъ усилій, она прекращаетъ такія попытки; намъ кажется, что она приходитъ въ безпокойство, она какъ будто, говоритъ Пфлюгеръ, ищетъ другого способа, наконецъ она пускаетъ въ ходъ лапу другой ноги и ей удается стереть кислоту. Замѣтимъ, что здѣсь мы имѣемъ не просто сокращенія мышцъ, но координированныя и согласованныя сокращенія въ должной послѣдовательности для специальной цѣли. Эти движенія вполне производятъ впечатлѣніе, будто ими руководитъ разсудокъ и будто ихъ вызываетъ воля животнаго, у котораго несомнѣнно удаленъ органъ разсудка и воли» ³⁾.

¹⁾ [Одинъ американскій врачъ въ письмѣ къ автору заявляетъ, что, помогая женщинамъ во время родовъ, онъ иногда ловитъ себя на подражаніи мускульнымъ усиліямъ пациентокъ. Этотъ случай интересенъ, такъ какъ здѣсь привычка по необходимости исключена.]

²⁾ Профессоръ Гексли замѣчаетъ („Elementary Physiology, 5-е изд., стр. 305), что рефлекторныя движенія, свойственныя спинному мозгу, естественны, но что при помощи мозга, то-есть посредствомъ привычки можно усвоить безчисленное множество искусственныхъ рефлекторныхъ движеній. Вирховъ соглашается („Sammlung wissenschaft. Vortrage“ etc., „Ueber das Rückenmark“, 1871, стр. 24, 31), что нѣкоторыя рефлекторныя движенія почти нельзя отличить отъ инстинктовъ; мы можемъ прибавить, что нѣкоторые инстинкты нельзя отличить отъ наследственныхъ привычекъ.

³⁾ Dr. Maudsley, „Body and Mind“, 1870, стр. 8. [По отношенію къ этому опыту одинъ критикъ замѣчаетъ, что при правильномъ толкованіи онъ доказываетъ произвольность, а не рефлекторность дѣйствія, тогда какъ другой разрѣшаетъ затрудненія, подвергая сомнѣнію подлинность самаго опыта. Д-ръ Майкель Фостеръ („Text Book of Physiology“, 2-е изд., 1878, стр. 473), разсуждая о движеніи лягушки, говоритъ, что

Мы видимъ различіе между рефлекторными и произвольными движеніями въ томъ, что очень маленькія дѣти не могутъ, какъ мнѣ сообщаетъ сэръ Генри Голлендъ, производить нѣкоторые акты, отчасти аналогичные чиханію и кашлю,—именно, они не могутъ сморкаться (т.-е. сжимать носъ и съ силою продувать проходъ) и не могутъ очищать горло отъ мокроты. Имъ приходится учиться производить эти акты; однако же, становясь нѣсколько старше, мы производимъ ихъ почти такъ же легко, какъ рефлекторныя дѣйствія. Но мы можемъ лишь отчасти или совсѣмъ не можемъ контролировать волею чиханіе и кашель, тогда какъ отхаркиваніе и сморканіе совершенно въ нашей власти.

Когда мы сознаемъ присутствіе раздражающей частицы въ нашихъ ноздряхъ или въ дыхательномъ горлѣ (то-есть, когда раздражены тѣ же самыя чувствительныя нервныя клѣточки, которыя раздражаются при чиханіи и кашлѣ), мы можемъ произвольно вытолкнуть частицу, сильно продувая воздухъ черезъ эти проходы; но мы не можемъ этого сдѣлать даже приблизительно съ такою же силою, быстротою и точностью, съ какою это движеніе производится рефлекторно. Въ послѣднемъ случаѣ чувствующія нервныя клѣточки повидимому раздражаютъ двигательныя нервныя клѣтки, не тратя силы на первоначальное сообщеніе съ мозговыми полушаріями—мѣстопребываніемъ нашего сознанія и воли. Во всѣхъ случаяхъ, повидимому, существуетъ глубокий антагонизмъ между одними и тѣми же движеніями, руководимыми съ одной стороны волею, а съ другой—рефлекторнымъ стимуломъ, въ той силѣ, съ которой они производятся, и въ той легкости, съ которой они возбуждаются. По утвержденію Клода Бернара «l'influence du cerveau tend donc à entraver les mouvements réflexes, à limiter leur force et leur étendue»¹⁾.

Сознательное желаніе произвести рефлекторное движеніе иногда задерживаетъ или прерываетъ его исполненіе, хотя бы соотвѣтственные чувствующіе нервы и были возбуждены. Напримѣръ, много лѣтъ тому назадъ я предложилъ небольшое пари дюжинѣ молодыхъ людей въ томъ, что они не чихнутъ, если понюхаютъ табаку, хотя всѣ они заявили, что неизмѣнно чихаютъ при этомъ; тогда всѣ они взяли по щепоткѣ, но вслѣдствіе сильнаго желанія чихнуть ни одинъ не чихнулъ и всѣ безъ исключенія должны были заплатить мнѣ пари. Сэръ Г. Голлендъ замѣчаетъ²⁾, что вниманіе, направленное на актъ глотанія, препятствуетъ надлежащимъ движеніямъ; что, вѣроятно, составляетъ причину, по крайней мѣрѣ отчасти, по которой нѣкоторымъ лицамъ такъ трудно глотать пилюли.

Другой общеизвѣстный примѣръ рефлекторнаго движенія—непроизвольное закрываніе вѣкъ при прикосновеніи къ поверхности глазъ. Ударъ, направленный въ лицо, вызываетъ подобное же мигательное

„сначала оно кажется намъ разумнымъ выборомъ. Это несомнѣнно и есть выборъ; если бы было много примѣровъ подобнаго выбора и если бы существовали доказательства тому, что спинной мозгъ лягушки вызываетъ разнородныя автоматическія движенія, подобныя актамъ сознательной воли, мы имѣли бы право предположить, что выборъ опредѣляется разсудкомъ. Однако съ другой стороны вполне возможно предположить, что лини сопотвѣвленія въ спинной протоплазмѣ расположены такъ, что допускаютъ перемѣнное дѣйствіе; этотъ взглядъ представляется наиболѣе правдоподобнымъ, когда мы замѣтимъ, какъ немногочисленны и просты кажущіеся примѣры выбора у обезглавленной лягушки, свидѣтелями которыхъ мы бываемъ, и какъ абсолютно отсутствуетъ произвольность или неправильный автоматизмъ въ спинномъ мозгу лягушки.“]

¹⁾ См. очень интересныя разсужденія Клода Бернара обо всемъ этомъ вопросѣ, „Tissus vivants“, 1866, стр. 353—356.

²⁾ „Chapters on Mental Physiology“, 1858, стр. 85.

движеніе, но это дѣйствіе—привычное, а не рефлекторное въ строгомъ смыслѣ, такъ какъ стимулъ передается черезъ мозгъ, а не черезъ раздраженіе периферическаго нерва. Въ то же самое время все туловище и голова обыкновенно внезапно откидываются назадъ. Впрочемъ отъ этихъ послѣднихъ движеній можно удержаться, если опасность не представляется нашему воображенію очень близкой; но если разсудокъ говорить намъ, что опасности нѣтъ, то этого недостаточно. Для иллюстраціи этой стороны вопроса можно привести одинъ незначительный фактъ, который когда-то позабавилъ меня. Я приложилъ лицо вплотную къ толстому стеклу, за которымъ была змѣя, въ зоологическомъ саду, съ твердымъ намѣреніемъ не откидываться назадъ, если змѣя бросится на меня; но какъ только она бросилась, моя рѣшимость осталась ни при чемъ и я съ удивительной быстротой отскочилъ назадъ на ярдъ или на два. Моя воля и разсудокъ оказались безсильными передъ воображаемой опасностью, которой я никогда раньше не испытывалъ.

Сила вздрагиванія повидимому отчасти зависитъ отъ живости воображенія, и отчасти отъ обычнаго или временнаго состоянія нервной системы. Кто будетъ слѣдить за вздрагиваніемъ своей лошади, когда она устала и когда силы ея свѣжи, тотъ замѣтитъ, какъ полна градация отъ простаго взгляда на какой-нибудь неожиданный предметъ, при мгновенномъ сомнѣніи, не опасенъ ли онъ, до прыжка, настолько быстрого и порывистаго, что это животное вѣроятно не могло бы произвольно сдѣлать поворотъ съ такою же быстротою. Нервная система свѣжей и вполнѣ сытой лошади посылаетъ приказъ двигательной системѣ такъ быстро, что лошади не остается времени сообразить, дѣйствительно ли есть опасность или нѣтъ. Послѣ перваго стремительнаго прыжка, когда лошадь возбуждена и кровь въ изобиліи притекаетъ къ ея мозгу, вздрагиваніе весьма легко повторяется; я замѣтилъ то же самое у новорожденныхъ дѣтей.

Вздрагиваніе отъ внезапнаго шума, когда стимулъ передается слуховыми нервами, у взрослыхъ людей всегда сопровождается миганіемъ¹⁾. А между тѣмъ я замѣтилъ, что хотя мои новорожденные дѣти, когда имъ было менѣе двухъ недѣль, вздрагивали при внезапныхъ звукахъ, однако они далеко не всегда мигали глазами; мнѣ кажется, что они никогда этого не дѣлали. Вздрагиваніе ребенка постарше повидимому представляетъ собою неопредѣленную попытку схватиться за что-нибудь, чтобы удержаться отъ паденія. Я помахалъ картонной коробкой передъ самыми глазами одного изъ моихъ дѣтей, когда ему было 114 дней, но онъ ни разу не моргнулъ; когда же я положилъ въ коробку, держа ее въ прежнемъ положеніи, нѣсколько конфетъ и сталъ стучать ими, то ребенокъ каждый разъ сильно мигалъ и слегка вздрагивалъ. Было очевидно невозможно, чтобы ребенокъ, пользовавшійся внимательнымъ уходомъ, зналъ по опыту, что трескъ возлѣ его глазъ означаетъ опасность для нихъ. Но вѣроятно такой опытъ былъ медленно приобрѣтенъ въ болѣе позднемъ возрастѣ въ продолженіе длиннаго ряда поколѣній; судя по тому, что мы знаемъ о наслѣдственности, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ передачѣ привычки потому въ болѣе раннемъ возрастѣ, чѣмъ тотъ, когда эта привычка впервые была приобрѣтена родителями.

Послѣ предшествующихъ замѣчаній представляется вѣроятнымъ, что нѣкоторыя движенія, которыя первоначально производились сознательно,

1) Мюллеръ замѣчаетъ („Elements of Physiology“, англ. перев., т. II, стр. 1311), что вздрагиваніе всегда сопровождается закрываніемъ вѣкъ.

Въ такихъ случаяхъ придется отыскать какое-нибудь объясненіе, совершенно не зависящее отъ привычки. Токъ нервной силы изъ сильно возбужденныхъ нервныхъ клѣточекъ въ другія связаннаыя съ ними клѣточки, который происходитъ въ томъ случаѣ, когда яркій свѣтъ, падающій на сѣтчатку, вызываетъ чиханіе, можетъ быть поможетъ намъ понять происхожденіе нѣкоторыхъ рефлекторныхъ движеній. Если подобный токъ нервной силы вызывалъ движеніе, стремящееся ослабить первоначальное раздраженіе, какъ при сокращеніи зрачка, препятствующемъ паденію слишкомъ сильнаго свѣта на сѣтчатую оболочку, то онъ могъ впоследствии быть обращенъ на пользу и измѣненъ для этой специальной цѣли.

Далѣе слѣдуетъ замѣтить, что рефлекторныя движенія, по всему вѣроятію, подвержены легкой измѣчивости, подобно всѣмъ тѣлеснымъ формамъ и инстинктамъ, а всякія уклоненія, которыя были благотѣльные и достаточно важны, имѣютъ стремленіе сохраняться и передаваться по наслѣдству. Такъ, рефлекторныя движенія, первоначально приобретенныя для одной цѣли, могли впоследствии, независимо отъ воли или привычки, измѣниться въ такомъ направленіи, чтобы служить какой-нибудь иной цѣли. Подобные случаи были бы параллельны тѣмъ, которые произошли со многими инстинктами, какъ мы имѣемъ весьма вѣскія причины полагать; ибо хотя нѣкоторые инстинкты развились просто вслѣдствіе долговременной и наслѣдственной привычки, другіе, чрезвычайно сложные, развились благодаря сохраненію уклоненій инстинктовъ, существовавшихъ раньше, то-есть вслѣдствіе естественнаго отбора.

Я обсудилъ довольно пространно, хотя, какъ я вполнѣ сознаю, очень несовершенно, приобретеніе рефлекторныхъ движеній, потому что они часто обнаруживаются въ связи съ движеніями, выражающими наши эмоціи; было необходимо показать, что по меньшей мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ могли первоначально быть приобретены посредствомъ воли, для удовлетворенія какого-либо желанія или для облегченія непріятнаго ощущенія.

Ассоциированныя привычныя движенія у животныхъ. — Я уже привелъ для человѣка нѣсколько примѣровъ движеній, которыя ассоциированы съ различными состояніями духа или тѣла и которыя теперь безцѣльны, но первоначально были полезны и бывають полезны и теперь при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ. Такъ какъ этотъ вопросъ для насъ очень важенъ, я приведу здѣсь значительное число аналогичныхъ фактовъ по отношенію къ животнымъ, хотя многіе изъ этихъ фактовъ весьма мелочаго свойства. Моя цѣль — показать, что нѣкоторыя движенія первоначально производились съ опредѣленною цѣлью и что, почти при такихъ же обстоятельствахъ, они все еще упорно производятся по привычкѣ, когда они не приносятъ ни малѣйшей пользы. Что эта склонность въ большинствѣ изъ нижеслѣдующихъ случаевъ наслѣдственна, мы можемъ заключить изъ того, что такія движенія производятся одинаковымъ образомъ всѣми особями, и молодыми, и старыми, одного и того же вида. Мы увидимъ также, что они вызываются самыми разнообразными, часто косвенными и иногда ошибочными, ассоціаціями.

Когда собаки хотять лечь спать на ковръ или на какой-нибудь жесткой поверхности, онѣ обыкновенно безсмысленно вертятся и скребутъ полъ передними лапами, какъ бы намѣреваясь притоптать траву и вырыть углубленіе, что безъ сомнѣнія, дѣлали ихъ дикіе предки, когда жили

на открытыхъ, поросшихъ травою равнинахъ или въ лѣсахъ ¹⁾. Шакалы, феннеки и другіе родственныя имъ животныя дѣлаютъ то же самое съ соломомъ въ зоологическомъ саду; но довольно странно, что сторожа, наблюдавшіе волковъ нѣсколько мѣсяцевъ, ни разу не видали, чтобы они такъ поступали. Одинъ изъ моихъ друзей замѣтилъ, что одна собака—полуидиотка, (а въ такомъ состояніи животное вѣроятно особенно склонно слѣдовать безмысленной привычкѣ), слѣдала на коврѣ тринадцать полныхъ оборотовъ, прежде чѣмъ легла спать.

Многія плотоядныя животныя, подкрадываясь къ своей добычѣ и приготовляясь броситься или прыгнуть на нее, опускаютъ голову и прижимаются къ землѣ, отчасти, какъ кажется, чтобы спрятаться, а отчасти чтобы быть наготовѣ для прыжка; эта привычка въ преувеличенной формѣ стала наследственной у нашихъ пойнтеровъ и сеттеровъ. Кромѣ того, я замѣчалъ десятки разъ, что при встрѣчѣ двухъ незнакомыхъ собакъ на открытой дорогѣ та, которая раньше замѣтитъ другую, хотя бы на разстояніи ста или двухсотъ ярдовъ, послѣ перваго взгляда всегда опускаетъ голову и обыкновенно слегка прижимается къ землѣ или даже

ложится, то-есть она принимаетъ надлежащую позу, чтобы спрятаться и чтобы броситься или прыгнуть, хотя дорога совершенно открыта, а разстояние велико. Далѣе, собаки всѣхъ породъ, когда онѣ напряженно слѣдятъ за своей добычей и медленно приближаются къ ней, часто подолгу держатъ одну изъ переднихъ лапъ подогнутою, приготовивъ ее къ слѣдующему осторожному шагу; эта поза въ высшей степени характерна для пойнтера. Но по привычкѣ собаки ведутъ себя совершенно такъ же всякій разъ, когда ихъ вниманіе возбуждено (рис. 4). Я видѣлъ, какъ собака, подогнувъ одну лапу, внимательно прислушивалась у высокой стѣны къ звуку, раздававшемуся за стѣною; въ этомъ случаѣ не могло быть на-

Рис. 4. Маленькая собака, которая смотритъ на кошку, сидящую на столѣ. Съ фотографіи, святой г. Реджлендеромъ.

мѣренія осторожно приблизиться.

Извергнувъ свои экскременты, собаки часто дѣлаютъ всѣми четырьмя лапами нѣсколько скребущихъ движеній назадъ, даже на голой каменной мостовой, какъ бы желая засыпать экскременты землею, приблизительно такъ же, какъ дѣлаютъ кошки. Волки и шакалы въ зоологическомъ саду поступаютъ точно такъ же, но, по увѣренію сторожей, ни волки, ни шакалы, ни лисицы, если и имѣютъ возможность засыпать экскременты, не дѣлаютъ этого, такъ же какъ этого не дѣлаютъ и собаки. Итакъ, если мы правильно понимаемъ смыслъ вышеописанной кошачьей привычки, въ чемъ едва ли можно сомнѣваться, мы имѣемъ безцѣльный остатокъ привычнаго движенія, которое первоначально производилъ съ опредѣленною цѣлью какой-нибудь отдаленный прародитель собачьяго рода и которое сохранилось за изумительно долгій періодъ. Закапываніе излишней пищи представляетъ собою совсѣмъ иную привычку.

¹⁾ [Изъ отзыва („Nature“, 1881, стр. 196) Мозлея объ описаніи экспедиціи Polaris Бесселемъ слѣдуетъ, что эскимосскія собаки никогда не вернутся передъ тѣмъ, какъ лечь; этотъ фактъ согласуется съ вышеприведеннымъ объясненіемъ, потому что эскимосскія собаки въ продолженіе безчисленныхъ поколѣній не могли имѣть случая утапывать себѣ мѣсто для спанья въ травѣ.]

Собаки и шакалы ¹⁾ очень любятъ кататься по падали и тереться объ нее шей и спиною. Этотъ запахъ кажется имъ восхитительнымъ, хотя собаки (по крайней мѣрѣ тѣ, которыхъ хорошо кормятъ) не ѣдятъ падали. М-ръ Бартлетъ наблюдалъ для меня волковъ и давалъ имъ падали, но никогда не видалъ, чтобы они по ней катались. Я слышалъ замѣчаніе какъ мнѣ кажется, вѣрное,—что большія собаки, которыя вѣроятно произошли отъ волковъ, не такъ часто катаются по падали, какъ собаки поменьше, которыя, по всему вѣроятію, происходятъ отъ шакаловъ. Когда моему крысолову даютъ кусокъ чернаго сухаря и если онъ не голоденъ (я также слыхалъ о подобныхъ примѣрахъ), онъ сначала бросаетъ сухарь и треплетъ его какъ крысу или другую добычу; потомъ онъ нѣсколько разъ катается по сухарю, точно по падали, и наконецъ съѣдаетъ его. Кажется, будто нужно придать невкусному куску воображаемый букетъ; для этого собака поступаетъ привычнымъ образомъ, какъ будто сухарь—живое животное или пахнетъ одинаково съ падалью, хотя собака лучше насъ знаетъ, что этого нѣтъ. Я видѣлъ, что этотъ самый крысоловъ поступаетъ точно такъ же, когда убьетъ птичку или мышъ.

Собаки чешутся быстрыми движеніями одной изъ заднихъ лапъ; эта привычка такъ сильна, что когда имъ трутъ спину палкой, онѣ невольно и быстро скребутъ по воздуху или по землѣ, бесполезнымъ и смѣшнымъ образомъ. Когда такъ чешутъ палкою только что названнаго крысолова, онъ иногда проявляетъ свое восхищеніе другимъ привычнымъ движеніемъ,—именно, онъ лижетъ воздухъ, какъ будто это моя рука ²⁾.

Лошади чешутся, покусывая тѣ части тѣла, которыя онѣ могутъ достать зубами; но чаще одна лошадь показываетъ другой, гдѣ ее нужно почесать, и тогда онѣ покусываютъ другъ друга. Одинъ мой другъ, вниманіе котораго я обратилъ на этотъ предметъ, замѣтилъ, что когда онъ третъ шею своей лошади, то животное вытягиваетъ голову, оскаливаетъ зубы и двигаетъ челюстями, совершенно такъ, какъ будто она покусываетъ шею у другой лошади, потому что она никогда не могла кусать свою собственную. Если сильно щекотать лошадь, какъ напримѣръ при чисткѣ скребникою, то ея желаніе кусать становится иногда такъ нестерпимо сильно, что она щелкаетъ зубами и кусаетъ конюха, хотя не сердится. Въ то же время она по привычкѣ плотно прижимаетъ уши, чтобы защитить ихъ отъ укуса, какъ будто она дерется съ другою лошадью.

Когда лошадь съ нетерпѣніемъ желаетъ отправиться въ путь, она производитъ движеніе, которое по возможности ближе всего подходитъ къ привычному поступательному движенію: она бьетъ копытомъ въ землю ³⁾. Далѣе, когда для лошадей, стоящихъ въ стойлахъ, приближается время получать кормъ и онѣ очень жидутъ овса, онѣ бьютъ копытами о каменный полъ или о солому. Двѣ изъ моихъ лошадей дѣлаютъ это, когда онѣ видятъ или слышатъ, что ихъ сосѣдкамъ даютъ

¹⁾ См. статью м-ра Солвина (Salvin), въ которой онъ описываетъ ручнаго шакала, „Land and Water“, октябрь 1869 г.

²⁾ [М-ръ Тёрнеръ, изъ Фарнборо въ Кентѣ, утверждаетъ (письмо отъ 2 окт. 1875), что если тереть хвостъ у рогатаго скота „подъ самымъ корнемъ“, то животное всегда изгибаетъ туловище, вытягиваетъ шею и начинаетъ облизывать губы.

Изъ этого какъ бы слѣдуетъ, что лизаніе воздуха у собаки не имѣетъ ничего общаго съ лизаніемъ руки хозяина, такъ какъ вышеприведенное объясненіе едва ли приложимо къ рогатому скоту.]

³⁾ [М-ръ Элліотъ (письмо безъ даты) описываетъ, какъ одна собака изображала, будто плыветъ, пока ее перевозили черезъ рѣку.]

овесъ. Но здѣсь мы имѣемъ явленіе, которое почти можно назвать настоящимъ выраженіемъ чувства, ибо всѣми признано, что удары копытомъ объ землю—признакъ нетерпѣнія.

Кошки засыпаютъ землею и тѣ, и другія свои изверженія; мой дѣдъ ¹⁾ видѣлъ, какъ котенокъ сгребалъ золу на ложку чистой воды, пролитой у очага; такимъ образомъ, здѣсь привычное или инстинктивное движеніе было неправильно вызвано, не предшествующимъ актомъ или запахомъ, а зрительнымъ впечатлѣніемъ. Всѣмъ извѣстно, что кошки не любятъ мочить себѣ лапы, можетъ быть вслѣдствіе того, что первоначально онѣ жили въ сухой странѣ—въ Египтѣ; замочивъ лапы, онѣ сильно отряхиваютъ ихъ. Моя дочь налила воды въ стаканъ совсѣмъ рядомъ съ головою котенка, и онъ тотчасъ же потрясъ лапами обычнымъ образомъ; такъ что здѣсь мы имѣемъ привычное движеніе, неправильно вызванное ассоцированнымъ звукомъ, вмѣсто осязанія.

Котята, щенки, поросята и вѣроятно многія другія молодыя животныя поочередно упираются передними конечностями въ млечныя железы матерей, чтобы вызвать болѣе обильное отдѣленіе молока или чтобы оно вытекало скорѣе. Очень часто случается видѣть, какъ молодыя кошки, а нерѣдко и старыя, обыкновенной и персидской породы (которую нѣкоторые натуралисты считаютъ совсѣмъ особою), удобно лежа на теплой шали или на другой мягкой поверхности, спокойно топчутся по ней поочередно передними лапами; при этомъ ихъ пальцы раздвинуты и когти слегка выпущены, совершенно какъ въ то время, когда онѣ сосутъ мать. Тожество движенія ясно доказывается тѣмъ, что онѣ часто въ то же время берутъ въ ротъ клочокъ шали и сосутъ его; обыкновенно онѣ при этомъ зажмуриваются и мурлычатъ отъ восхищенія. Это любопытное движеніе обыкновенно появляется лишь въ связи съ ощущеніемъ теплой, мягкой поверхности; но я видѣлъ одну старую кошку, которая совершенно такъ же мѣсила лапами воздухъ, когда ей нравилось, что ей чешутъ спину; такимъ образомъ, это движеніе почти стало выраженіемъ пріятнаго ощущенія.

Упомянувъ объ актѣ сосанія, я могу прибавить, что это сложное движеніе, а также поочередное вытягиваніе переднихъ лапъ—движенія рефлекторныя, ибо они производятся, если положить палецъ, смоченный молокомъ, въ ротъ щенка, у котораго удалена передняя часть мозга ²⁾. Недавно во Франціи было указано, что актъ сосанія вызывается исключительно обоняніемъ, такъ что если уничтожить у щенка обонятельныя нервы, то онъ не будетъ сосать. Подобнымъ же образомъ удивительная способность цыпленка подбирать мелкія частицы корма, которую онъ обнаруживаетъ всего черезъ нѣсколько часовъ послѣ выхода изъ яйца, повидимому приводится въ дѣйствіе слухомъ, ибо относительно цыплятъ, выведенныхъ искусственнымъ способомъ, одинъ хорошій наблюдатель нашелъ, что «они научаются клевать мясо, если мы будемъ постукивать ногтемъ по доскѣ, подражая насѣдкѣ» ³⁾.

Я приведу еще только одинъ примѣръ привычнаго и безцѣльнаго движенія. Караганка (*Tadorna*) кормится на пескѣ, который открывается во время отлива; найдя нору червя, «она начинаетъ стучать но-

1) Д-ръ Дарвинъ, „*Zoonomia*“, 1794, т. I, стр. 160. Какъ оказывается, тотъ фактъ что кошки вытягиваютъ лапы, когда испытываютъ удовольствіе, тоже отмѣченъ въ томъ же томѣ „*Zoonomia*“, на стр. 151.

2) Карпентеръ, „*Principles of Comparative Physiology*“, 1854, стр. 690, и „*Elements of Physiology*“, Мюллера, англ. переводъ, т. II, стр. 936.

3) Mowbray о „*Poultry*“, 6-е изд., 1830, стр. 54.

гами по землѣ, какъ бы танцую надъ отверстіемъ»; отъ этого червь выходитъ на поверхность. М-ръ Ст. Джонъ говоритъ, что когда его ручныя караганки «приходили просить корма, онѣ нетерпѣливо и быстро топали по землѣ» ¹⁾. Слѣдовательно, это движеніе почти можно считать у нихъ выраженіемъ голода. М-ръ Бартлетъ сообщаетъ мнѣ, что когда фламинго и кагу (*Rhinocetus jubatus*) съ нетерпѣніемъ ждутъ корма, они бьютъ ногами по землѣ такимъ же страннымъ образомъ. Далѣе, зимородки, поймавъ рыбу, всегда ²⁾ колотятъ ее, пока не убьютъ; и въ зоологическомъ саду они всегда, прежде чѣмъ проглотить сырое мясо, которымъ ихъ иногда кормятъ, сначала бьютъ его.

Мнѣ кажется, что теперь мы въ достаточной мѣрѣ показали справедливость нашего перваго принципа, который состоитъ въ слѣдующемъ: если какое-либо ощущеніе, желаніе, неудовольствіе и т. п., приводили въ теченіе длиннаго ряда поколѣній къ какому-нибудь произвольному движенію, то почти навѣрно появится стремленіе производить подобное же движеніе каждый разъ, когда будетъ испытываться то же самое, или аналогичное, или ассоціированное ощущеніе и т. п., хотя бы очень слабое, независимо отъ того, что въ данномъ случаѣ это движеніе можетъ быть совершенно бесполезнымъ. Такія привычныя движенія часто или всегда бываютъ наслѣдственными и тогда они мало отличаются отъ рефлекторныхъ. Когда мы будемъ говорить о спеціальныхъ выраженіяхъ у человѣка, мы увидимъ подтвержденіе послѣдней части нашего перваго принципа, какъ онъ изложенъ въ началѣ этой главы,—а именно, что когда движенія, ассоціированныя вслѣдствіе привычки съ опредѣленными душевными состояніями, отчасти подавляются волею, то мышцы совершенно независимыя отъ воли, а также тѣ, которыя наименѣе находятся подъ непосредственнымъ контролемъ воли, все-таки склонны приходить въ дѣйствіе, и ихъ дѣйствіе часто въ высшей степени выразительно. Наоборотъ, при временномъ или постоянномъ ослабленіи воли произвольныя мышцы выходятъ изъ подчиненія раньше произвольныхъ. По замѣчанію сэра Ч. Белля, ³⁾ патологамъ извѣстенъ тотъ фактъ, «что если слабость происходитъ отъ мозгового расстройства, то вліяніе ея бываетъ всего сильнѣе на тѣ мышцы, которыя въ своемъ естественномъ состояніи наиболѣе подчинены волѣ». Въ дальнѣйшихъ главахъ мы рассмотримъ также другое предположеніе, заключающееся въ нашемъ первомъ принципѣ,—именно, что задержаніе одного привычнаго движенія часто требуетъ другихъ легкихъ движеній, при чемъ эти послѣднія служатъ способомъ выраженія.

¹⁾ См. описаніе, которое даетъ этотъ превосходный наблюдатель въ „Wild sports of the Highlands“, 1846, стр. 142.

²⁾ [Неправильно говорить, что зимородки всегда такъ поступаютъ. См. м-ръ Аботъ, „Nature“, 13 марта 1873 и 21 янв. 1875.]

³⁾ „Philosophical Transactions“, 1823, стр. 182.

ГЛАВА II.

Общiе принципы выраженiя.

(Продолженiе.)

Принципъ антитезы—Примѣры собаки и кошки—Происхожденiе принципа—Условные знаки—Принципъ антитезы произошелъ не отъ сознательнаго выполненiя противоположныхъ движенiй при противоположныхъ импульсахъ.

Теперь мы рассмотримъ нашъ второй принципъ, принципъ антитезы ¹⁾. Нѣкоторыя душевныя состоянiя ведутъ, какъ мы видѣли въ предыдущей

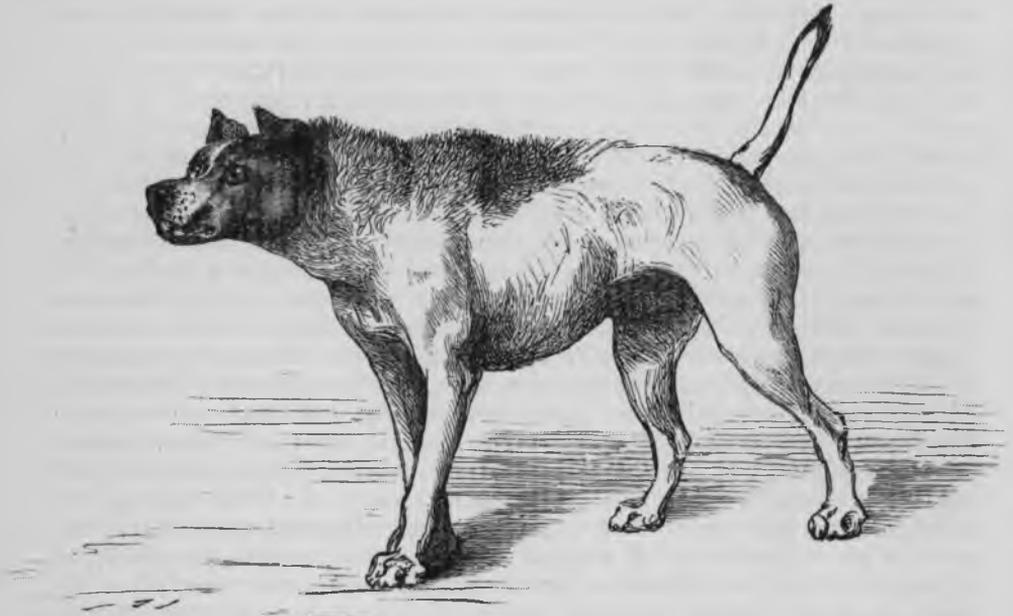

Рис. 5. Собака, приближающаяся къ другой собакѣ съ враждебными намѣренiями.
Рис. м-ра Ривира.

главѣ, къ опредѣленнымъ привычнымъ движенiямъ, которыя первоначально были полезны, а можетъ быть, полезны и теперь; мы найдемъ, что когда появляется прямо противоположное душевное состоянiе, то существуетъ сильное и невольное стремленiе произвести движенiя прямо противоположнаго характера, хотя они никогда не приносили пользы. Мы приведемъ нѣсколько поразительныхъ примѣровъ антитезы, когда будемъ говорить о специальныхъ выраженiяхъ у человѣка; но такъ какъ въ этихъ случаяхъ мы особенно склонны смѣшивать условныя или искусственныя тѣлодвиженiя и выраженiя съ прирожденными или всеобщими,

¹⁾ [Для критики принципа антитезы (который не встрѣтилъ большаго сочувствiя) см. Вундтъ, „Essays“, 1885, стр. 230, а также его „Physiologische Psychologie“, 3-е изд.; кромѣ того, Сѣлли, „Sensation and Intuition“, 1874, стр. 29. Мантегацца („La Physiologie“, 1885, стр. 76) и Л. Дюмонъ („Théorie scientifique de la sensibilité“, 2-е изд., 1877, стр. 236) тоже не согласны съ этимъ принципомъ.]

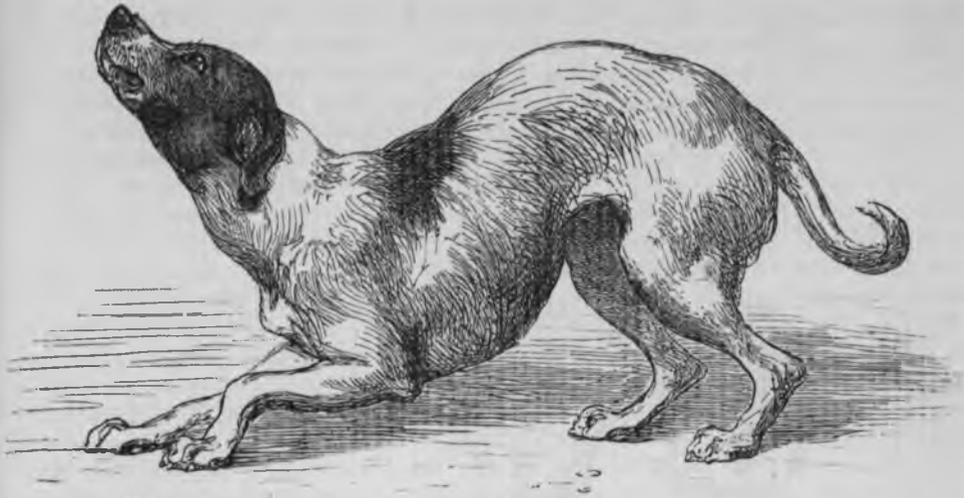

Рис. 6. Та же собака въ смиренномъ и ласковомъ настроеніи. Рис. м-ра Ривира.

которыя только одни и заслуживаютъ названія истинныхъ выраженій, то въ настоящей главѣ я почти ограничусь животными.

Когда собака приближается къ чужой собацѣ или къ человѣку въ свирѣпомъ или враждебномъ настроеніи, она идетъ, выпрямившись во весь

Рис. 7. Полукровная овчарка, въ такомъ же настроеніи, какъ собака на рис. 5.
Рис. м-ра Мея.

ростъ и очень напряженной походкой; ея голова слегка приподнята или не очень опущена; хвостъ поднять къверху и совершенно неподвиженъ;

шерсть становится дыбомъ, особенно вдоль шеи и спины; настороженные уши обращены впередъ, а глаза смотрять неподвижнымъ взглядомъ (см. рис. 5 и 7). Эти движенія, какъ мы послѣ объяснимъ, истекають изъ намѣренія собаки напасть на врага, и такимъ образомъ они въ значительной мѣрѣ понятны. Когда она готовится броситься на врага

Рис. 8. Та же собака, ласкающаяся къ хозяину.
Рис. м-ра Мея.

съ яростнымъ рычаніемъкъ она оскаливаетъ клыки, а уши плотно прижимаются назадъ къ головѣ; но эти послѣднія движенія насъ здѣсь не касаются. Сдѣлаемъ такое предположеніе: собака внезапно замѣчаетъ, что человекъ, къ которому она приближается, не чужой, а ея хозяинъ; посмотримъ теперь, какое полное и мгновенное превращеніе происходитъ во всемъ ея поведеніи. вмѣсто того, чтобы идти выпрямившись, она опускаетъ туловище или даже прижимается къ землѣ и изгибается всѣмъ тѣломъ; хвостъ, вмѣсто того чтобы напряженно торчать кверху, опускается и виляетъ изъ стороны въ сторону; шерсть мгновенно становится гладкою, уши опускаются и оттягиваются назадъ, но не плотно прилегають къ головѣ; губы повисають свободно. Вслѣдствіе оттягиванія ушей назадъ, вѣки удлинняются и глаза перестаютъ казаться круглыми и неподвижными. Слѣдуетъ прибавить, что въ такихъ случаяхъ животное бываетъ въ возбужденномъ состояніи отъ радости; нервная сила развивается въ избытокъ, что естественно ведетъ къ движенію какого бы то ни было рода. Ни одно изъ вышеописанныхъ движеній, такъ ясно выражающихъ привязанность, не приноситъ животному ни малѣйшей непосредственной пользы. Они объяснимы, насколько мнѣ представляется, только какъ полная противоположность или антитеза съ позою и движеніями, которыя, по понятнымъ причинамъ, собака производитъ, намѣреваясь вступить въ драку, и которыя слѣдовательно выражаютъ гнѣвъ. Я попрошу читателя посмотреть на четыре приложенныхъ рисунка (рис. 5—8), которые приведены здѣсь, чтобы живо напомнить вышнюю собаку при этихъ двухъ настроеніяхъ духа. Впрочемъ, передача выраженія привязанности у собаки, когда она ласкается къ хозяину и виляетъ хво-

стъ яростнымъ рычаніемъкъ она оскаливаетъ клыки, а уши плотно прижимаются назадъ къ головѣ; но эти послѣднія движенія насъ здѣсь не касаются. Сдѣлаемъ такое предположеніе: собака внезапно замѣчаетъ, что человекъ, къ которому она приближается, не чужой, а ея хозяинъ; посмотримъ теперь, какое полное и мгновенное превращеніе происходитъ во всемъ ея поведеніи. вмѣсто того, чтобы идти выпрямившись, она опускаетъ туловище или даже прижимается къ землѣ и изгибается всѣмъ тѣломъ; хвостъ, вмѣсто того чтобы напряженно торчать кверху, опускается и виляетъ изъ стороны въ сторону; шерсть мгновенно становится гладкою, уши опускаются и оттягиваются назадъ, но не плотно прилегають къ головѣ; губы повисають свободно. Вслѣдствіе оттягиванія ушей назадъ, вѣки удлинняются и глаза перестаютъ казаться

стомъ, представляетъ немалую трудность, такъ какъ сущность выраженія заключается въ безостановочныхъ извивающихся движеніяхъ.

Обратимся теперь къ кошкѣ. Когда этому животному угрожаетъ собака, кошка удивительнымъ образомъ выгибаетъ спину, поднимаетъ шерсть, раскрываетъ ротъ и фыркаетъ. Но мы не будемъ здѣсь заниматься этою хорошо извѣстною позою, которая выражаетъ страхъ вмѣстѣ съ гнѣвомъ,—насъ касается только выраженіе ярости или гнѣва. Его не часто случается видѣть, но мы можемъ наблюдать его, когда двѣ кошки дерутся между собою; я ясно видѣлъ это выраженіе у озлобившейся кошки, которую мучилъ мальчикъ. Эта поза почти тождественна съ позою тигра, когда его потревожатъ и онъ рычитъ надъ своимъ кормомъ; вѣроятно всѣ видали ее въ звѣринцахъ. Животное прижимается къ землѣ, вытянувъ тѣло, и весь хвостъ или только кончикъ его перебрасывается или извивается изъ стороны въ сторону. Шерсть нисколько не взъерошивается. Въ этихъ чертахъ поза и движенія почти сходны съ тѣми, которыя животное производитъ, готовясь прыгнуть на добычу, когда оно, безъ сомнѣнія, бываетъ въ ярости. Но въ приготовленіяхъ къ дракѣ есть то отличие, что уши плотно прижимаются назадъ, ротъ нѣсколько открывается, обнажая зубы, переднія лапы иногда вытягиваются впередъ съ выпущенными когтями и животное иногда издаетъ свирѣпое рычаніе (см. рис. 9 и 10). Всѣ, или почти всѣ эти движенія (какъ послѣ будетъ объяснено) естественнымъ образомъ вытекаютъ изъ намѣренія кошки напасть на

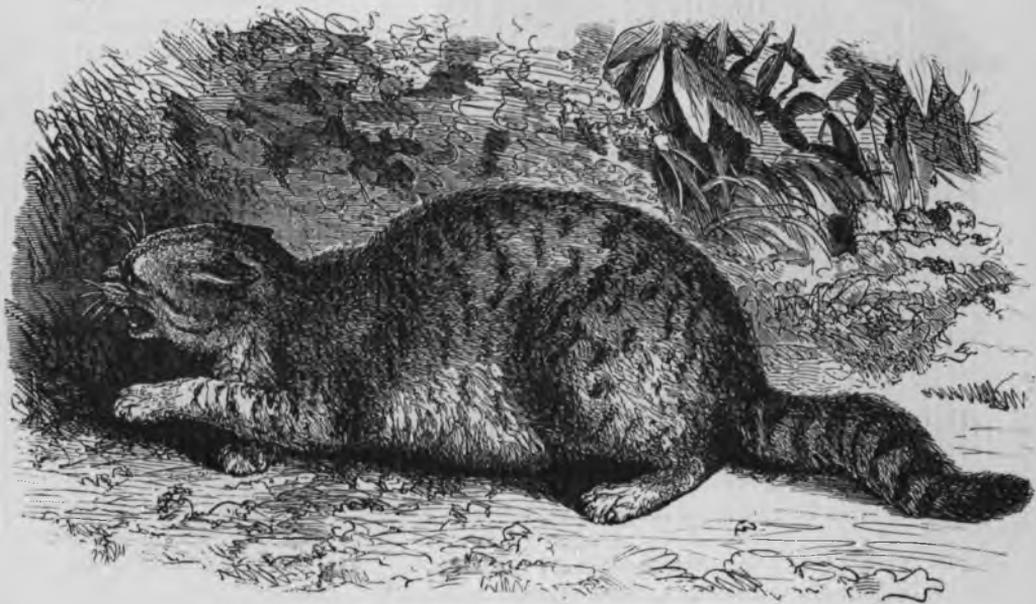

Рис. 9. Разъяренная кошка, готовая вступить въ драку. Рисоваль съ натуры м-ръ Вудъ.

врага и изъ тѣхъ пріемовъ, которыми она обыкновенно производитъ нападеніе.

Посмотримъ теперь на кошку въ совершенно противоположномъ настроеніи, когда она добродушно ласкается къ хозяину, и замѣтимъ, насколько ея поза противоположна во всѣхъ отношеніяхъ. Она теперь стоитъ прямо, слегка выгнувъ спину, отчего ея шерсть кажется нѣ-

сколько растрепанною, но она не взъерошена; хвостъ ея, вмѣсто того, чтобы быть вытянутымъ и перекидываться изъ стороны въ сторону, совершенно неподвижно и перпендикулярно поднять вверхъ; ея уши подняты и насторожены, ротъ закрытъ и она третя о своего хозяина, издавая мурлыканье вмѣсто рычанія. Замѣтимъ далѣе, какое огромное различіе между всею внѣшностью ласкающейся кошки и собакою,

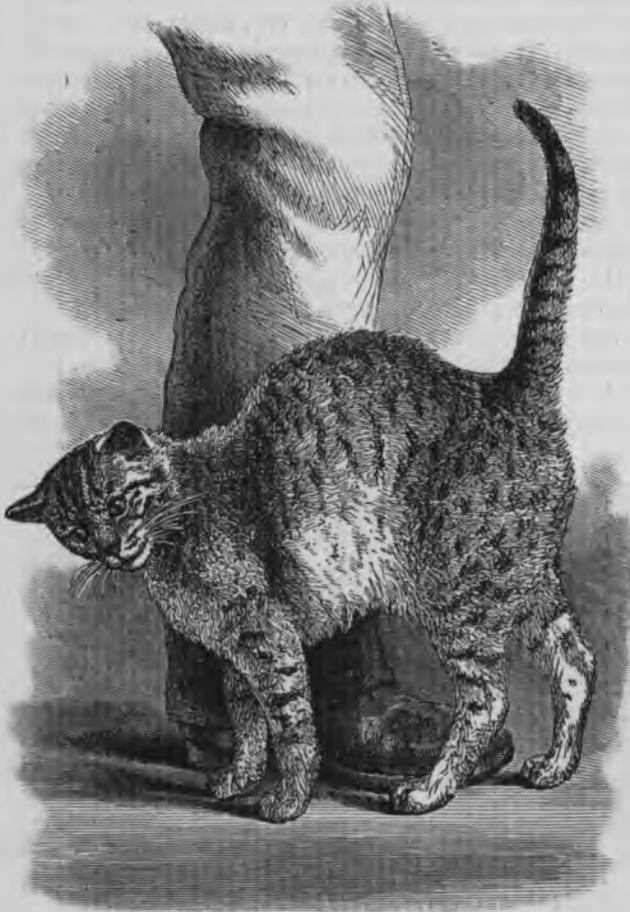

Рис. 10. Кошка въ ласковомъ настроеніи. Рис. м-ръ Вудъ.

когда она, прижимаясь и изгибаясь тѣломъ, опустивъ хвостъ и виляя имъ и опустивъ уши, ласкается къ хозяину, Мнѣ кажется, что противоположность позъ и движеній этихъ двухъ плотоядныхъ животныхъ при одномъ и томъ же довольномъ и ласковомъ настроеніи можетъ быть объяснена только тѣмъ, что ихъ движенія представляютъ полную антитезу съ тѣми, которыя естественнымъ образомъ производятъ эти животные, когда бываютъ въ ярости и собираются или вступить въ драку, или схватить добычу.

Въ этихъ примѣрахъ собаки и кошки мы имѣемъ всѣ причины полагать, что какъ враждебныя, такъ и дружелюбныя выразительныя движенія прирожденны или насльдственны; ибо они почти тождественны

у различныхъ породъ этихъ видовъ и у всѣхъ особей одной и той же породы, какъ у молодыхъ, такъ и у старыхъ.

Я приведу здѣсь еще одинъ примѣръ антитезы въ выраженіи. У меня была прежде большая собака, которая, какъ и всякая другая, очень любила ходить на прогулку. Она выражала свое удовольствіе тѣмъ, что важно бѣжала крупною рысью впереди меня, высоко поднимая голову, умѣренно поднимая уши и держа хвостъ вверхъ, но не напряженно. Недалеко отъ моего дома вправо отходить дорожка, ведущая въ теплицу, куда я часто заходилъ на нѣсколько минутъ, чтобы посмотреть на растенія, съ которыми я производилъ опыты. Это всегда бывало большимъ разочарованіемъ для собаки, такъ какъ она не знала,

буду ли я продолжать прогулку; смѣшно было видѣть мгновенное и полное измѣненіе выраженія, которое происходило въ ней, какъ только моя фигура начинала уклоняться въ сторону дорожки (я часто дѣлалъ это въ видѣ опыта). Ея удрученный видъ былъ извѣстенъ всѣмъ членамъ семьи и получилъ названіе *тепличной физиономіи*. Она состояла въ томъ, что голова очень опускалась, все тѣло слегка опускалось и оставалось неподвижнымъ, уши и хвостъ внезапно повисали, но собака насколько не виляла хвостомъ. При опусканіи ушей и большихъ челюстей видъ глазъ очень измѣнялся и они казались мнѣ менѣе блестящими. Видъ собаки выражалъ горестное, безнадежное уныніе; какъ я указалъ, это было смѣшно, потому что причина была такъ ничтожна. Поза собаки во всѣхъ частностяхъ представляла полную противоположность съ ея первоначальной веселой, но исполненной достоинства осанкой, что, какъ мнѣ кажется, не можетъ быть объяснено помимо принципа антитезы. Если бы измѣненіе не было такъ мгновенно, я приписалъ бы его тому, что упадокъ духа у собаки, какъ и у человѣка, вліяетъ на нервную систему и на кровообращеніе, а слѣдовательно и на состояніе всей ея мышечной системы; можетъ быть причина отчасти въ этомъ и состояла.

Теперь мы рассмотримъ, какъ произошелъ принципъ антитезы въ выраженіи. Для животныхъ, живущихъ обществами, чрезвычайно важно, чтобы члены одного и того же общества могли сообщаться между собою; для другихъ видовъ такое сообщеніе важно между особями разнаго пола, а также между молодыми и старыми особями. Это сообщеніе обыкновенно производится посредствомъ голоса, но несомнѣнно, что жесты и позы одного животного до нѣкоторой степени понятны другому. Человѣкъ употребляетъ не только нечленораздѣльные крики, жесты и выраженія, но изобрѣлъ членораздѣльную рѣчь; если только слово *изобрѣлъ* приложимо къ процессу, который совершался безчисленными, полусознательными шагами. Всякій, кто наблюдалъ обезьянъ, не усомнится, что онѣ отлично понимаютъ тѣлодвиженія и выраженія другъ у друга, а по утверженію Ренгера ¹⁾ въ значительной степени и у человѣка. Когда одно животное готовится напасть на другое или когда оно боится другого, оно часто старается казаться страшнымъ, поднимая шерсть дыбомъ и увеличивая такимъ образомъ кажущійся объемъ тѣла, оскаливая зубы, или взмахивая рогами, или издавая свирѣпыя звуки.

Такъ какъ способность сообщаться несомнѣнно весьма полезна многимъ животнымъ, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ предположеніи, что тѣлодвиженія, характера явно противоположнаго съ тѣми, которыми уже выражаются опредѣленные чувства, первоначально употреблялись произвольно подъ вліяніемъ противоположнаго чувства. Тотъ фактъ, что эти тѣлодвиженія теперь прирожденны, не составилъ бы существеннаго возраженія противъ предположенія, что вначалѣ они были намѣренными; ибо если бы они употреблялись въ теченіе многихъ поколѣній, то, вѣроятно, они, наконецъ, стали бы наслѣдственными. Тѣмъ не менѣе, какъ мы сейчасъ увидимъ, болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы какой-либо изъ примѣровъ, къ которымъ приложимо названіе «антитеза» произошелъ этимъ путемъ.

Принципъ противоположности или антитезы отчасти проявляется въ условныхъ знакахъ, которые не прирождены, какъ, на примѣръ, въ тѣхъ,

1) „Naturgeschichte der Säugethiere von Paraguay“, 1830, стр. 55.

которые употребляются глухонѣмыми и дикарями. Монахи-цистерціанцы считали, что говорить грѣшно, но такъ какъ они не могли не сообщаться между собою тѣмъ или инымъ способомъ, то они изобрѣли языкъ жестовъ, въ которомъ, повидимому, примѣнялся принципъ противоположенія ¹⁾. Д-ръ Скоттъ, изъ института для глухонѣмыхъ въ Экстерѣ, пишетъ мнѣ, что «противоположеніе весьма употребительно при обученіи глухонѣмыхъ, которые живо воспринимаютъ его». Тѣмъ не менѣе я былъ удивленъ тѣмъ, какъ мало можно привести несомнѣнныхъ примѣровъ этого. Это зависитъ отчасти отъ того, что всѣ знаки имѣли первоначально какое-нибудь естественное происхожденіе, а отчасти отъ обыкновенія глухонѣмыхъ и дикарей какъ можно сильнѣе сокращать знаки ради быстроты ¹⁾. Такимъ путемъ ихъ естественный источникъ или происхожденіе часто становятся сомнительными или совершенно утрачиваются; то же самое бываетъ и съ членораздѣльною рѣчью.

Кромѣ того, многіе знаки, которые, очевидно, представляютъ противоположность другъ съ другомъ, повидимому имѣли и съ той и съ другой стороны осмысленное происхожденіе. Повидимому это относится къ знакамъ, которые глухонѣмые употребляютъ для обозначенія свѣта и темноты, силы и слабости и пр. Въ одной изъ дальнѣйшихъ главъ я попытаюсь показать, что противоположные жесты утвержденія и отрицанія,—а именно и вертикальное киваніе и боковое покачиваніе головою, вѣроятно, имѣли естественное начало. Помахиваніе рукою справа налѣво, которое употребляютъ въ качествѣ отрицанія нѣкоторые дикари, можетъ быть, было выдуманно въ подражаніе покачиванію головою; что касается противоположнаго движенія рукою по прямой линіи отъ лица, которое употребляется для утвержденія, то сомнительно, произошло ли оно вслѣдствіе антитезы или какимъ-нибудь совѣмъ инымъ образомъ.

Если мы теперь обратимся къ жестамъ, которые природены или общи всѣмъ особямъ одного и того же вида и къ которымъ примѣнимо названіе антитезы, то становится крайне сомнительнымъ, чтобы какіе-нибудь изъ нихъ первоначально были обдуманно изобрѣтены и чтобы они производились сознательно. У людей лучшимъ примѣромъ жеста, прямо противоположнаго другимъ движеніямъ, естественно производимымъ при противоположномъ настроеніи духа, служитъ пожиманіе плечами. Оно выражаетъ безсиліе или извиненіе, нѣчто, чего нельзя сдѣлать или нельзя избѣжать. Это тѣлодвиженіе иногда употребляется сознательно и произвольно; но крайне невѣроятно, чтобы оно первоначально было осмысленно придумано, а впоследствии было закрѣплено привычкой; ибо не только маленькія дѣти иногда пожимаютъ плечами при вышеназванныхъ настроеніяхъ, но это движеніе сопровождается, какъ будетъ показано въ одной изъ дальнѣйшихъ главъ, различными второстепенными движеніями, которыхъ не сознаетъ даже ни одинъ человѣкъ изъ тысячи, если только онъ не обратилъ особеннаго вниманія на этотъ предметъ.

¹⁾ М-ръ Тейлоръ описываетъ языкъ жестовъ у цистерціанцевъ въ своей „Early History of Mankind“ (2-е изд., 1870, стр. 40) и дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній о принципѣ противоположности въ жестахъ.

¹⁾ Объ этомъ вопросѣ см. интересное сочиненіе д-ра Скотта „Глухонѣмые“, 2-е изд., 1870, стр. 12. Онъ говоритъ: „Это сокращеніе естественныхъ тѣлодвиженій въ жесты гораздо болѣе короткіе, чѣмъ тѣ, которыхъ требуетъ естественное выраженіе, очень распространено между глухонѣмыми. Такой сокращенный жестъ часто становится настолько короткимъ, что почти утрачиваетъ всякое сходство съ естественнымъ; но для глухонѣмыхъ, которые его употребляютъ, онъ всетаки имѣетъ силу первоначальной выразительности“.

Возможно, что собаки, приближаясь къ чужой собацѣ, находятъ полезнымъ показать своими движеніями, что онѣ настроены дружелюбно и не желаютъ вступать въ драку. Когда двѣ молодыя собаки, играя, рычатъ и кусаютъ другъ друга за морды и лапы, онѣ, очевидно, взаимно понимаютъ жесты и манеры. Въ самомъ дѣлѣ, у щенятъ и котятъ, кажется, до нѣкоторой степени есть инстинктивное сознание, что не слѣдуетъ въ игрѣ слишкомъ сильно пускать въ дѣло свои острые зубки или когти, хотя это иногда случается и послѣдствіемъ бываетъ пискъ; иначе они часто повреждали бы другъ другу глаза. Когда мой крысоловъ, играя, кусаетъ мнѣ руку, иногда рыча при этомъ, то если онъ кусаетъ слишкомъ сильно, я говорю «*тише, тише*»; онъ продолжаетъ кусать, но въ отвѣтъ помахиваетъ хвостомъ, какъ бы говоря: «ничего, это я въ шутку». Хотя собаки такимъ образомъ выражаютъ и, можетъ быть, желаютъ выражать другимъ собакамъ и человѣку, что онѣ настроены дружелюбно, однако невѣроятно, чтобы онѣ когда-либо осмысленно придумали оттягивать назадъ и прижимать уши, вмѣсто того чтобы держать ихъ прямо, опускать хвостъ и вилять имъ, вмѣсто того чтобы неподвижно держать его кверху и проч., зная, что эти движенія составляютъ прямую противоположность съ тѣми, которыя производятся въ противоположномъ, свирѣпомъ настроеніи духа.

Далѣе, когда кошка или скорѣе когда какой-нибудь отдаленный предокъ этого вида при дружелюбныхъ чувствахъ впервые слегка выгнуть спину, поднявъ хвостъ перпендикулярно и насторожилъ уши, можемъ ли мы повѣрить, что это животное сознательно желало показатъ такимъ образомъ, что его настроеніе прямо противоположно тому, въ которомъ оно, будучи готово вступить въ драку или прыгнуть на добычу, прижимается къ землѣ, вертитъ хвостомъ и прижимаетъ уши? Еще менѣе я могу повѣрить, что моя собака произвольно принимала убитую позу и дѣлала «*тепличную физиономію*», которая представляла такой полный контрастъ съ ея предшествующей веселой позой и всей осанкой. Нельзя предположить, будто собака знала, что я пойму ея выраженіе, что она можетъ такимъ путемъ смягчить мое сердце и заставить меня отказаться отъ посѣщенія теплицы.

Итакъ, какой-нибудь другой принципъ, независимый отъ воли и сознаниа, навѣрно игралъ роль при развитіи движеній, о которыхъ идетъ рѣчь въ настоящей главѣ. Повидимому, этотъ принципъ состоитъ въ томъ, что всякое движеніе, которое мы произвольно дѣлали въ теченіе всей нашей жизни, требовало дѣйствія опредѣленныхъ мышцъ; а когда мы производили прямо противоположное движеніе, то обыкновенно приходилъ въ дѣйствіе противоположный рядъ мышцъ, напимѣръ, при поворотѣ вправо или влѣво, при отталкиваніи предмета или при притягиваніи его къ себѣ и при подниманіи или опусканіи тяжести. Наши намѣренія и движенія такъ тѣсно ассоціированы между собою, что если мы сильно желаемъ, чтобы какой-нибудь предметъ передвинулся въ томъ или иномъ направленіи, мы почти не можемъ не двигать своимъ тѣломъ въ томъ же направленіи, хотя бы мы вполне сознавали, что это не можетъ оказать никакого вліянія. Хорошая иллюстрація этого факта уже была дана во введеніи, когда говорилось о причудливыхъ движеніяхъ, которыя производитъ молодой и увлекающійся игрокъ на билліардѣ, слѣдя за ходомъ своего шара. Если взрослый человѣкъ или ребенокъ въ сильномъ возбужденіи говоритъ кому-нибудь громкимъ голосомъ, чтобы тотъ уходилъ прочь, то говорящій обыкновенно двигаетъ рукою, какъ бы отталкивая его, хотя бы виновникъ и не стоялъ близко

и хотя бы не было ни малѣйшей надобности пояснять жестомъ смыслъ словъ. Съ другой стороны, если мы горячо желаемъ, чтобы кто-нибудь подошелъ къ намъ поближе, мы дѣлаемъ жесты, какъ бы притягивая его къ себѣ; то же самое бываетъ въ безчисленныхъ другихъ случаяхъ.

Такъ какъ выполненіе обыкновенныхъ движеній противоположнаго характера при противоположныхъ импульсахъ воли стало привычнымъ для насъ и для низшихъ животныхъ, то если дѣйствія одного рода тѣсно ассоціировались съ какимъ-нибудь ощущеніемъ или эмоціей, намъ представляется естественнымъ, что дѣйствія прямо противоположнаго рода, хотя и бесполезныя, бессознательно выполняются вслѣдствіе привычки и ассоціаціи, подъ вліяніемъ прямо противоположнаго ощущенія или эмоціи. Только на основаніи этого принципа я могу понять происхожденіе жестовъ и выраженій, обнимаемыхъ настоящимъ заголовкомъ «антитеза». На самомъ дѣлѣ, если они полезны человѣку или какому-нибудь другому животному, какъ помощь нечленораздѣльнымъ крикамъ или рѣчи, то ихъ тоже стануть употреблять произвольно и такимъ образомъ привычка усилится. Но полезны ли они или нѣтъ въ качествѣ способа сообщенія, склонность производить противоположныя движенія при противоположныхъ ощущеніяхъ или эмоціяхъ, стала бы, если можно судить по аналогіи, наследственной вслѣдствіе долгаго употребленія; не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что нѣкоторыя выразительныя движенія, основанныя на принципѣ антитезы, наследственны.

ГЛАВА III.

Общіе принципы выраженія.

(Окончаніе.)

Принципъ прямого дѣйствія возбужденной нервной системы на тѣло, независимо отъ воли и отчасти независимо отъ привычки. — Измѣненіе цвѣта волосъ. — Дрожаніе мышцъ. — Измѣненіе выдѣленій. — Потъ. — Выраженіе крайней боли. — Выраженія ярости, большой радости и ужаса. — Контрастъ между такими эмоціями, которыя вызываютъ выразительныя движенія и такими, которыя ихъ не вызываютъ. — Возбуждающія и угнетающія душевныя состоянія. — Обзоръ.

Теперь мы переходимъ къ нашему третьему принципу, состоящему въ томъ, что нѣкоторыя движенія, которыя мы считаемъ выразительными для опредѣленныхъ душевныхъ состояній, являются прямымъ результатомъ строенія нервной системы; они съ самаго начала не зависѣли отъ воли и въ значительной степени не зависѣли отъ привычки. Когда чувствующіе центры сильно возбуждены, нервная сила развивается въ избыткѣ и передается въ опредѣленныхъ направленіяхъ, зависящихъ отъ взаимной связи нервныхъ клѣточекъ; въ отношеніи мышечной системы направленіе зависитъ отъ движеній, которыя обыкновенно выполнялись. Или же, кажется, притокъ нервной силы можетъ прерваться. Конечно, всякое производимое нами движеніе опредѣляется строеніемъ нервной системы; но движенія, производимыя подъ вліяніемъ воли, или по привычкѣ, или вслѣдствіе принципа антитезы, здѣсь исключены, насколько это возможно. Занимающій насъ сейчасъ вопросъ очень теменъ, но вслѣдствіе его важности его слѣдуетъ рассмотреть довольно

подробно; всегда бывает полезно ясно убедиться въ недостаточности нашихъ познаній.

Самый поразительный, хотя рѣдкій и ненормальный случай, который можно привести какъ примѣръ прямого вліянія нервной системы на тѣло при сильномъ возбужденіи, есть обезцвѣчиваніе волосъ, которое иногда замѣчали послѣ чрезвычайно сильнаго страха или горя. Записанъ одинъ подлинный примѣръ: у одного человѣка въ Индіи, котораго должны были предать казни, цвѣтъ волосъ измѣнялся такъ быстро, что это было замѣтно глазомъ ¹⁾.

Другимъ хорошимъ примѣромъ служить дрожаніе мышцъ, общее у человѣка и у многихъ или у большинства животныхъ. Дрожь безполезна, часто очень вредна и не могла быть первоначально приобрѣтена посредствомъ воли, а затѣмъ стать привычной въ связи съ какою бы то ни было эмоціей. Одно чрезвычайно авторитетное лицо увѣряетъ меня, что маленькія дѣти не дрожать, но что съ ними дѣлаются судороги при тѣхъ обстоятельствахъ, которыя вызвали бы очень сильную дрожь у взрослыхъ. Дрожь появляется у различныхъ лицъ въ очень различной степени и отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ: отъ озноба, передъ приступами лихорадки, хотя въ это время температура тѣла выше нормальной, при зараженіи крови, при бѣлой горячкѣ и въ другихъ болѣзняхъ, при общемъ упадкѣ силъ въ старости, при истощеніи послѣ крайняго напряженія; мѣстная дрожь бываетъ при тяжелыхъ пораненіяхъ какъ, напримѣръ, при ожогахъ и, специальнымъ образомъ, при введеніи катетра. Изъ всѣхъ эмоцій страхъ, какъ извѣстно, болѣе всего способенъ вызывать дрожь, но то же самое иногда бываетъ отъ сильнаго гнѣва и радости. Я помню, что однажды видѣлъ мальчика, который только что застрѣлил въ лѣтъ своего перваго бекаса: у него до такой степени руки дрожали отъ восторга, что онъ нѣкоторое время не могъ зарядить ружья ²⁾; я слышалъ о совершенно такомъ же случаѣ съ австралійскимъ дикаремъ, которому дали ружье. Прекрасная музыка вслѣдствіе возбуждаемыхъ ею неопредѣленныхъ эмоцій вызываетъ у нѣкоторыхъ лицъ дрожь, которая пробѣгаетъ внизъ по спинѣ; сэръ Педжетъ, которому я обязанъ нѣкоторыми изъ вышеприведенныхъ свѣдѣній, сообщаетъ мнѣ, что этотъ вопросъ очень теменъ. Такъ какъ дрожь иногда бываетъ вызвана яростью гораздо раньше, чѣмъ наступаетъ упадокъ силъ, и такъ какъ она иногда сопровождается большою радостью, то казалось бы, что всякое сильное возбужденіе нервной системы прерываетъ постоянный притокъ нервной силы къ мышцамъ ³⁾.

Характеръ дѣйствія сильныхъ душевныхъ движеній на выдѣленія кишечника и нѣкоторыхъ железъ, каковы печень, почки или млечныя же-

¹⁾ См. интересные случаи, собранные Пуше въ „Revue des deux mondes“, 1 янв. 1872, стр. 79. Объ одномъ случаѣ было также сообщено нѣсколько лѣтъ тому назадъ Британской Ассоціаціи въ Бельфаствѣ. [Ланге („Ueber Gemüthsbewegungen“, перев. съ датскаго Куралла, Лейпцигъ, 1887, стр. 85) цитируетъ изъ Мантегаччи описаніе укротителя львовъ, у котораго выпали волосы въ одну ночь послѣ борьбы на жизнь и смерть въ клеткѣ льва. Приводятъ сходный примѣръ одной дѣвочки, которая потеряла всѣ волосы на тѣлѣ, даже рѣсницы, черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ перенесла большой страхъ при обвалѣ дома.]

²⁾ [Мальчикъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ онъ самъ. См. „Life and Letters of Charles Darwin“, т. I, стр. 34.]

³⁾ Мюллеръ замѣчаетъ („Elements of Physiology“, англ. переводъ, т. II, стр. 934), что когда чувства очень напряжены, „всѣ спинные нервы испытываютъ такое сильное дѣйствіе, что происходитъ неполный параличъ или появляется дрожь во всемъ тѣлѣ“.

лезы, служить другимъ превосходнымъ примѣромъ прямого вліянія чувствующихъ центровъ на эти органы, независимо отъ воли или отъ какой-нибудь полезной ассоціированной привычки. Органы, которые подвергаются такому вліянію, и степень вліянія, испытываемаго ими, чрезвычайно различны у разныхъ лицъ.

Сердце, которое такимъ удивительнымъ образомъ непрерывно бьется день и ночь, крайне чувствительно къ внѣшнимъ стимуламъ. Великій физиологъ Клодъ Бернаръ ¹⁾ показалъ, какъ малѣйшее возбужденіе чувствующаго нерва реагируетъ на сердце, даже если прикоснуться къ нерву такъ слабо, что животное, подвергающееся опыту, не можетъ почувствовать боли. Поэтому, если духъ сильно возбужденъ, мы можемъ ожидать, что онъ мгновенно прямымъ образомъ подѣйствуетъ на сердце; всѣ признаютъ и чувствуютъ, что это такъ и бываетъ. Клодъ Бернаръ также нѣсколько разъ настаиваетъ на томъ (и это заслуживаетъ особаго вниманія), что когда сердце возбуждено, то оно реагируетъ на мозгъ, а состояніе мозга вновь реагируетъ на сердце черезъ блуждающій нервъ; такимъ образомъ при всякомъ возбужденіи между этими двумя важнѣйшими органами тѣла будетъ полное взаимодействіе ²⁾.

Сосудодвигательная система, которая регулируетъ диаметръ малыхъ артерій, находится подъ прямымъ вліяніемъ чувствующихъ центровъ, что мы видимъ, когда человекъ краснѣетъ отъ стыда, но въ этомъ случаѣ задержку въ передачѣ нервной силы сосудамъ лица можно, какъ мы уже сказали, любопытнымъ образомъ отчасти объяснить привычкою. Мы будемъ также въ состояніи пролить нѣкоторый свѣтъ, хотя и весьма слабый, на непровольное подниманіе волосъ отъ ужаса и ярости. Выдѣленіе слезъ зависитъ, безъ сомнѣнія, отъ взаимной связи опредѣленныхъ нервныхъ клѣточекъ, но и здѣсь мы можемъ прослѣдить нѣкоторыя изъ стадій, посредствомъ которыхъ токъ нервной силы по соответствующимъ путямъ сталъ привычнымъ при извѣстныхъ душевныхъ движеніяхъ.

Краткій обзоръ внѣшнихъ знаковъ для нѣкоторыхъ изъ болѣе сильныхъ ощущеній и эмоцій лучше всего покажетъ намъ, хотя и неопредѣленно, какимъ сложнымъ образомъ разсматриваемый нами принципъ прямого дѣйствія возбужденной нервной системы на тѣло сплетается съ принципомъ ассоціированныхъ по привычкѣ полезныхъ движеній.

Когда животныя страдаютъ отъ сильнѣйшей боли, они обыкновенно корчатся въ ужасныхъ конвульсіяхъ; тѣ, которыя обыкновенно употребляютъ голосъ, издають раздражительные крики или стоны. Почти всѣ мышцы тѣла приходятъ въ энергичное дѣйствіе. У человека ротъ можетъ быть крѣпко сжатымъ, или чаще губы оттянуты, а зубы стиснуты

¹⁾ „Leçons sur les Prop. des Tissus vivants“, 1866, стр. 457—466.

²⁾ [См. Моссо („La Peur“, стр. 46) о дѣйствіи эмоцій на кровообращеніе въ мозгу. Онъ даетъ интересное описаніе случаевъ, въ которыхъ вслѣдствіе поврежденій черепа можно было наблюдать пульсацію мозга. Въ томъ же сочиненіи Моссо есть много интересныхъ наблюденій надъ вліяніемъ эмоцій на кровообращеніе. Онъ доказалъ посредствомъ своего плетисмографа, что эмоціи вызываютъ уменьшеніе объема руки и пр., а посредствомъ своихъ вѣсовъ онъ показалъ приливъ крови къ мозгу при очень слабыхъ стимулахъ, напримѣръ, когда въ комнатѣ, гдѣ спитъ пациентъ, производятъ легкій шумъ, недостаточный для того, чтобы разбудить его. Моссо считаетъ, что дѣйствіе эмоцій на сосудодвигательную систему есть какъ бы приспособленіе. Онъ полагаетъ, что сильное дѣйствіе сердца при страхѣ полезно, такъ какъ оно подготавливаетъ тѣло вообще къ большому усилію. Подобнымъ же образомъ онъ объясняетъ блѣдность при страхѣ (*ibid.*, стр. 73): „Quand nous sommes menacés d'un péril, quand nous ressentons un frayeur, une émotion, et que l'organisme doit rassembler ses forces, une contraction des vaisseaux sanguins se produit automatiquement, et cette contraction rend plus actif le mouvement du sang vers les centres nerveux.“.]

или скрежешутъ. Сказано, что въ аду происходитъ «скрежетъ зубовой»; я явственно слышалъ, какъ скрежетала коренными зубами корова, жестоко страдавшая отъ воспаления кишекъ. Самка гиппопотама въ Зоологическомъ саду, производя на свѣтъ дѣтеныша, очень страдала: она все время ходила кругомъ или каталась съ бока на бокъ, раскрывая и смыкая челюсти и стуча зубами ¹⁾. У человѣка глаза дико останавливаются, какъ при ужасѣ, соединенномъ съ удивленіемъ, или же брови тѣсно сдвигаются. По всему тѣлу выступаетъ потъ, и капли его стекаютъ по лицу. Кровообращеніе ²⁾ и дыханіе ³⁾ весьма измѣняются. Поэтому ноздри обыкновенно расширяются и часто вздрагиваютъ, или дыханіе можетъ задерживаться до застоя крови въ побагровѣвшемъ лицѣ. Если страданія жестоки и продолжительны, то всѣ эти признаки измѣняются; наступаетъ полный упадокъ силъ съ потерей сознанія или судорогами.

При раздраженіи чувствующій нервъ передаетъ какое-то вліяніе нервной клѣточкѣ, откуда онъ выходитъ; клѣточка передаетъ его вліяніе сначала соотвѣтствующей нервной клѣточкѣ на противоположной сторонѣ тѣла, а потомъ вверхъ и внизъ по cerebro-спинальной системѣ другимъ нервнымъ клѣткамъ въ большей или меньшей степени, смотря по силѣ возбужденія; такимъ образомъ дѣйствіе можетъ распространиться наконецъ на всю нервную систему ⁴⁾. Эта произвольная передача нервной силы можетъ сопровождаться, но можетъ и не сопровождаться сознаніемъ. Почему раздраженіе нервной клѣточки производитъ или освобождаетъ нервную силу—неизвѣстно, но всѣ величайшіе физиологи, какъ Мюллеръ, Вирховъ, Бернаръ ⁵⁾ и др., повидимому, пришли къ заключенію, что это такъ бываетъ. По замѣчанію Герберта Спенсера, можно считать «безспорной истиной, что во всякій моментъ наличное количество освобожденной нервной силы, которая непостижимымъ образомъ вызываетъ въ насъ состояніе, называемое чувствомъ, должно распространиться въ какомъ-либо направленіи, оно должно вызвать гдѣ-нибудь соотвѣтствующее проявленіе силы»; такимъ образомъ, когда cerebro-спинальная система очень сильно возбуждена и нервная сила освобождается въ избыткѣ, она можетъ расходоваться на напряженныя ощущенія, на дѣятельное мышленіе, на бурныя движенія или усиленную дѣятельность железъ ⁶⁾. Спенсеръ далѣе утверждаетъ, что «избытокъ нервной силы, не руководимый никакимъ мотивомъ, очевидно, направится по наибольше привычнымъ путямъ, а если ихъ недостаточно, онъ затѣмъ польется по менѣе привычнымъ». Слѣдовательно, лицевыя и

¹⁾ М-ръ Бартлетъ. „Notes on the Birth of a Hippopotamus“, Proc. Zoolog. Soc., 1871, стр. 255.

²⁾ [По словамъ Мантегаццы („Azione del Dolore sulla Calorificazione“, Миланъ, 1866), легкая и мимолетная боль вызываетъ у кролика ускореніе пульса; но, по его мнѣнію, это скорѣе зависитъ отъ мыпечныхъ сокращеній, сопровождающихъ боль, чѣмъ отъ самой боли. Жестокая и продолжительная боль причиняетъ огромное замедленіе пульса, и это замедленіе продолжается довольно долго.]

³⁾ [По словамъ Мантегаццы, у высшихъ животныхъ отъ боли дыханіе ускоряется и становится неправильнымъ, а впоследствии боль можетъ вызвать замедленіе его. См. его статью въ „Gazetta medica Italiana Lombardia“, т. 5. Миланъ, 1866.]

⁴⁾ См. объ этомъ вопросѣ „Tissus vivants“ Клода Бернара, 1866, стр. 316, 337, 358. Вирховъ высказывается почти совершенно въ томъ же смыслѣ въ очеркѣ „Ueber das Rückenmark“ (Sammlung wissenschaft. Vorträge, 1871, стр. 28).

⁵⁾ Мюллеръ („Elements of Physiology“, англ. переводъ, т. II, стр. 932), говоря о нервахъ, пишетъ: „Всякое внезапное измѣненіе состоянія какого бы то ни было рода приводитъ нервное начало въ дѣйствіе“. См. у Вирхова и Бернара о томъ же въ разныхъ мѣстахъ двухъ сочиненій, упомянутыхъ мною въ предыдущемъ примѣчаніи.

⁶⁾ Спенсеръ, „Essays, Scientific, Political“ etc., вторая серія, 1863, стр. 109, 111.

дыхательныя мышцы, которыя употребляются больше всѣхъ, склонны раньше другихъ приходить въ дѣйствіе; затѣмъ—мышцы верхнихъ конечностей, потомъ — мышцы нижнихъ конечностей ¹⁾ и наконецъ мышцы всего тѣла ²⁾).

Эмоція можетъ быть очень сильною, но она будетъ имѣть мало стремленія вызывать движенія какого бы то ни было рода, если она обыкновенно не вела къ произвольному движенію для своего облегченія или удовлетворенія, но когда движенія вызваны, ихъ характеръ въ большой степени опредѣляется тѣми, которыя часто и произвольно выполнялись для какой-либо опредѣленной цѣли при той же эмоціи. Сильная боль заставляетъ всѣхъ животныхъ и заставляла ихъ въ теченіе безчисленныхъ поколѣній производить самыя бурныя и разнообразныя усилія, чтобы избавиться отъ причины страданія. Если боль чувствуется въ конечности или въ другой отдѣльной части тѣла, мы часто видимъ стремленіе трясти ея, будто для того, чтобы стряхнуть причину боли, хотя бы это было очевидно невозможнымъ. Такимъ образомъ установилась привычка какъ можно сильнѣе дѣйствовать всѣми мышцами, когда испытываются сильныя страданія. Такъ какъ мы болѣе всего употребляемъ мышцы груди и органовъ голоса, то дѣйствіе прежде всего выразится именно въ нихъ, и тогда получатся громкіе, хриплые вопли или крики. Но преимущество, получаемое отъ криковъ, вѣроятно, играло здѣсь важную роль, ибо дѣтеныши большинства животныхъ, находясь въ бѣдѣ или въ опасности, громко призываютъ родителей на помощь; то же самое дѣлаютъ члены одной и той же общины, ища взаимной помощи.

Другой принципъ, а именно внутреннее сознаніе, что сила или способность нервной системы ограничена, вѣроятно содѣйствовалъ, хотя бы второстепеннымъ образомъ, склонности къ бурнымъ движеніямъ при сильномъ страданіи. Человѣкъ не можетъ глубоко думать и напрягать одновременно всю свою мышечную силу. Какъ давно замѣтилъ Гиппократъ, если чувствовать двѣ боли одновременно, то болѣе жестокая заглушаетъ другую. Мученики, въ пылу религіознаго экстаза, часто бывали, какъ намъ кажется, безчувственными къ самымъ ужаснымъ истязаніямъ. Матросы, когда имъ предстоитъ тѣлесное наказаніе, иногда берутъ въ ротъ кусокъ свинца, чтобы кусать его изо всѣхъ силъ и такимъ образомъ стертпѣть боль. Родильницы приготовляются къ тому, чтобы посредствомъ крайняго напряженія мышцъ облегчить свои страданія.

Итакъ, мы видимъ, что ненаправляемый токъ нервной силы изъ нервныхъ клѣточекъ, которыя первыми подвергаются дѣйствию, долговременная привычка пытаться посредствомъ борьбы избавиться отъ причины страданія, и сознаніе, что произвольная мышечная дѣятельность облегчаетъ боль—вѣроятно всѣ эти причины вмѣстѣ вызвали склонность къ самымъ бурнымъ, почти судорожнымъ движеніямъ при очень сильномъ страданіи; а эти движенія, считая въ томъ числѣ и движенія органовъ голоса, какъ всѣми признано, въ высшей степени выразительны для такого состоянія.

Такъ какъ простое прикосновеніе къ чувствующему нерву прямо реагируетъ на сердце, то жестокая боль будетъ, очевидно, реагировать

1) [Довольно сходный взглядъ высказываетъ Генле, „Anthropologische Vorträge“, 1876, вып. I, стр. 66.]

2) Сэръ Голлендъ („Medical Notes and Reflexions“, 1839, стр. 328), говоря о томъ любопытномъ состояніи тѣла, которое называется *суетливостью*, замѣчаетъ, что оно, повидимому, зависитъ „отъ накопленія какой-то причины раздраженія, которая требуетъ мышечной дѣятельности для его облегченія“.

на него такимъ же образомъ, но гораздо энергичнѣе. Тѣмъ не менѣе даже въ этомъ случаѣ мы не должны упускать изъ виду косвенное дѣйствіе привычки на сердце; мы увидимъ это, когда будемъ разсматривать признаки ярости.

Когда человѣкъ страдаетъ отъ жестокой боли, потъ часто стекаетъ каплями по его лицу; одинъ ветеринарный врачъ увѣрилъ меня, что онъ часто видалъ, какъ капли падали съ живота и стекали внизъ по внутренней сторонѣ бедеръ у лошадей и съ туловища у рогатаго скота при сильныхъ страданіяхъ. Онъ наблюдалъ это тогда, когда не было усилий, которыми объяснялось бы выступленіе пота. Все тѣло вышеупомянутой самки гиппопотама было покрыто потомъ краснаго цвѣта, когда она производила на свѣтъ своего дѣтеныша. То же бываетъ и при крайнемъ страхѣ; тотъ же самый ветеринаръ часто видалъ, какъ у лошадей отъ страха выступалъ потъ, а м-ръ Бартлетъ видѣлъ это у носорога; у человѣка же этотъ симптомъ очень извѣстенъ. Причина появленія испарины въ этихъ случаяхъ совсѣмъ темна: но нѣкоторые физиологи думаютъ, что она связана съ ослабленіемъ кровообращенія въ волосныхъ сосудахъ, а мы знаемъ, что сосудодвигательная система, которая регулируетъ кровообращеніе въ волосныхъ сосудахъ, весьма подвержена вліянію мозга. Что касается движенія нѣкоторыхъ мышцъ лица при большихъ страданіяхъ, а также при другихъ эмоціяхъ, мы лучше разсмотримъ ихъ, когда будемъ говорить о специальныхъ выраженіяхъ у человѣка и у животныхъ.

Теперь мы обратимся къ характернымъ симптомамъ ярости. При этой бурной эмоціи дѣятельность сердца очень ускоряется ¹⁴⁾ или она можетъ быть значительно нарушена. Лицо краснѣетъ, или багровѣетъ отъ затрудненнаго отлива крови, или оно можетъ стать смертельно блѣднымъ. Дыханіе происходитъ съ усиленіемъ, грудь вздымается и расширенныя ноздри вздрагиваютъ. Часто все тѣло дрожитъ. Голосъ измѣняется. Зубы стиснуты или скрежещутъ, а мышечная система обыкновенно бываетъ возбуждена къ бурной, почти неистовой дѣятельности. Но тѣлодвиженія человѣка въ такомъ состояніи обыкновенно отличаются отъ безцѣльныхъ метаній и корчъ человѣка, страдающаго отъ жестокой боли; ибо они болѣе или менѣе явственно изображаютъ удары, направленные на врага, или схватку съ нимъ.

Вѣроятно, всѣ эти признаки ярости въ значительной степени, а нѣкоторые, повидимому, всецѣло, зависятъ отъ прямого дѣйствія возбужденнаго чувствующаго центра. Но животныя всѣхъ родовъ и предки ихъ раньше нихъ напрягали всѣ свои силы въ борьбѣ и въ самозащитѣ, когда на нихъ нападалъ или имъ угрожалъ врагъ. Если животное такъ не поступаетъ, или не имѣетъ намѣренія, или хотя бы желанія напасть на врага, то про него неправильно сказать, что оно въ ярости. Такимъ образомъ, въ ассоціаціи съ яростью вѣроятно была приобрѣтена наследственная привычка къ мышечнымъ усиліямъ; ярость будетъ прямо или косвенно дѣйствовать на различныя органы приблизительно такъ же, какъ сильныя тѣлесныя страданія.

Безъ сомнѣнія, прямое дѣйствіе скажется также и на сердцѣ; но по всему вѣроятію, оно подвергнется ему также вслѣдствіе привычки, тѣмъ болѣе, что оно не находится подъ контролемъ воли. Мы знаемъ, что всякое большое усиліе, которое мы произвольно дѣлаемъ, вліяетъ

¹⁴⁾ Я весьма обязанъ м-ру Гарроду за то, что онъ указалъ мнѣ сочиненіе Лорена о пульсѣ, гдѣ приведена сфигмограмма женщины въ ярости; въ ней видно большее различіе въ скорости и другихъ признакахъ сравнительно со сфигмограммой той же женщины въ спокойномъ состояніи.

на сердце вслѣдствіе механическихъ и другихъ принциповъ, которые намъ здѣсь незначѣмъ разсматривать; а въ первой главѣ было показано, что нервная сила легко направляется по путямъ, употребляемымъ обыкновенно—по нервамъ произвольныхъ и непроизвольныхъ движеній и по нервамъ ощущенія. Такимъ образомъ даже умѣренное усиленіе будетъ склонно подѣйствовать на сердце; согласно же принципу ассоціаціи, для котораго мы привели столько примѣровъ, мы можемъ быть почти увѣренными, что всякое ощущеніе или эмоція, какъ сильная боль или ярость, которыя обыкновенно вели къ сильной мышечной дѣятельности, немедленно повліяютъ на токъ нервной силы къ сердцу, хотя въ это время можетъ и не быть никакого мышечнаго усилія.

Какъ я сказалъ, сердце тѣмъ легче подвергнется дѣйствию привычныхъ ассоціацій, что оно не находится подъ контролемъ воли. Человѣкъ, когда онъ умѣренно сердится, или даже когда онъ въ ярости, можетъ управлять движеніями своего тѣла, но онъ не можетъ помѣшать сердцу сильно биться. Можетъ быть, его грудь нѣсколько разъ поднимется, а ноздри вздрогнутъ, потому что дыхательныя движенія произвольны лишь отчасти. Подобнымъ же образомъ тѣ мышцы лица, которыя наименѣе послушны волѣ, иногда только однѣ выдаютъ легкое и мимолетное волненіе. Далѣе, железы совершенно независимы отъ воли, и человѣкъ, страдающій отъ горя, можетъ управлять чертами лица, но онъ не всегда можетъ помѣшать слезамъ выступить на глаза. Голодный человѣкъ, если передъ нимъ находится соблазнительная пища, можетъ не проявить голода никакимъ внѣшнимъ тѣлодвиженіемъ, но онъ не можетъ удержать выдѣленія слюны.

При порывистой радости или при живомъ удовольствіи существуетъ сильное стремленіе къ различнымъ безцѣльнымъ движеніямъ и къ издаванію различныхъ звуковъ. Мы видимъ это на нашихъ маленькихъ дѣтяхъ, когда они громко смѣются, хлопаютъ въ ладоши и прыгаютъ отъ радости, на прыжкахъ и лаѣ собаки, когда она отправляется гулять съ хозяиномъ, и въ скачкахъ лошади, когда ее направляютъ въ открытое поле ¹⁾. Радость ускоряетъ кровообращеніе, которое возбуждаетъ мозгъ, а онъ въ свою очередь реагируетъ на все тѣло. Вышеописанныя безцѣльныя движенія и усиленіе дѣятельности сердца можно приписать главнымъ образомъ возбужденному состоянію чувствующихъ центровъ ²⁾ и притекающему изъ этого состоянія ненаправляемому избытку нервной силы, какъ настаиваетъ Гербертъ Спенсеръ. Слѣдуетъ отмѣтить, что главнымъ образомъ предвкушеніе удовольствія, а не дѣйствительное пользованіе имъ, ведетъ къ безцѣльнымъ и экстравагантнымъ тѣлодвиженіямъ и къ издаванію различныхъ звуковъ. Мы видимъ это у нашихъ дѣтей, когда

¹⁾ М-ръ Бенъ критикуетъ это мѣсто въ своемъ (*Review of Darwin on Expression: being a Postscript to the Senses and Intellect*“, 1873, стр. 699).

²⁾ Рѣдкіе случаи психическаго опьяненія хорошо показываютъ, какое могучее возбуждающее дѣйствіе оказываетъ на мозгъ сильная радость, и какъ мозгъ реагируетъ на тѣло. Д-ръ Кричтонъ Броунъ („*Medical Mirror*“, 1865), описываетъ, какъ одинъ молодой человѣкъ очень нервнаго темперамента, узнавъ изъ телеграммы, что ему завѣщено состояніе, сначала поблѣднѣлъ, потомъ развеселился и вскорѣ сталъ очень оживленъ, но лицо его было красно и онъ былъ очень беспокоенъ. Потомъ онъ пошелъ со своимъ другомъ прогуляться, чтобы успокоиться, но вернулся нетвердой походкой; онъ шумно смѣялся, но былъ настроенъ раздражительно, говорилъ безостановочно и громко пѣлъ на людныхъ улицахъ. Было положительно удостовѣрено, что онъ не прикасался къ спиртнымъ напиткамъ, хотя всѣ думали, что онъ опьянѣлъ. Спустя нѣкоторое время появилась рвота и полупереваренное содержимое его желудка было изслѣдовано, но нельзя было замѣтить запаха алкоголя. Потомъ онъ крѣпко заснулъ и проснувшись былъ здоровъ, если не считать головной боли, тошноты и упадка силъ.

они ожидаютъ какого-нибудь большаго удовольствія или угощенія; собаки, которыя прыгали при видѣ тарелки съ кормомъ, получивъ его, не проявляютъ своего восторга никакимъ внѣшнимъ знакомъ, онѣ даже не виляютъ хвостами. У всякихъ животныхъ, полученіе всѣхъ ихъ удовольствій, за исключеніемъ тепла и отдыха, ассоціровано и долгое время было ассоціровано съ энергичными движеніями, напримѣръ во время охоты или въ поискахъ корма и при ихъ ухаживаніи. Кромѣ того, упражненіе мышцъ послѣ долгаго отдыха или неподвижности само по себѣ составляетъ удовольствіе, какъ мы чувствуемъ сами и какъ мы видимъ въ играхъ молодыхъ животныхъ. Поэтому, даже только на основаніи этого послѣднаго принципа, мы, пожалуй, могли бы ожидать, что живое удовольствіе въ свою очередь будетъ склонно проявиться въ мышечныхъ движеніяхъ.

У всѣхъ или почти у всѣхъ животныхъ, даже у птицъ, страхъ вызываетъ дрожь тѣла. Кожа блѣднѣетъ, выступаетъ потъ и волосы становятся дыбомъ. Выдѣленія пищеводнаго канала и почекъ усиливаются и выпускаются произвольно, вслѣдствіе ослабленія мышцъ сфинктровъ ¹⁾, что, какъ извѣстно, бываетъ у человѣка и что я видѣлъ у рогатаго скота, собакъ, кошекъ и обезьянъ. Дыханіе ускоряется. Сердце бьется быстро, бурно и сильно; но можно сомнѣваться въ томъ, прогоняетъ ли оно кровь черезъ тѣло болѣе энергично, потому что поверхность кажется безкровной и сила мышцъ вскорѣ слабѣваетъ. Я такъ явственно чувствовалъ сквозь сѣдло біеніе сердца у испугавшейся лошади, что я могъ бы сосчитать удары. Умственные способности весьма омрачаются. Вскорѣ наступаетъ полный упадокъ силъ и даже потеря сознанія. Видѣли, какъ испуганная канарейка не только задрожала и побѣлѣла у основанія клюва, но и лишилась чувствъ ²⁾; однажды я поймалъ въ комнатѣ зорянку, которая упала въ такой глубокой обморокъ, что я нѣкоторое время считалъ ее мертвой.

Большинство этихъ симптомовъ вѣроятно является прямымъ результатомъ разстроенаго состоянія чувствующихъ центровъ, независимо отъ привычки; но сомнительно, слѣдуетъ ли всецѣло объяснять ихъ такимъ образомъ. Когда животное встревожено, оно почти всегда стоитъ одно мгновеніе неподвижно, чтобы собраться съ духомъ и провѣрить источникъ опасности, а иногда для того, чтобы остаться незамѣченнымъ. Но вскорѣ оно обращается въ стремительное бѣгство, не щадя силъ, какъ это бываетъ въ дракѣ; животное все бѣжитъ, если опасность продолжается, пока дальнѣйшее бѣгство не станетъ невозможнымъ, вслѣдствіе полнаго изнуренія, при ослабленіи дыханія и кровообращенія, причѣмъ всѣ мышцы дрожатъ и выступаетъ обильный потъ. Поэтому не представляется нѣвѣроятнымъ, что принципъ ассоцірованной привычки можетъ отчасти объяснить или по меньшей мѣрѣ усилить вышеописанные характерные симптомы крайняго страха.

1) Д-ръ Ланге, профессоръ медицины въ Копенгагенѣ, говоритъ, что это зависитъ не отъ ослабленія сфинктровъ, а отъ спазма кишекъ. См. его „*Gemüthsbewegungen*“, перев. на нѣмецкій языкъ Куралла. Лейпцигъ, 1887, стр. 85, гдѣ приведены ссылки на его прежнія сочиненія о томъ же вопросѣ. Моссо придерживается такого же взгляда; см. его „*La peur*“, стр. 137, гдѣ онъ ссылается на статью, написанную Пеллакани и имъ: „*Sur les fonctions de la vessie*“ (*Archives Italiennes de Biologie*, 1882). См. также Тюокъ „*Influence of the Mind on the Body*“, стр. 273.)

2) Д-ръ Дарвинъ. „*Zoonomia*“, 1794, т. I, стр. 148.

Мнѣ кажется, можно заключить, что принципъ ассоціированной привычки игралъ важную роль въ качествѣ причины движеній, выражающихъ различныя вышеприведенныя сильныя эмоціи и ощущенія, если мы рассмотримъ, во-первыхъ, нѣкоторыя другія сильныя эмоціи, которыя обыкновенно не требуютъ произвольныхъ движеній для своего облегченія или удовлетворенія, во-вторыхъ, противоположный характеръ такъ называемыхъ возбуждающихъ и удручающихъ состояній духа. Нѣтъ эмоціи сильнѣе материнской любви; но мать можетъ чувствовать глубочайшую любовь къ своему безпомощному младенцу и всетаки не проявлять ея никакими внѣшними признаками, или выражать ее только легкими ласкающими движеніями, ласковой улыбкой и нѣжнымъ взглядомъ. Но пусть кто-нибудь намѣренно обидитъ ея младенца: посмотрите, какая происходитъ переменъ! Какъ она вскакиваетъ съ угрожающимъ видомъ, какъ ея глаза блестятъ, а лицо краснѣетъ, какъ вздымается ея грудь, расширяются ноздри и бьется сердце, — ибо гнѣвъ, а не материнская любовь обыкновенно бываетъ причиною энергичныхъ движеній. Любовь между противоположными полами совершенно отлична отъ материнской; мы знаемъ, что когда влюбленные встрѣчаются, ихъ сердца бьются быстро, дыханіе ускоряется и лица вспыхиваютъ, — ибо эта любовь не бездѣтельна, какъ любовь матери къ младенцу.

Душа человѣка можетъ быть полна самой черной ненависти или подозрѣній, или она можетъ терзаться завистью или ревностью, но такъ какъ эти чувства не ведутъ къ немедленному дѣйствию и такъ какъ они обыкновенно длятся нѣкоторое время, они не проявляются внѣшними признаками, за исключеніемъ того, что человѣкъ въ такомъ состояніи, конечно, не кажется веселымъ или добродушнымъ. Если же эти чувства выльются въ открытыя поступки, ярость заступитъ ихъ мѣсто и проявится ясно. Живописцы почти не могутъ изображать подозрѣніе, ревность, зависть и т. д., не прибѣгая къ помощи аксессуаровъ, которые объясняютъ, въ чемъ дѣло; поэты же употребляютъ такія неопредѣленныя и фантастическія выраженія какъ «зеленоокая ревность». Спенсеръ описываетъ подозрѣніе такъ: «Низкое, безобразное и мрачное, оно кочится изподлобья» и т. д.; Шекспиръ говорить о зависти, что она «худая въ ея гнусной оболочкѣ», а въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «черная зависть не выроетъ мнѣ могилу», и еще: «выше угрожающей руки блѣдной зависти».

Эмоціи и ощущенія часто раздѣляли на возбуждающія и удручающія. Когда всѣ органы тѣла и духа, органы произвольныхъ и произвольныхъ движеній, воспріятія, ощущеній, мысли и т. д., отправляютъ свои функціи энергичнѣе и быстрѣе обыкновеннаго, то про человѣка или про животное можно сказать, что они возбуждены, а при противоположномъ состояніи, — что они удручены. Гнѣвъ и радость съ самаго начала являются возбуждающими эмоціями, и они естественнымъ образомъ ведутъ, особенно гнѣвъ, къ энергичнымъ движеніямъ, которыя реагируютъ на сердце, а оно въ свою очередь — на мозгъ. Одинъ врачъ когда-то указалъ мнѣ, какъ на возбуждающее свойство гнѣва, что когда человѣкъ чрезвычайно утомленъ, онъ иногда выдумываетъ воображаемыя обиды и выходитъ изъ себя, безсознательно дѣлая это для того, чтобы подкрѣпиться; послѣ того, какъ я услышалъ это замѣчаніе, я иногда убѣждался въ его полной справедливости.

Различныя другія душевныя состоянія сначала кажутся возбуждающими, но вскорѣ становятся удручающими въ крайней степени. Когда

мать внезапно теряет ребенка, она иногда бывает внѣ себя отъ горя и слѣдуетъ считать, что она находится въ возбужденномъ состоянii: она дико бродитъ, рветъ на себѣ волосы или одежду и ломаетъ руки. Это послѣднее движенiе, можетъ быть, зависитъ отъ принципа антитезы и выражаетъ внутреннее чувство безпомощности и сознаниe, что ничего нельзя сдѣлать. Другiя безпорядочныя и бурныя движенiя можно объяснить отчасти тѣмъ облегченіемъ, которое получается отъ мышечныхъ усилiй, а отчасти ненаправляемымъ приливомъ нервной силы изъ возбужденныхъ чувствительныхъ центровъ. Но при внезапной потерѣ любимаго лица одною изъ первыхъ и самыхъ обычныхъ мыслей, которыя приходятъ намъ въ голову, бываетъ та, что можно было сдѣлать еще что-нибудь для спасенiя погибшаго человѣка. Одна превосходная наблюдательница ¹⁾, описывая поведенiе дѣвушки при внезапной смерти ея отца, говоритъ, что она «ходила по дому, ломая руки ²⁾», какъ безумная, и говорила: это я виновата; я не должна была оставлять его; зачѣмъ я не просидѣла ночь возлѣ него» и т. д. Когда такія мысли живо представляются уму, то, согласно принципу ассоциированной привычки, можетъ появиться сильнѣйшая склонность къ энергичному дѣйствию какого бы то ни было рода.

Какъ только страждущiй вполне сознаетъ, что ничего нельзя сдѣлать, отчаянiе или глубокая печаль заступаютъ мѣсто бурнаго горя. Страждущiй сидитъ неподвижно или тихо раскачивается; кровообращенiе становится вялымъ; дыханiе почти позабыто ³⁾ и онъ испускаетъ тяжкіе вздохи. Все это реагируетъ на мозгъ и вскорѣ наступаетъ упадокъ силъ, причемъ мышцы ослабѣваютъ и глаза тускнѣютъ. Такъ какъ ассоциированная привычка уже не побуждаетъ страждущаго къ дѣйствию, то друзья его настаиваютъ, чтобы онъ произвольно двигался, а не предавался бы молчаливому, неподвижному горю. Движенiе оказываетъ возбуждающее дѣйствиe на сердце, которое реагируетъ на мозгъ и помогаетъ духу нести тяжелое бремя.

Боль, если она жестока, вскорѣ причиняетъ крайнее пониженiе ⁴⁾ или упадокъ силъ; но сначала она бываетъ возбуждающимъ средствомъ

¹⁾ М-съ Олифантъ, въ ея романѣ „Miss Majoribanks“, стр. 362.

²⁾ [Одинъ корреспондентъ пишетъ: „Что значить эта ходячая фраза?—спросилъ я вчера у троихъ людей.

А. схватилъ свою лѣвую руку правой и сталъ вертѣть первую вокругъ второй.

В. сложилъ руки такъ, что пальцы переплелись, и потомъ стиснулъ ихъ.

С. не зналъ, что это значить.

Я сказалъ, что, по-моему, это значить—быстро трясти кистями рукъ, но что я никогда не видалъ этого жеста; тогда В. сказалъ, что онъ не разъ видѣлъ, какъ одна дама дѣлала это“.]

³⁾ [Генле писалъ объ „Естественной исторiи вздоха“ въ своихъ „Anthropologische Vorträge“, 1876, тетр. I, стр. 43. Онъ раздѣляетъ душевныя движенiя на *удручающiя* и *возбуждающiя*. Удручающiя душевныя движенiя, каковы отвращенiе, страхъ или ужасъ, вызываютъ сокращенiе гладкихъ мышцъ, тогда какъ возбуждающiя страсти, каковы радость или гнѣвъ, парализуютъ ихъ. Такимъ образомъ оказывается, что удручающее состоянiе духа, какъ тревога или безпокойство, вызываетъ, вслѣдствiе сокращенiя мелкихъ бронховъ, неприятное чувство въ груди, какъ будто что-то мѣшаетъ свободно дышать. Недостаточность діафрагматическаго дыханiя привлекаетъ къ себѣ наше вниманiе, и мы, прибѣгая къ помощи произвольныхъ дыхательныхъ мышцъ, глубоко переводимъ духъ или вздыхаемъ.]

⁴⁾ [Мантегацца („Azione de Dolore sulle Calorificazione“, въ „Gazetta medica Italiana Lombardia“, т. 5. Миланъ, 1866) показываетъ, что боль вызываетъ „продолжительное и серьезное“ пониженiе температуры. Интересно отмѣтить, что у нѣкоторыхъ животныхъ страхъ вызываетъ аналогичный эффектъ.]

и побуждаетъ къ дѣйствию, что мы видимъ, когда бьемъ лошадь хлыстомъ, и что показываютъ ужасныя мученія, которыя причиняютъ въ иныхъ странахъ истощеннымъ упряжнымъ воламъ, чтобы побудить ихъ къ новымъ усиліямъ. Далѣе, страхъ—наиболѣе удручающая изъ всѣхъ эмоцій; онъ вскорѣ вызываетъ полный, безпомощный упадокъ силъ, какъ бы вслѣдствіе сильнѣйшихъ и продолжительныхъ усилій спастись отъ опасности или какъ бы въ ассоціаціи съ ними, хотя въ дѣйствительности такихъ усилій не было сдѣлано. Тѣмъ не менѣе даже крайній страхъ часто дѣйствуетъ въ первое время какъ могучее возбуждающее средство. Человѣкъ или животное, впавшіе отъ ужаса въ отчаяніе, одарены удивительною силою и, какъ извѣстно, въ высшей степени опасны.

Въ общемъ мы можемъ заключить, что принципъ прямого дѣйствія чувствующихъ центровъ на тѣло, зависящій отъ строенія нервной системы и съ самаго начала независимый отъ воли, имѣлъ очень большое вліяніе на опредѣленіе многихъ выраженій. Дрожаніе мышцъ, выступленіе пота на кожѣ, измѣненныя выдѣленія пищеводнаго канала и железъ при различныхъ эмоціяхъ и ощущеніяхъ служатъ хорошими примѣрами. Но дѣйствія этого рода часто комбинируются съ другими, вытекающими изъ нашего перваго принципа, который состоитъ въ томъ, что движенія, часто приносившія прямую или косвенную пользу при опредѣленныхъ душевныхъ состояніяхъ, для удовлетворенія или облегченія извѣстныхъ ощущеній, желаній и т. д., все еще производятся при аналогичныхъ обстоятельствахъ просто по привычкѣ, хотя и не приносятъ пользы. Мы имѣемъ комбинаціи такого рода, по меньшей мѣрѣ отчасти, въ неистовыхъ тѣлодвиженіяхъ ярости и въ корчахъ крайней боли, можетъ быть, также въ усиленной дѣятельности сердца и дыхательныхъ органовъ. Даже когда эти и другія эмоціи и ощущенія возбуждены въ очень слабой степени, всетаки будетъ склонность къ подобнымъ дѣйствіямъ въ силу долговременной привычки; обыкновенно долѣе всего сохраняются тѣ дѣйствія, которыя наименѣе подчинены произвольному контролю. Нашъ второй принципъ, антитеза, тоже иногда игралъ роль.

Наконецъ, посредствомъ трехъ принциповъ, теперь разсмотрѣнныхъ нами, можно объяснить—какъ мы увидимъ, надѣюсь, въ теченіе этой книги—такъ много выразительныхъ движеній, что мы можемъ надѣяться въ послѣдствіи получить для всѣхъ объясненіе такимъ путемъ или посредствомъ весьма сходныхъ принциповъ. Однако часто бываетъ невозможно рѣшить, какое значеніе слѣдуетъ приписывать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ одному изъ нашихъ принциповъ и какое—другому; очень многіе пункты въ теоріи выраженія остаются необъяснимыми.

ГЛАВА IV.

Способы выраженія у животныхъ.

Издаваніе звуковъ.—Голосовые звуки.—Звуки, производимые инымъ способомъ.—Приподниманіе кожныхъ придатковъ, волосъ, перьевъ и пр. при гнѣвѣ и ужасѣ.—Оттягиваніе ушей назадъ, какъ приготовленіе къ дракѣ и какъ выраженіе гнѣва.—Настороживаніе ушей и подниманіе головы, какъ знакъ вниманія.

Въ этой и въ слѣдующей главѣ я опишу выразительныя движенія у нѣкоторыхъ хорошо извѣстныхъ животныхъ при различныхъ настроеніяхъ, при чемъ буду приводить лишь столько подробностей, сколько нужно для иллюстраціи нашего предмета. Но прежде чѣмъ разсматривать ихъ въ должной послѣдовательности, мы, во избѣжаніе многихъ бесполезныхъ повтореній, обсудимъ нѣкоторые способы выраженія, общіе для большинства этихъ животныхъ.

Издаваніе звуковъ. У многихъ животныхъ, въ томъ числѣ и у чело-вѣка, органы голоса въ высшей степени важны въ качествѣ средства выраженія. Мы видѣли въ предыдущей главѣ, что при сильномъ возбужденіи чувствующихъ центровъ мышцъ тѣла обыкновенно приходятъ въ бурное дѣйствіе; и, какъ послѣдствіе этого, издаются громкіе звуки, сколь бы молчаливо животное ни было вообще и хотя бы эти звуки были бесполезны. Зайцы ¹⁾ и кролики, напримѣръ, никогда не употребляютъ, какъ мнѣ кажется, своихъ органовъ голоса, кромѣ случаевъ крайняго страданія, напримѣръ, когда охотникъ добываетъ раненаго зайца, или когда горностаи поймаетъ молодого кролика. Рогатый скотъ и лошади переносятъ сильную боль молча; но когда она чрезмѣрна и особенно когда она соединена со страхомъ, они издають ужасающіе звуки. Я часто издали узнавалъ въ пампасахъ отчаянный предсмертный ревъ быка, когда его поймають арканомъ и перерѣжутъ ему сухожилия. Говорятъ, что лошади при нападеніи волковъ издають громкіе и своеобразные крики отчаянія ²⁾.

Невольныя и безцѣльныя сокращенія мышцъ груди и гортани, вызываемыя вышеописаннымъ образомъ, можетъ быть и послужили началомъ къ издаванію голосовыхъ звуковъ. Теперь многія животныя широко пользуются голосомъ для различныхъ цѣлей; повидимому, привычка играла важную роль въ употребленіи его при другихъ обстоятельствахъ. Натуралисты замѣтили, какъ мнѣ кажется, справедливо—что животныя общественныя, которыя обыкновенно пользуются голосовыми органами, какъ средствомъ взаимнаго сообщенія, и въ другихъ случаяхъ употребляютъ ихъ гораздо чаще, чѣмъ другія животныя. Но изъ этого правила есть рѣзкія исключенія, напримѣръ, кролики. Кромѣ того, столь широко распространенный принципъ ассоціаціи, тоже игралъ здѣсь роль. Отсюда слѣдуетъ, что голосъ, вслѣдствіе того, что къ его помощи обыкновенно прибѣгали при извѣстныхъ условіяхъ, причиняющихъ удовольствіе, боль,

¹⁾ [М-ръ Брандеръ Дѣнбаръ въ письмахъ къ Чарлзу Дарвину утверждаетъ, что зайцы призываютъ своихъ дѣтенышей крикомъ, и что этотъ крикъ можно вызвать, если унести зайченка съ того мѣста, гдѣ его оставила мать. Говорятъ, этотъ крикъ совсѣмъ непохожъ на крикъ затравленнаго зайца.]

²⁾ [Одна дама сообщила слѣдующее описаніе крика лошади: „Въ многолюдномъ мѣстѣ, въ Лондонѣ, упала лошадь и попала полъ колесо экипажа; ея крикъ преслѣдовалъ насъ послѣ того нѣсколько дней, потому что мы никогда не слышали звука, который бы выражалъ такую муку.“]

ярость и пр., употребляется всякій разъ, когда бываютъ вызваны тѣ же ощущенія или эмоціи, при совершенно иныхъ условіяхъ или въ болѣе слабой степени.

У многихъ животныхъ въ періодъ полового возбужденія оба пола безостановочно призываютъ другъ друга; довольно часто самецъ старается такимъ способомъ плѣнить или возбудить самку. Повидимому, первоначальное употребленіе и способъ развитія голоса дѣйствительно были таковы, какъ я пытался показать въ моемъ «Происхожденіи человѣка». Такимъ образомъ, употребленіе органовъ голоса вѣроятно ассоціировалось съ предвкушеніемъ самаго большого удовольствія, какое животныя способны испытывать. Животныя, которыя живутъ обществами, часто зовутъ другъ друга, если разлучатся, и очевидно очень радуются при встрѣчѣ; то же самое мы видимъ у лошади, когда возвращается ея товарищъ, котораго она призывала ржаніемъ. Мать безостановочно зоветъ своего дѣтеныша, если потеряетъ его, напримѣръ, корова зоветъ теленка, дѣтеныши многихъ животныхъ въ свою очередь призываютъ матерей. Когда стадо овецъ разсѣется, матки безостановочно призываютъ ягнятъ блеяніемъ, и ихъ обоюдное удовольствіе при встрѣчѣ бываетъ очевидно. Горе человѣку, который потревожитъ дѣтенышей болѣе крупныхъ и свирѣпыхъ четвероногихъ, если они услышатъ тревожный крикъ своихъ дѣтей. Ярость влечетъ за собою порывистыя движенія всѣхъ мышцъ, включая и головныя; нѣкоторыя животныя, будучи разъярены, стараются внушить врагамъ ужасъ силою и дикостью голоса, напримѣръ, левъ — ревомъ, а собака — рычаніемъ. Я заключаю, что они намѣреваются внушить ужасъ, потому что левъ въ то же время поднимаетъ шерсть на гривѣ, а собака — шерсть вдоль спины, и такимъ образомъ они стараются казаться какъ можно больше и страшнѣе. Самцы-соперники стараются превзойти другъ друга голосомъ и голосомъ же вызываютъ одинъ другого на поединокъ; послѣдствіемъ бываютъ смертельныя драки. Вѣроятно этимъ путемъ употребленіе голоса ассоціировалось съ эмоціей гнѣва, чѣмъ бы онъ ни былъ вызванъ. Мы видѣли также, что острая боль, подобно ярости, вызываетъ громкіе крики, а напряженіе при крикѣ само по себѣ приноситъ нѣкоторое облегченіе; вѣроятно, такимъ образомъ употребленіе голоса ассоціировалось со страданіемъ какого бы то ни было рода.

Вопросъ о томъ, по какой причинѣ при различныхъ душевныхъ движеніяхъ и ощущеніяхъ издаются совершенно различныя звуки, очень теменъ. Правильно, что это различіе рѣзко, тоже не всегда приложимо. Напримѣръ, у собаки гнѣвный и радостный лай довольно похожи другъ на друга, хотя ихъ все-таки можно различить. Врядъ ли когда-либо будетъ дано точное объясненіе причины или источника каждаго отдѣльнаго звука при различныхъ душевныхъ состояніяхъ. Мы знаемъ, что нѣкоторыя животныя, послѣ того какъ они были приручены, приобрѣли привычку издавать звуки, которые для нихъ не были естественными¹⁾. Такъ домашнія собаки и даже прирученные шакалы вступились лаять, между тѣмъ какъ этотъ звукъ не свойственъ ни одному виду этого рода, за исключеніемъ сѣверо-американской *Canis latrans*, которая, какъ говорятъ, лаетъ. Кроме того, нѣкоторыя породы домашнихъ голубей научились ворковать на новый, совершенно своеобразный ладъ.

Гербертъ Спенсеръ²⁾ въ интересномъ очеркѣ о музыкѣ говоритъ о

¹⁾ См. доказательства въ моей книгѣ „Variation of Animals and Plants under Domestication“, т. I, стр. 27. О воркованіи голубей: т. I, стр. 154, 155.

²⁾ Essays, „Scientific, Political and Speculative“, 1858. „The Origin and Function of Music“, стр. 359.

характеръ человѣческаго голоса подъ вліяніемъ различныхъ душевныхъ движеній. Онъ ясно показываетъ, что при различныхъ условіяхъ сила и качество голоса очень измѣняются, то-есть измѣняется его звонкость и *тембръ*, высота и интервалы. Всякій, кто прислушается къ краснорѣчивому оратору или проповѣднику, или къ человѣку, который сердито кричитъ на другого, или къ человѣку, выражающему удивленіе, будетъ пораженъ справедливостью замѣчаній Спенсера. Любопытно, въ какомъ раннемъ возрастѣ модуляціи голоса становятся выразительными. Когда одному изъ моихъ дѣтей еще не было двухъ лѣтъ, я ясно замѣтилъ, что его утвердительное «гм» становится очень выразительнымъ отъ одной легкой модуляціи, и что при своеобразномъ плаксивомъ звукѣ его отрицаніе выражаетъ упорную рѣшимость. Далѣе Спенсеръ показываетъ, что страстная рѣчь, во всѣхъ вышеуказанныхъ отношеніяхъ, близко родственна съ вокальной музыкой, а слѣдовательно и съ инструментальной; онъ пытается объяснить характерныя свойства физиологическимъ началомъ,—именно, на основаніи «общаго закона, что чувство служитъ стимуломъ для мышечнаго движенія». Можно допустить, что этотъ законъ вліяетъ на голосъ; но это объясненіе представляется мнѣ настолько общимъ и неопредѣленнымъ, что оно не проливаетъ большого свѣта на разныя отличія, кромѣ отличій въ степени громкости, между обыкновенною рѣчью и страшною, или пѣніемъ.

Это замѣчаніе одинаково приложимо какъ въ томъ случаѣ, если мы предположимъ, что различныя свойства голоса произошли отъ употребленія голоса при возбужденіи сильныхъ чувствъ, и что впослѣдствіи эти свойства были перенесены на вокальную музыку; такъ и въ томъ случаѣ, если мы предположимъ, какъ я утверждаю, что привычка издавать музыкальные звуки развилась сначала, какъ способъ уходаживанія у раннихъ предковъ человѣка, и такимъ образомъ ассоціировалась съ самыми сильными эмоціями, къ какимъ они были способны, то-есть съ пламенной любовью, соперничествомъ и торжествомъ побѣды. Всѣмъ извѣстно, что животныя издають музыкальные звуки, какъ мы можемъ ежедневно слышать въ пѣніи птицъ. Болѣе замѣчателенъ тотъ фактъ, что одна обезьяна, одинъ изъ гиббоновъ весьма вѣрно исполняетъ октаву музыкальныхъ звуковъ, восходя и спускаясь по ней полутонами; такимъ образомъ только одна эта обезьяна «изо всѣхъ млекопитающихъ животныхъ, можно сказать, поетъ»¹⁾. Этотъ фактъ и аналогія съ другими животными побудили меня заключить, что предки человѣка вѣроятно издавали музыкальные тоны, прежде чѣмъ приобрѣли способность къ членораздѣльной рѣчи; и что слѣдовательно, когда голосъ употребляется при какомъ-нибудь сильномъ душевномъ движеніи, онъ имѣетъ склонность принимать по принципу ассоціаціи музыкальный характеръ. Мы можемъ ясно замѣтить у нѣкоторыхъ низшихъ животныхъ, что самцы прибѣгаютъ къ голосу, чтобы понравиться самкамъ, и что имъ самимъ нравятся издаваемые ими звуки; но въ настоящее время нельзя объяснить, почему издаются особые звуки и почему они доставляютъ удовольствіе.

Для насъ довольно ясно, что высота голоса имѣетъ отношеніе къ опредѣленнымъ состояніямъ чувства. Когда человѣкъ слегка жалуется на обиду или испытываетъ небольшое страданіе, онъ почти всегда гово-

¹⁾ „Происхожденіе человѣка“, англ. изд., 1870, т. II, стр. 332. Приводимыя слова принадлежатъ профессору Оуену. Недавно было показано, что нѣкоторые четвероногія, стоящія гораздо ниже обезьянъ, именно грызуны, способны издавать правильные музыкальные тоны: см. сообщеніе о поющемъ *Hesperomys* Локвудъ въ „American Naturalist“, т. V, декабрь 1871, стр. 761.

рить на высокіхъ нотахъ. Собаки при легкомъ нетерпѣніи часто издаютъ высокій пискливый звукъ черезъ носъ, и этотъ звукъ представляется намъ жалобнымъ¹⁾; но какъ трудно сказать, дѣйствительно ли звукъ жалобенъ, или только кажется намъ такимъ въ этомъ частномъ случаѣ, такъ какъ мы уже знаемъ по опыту, что онъ означаетъ. Ренгеръ указываетъ²⁾, что обезьяны (*Cebus azarae*), которыхъ онъ держалъ въ Парагваѣ, выражали удивленіе полу-пискливымъ, полу-рычащимъ звукомъ; гнѣвъ или нетерпѣніе—повторяя звукъ гу-гу болѣе низкимъ, хрюкающимъ голосомъ; страхъ или боль—пронзительными криками. Съ другой стороны, у людей низкіе стоны и высокіе, пронзительные крики одинаково выражаютъ мучительную боль. Смѣхъ можетъ быть и высокимъ и низкимъ, такъ что, какъ давно замѣтилъ Галлеръ³⁾, у взрослыхъ мужчинъ звукъ смѣха по характеру приближается къ гласнымъ *o* и *a* (по нѣмецкому произношенію); тогда какъ у дѣтей и женщинъ онъ скорѣе имѣетъ характеръ *e* и *u*; эти послѣдніе гласные звуки естественнымъ образомъ имѣютъ, какъ показалъ Гельмгольцъ, болѣе высокій тонъ, чѣмъ первые; однако и тѣ и другіе звуки смѣха одинаково выражаютъ радость или веселость.

Когда мы разсматриваемъ, какимъ именно способомъ голосовые звуки выражаютъ душевное движеніе, намъ естественно приходится изслѣдовать причину того, что въ музыкѣ называется «выраженіемъ». Относительно этого вопроса м-ръ Личфильдъ, долго занимавшійся музыкой, любезно сообщилъ мнѣ слѣдующія указанія: «вопросъ о томъ, въ чемъ состоитъ сущность музыкальнаго «выраженія», содержитъ много темныхъ пунктовъ, которые, насколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ остаются неразрѣшенными загадками. Впрочемъ, до нѣкоторой степени всякій законъ, который окажется справедливымъ относительно выраженія эмоцій простыми звуками, долженъ быть приложимъ къ болѣе развитому способу выраженія въ пѣснѣ, которую можно принять за первоначальный типъ всякой музыки. Эмоціональный эффектъ пѣсни въ значительной степени зависитъ отъ характера дѣйствій, посредствомъ которыхъ производятся звуки. Напримѣръ, въ пѣсняхъ, которыя выражаютъ бурную страсть, эффектъ часто зависитъ главнымъ образомъ отъ сильнаго исполненія одного или двухъ характерныхъ мѣстъ, которыя требуютъ большаго напряженія силы голоса; часто можно замѣтить, что надлежащее дѣйствіе пѣсни подобнаго рода пропадаетъ, когда ее исполняетъ голосъ настолько сильный и обширный, что характерныя мѣста даются ему безъ большаго напряженія. Здѣсь безъ сомнѣнія кроется причина потери эффекта, которая такъ часто происходитъ при переложеніи пѣсни изъ одного ключа въ другой. Такимъ образомъ мы видимъ, что эффектъ зависитъ не только отъ дѣйствительныхъ звуковъ, но отчасти также отъ характера дѣйствія, которымъ они производятся. На самомъ дѣлѣ, очевидно, что всякій разъ, когда мы чувствуемъ, что «выразительность» пѣсни зависитъ отъ быстроты или медленности темпа, отъ мягкости переходовъ, отъ силы исполненія и т. д., мы въ сущности истолковываемъ мышечныя движенія, которыя производятъ звукъ такъ же, какъ мы истолковываемъ мышечныя движенія вообще. Но при этомъ остается необъясненнымъ болѣе тонкій и болѣе специфическій эффектъ, который мы называемъ *музыкальнымъ* выраженіемъ пѣсни—наслажденіе, достав-

1) Тейлоръ („Primitive Culture“, 1871, т. I, стр. 166), говоря объ этомъ вопросѣ, упоминаетъ о визгѣ собаки.

2) „Naturgeschichte der Säugethiere von Paraguay“, 1830, стр. 46.

3) Цитировано у Грасіоле „De la physiologie“, 1865, стр. 1157.

ляемое ея мелодіей или даже отдѣльными звуками, составляющими мелодію. Этотъ эффектъ не поддается словесному опредѣленію; насколько мнѣ извѣстно, никому не удалось анализировать его, и остроумныя соображенія Герберта Спенсера относительно происхожденія музыки оставляютъ его безъ всякаго объясненія. Ибо достоверно, что *мелодическій* эффектъ ряда звуковъ не зависитъ нимало отъ ихъ силы или мягкости, или отъ ихъ *абсолютной* высоты. Напѣвъ всегда остается однимъ и тѣмъ же напѣвомъ, поютъ ли его громко или тихо, поетъ ли его ребенокъ или взрослый человекъ, исполняютъ ли его на флейтѣ или на тромбонѣ. Чисто музыкальный эффектъ какаго бы то ни было звука зависитъ отъ его мѣста въ томъ, что технически называется «гаммою»; одинъ и тотъ же звукъ производитъ совершенно различныя впечатлѣнія на слухъ, смотря по тому, слышимъ ли мы его въ связи съ тѣмъ или другимъ рядомъ звуковъ.

«Всѣ существенныя характерныя эффекты, которые обнимаетъ собою терминъ «музыкальная выразительность», зависятъ отъ такой *относительной* ассоціаціи звуковъ. Но почему опредѣленныя ассоціаціи звуковъ производятъ такіе-то эффекты, это—задача, которую еще предстоитъ разрѣшить. Въ самомъ дѣлѣ, эти эффекты должны такъ или иначе быть связаны съ хорошо извѣстными ариѳметическими отношеніями между скоростями вибраціи звуковъ, которые образуютъ музыкальную гамму. Возможно (но это только догадка), что большая или меньшая легкость, съ которою вибрирующий аппаратъ человѣческаго дыхательнаго горла переходитъ отъ одного состоянія вибраціи къ другому, послужила первоначальной причиной большаго или меньшаго удовольствія, доставляемаго различными послѣдованіями звуковъ».

Но оставляя въ сторонѣ эти сложные вопросы и ограничиваясь болѣе простыми звуками, мы можемъ по меньшей мѣрѣ видѣть нѣкоторыя причины, по которымъ звуки опредѣленнаго рода ассоціируются съ опредѣленными душевными состояніями. Напримѣръ, крикъ, издаваемый молодымъ животнымъ или однимъ изъ членовъ общины для призыва на помощь, естественнымъ образомъ будетъ громокъ, продолжителенъ и высокъ, чтобы разноситься на далекое разстояніе. Ибо Гельмгольцъ показалъ ¹⁾, что вслѣдствіе формы внутренней полости человѣческаго уха и простирающейся изъ этой формы способности отражать звуки, высокія ноты производятъ особенно сильное впечатлѣніе. Самцы животныхъ, издавая звуки для того, чтобы понравиться самкамъ, естественнымъ образомъ прибѣгли бы къ такимъ звукамъ, которые пріятны для слуха животныхъ ихъ вида; повидимому, одни и тѣ же звуки часто нравятся совершенно различнымъ животнымъ, вслѣдствіе сходства ихъ нервныхъ системъ, какъ мы сами замѣчаемъ по тому, что пѣніе птицъ и даже чириканье нѣкоторыхъ древесныхъ лягушекъ доставляетъ намъ удовольствіе. Съ другой стороны, звуки, производимые для того, чтобы поразить врага ужасомъ, естественнымъ образомъ будутъ грубыми и неприятными.

Сомнительно, игралъ ли принципъ антитезы роль въ издаваніи звуковъ, какъ мы могли бы ожидать. Прерывистые звуки при смѣхѣ или хихиканьи, издаваемые человекомъ и различными обезьянами, когда онѣ испытываютъ удовольствіе, представляютъ полнѣйшую противоположность съ протяжными криками этихъ животныхъ въ бѣдѣ. Низкое хрю-

¹⁾ „Théorie physiologique de la musique“. Парижъ, 1868, стр. 146. Въ этомъ глупокомысленномъ сочиненіи Гельмгольцъ также вполне выяснилъ соотношеніе между формой полости рта и издаваніемъ гласныхъ звуковъ.

канье удовлетворенія, издаваемое свиньей, когда она довольна кормомъ, совершенно отлично отъ ея рѣзкихъ криковъ при боли или страхѣ. Но у собаки, какъ мы только что замѣтили, сердитый и радостный лай вовсе не представляютъ по звуку противоположности между собою; то же самое бываетъ въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ.

Кромѣ того, есть и еще одинъ темный вопросъ—именно, обуславливается ли форма рта звуками, производимыми при различныхъ душевныхъ состояніяхъ, или, можетъ быть, форма рта опредѣляется независимыми причинами, и звукъ такимъ образомъ измѣняется. Когда маленькія дѣти кричатъ, они широко раскрываютъ ротъ, и это, безъ сомнѣнія, необходимо для того, чтобы давать полную силу звука; но въ это время ротъ, по совершенно другой причинѣ, принимаетъ почти четырехугольную форму, которая зависитъ, какъ впоследствии будетъ объяснено, отъ плотнаго смыканія вѣкъ и проистекающаго изъ него подниманія верхней губы. Я не могу сказать, насколько эта четырехугольная форма рта измѣняетъ звукъ плача или крика; но изъ изслѣдованій Гельмгольца и другихъ мы знаемъ, что форма полости рта и губъ обуславливаетъ характеръ и высоту издаваемыхъ гласныхъ звуковъ.

Въ одной изъ дальнѣйшихъ главъ будетъ также показано, что при чувствѣ презрѣнія или отвращенія, по понятнымъ причинамъ, существуетъ склонность дунуть носомъ или ноздрями, вслѣдствіе чего получается звукъ, похожій на *ну* или *ни*. При неожиданности или внезапно удивленіи существуетъ мгновенное стремленіе, тоже по понятной причинѣ (именно, какъ приготовленіе къ продолжительному усилію), широко раскрывать ротъ, чтобы сдѣлать глубокое и быстрое вдыханіе. Когда за нимъ слѣдуетъ ближайшее полное выдыханіе, ротъ слегка закрывается, а губы, по причинамъ, которыя послѣ будутъ разсмотрѣны, слегка выпячиваются; а при такой формѣ рта, если издать звукъ, получится, по Гельмгольцу, звукъ гласной *о*. Несомнѣнно, что мы можемъ услышать низкій и протяжный звукъ *оо!* отъ цѣлой толпы, только-что видѣвшей удивительное зрѣлище. Если одновременно съ удивленіемъ испытывается и боль, то существуетъ стремленіе сократить всѣ мышцы тѣла, включая и мышцы лица, и въ этомъ случаѣ губы оттягиваются назадъ; можетъ быть, это объясняетъ, почему звукъ становится выше и принимаетъ характеръ *аа!* или *ах!* Такъ какъ страхъ вызываетъ дрожаніе всѣхъ мышцъ тѣла, то голосъ естественнымъ образомъ становится дрожащимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ хриплымъ отъ сухости рта, происходящей отъ того, что слюнные железы перестаютъ дѣйствовать. Нельзя объяснить, почему смѣхъ человѣка и хихиканье обезьянъ представляютъ собою быстро повторяющіеся звуки. При издаваніи этихъ звуковъ ротъ удлиняется въ поперечномъ направленіи вслѣдствіе оттягиванія угловъ его назадъ и вверхъ; мы попытаемся объяснить этотъ фактъ въ одной изъ дальнѣйшихъ главъ. Но весь вопросъ относительно различія звуковъ, издаваемыхъ при различныхъ душевныхъ состояніяхъ, такъ теменъ, что мнѣ почти не удалось освѣтить его; замѣчанія, которыя я сдѣлалъ, имѣютъ мало значенія.

Всѣ отмѣченные до сихъ поръ звуки находятся въ зависимости отъ дыхательныхъ органовъ; но звуки, производимые совершенно иными способами, тоже выразительны. Кролики громко топаютъ по землѣ, подавая сигналъ товарищамъ; если человѣкъ хорошо умѣетъ подражать имъ, то въ тихій вечеръ онъ можетъ услышать, какъ кролики будутъ отвѣ-

чать ему во всей округѣ. Эти животныя, подобно нѣкоторымъ другимъ, тоже топаятъ о землю, когда сердятся. Дикобразы при гнѣвѣ шумятъ иглами и трясутъ хвостами; одинъ дикобразъ дѣлалъ эти движенія, когда въ его клѣтку посадили живую змѣю. Иглы на хвостѣ совсѣмъ иныя, чѣмъ на тѣлѣ: онѣ коротки, полы, тонки, какъ гусиное перо, а концы ихъ обрѣзаны поперекъ, такъ что онѣ открыты; онѣ сидятъ на длинныхъ, тонкихъ эластическихъ ножкахъ. При быстромъ сотрясеніи хвоста эти полныя иглы ударяются одна о другую и производятъ, какъ я слышалъ въ присутствіи м-ра Бартлета, своеобразный непрерывный звукъ. Мнѣ кажется, можно понять, почему дикобразы, вслѣдствіе измѣненія своихъ предохранительныхъ иглъ, приобрѣли этотъ специальный, производящій звуки инструментъ (см. рис. 11). Они — ночныя животныя; если они почуютъ или услышатъ подстерегающаго ихъ хищнаго звѣря, то для нихъ очень выгодно въ темнотѣ предупредить врага о томъ, что они за животныя, и о томъ, что они снабжены опасными иглами. Такимъ образомъ, они избѣгли бы нападенія. Я могу прибавить, что они вполне сознаютъ силу своего оружія, такъ какъ въ ярости они пятятся задомъ, поднимая иглы и притомъ наклонивъ ихъ назадъ.

Многія птицы во время ухаживанія издаютъ разнообразныя звуки посредствомъ специально приспособленныхъ перьевъ. Аисты при возбужденіи громко шелкаютъ клювами. Нѣкоторыя змѣи издаютъ скрежетъ или трескъ. Многія насѣкомыя издаютъ трескъ, для чего трутъ другъ о друга специально измѣненными частями своихъ твердыхъ покрововъ. Этотъ трескъ обыкновенно служитъ половику приманкою или призывомъ; но онъ употребляется также для выраженія различныхъ ощущеній¹⁾. Всякій занимавшійся пчелами знаетъ, что ихъ жужжаніе измѣняется, когда онѣ сердятся; это измѣненіе служитъ предостереженіемъ въ томъ, что есть опасность быть ужаленнымъ. Я сдѣлалъ нѣсколько вышеприведенныхъ замѣчаній потому, что нѣкоторые писатели придавали чрезвычайно большое значеніе голосовымъ и дыхательнымъ органамъ, какъ специально приспособленнымъ для выраженія, и было полезно показать, что звуки, производимыя иными способами, одинаково хорошо служатъ той же цѣли.

Приподниманіе кожныхъ придатковъ.—Почти нѣтъ другого выразительнаго движенія столь же общаго, какъ невольное подниманіе волосъ, перьевъ и другихъ кожныхъ придатковъ, ибо оно распространено въ трехъ большихъ классахъ позвоночныхъ животныхъ²⁾. Эти придатки приподнимаются при возбужденіи отъ гнѣва или страха, особенно при сочетаніи этихъ эмоцій или при быстрой смѣнѣ ихъ. Отъ этого движенія животное кажется своимъ врагамъ или соперникамъ крупнѣе и

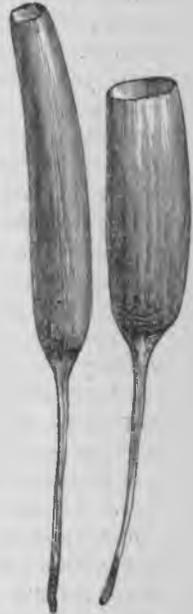

Рис. 11. Звукотыя иглы на хвостѣ дикобраза.

¹⁾ Я привелъ нѣкоторыя подробности по этому вопросу въ моемъ „Происхожденіи человека“, 2-е англ. изд., т. I, стр. 434, 468.

²⁾ [Уитми („Proc. Zool. Soc.“, 1878, ч. I, стр. 132) описываетъ подниманіе спинныхъ и заднепроходныхъ плавниковъ у рыбъ при гнѣвѣ и страхѣ. Онъ высказываетъ догадку, что подниманіе иглъ представляетъ защиту отъ хищныхъ рыбъ, и если это такъ, то нетрудно понять ассоціацію подобныхъ движеній съ этими эмоціями. Дей („Proc. Zool. Soc.“, 1878, ч. I, стр. 219) критикуетъ заключеніе Уитми; но описаніе Уитми, какъ колючая рыба застряла въ горлѣ у болѣе крупной и, наконецъ, была выброшена обратно, повидимому доказываетъ, что иглы полезны.]

страшнѣе; обыкновенно это дѣйствіе сопровождается различными произвольными движеніями, приспособленными для той же цѣли, и издаваніемъ свирѣпыхъ звуковъ. Бартлетъ, имѣвшій такой широкій опытъ относительно всякихъ животныхъ, не сомнѣвается, что это такъ; но другой вопросъ, была ли способность поднимать кожные придатки первоначально приобрѣтена для этой специальной цѣли.

Сначала я приведу значительное число фактовъ, показывающихъ, насколько это дѣйствіе распространено у млекопитающихъ, птицъ и пресмыкающихся; то, что я имѣю сказать относительно человѣка, я оставляю до одной изъ дальнѣйшихъ главъ. Сеттонъ, толковый сторожъ зоологическаго сада, внимательно наблюдалъ для меня шимпанзе и орангутанговъ; онъ утверждаетъ, что когда они внезапно пугаются, напримѣръ, грома, или когда ихъ дразнятъ и они сердятся, то ихъ шерсть поднимается. Я видѣлъ одного шимпанзе, который испугался при видѣ чернаго угольщика; шерсть на всемъ его тѣлѣ стала дыбомъ; онъ дѣлалъ маленькіе прыжки впередъ, какъ бы для того, чтобы напасть на этого человѣка, въ дѣйствительности, не имѣя такого намѣренія, но надѣясь, какъ замѣтилъ сторожъ, напугать угольщика. Фордъ описываетъ ¹⁾, что когда горилла въ ярости, то ея хохоль «поднимается и наклоняется впередъ, ноздри расширяются, а нижняя губа отвисаетъ; въ то же время она издаетъ характерный крикъ, который, какъ кажется, имѣетъ цѣлью навести ужасъ на противниковъ». Я видѣлъ, какъ у павіана (*Anubis*), когда онъ разсердился, шерсть поднялась дыбомъ вдоль спины, отъ шеи до крестца, но не на крупѣ или другихъ частяхъ тѣла. Я помѣстилъ въ клѣтку обезьянъ чучело змѣи, и шерсть у нѣсколькихъ видовъ обезьянъ тотчасъ же стала дыбомъ, особенно на хвостахъ, какъ я въ частности замѣтилъ у *Cercopithecus nictitans*. Бремъ сообщаетъ ²⁾, что *Midas oedipus* (американская обезьяна) при возбужденіи поднимаетъ гриву дыбомъ, для того, какъ прибавляетъ Бремъ, чтобы казаться какъ можно страшнѣе.

У хищныхъ животныхъ взъерошивание шерсти, повидимому, почти общее явленіе и часто сопровождается угрожающими движеніями, оскаливаніемъ зубовъ и свирѣпымъ рычаніемъ. У ихневмоновъ я видѣлъ, какъ шерсть становилась дыбомъ почти на всемъ тѣлѣ, включая и хвостъ; у гіены и протела (*Proteles*) замѣтно поднимается грива. Левъ въ ярости поднимаетъ гриву. Всѣмъ извѣстно, что у собаки шерсть становится дыбомъ вдоль шеи и спины, а у кошки — на всемъ тѣлѣ, особенно на хвостѣ. У кошки это происходитъ, повидимому, только при страхѣ; у собаки — при гнѣвѣ и страхѣ; но, насколько я наблюдалъ, этого не бываетъ при безумномъ страхѣ, напримѣръ, когда строгій охотникъ собирается высѣчь собаку. Однако, если собака намѣрена сопротивляться, что иногда бываетъ, то шерсть поднимается. Я часто замѣчалъ, что шерсть у собаки поднимается особенно легко, если она наполовину сердится, а наполовину испугана, напримѣръ, если она видитъ какой-нибудь предметъ, лишь смутно различаемый въ темнотѣ.

Одинъ ветеринарный врачъ увѣрялъ меня, что онъ часто видалъ, какъ шерсть становилась дыбомъ у лошадей и рогатаго скота, которымъ онъ уже раньше дѣлалъ операцію и намѣревался повторить ее. Когда я показалъ чучело змѣи одному пеккари, то у него удивительнымъ образомъ поднялась шерсть вдоль спины; то же самое бываетъ у кабана, когда онъ разъяренъ. Про одного лося, который на смерть забодалъ

¹⁾ Цитировано у Гексли въ „Evidence as to Man's Place in Nature“, 1863, стр. 52.

²⁾ „Illust. Thierleben“, 1864, т. I, стр. 130.

человѣка въ Соединенныхъ Штатахъ, пишутъ, что онъ сначала размахивалъ рогами, визжа отъ ярости, и топалъ объ землю; «наконецъ, шерсть его поднялась и стала дыбомъ», и тогда онъ ринулся впередъ на врага ¹⁾. Шерсть поднимается также у козловъ, какъ я слышалъ отъ Блита, у нѣкоторыхъ индійскихъ антилопъ. Я видѣлъ, какъ она стояла дыбомъ у муравьяда и у агути, одного изъ грызуновъ. Одна летучая мышь-самка ²⁾, воспитывавшая дѣтенышей въ неволѣ, «взъерошивала шерсть на спинѣ и злобно кусала просунутые пальцы», когда заглядывали къ ней въ клетку.

Птицы всѣхъ главныхъ отрядовъ при гнѣвѣ или испугѣ взъерошиваютъ перья. Навѣрно, всякій видаль, какъ два пѣтуха, даже совсѣмъ молодыхъ, собираясь драться, взъерошиваютъ серповидныя перья на шеѣ; эти перья, когда они подняты, не могутъ служить средствомъ защиты, такъ какъ охотники до пѣтушинныхъ боевъ по опыту убѣдились, что

Рис. 12. Курица, отгоняющая собаку отъ цыплятъ. Рисов. съ натуры м-ръ Вудъ.

ихъ выгодно подрѣзывать. Самецъ-турухтанъ (*Machetes pugnax*) при дракѣ тоже поднимаетъ свой воротникъ изъ перьевъ. Когда къ обыкновенной курицѣ съ цыплятами приближается собака, насѣдка распускаетъ крылья, поднимаетъ хвостъ, взъерошиваетъ всѣ перья и, принявъ видъ какъ можно свирѣпѣе, кидается на непрошенную посягательницу. Хвостъ не всегда держится въ совершенно одинаковомъ положеніи; иногда онъ настолько поднимается, что центральныя перья, какъ показано на рис. 12, почти прикасаются къ спинѣ. Лебеди, когда сердятся, тоже поднимаютъ крылья и хвостъ и взъерошиваютъ перья. Они раскрываютъ клювы и, гребя ногами, производятъ маленькіе порывистые прыжки впередъ, устремляясь на всякаго, кто подойдетъ слишкомъ близко къ водѣ (см. рис. 13). Говорятъ, что фазтоны (*Phaeton rubri-*

¹⁾ Кетонъ, Академія естественныхъ наукъ въ Оттавѣ, май 1868, стр. 36, 40. О *Capra Aegagrus*—„Land and Water“, 1867, стр. 37.

²⁾ „Land and Water“, 20 іюля 1867, стр. 659.

cauda) ¹⁾, когда ихъ потревожатъ въ гнѣздахъ, не улетаютъ, но «только растопыряютъ перья и кричатъ». Обыкновенная сова, когда къ ней приближаются, «тотчасъ же взъерошиваетъ перья, распускаетъ крылья и хвостъ, шипитъ и сильно, быстро шелкаетъ клювомъ» ²⁾. То же самое дѣлаютъ и другія совы. Соколы, какъ мнѣ сообщаетъ Дженнеръ Уейръ, тоже взъерошиваютъ перья и распускаютъ крылья и хвостъ при такихъ же обстоятельствахъ. Нѣкоторые попугаи взъерошиваютъ перья; я видѣлъ такое же движеніе у казуара, когда онъ разсердился при видѣ муравьяда. Молодыя кукушки въ гнѣздѣ поднимаютъ перья, широко раскрываютъ клювы и стараются казаться какъ можно страшнѣе.

Также и маленькія птицы, какъ я слышалъ отъ Уейра, напримѣръ, различныя вьюрки, славки, овсянки, когда сердятся, то взъерошиваютъ

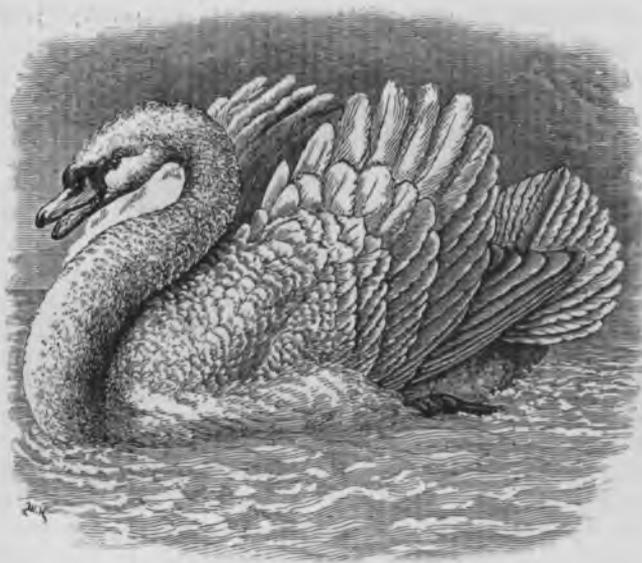

Рис. 13. Лебедь, прогоняющій непрошеннаго посѣтителя. Рисов. съ натуры м-ръ Вудъ.

всѣ перья или только перья на шеѣ, или же они распускаютъ крылья и перья на хвостѣ. Приведя опереніе въ такой видъ, они бросаются другъ на друга съ раскрытыми клювами и угрожающими тѣлодвиженіями. Уейръ заключаетъ изъ своего широкаго опыта, что подниманіе перьевъ вызывается гораздо болѣе гнѣвомъ, чѣмъ страхомъ. Онъ приводитъ въ примѣръ одного гибрида - щегленка, весьма раздражительнаго нрава, который тотчасъ же принимаетъ видъ шара изъ взъерошенныхъ перьевъ, какъ только слуга подойдетъ къ нему слишкомъ близко. Онъ полагаетъ, что, какъ общее правило, птицы при испугѣ плотно прижимаютъ всѣ свои перья, и вызываемое этимъ уменьшеніе ихъ объема часто бываетъ удивительно. Какъ только онѣ оправятся отъ испуга или удивленія, онѣ прежде всего встряхиваютъ перья. Лучшіе примѣры этого прижиманія перьевъ и кажущагося сжиманія тѣла отъ страха, отмѣ-

¹⁾ „Land and Water“, т. III, 1861, стр. 180.

²⁾ Audubon, „Ornithological Biography“, 1864, т. II, стр. 407. Я наблюдалъ и другіе случаи въ Зоологическомъ саду.

ченных Уейромъ, представляли собою перепелки и австралійскіе травяные попугайчики ¹⁾). Такая привычка у этихъ птицъ понятна, ибо онѣ привыкли въ случаѣ опасности или припадать къ землѣ, или неподвижно сидѣть на вѣткѣ, чтобы остаться незамѣченными. Хотя у птицъ гнѣвъ можетъ быть главной и самой обыкновенной причиною взъерошиванія перьевъ, все-таки, вѣроятно, молодая кукушка, когда на нихъ смотрятъ въ гнѣздѣ, и курица съ цыплятами, когда къ ней приближается собака, испытываютъ хотя бы нѣкоторый страхъ. М-ръ Теджетмейеръ сообщаетъ мнѣ, что подниманіе перьевъ на головѣ у боевыхъ пѣтуховъ давно считается у посятителей боевъ признакомъ трусости.

Самцы нѣкоторыхъ ящерицъ, когда дерутся между собою въ періодъ ухаживанія, раздуваютъ горловые мѣшки или воротники и поднимаютъ спинные гребешки ²⁾). Но д-ръ Гюнтеръ не думаетъ, чтобы они могли поднимать отдѣльные шипы или чешуйки.

Итакъ, мы видимъ, какъ широко распространено у двухъ высшихъ классовъ позвоночныхъ и у нѣкоторыхъ пресмыкающихся подниманіе кожныхъ придатковъ подъ влияніемъ гнѣва и страха. Какъ мы знаемъ, изъ интереснаго открытія Келликера, это движеніе производится сокращеніемъ мельчайшихъ, гладкихъ произвольныхъ мышечныхъ волоконъ ³⁾, которыя часто называютъ *arrectores pili* и которыя прикрѣплены къ сумкамъ отдѣльныхъ волосъ, перьевъ и т. д. При сокращеніи этихъ мышечныхъ волоконъ волосы могутъ мгновенно подняться, какъ мы видимъ у собакъ; въ то же время они слегка выпячиваются изъ сумокъ; послѣ они быстро опускаются. Этихъ мельчайшихъ мышцъ удивительно много на всемъ тѣлѣ покрытыхъ шерстью четвероногихъ. Впрочемъ, подниманію волосъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ, на головѣ у человѣка, содѣйствуютъ полосатыя и произвольныя мышцы лежащаго глубже *ranniculus carnosus*. Иглы у ежа поднимаются вслѣдствіе дѣйствія этихъ послѣднихъ мышцъ. Изъ изслѣдованій Лейдига ⁴⁾ и другихъ слѣдуетъ, что полосатыя волокна простираются отъ *ranniculus carnosus* къ нѣкоторымъ изъ болѣе крупныхъ волосъ, напримѣръ, къ усамъ нѣкоторыхъ млекопитающихъ. *Arrectores pili* сокращаются не только при вышеописанныхъ эмоціяхъ, но также отъ ощущенія холода на поверхности. Я помню, что у моихъ муловъ и собакъ, пришедшихъ изъ болѣе низменной и теплой страны, послѣ ночи, проведенной на холодныхъ Кордильерахъ, шерсть на всемъ тѣлѣ стояла дыбомъ, какъ при крайнемъ ужасѣ. Мы видимъ то же самое дѣйствіе въ нашей *гусиной кожѣ* при ознобѣ передъ приступомъ лихорадки. Листеръ тоже нашелъ ⁵⁾, что щекотаніе сосѣдней части кожи заставляетъ волосы подниматься и торчать дыбомъ.

Изъ этихъ фактовъ очевидно, что приподниманіе кожныхъ придатковъ есть рефлекторное движеніе, не зависящее отъ воли; мы должны смотрѣть на это движеніе, когда оно происходитъ подъ влияніемъ гнѣва или страха, не какъ на способность, приобретенную ради какого-нибудь

¹⁾ *Melopsittacus undulatus*. См. описаніе его образа жизни у Гульда „Handbook of Birds of Australia“, 1865, т. II, стр. 82.

²⁾ См., напримѣръ, данное мною описаніе („Происхожденіе человѣка“, 2-е англ. изд., т. II, стр. 36) *Anolis* и *Draco*.

³⁾ Эти мышцы описаны въ его хорошо извѣстныхъ сочиненіяхъ. Я весьма обязанъ этому выдающемуся наблюдателю за то, что онъ далъ мнѣ въ письмѣ свѣдѣнія по этому вопросу.

⁴⁾ „Lehrbuch der Histologie des Menschen“, 1857, стр. 82. Благодаря любезности профессора Тернера я имѣю извлеченіе изъ этого труда.

⁵⁾ „Quarterly Journal of Microscopical Science“, 1853, т. 1, стр. 262.

преимущества, но какъ на результатъ, въ значительной степени случайный, вліянія, испытываемаго чувствительными центрами. Этотъ результатъ, поскольку онъ является случайнымъ, можно сравнить съ обильнымъ выступленіемъ пота при мучительной боли или страхѣ. Тѣмъ не менѣ замѣчательно, какого малаго возбужденія часто бываетъ достаточно, чтобы вызвать подниманіе шерсти: напримѣръ, оно происходитъ, когда двѣ собаки, играя, дѣлаютъ видъ, будто дерутся. Мы видѣли также, что у большаго числа животныхъ, принадлежащихъ къ совершенно различнымъ классамъ, подниманіе волосъ или перьевъ почти всегда сопровождается различными произвольными движеніями—угрожающими жестами, раскрываніемъ рта, оскаливаніемъ зубовъ, распусканіемъ крыльевъ и хвоста у птицъ, и испусканіемъ грубыхъ звуковъ; мы не можемъ ошибиться въ цѣли этихъ произвольныхъ движеній. По этому представляется почти невѣроятнымъ, чтобы координированное приподниманіе кожныхъ придатковъ, вслѣдствіе котораго животное кажется больше и страшнѣе своимъ врагамъ или соперникамъ, было совершенно случайнымъ и безцѣльнымъ результатомъ раздраженія чувствительныхъ центровъ. Это представляется почти столь же невѣроятнымъ, какъ то, чтобы подниманіе иголь у ежа или у дикобраза, или украшающихъ перьевъ у многихъ птицъ, въ періодъ ухаживанія, были безцѣльными дѣйствіями.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ большимъ затрудненіемъ. Какимъ образомъ сокращеніе гладкихъ и произвольныхъ *arrectores pili* могло быть координировано съ сокращеніемъ различнымъ произвольныхъ мышцъ для одной и той же специальной цѣли? Если бы мы могли полагать, что *arrectores* первоначально были произвольными мышцами, а впослѣдствіи утратили полосатость и стали произвольными, то вопросъ былъ бы сравнительно простъ. Впрочемъ, я не знаю, чтобы существовали доказательства въ пользу такого взгляда; хотя обратный переходъ не представлялъ бы большихъ трудностей, такъ какъ произвольныя мышцы находятся въ гладкомъ состояніи у зародышей высшихъ животныхъ и у личинокъ нѣкоторыхъ ракообразныхъ. Кроме того, въ болѣе глубокихъ слояхъ кожи у взрослыхъ птицъ сѣтъ мышечныхъ волоконъ, по словамъ Лейдига ¹⁾, находится въ переходномъ состояніи; на волокнахъ замѣтны лишь намеки на поперечную полосатость.

Также и другое объясненіе представляется возможнымъ. Мы можемъ допустить, что первоначально *arrectores pili*, подъ вліяніемъ ярости и страха, подвергались легкому прямому дѣйствію, вслѣдствіе нарушенія равновѣсія въ нервной системѣ; что, безъ сомнѣнія, справедливо по отношенію къ нашей такъ называемой *лусиной кожѣ* передъ пароксизмомъ лихорадки. Животныя въ теченіе многихъ поколѣній много разъ испытывали возбужденіе отъ ярости и страха; слѣдовательно, прямое дѣйствіе возбужденной нервной системы на кожные придатки почти навѣрно усиливалось вслѣдствіе привычки и вслѣдствіе стремленія нервной силы легко проходить по привычнымъ путямъ. Мы найдемъ поразительное подтвержденіе этого взгляда на силу привычки въ одной изъ дальнѣйшихъ главъ, гдѣ будетъ показано, что волосы у умалишенныхъ обыкновенно легко поддаются дѣйствію, вслѣдствіе частыхъ припадковъ ярости и страха. Какъ только способность поднимать кожные придатки у животныхъ такимъ образомъ усилилась или увеличилась, они должны были часто видѣть, какъ шерсть или перья поднимались на самцахъ-со-

¹⁾ „Lehrhuch der Histologie“, 1857, стр. 82.

перникахъ и на самцахъ, пришедшихъ въ ярость, и какъ объемъ ихъ тѣла такимъ образомъ увеличивался. Въ этомъ случаѣ представляется возможнымъ, что они сами хотѣли казаться врагамъ больше и страшнѣе, произвольно принимая угрожающую позу и издавая рѣзкіе крики; черезъ нѣкоторое время такія позы и крики, по привычкѣ стали инстинктивными. Такимъ образомъ, дѣйствія, производимыя сокращеніемъ произвольныхъ мышцъ, могли комбинироваться для той же специальной цѣли съ дѣйствіями, которыя производятся непроизвольными мышцами. Возможно даже, что животныя, будучи возбуждены и смутно сознавая какое-то измѣненіе въ состояніи своей шерсти, дѣйствовали на нее многократнымъ напряженіемъ вниманія и воли; ибо мы имѣемъ причины полагать, что воля способна непонятнымъ образомъ вліять на дѣйствіе нѣкоторыхъ гладкихъ или непроизвольныхъ мышцъ, какъ бываетъ во время перистальтическихъ движеній кишекъ и при сокращеніи мочевого пузыря. Кромѣ того, мы не должны упускать изъ вида роль, которую могли сыграть измѣнчивость и естественный отборъ; ибо самцы, которымъ удавалось казаться всего страшнѣе своимъ соперникамъ или другимъ врагамъ, если тѣ не имѣли подавляющаго превосходства въ силахъ, должны были въ среднемъ оставить, сравнительно съ другими самцами, больше потомковъ, которые наслѣдовали ихъ характерныя свойства, каковы бы они ни были и какъ бы они ни были первоначально приобрѣтены ¹⁾.

Раздуваніе тѣла и другіе способы внушать страхъ врагу.—Нѣкоторыя земноводныя и пресмыкающіяся, не имѣющія шиповъ, которыя могли бы подниматься, или не имѣющія мышцъ, которыя поднимали бы ихъ, при тревогѣ или при гнѣвѣ увеличиваютъ свой объемъ, вдыхая воздухъ. Это хорошо извѣстно относительно жабы и лягушекъ. Последнее животное, въ баснѣ Эзопа «Волъ и лягушка», раздувается отъ тщеславія и зависти такъ, что лопается. Вѣроятно, это явленіе наблюдали въ древнѣйшія времена, такъ какъ по словамъ Генсли Веджвуда ²⁾, слово *жаба* на нѣсколькихъ европейскихъ языкахъ означаетъ привычку раздуваться. Это свойство наблюдали у нѣсколькихъ иноземныхъ видовъ въ зоологическомъ саду; д-ръ Гюнтеръ полагаетъ, что она распространена во всей группѣ. Если судить по аналогіи, то первоначальная цѣль, вѣроятно, состояла въ томъ, чтобы заставить тѣло казаться врагу какъ можно больше и страшнѣе; но при этомъ приобрѣтается другое, можетъ быть, болѣе важное преимущество. Когда лягушекъ схватываютъ змѣи, которыя являются ихъ главными врагами, то онѣ удивительнымъ образомъ увеличиваются въ объемъ; такимъ образомъ, если змѣя не велика, то она, какъ мнѣ сообщаетъ д-ръ Гюнтеръ, не можетъ проглотить лягушку, которая такимъ способомъ избавляется отъ гибели.

Хамелеоны и нѣкоторыя другія ящерицы раздуваются, когда сердятся. Такъ, одинъ видъ, живущій въ Орегонѣ, *Taraxa Douglasii*, двигается медленно и не кусается, но имѣетъ свирѣпый видъ; «при раздраженіи онъ прыгаетъ самымъ угрожающимъ образомъ на всякій предметъ, направленный на него, въ то же время онъ широко раскры-

¹⁾ Д-ръ Clay Shawe, въ „Journal Mental Science“, апрѣль 1873, склоненъ сомнѣваться въ томъ, чтобы взъерошиваніе шерсти зависѣло отъ *panniculus carnosus*, а не отъ *arrectores*. Но шерсть на хвостѣ кошки взъерошивается отъ гнѣва или страха; въ этомъ случаѣ, какъ мнѣ говорилъ профессоръ Макалистеръ, дѣйствіе должно зависѣть отъ *arrectores*, такъ какъ *panniculus* отсутствуетъ.]

²⁾ „Dictionary of English Etymology“, стр. 403.

ваеъ ротъ и громко шипить, потомъ раздуваетъ тѣло и проявляетъ другіе признаки гнѣва» ¹⁾).

Нѣкоторыя змѣи тоже раздуваются, когда бываютъ раздражены. *Clotho arietans* замѣчательна въ этомъ отношеніи; но послѣ внимательнаго наблюденія надъ этими животными, я думаю, что онѣ дѣлаютъ это не для увеличенія своего кажущагося объема, но просто для того, чтобы вдохнуть большой запасъ воздуха и издать свое удивительно громкое, рѣзкое и продолжительное шипѣніе. Кобры (*Cobra de capello*), будучи раздражены, немного раздуваются и умѣренно шипятъ; но въ то же время эти змѣи поднимаютъ голову и при помощи удлинненныхъ переднихъ реберъ расширяютъ кожу по обѣимъ сторонамъ шеи въ широкій плоскій дискъ, такъ называемый капюшонъ. При ихъ широко раскрытомъ ртѣ онѣ въ это время имѣютъ страшный видъ. Получаемое такимъ образомъ преимущество должно быть значительнымъ, чтобы возмѣстить нѣкоторое уменьшеніе скорости (хотя она все-таки велика), съ которою онѣ, при расширенной шеѣ, могутъ броситься на враговъ или добычу, на основаніи того же принципа, по какому нельзя двигать по воздуху широкою, плоскою доскою съ такою же скоростью, какъ небольшою круглою палкою. Безвредная змѣя *Tropidonotus macrophthalmus*, живущая въ Индіи, тоже расширяетъ шею при раздраженіи; вслѣдствіе этого ее часто по ошибкѣ принимаютъ за соотечественницу, смертоносную кобру ²⁾). Можетъ быть, это сходство служитъ для *Tropidonotus* нѣкоторою защитою. Другой безвредный видъ *Dasypeltis*, въ южной Африкѣ, раздувается, расширяетъ шею, шипитъ и бросается на непрошеннаго гостя ³⁾). Многія другія змѣи шипятъ при такихъ же обстоятельствахъ. Кромѣ того, онѣ быстро вибрируютъ высунутыми языками; можетъ быть, это еще усиливаетъ ихъ страшный видъ.

Змѣи могутъ производить звуки и другими способами, помимо шипѣнія. Много лѣтъ тому назадъ я наблюдалъ въ Южной Америкѣ, что ядовитый *Trigonocephalus*, когда его тревожили, быстро вибрировалъ концомъ хвоста, который, ударяясь о сухую траву и вѣтви, производилъ трескъ, явственно различимый на разстояніи шести футовъ ⁴⁾). Смертоносная и свирѣпая индійская *Echis carinata* производитъ «своеобразный продолжительный, почти шипящій звукъ» совершенно «инымъ способомъ, а именно, она третъ бока изгибовъ своего тѣла другъ о друга», между тѣмъ какъ голова остается почти въ одномъ и томъ же положеніи. Чешуйки по бокамъ, но не на другихъ частяхъ тѣла, имѣютъ форму узкихъ клиньевъ, и эти клинья зазубрены наподобіе пилы; когда свернувшееся животное третъ бока другъ о друга, эти клинья скребутъ одинъ о другой ⁵⁾). Наконецъ, мы имѣемъ всѣмъ извѣстный примѣръ гремучей змѣи. Тотъ, кто только трясъ гремушкой мертвой змѣи, не можетъ составить себѣ правильнаго представленія о звукѣ, производимомъ этимъ животнымъ при жизни. Профессоръ Шелеръ утверждаетъ, что его нельзя отличить отъ звука, производимаго самцомъ одной крупной цикады (полужесткокрылаго насѣкомаго), которая живетъ въ той

¹⁾ См. описаніе образа жизни этого животнаго у д-ра Купера, цитировано въ „Nature“, 27 апрѣля 1871, стр. 512.

²⁾ Д-ръ Гюнтеръ, „Reptiles of British India“, стр. 262.

³⁾ Mansel Weale, „Nature“, 27 апрѣля 1871, стр. 508.

⁴⁾ „Journal of Researches during the Voyage of the „Beagle“, 1845, стр. 96. Я сравнилъ тамъ производимый при этомъ трескъ съ шумомъ гремучей змѣи.

⁵⁾ См. описаніе д-ра Андерсона, „Proc. Zool. Soc.“, 1871, стр. 196.

же области 1). Въ зоологическомъ саду, когда гремучія змѣи и *Clotho arietans* были сильно возбуждены въ одно и то же время, я былъ весьма пораженъ сходствомъ издаваемыхъ ими звуковъ; хотя звукъ гремучей змѣи громче и рѣзче шипѣнія *Clotho*, все-таки, стоя въ нѣсколькихъ ярдахъ, я едва могъ различить оба эти звука. Для какой бы цѣли одинъ изъ этихъ видовъ ни издавалъ звука, я почти не сомнѣваюсь, что онъ служитъ для той же цѣли и у другого вида; изъ угрожающихъ тѣлодвиженій, производимыхъ въ то же время многими змѣями, я заключаю, что ихъ шипѣніе, шумъ гремучей змѣи и шумъ хвостомъ у *Trigonosephalus*, скрежетъ чешуйками у *Echis* и расширение капюшона у кобры служатъ одной и той же цѣли,—именно, змѣи должны казаться страшными своимъ врагамъ 2).

Съ перваго взгляда казалось бы правдоподобнымъ заключеніе, что ядовитыя змѣи, подобныя названнымъ выше, будучи и безъ того хорошо защищены ядовитыми зубами, никогда не подвергнутся нападенію врага и, слѣдовательно, не имѣютъ надобности внушать сверхъ того и страхъ. Но это далеко не такъ, ибо многія животныя въ широкихъ размѣрахъ истребляютъ ихъ во всѣхъ частяхъ свѣта. Извѣстно, что въ Соединенныхъ Штатахъ употребляютъ свиней для уничтоженія гремучихъ змѣй въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онѣ водятся, и свиньи вполнѣ успѣшно справляются съ этою задачею 3). Въ Англіи ежъ нападаетъ на гадюку и поѣдаетъ ее. Въ Индіи, какъ я слышалъ отъ д-ра Джердона, различные коршуны и по меньшей мѣрѣ одно млекопитающее, ихневмонъ, убиваютъ кобръ и другіе ядовитые виды 4); то же самое происходитъ и въ южной Африкѣ. Поэтому нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что всякіе звуки или признаки, которыми ядовитый видъ можетъ мгновенно дать о себѣ знать, окажутся для него полезныя, чѣмъ для безвреднаго вида, который не могъ бы причинить большаго вреда, если бы подвергся нападенію.

Послѣ того, какъ я такъ много сказалъ о змѣяхъ, мнѣ хочется прибавить нѣсколько замѣчаній относительно способа, которымъ, вѣроятно, развилась гремушка у гремучей змѣи. Различныя животныя, въ томъ

1) „American Naturalist“, январь 1872, стр. 32. Къ сожалѣнію, я не могу присоединиться къ мнѣнію профессора Шелера, что гремушки развились при помощи естественнаго отбора для того, чтобы производить звуки, обманывающіе и привлекающіе птицъ, которыя должны послужить добычей змѣѣ. Впрочемъ, я не выражаю сомнѣнія въ томъ, что звуки иногда могутъ служить этой цѣли. Но то заключеніе, къ которому я пришелъ, то-есть, что трескъ служитъ предостереженіемъ для животныхъ, желающихъ съѣсть змѣю, представляется мнѣ гораздо правдоподобнѣе, такъ какъ это заключеніе обнимаетъ собою разнородные факты. Если бы эта змѣя приобрѣла трещетку и привычку трещать для привлеченія добычи, то представляется невѣроятнымъ, что она стала бы неизмѣнно употреблять свой инструментъ, когда она сердится или когда ее потревожили. Профессоръ Шелеръ смотритъ почти такъ же, какъ и я, на способъ развитія гремушки; я всегда придерживался такого мнѣнія послѣ того, какъ наблюдалъ *Trigonosephalus* въ Южной Америкѣ.

2) Изъ описаній, недавно собранныхъ и приведенныхъ въ „Journal of the Linnean Society“ м-сь Барберъ относительно образа жизни южно-африканскихъ змѣй, и изъ описаній гремучей змѣи въ Сѣверной Америкѣ, напечатанныхъ нѣсколькими писателями, напримѣръ, Lawson, представляется довольно вѣроятнымъ, что страшная внѣшность змѣи и издаваемые ими звуки могутъ также облегчать полученіе добычи, парализуя или, какъ иногда говорятъ, очаровывая болѣе мелкихъ животныхъ.

3) См. описаніе д-ра Броуна въ „Proc. Zool. Soc.“, 1871, стр. 39. Онъ говоритъ, что свинья, какъ только увидитъ змѣю, бросается на нее, а змѣя при появленіи свиньи тотчасъ же обращается въ бѣгство.

4) Д-ръ Гюнтеръ упоминаетъ въ („Reptiles of British India“, стр. 340), объ уничтоженіи кобръ ихневмономъ, или *Herpestes*, а также лѣсными курами, пока кобры малы. Извѣстно, что павлинъ тоже охотно убиваетъ змѣй.

числѣ нѣкоторыя ящерицы, извиваютъ хвостъ или вибрируютъ имъ, когда бываютъ возбуждены. То же самое дѣлаютъ многія змѣи ¹⁾. Въ Зоологическомъ саду одинъ безвредный видъ *Coronella Sayi* такъ быстро вибрируетъ хвостомъ, что онъ становится почти невидимымъ. Упомянутый выше *Trigonocerphalus* тоже обыкновенно дѣлаетъ это; конецъ его хвоста немного расширенъ или оканчивается шарикомъ. У *Lachesis*, которая такъ близка къ гремучей змѣѣ, что Линней помѣстилъ ихъ въ одинъ и тотъ же родъ, хвостъ оканчивается цѣльнымъ, широкимъ, ланцетообразнымъ остриемъ или чешуйкой. У нѣкоторыхъ змѣй кожа, по замѣчанію профессора Шелера, «менѣе совершенно отдѣляется въ области близъ хвоста, чѣмъ въ другихъ частяхъ тѣла». Если мы предположимъ, что конецъ хвоста у какого-нибудь древняго американскаго вида былъ расширенъ и былъ покрытъ одной большой чешуйкой, то она едва ли могла быть сброшена при послѣдовательныхъ линькахъ. Въ такомъ случаѣ она сохранялась бы постоянно, и въ каждый періодъ роста, по мѣрѣ того, какъ змѣя увеличивалась, надъ прежней чешуйкой образовывалась бы новая, болѣе крупная, которая тоже сохранялась бы. Такимъ образомъ, было бы положено основаніе образованію гремушки; притомъ она обыкновенно приходила бы въ дѣйствіе, если этотъ видъ, подобно многимъ другимъ, всякій разъ при раздраженіи вибрировалъ хвостомъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что впоследствии гремушка развилась специально, какъ инструментъ для издаванія громкихъ звуковъ; даже форма позвонковъ, заключающихся въ концѣ хвоста, измѣнилась и они слились между собою. То, что различныя формы, на примѣръ, гремушка у гремучей змѣи, боковыя чешуйки у *Echis*, шея съ заключающимися въ ней ребрами у кобры, и все тѣло у *Clotho arietans* измѣнились для того, чтобы предостеречь и отпугивать враговъ, не болѣе невѣроятно, чѣмъ то, что у одной птицы, именно у удивительнаго *секретаря* (*Cypocerganus*) весь складъ измѣнился для того, чтобы онъ могъ безнаказанно убивать змѣй. Судя по тому, что мы видѣли раньше, весьма вѣроятно, что эта птица, нападая на змѣю, взъерошиваетъ перья; несомнѣнно, что ихневмонъ, стремительно бросаясь на змѣю, взъерошиваетъ шерсть на всемъ тѣлѣ, а особенно на хвостѣ ²⁾. Мы видѣли также, что нѣкоторые дикобразы, разсердившись или испугавшись при видѣ змѣи, быстро вибрируютъ хвостомъ, производя такимъ образомъ своеобразный звукъ, вслѣдствіе того, что полыя иглы ударяются одна о другую. Такимъ образомъ здѣсь и нападающіе, и подвергающіеся нападенію стараются казаться другъ другу какъ можно страшнѣе; у тѣхъ и у другихъ есть для этой цѣли спеціальныя средства, которыя, какъ это ни странно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ почти одинаковы. Наконецъ, легко видѣть, что, если съ одной стороны тѣ изъ змѣй, которыя были наиболѣе способны отпугнуть враговъ, легче всего избѣжали уничтоженія, и если съ другой стороны тѣ индивидуумы нападающихъ враговъ выживали въ большемъ числѣ, которые были лучше всего приспособлены для опасной задачи—убивать и съѣдать ядовитыхъ змѣй,—

¹⁾ Профессоръ Копъ перечисляетъ много змѣй въ своемъ докладѣ „Method of Creation of Organic Types“, слѣланномъ въ American Phil. Soc. 15 декабря 1871, стр. 20. Профессоръ Копъ придерживается одинаковаго со мною взгляда на смыслъ тѣлодвиженій и звуковъ, производимыхъ змѣями. Я вкратцѣ упоминаю объ этомъ вопросѣ въ послѣднемъ изданіи моего „Происхожденія видовъ“. Послѣ того какъ вышеприводимый текстъ былъ напечатанъ, я съ удовольствіемъ узналъ, что Гендерсонъ („The American Naturalist“, май 1872, стр. 260) придерживается такого же взгляда на назначеніе гремушки, а именно, что она „предупреждаетъ готовящееся нападеніе.

²⁾ Des Voeux въ „Proc. Zool. Soc.“, 1871, стр. 3.

тогда и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, вслѣдствіе выживанія наиболѣе приспособленнаго, благопріятныя измѣненія обыкновенно сохранялись, если мы предположимъ, что обсуждаемыя нами черты измѣнчивы.

Оттягиваніе ушей назадъ и прижиманіе ихъ къ головъ. — У многихъ животныхъ движенія ушей въ высокой степени выразительны; но у нѣкоторыхъ, на примѣръ, у человѣка, высшихъ обезьянъ и у многихъ жвачныхъ, они не играютъ такой роли. Легкое измѣненіе въ положеніи ушей служить самымъ яснымъ выраженіемъ различныхъ душевныхъ состояній, какъ мы ежедневно видимъ у собаки; но здѣсь будемъ говорить только о плотномъ оттягиваніи ушей назадъ и о прижиманіи ихъ къ головъ. Этимъ способомъ выражается свирѣпое настроеніе, но только у тѣхъ животныхъ, которыя въ дракѣ пускаютъ въ ходъ зубы; положеніе ушей объясняется стараніемъ предохранить уши отъ опасности быть схваченными противникомъ. Слѣдовательно, по привычкѣ и ассоціаціи, всякій разъ, какъ они чувствуютъ легкую злобу или въ игрѣ дѣлаютъ видъ, будто разъярены, ихъ уши оттягиваются назадъ. Что это заключеніе правильно, можно вывести изъ того соотношенія, которое существуетъ у многихъ животныхъ между ихъ способомъ драться и оттягиваніемъ ушей.

Всѣ хищныя дерутся клыками, и всѣ они, насколько я наблюдалъ, оттягиваютъ уши назадъ, когда приходятъ въ ярость. Это можно постоянно видѣть у собакъ, когда онѣ грызутся не на шутку, и у щенятъ, когда они дерутся во время игры. Это движеніе отличается отъ опусканія ушей и легкаго оттягиванія ихъ назадъ, которое происходитъ, когда собака довольна и ее ласкаетъ хозяинъ. Оттягиваніе ушей можно также видѣть и у котятъ, когда они дерутся во время игры, и у взрослыхъ кошекъ, когда онѣ дѣйствительно въ ярости, какъ изображено выше, на рис. 9. Хотя это въ значительной степени защищаетъ уши, все-таки у старыхъ котовъ они часто бываютъ сильно разорваны во время дракъ другъ съ другомъ. То же самое движеніе очень бросается въ глаза у тигровъ, леопардовъ и т. д., когда они рычатъ надъ своимъ кормомъ въ звѣрищахъ. У рыси замѣчательно длинныя уши, и оттягиваніе ихъ, когда къ одному изъ этихъ животныхъ, сидящему въ клѣткѣ, приближается человѣкъ, очень замѣтно и въ высокой степени выразительно для свирѣпаго нрава рыси. Даже одинъ изъ сивучей (*Otaria pusilla*), у котораго очень маленькія уши, оттягиваетъ ихъ назадъ когда свирѣпо бросается на ноги своего сторожа.

Когда лошади дерутся между собою, онѣ для кусанія употребляютъ рѣзцы, а для ударовъ — переднія ноги гораздо больше, чѣмъ заднія ноги для брыканія. Это было замѣчено, когда жеребцы срывались съ привязи и дрались между собою; это можно также заключить по характеру ранъ, которыя они наносятъ другъ другу. Всѣмъ извѣстно, какой злобный видъ придаютъ лошади оттянутыя назадъ уши. Это движеніе совсѣмъ непохоже на то, при которомъ лошадь прислушивается къ раздающемуся сзади нея звуку. Если злая лошадь въ стойлѣ намѣревается лягнуть, то ея уши оттягиваются по привычкѣ, хотя бы она не имѣла желанія или возможности кусаться. Но когда лошадь вскидываетъ обѣими задними ногами, на примѣръ, рѣзво выбѣгая въ открытое поле, или когда къ ней слегка прикоснутся хлыстомъ, она обыкновенно не прижимаетъ ушей, потому что не чувствуетъ злобы. Гуанако яростно кусаются зубами; должно быть они часто дѣлаютъ это, потому что шкуры нѣсколькихъ гуанако, которыхъ

я застрѣлилъ въ Патагоніи, имѣли глубокіе рубцы. Верблюды тоже кусаются; и тѣ и другія животныя въ ярости плотно прижимають уши. Гуанако, какъ я замѣтилъ, когда они не намѣрены кусаться, а только хотять брызнуть слюной на непрошеннаго посѣтителя, съ нѣкотораго разстоянія, оттягиваютъ уши. Даже гиппопотамъ, угрожая товарищу широко раскрытымъ огромнымъ ртомъ, оттягиваетъ назадъ свои маленькія уши, совсѣмъ, какъ лошадь.

Какую противоположность съ названными выше животными представляетъ рогатый скотъ, овцы или козы, которые въ дракѣ никогда не прибѣгаютъ къ зубамъ и въ ярости никогда не оттягиваютъ ушей ¹⁾! Хотя овцы и козы съ вида кажутся такими миролюбивыми животными, между самцами часто происходятъ ожесточенныя схватки. Такъ какъ олени представляютъ близко родственное имъ семейство, и такъ какъ я не зналъ, что они въ дракѣ пускають въ ходъ зубы, то меня очень удивило описание лося въ Канадѣ, данное майоромъ Росъ-Кингомъ. Онъ говоритъ, когда «два самца случайно встрѣтятся, они, оттянувъ уши назадъ и скрежеща зубами, устремляются другъ на друга съ ужасающею яростью» ²⁾. Но Бартлетъ сообщаетъ мнѣ, что нѣкоторые виды оленей яростно кусаются, такъ что оттягиваніе ушей назадъ у лося согласно съ нашимъ правиломъ. Различные кенгуру, которыхъ держатъ въ зоологическомъ саду, въ дракѣ царапають передними ногами и лягають задними; но они никогда не кусають другъ друга, и сторожа никогда не видали, чтобы они оттягивали назадъ уши, когда сердятся. Кролики въ дракѣ главнымъ образомъ лягаются и царапаются, но они также кусають другъ друга; я знаю случай, когда одинъ кроликъ откусилъ половину хвоста у своего противника. Въ началѣ драки они прижимають уши назадъ, но потомъ, прыгая и лягая другъ друга, они держатъ уши прямо или все время двигаютъ ими.

Бартлетъ слѣдилъ за дикимъ кабаномъ, который довольно сильно поссорился со своею самкою; у обоихъ ротъ былъ раскрытъ и уши оттянуты назадъ ³⁾. Но, повидимому, у домашнихъ свиней драки не всегда сопровождаются этимъ движеніемъ. Кабаны дерутся между собою, ударяя вверхъ клыками; Бартлетъ сомнѣвается, чтобы они при этомъ оттягивали уши назадъ. Слоны, которые такимъ же образомъ дерутся бивнями, не оттягиваютъ ушей, но напротивъ поднимають ихъ, устремляясь другъ на друга или на врага.

Носороги въ зоологическомъ саду дерутся своимъ носовымъ рогомъ и ни разу не было замѣчено, чтобы они пытались укусить одинъ другого иначе какъ во время игры; сторожа убѣждены, что приходя въ ярость, они не оттягиваютъ ушей, въ противоположность лошадямъ и собакамъ. Поэтому слѣдующее заявленіе сэра Бекера ⁴⁾ необъяснимо; онъ говоритъ, что у носорога, котораго онъ застрѣлилъ въ сѣверной Африкѣ, «не было ушей: они были откушены вплотную у самой головы другимъ носорогомъ того же вида во время драки; увѣчье такого рода вовсе не представляетъ рѣдкости».

Обращаемся, наконецъ, къ обезьянамъ. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣю-

¹⁾ [Слѣдующая замѣтка написана рукою Чарльза Дарвина и, повидимому, взята изъ старой записной книжки:

„Жирафа бьетъ передними ногами и наноситъ удары заднею частью головы, но никогда не прижимаетъ ушей. Хорошо сопоставить съ лошадьми“.]

²⁾ „The Sportsman and Naturalist in Canada“, 1866, стр. 53.

³⁾ [Риксъ (письмо отъ 8 марта 1873) замѣтилъ то же самое.]

⁴⁾ „The Nile Tributaries of Abissinia“, 1867, стр. 443.

шія подвижныя уши и кусающіяся въ дракѣ, напримѣръ, *Cercopithecus ruber* при раздраженіи оттягиваютъ уши назадъ совершенно какъ собаки; въ это время онѣ имѣютъ очень злобный видъ. Другія обезьяны, напримѣръ, *Inuus ecaudatus*, повидимому, не производятъ этого движенія. Съ другой стороны, есть обезьяны (что представляетъ крупную аномалію сравнительно съ большинствомъ другихъ животныхъ), которыя оттягиваютъ уши, оскалываютъ зубы и издаютъ бормотанье, когда имъ пріятно, что ихъ ласкаютъ. Я наблюдалъ это у двухъ или трехъ видовъ макакъ и у *Cynopithecus niger*. Вслѣдствіе нашего близкаго знакомства съ собаками, человѣкъ, не имѣвшій дѣла съ обезьянами, никогда не счелъ бы этого выраженія за признакъ радости или удовольствія.

Настороживаніе ушей. Это движеніе почти не требуетъ упоминанія. Всѣ животныя, обладающія способностью свободно двигать ушами, при испугѣ или при внимательномъ наблюденіи какого-нибудь предмета устремляютъ уши въ ту сторону, въ которую они смотрятъ, чтобы слышать всякій идущій оттуда звукъ. Въ то же время они обыкновенно поднимаютъ голову, такъ какъ на ней расположены всѣ органы чувствъ, а нѣкоторыя животныя меньшаго размѣра поднимаются на заднія ноги. Даже тѣ животныя, которыя припадаютъ къ землѣ или тотчасъ же обращаются въ бѣгство для избѣжанія опасности, большею частью на мгновеніе производятъ это движеніе, чтобы опредѣлить источникъ и характеръ опасности. Приподнятая голова при настороженныхъ ушахъ и устремленныхъ впередъ глазахъ сообщаетъ всякому животному несомнѣнное выраженіе пристальнаго вниманія.

ГЛАВА V.

Спеціальныя выраженія у животныхъ.

Различныя выразительныя движенія у собаки.—У кошекъ.—У лошади.—У жвачныхъ.—Выраженіе радости и привязанности у обезьянъ.—Боль.—Гнѣвъ.—Удивленіе и страхъ.

Собака. Я уже описалъ (рис. 5 и 7) внѣшній видъ собаки, когда она приближается къ другой собацѣ съ враждебными намѣреніями, а именно, ея поднятыя уши, пристально устремленные впередъ глаза, взъерошенную на шеѣ и спинѣ шерсть, замѣчательно напряженную походку и напряженно поднятый кверху хвостъ. Этотъ видъ намъ такъ знакомъ, что про разсердившагося человѣка иногда говорятъ, будто онъ «ощетинился». Изъ вышеописанныхъ признаковъ только напряженная походка и поднятый кверху хвостъ требуютъ дальнѣйшаго обсужденія. Сэръ Ч. Бель замѣчаетъ¹⁾, что если сторожъ ударитъ тигра или волка и животное внезапно придетъ въ ярость, то всѣ мышцы напряжены, а конечности принимаютъ напряженную позу, которая служитъ приготовленіемъ къ прыжку». Напряженіе мышцъ и вызываемую имъ напряженность походки можно объяснить посредствомъ принципа ассоциированной привычки, ибо гнѣвъ всегда приводилъ къ жестокимъ схваткамъ, а слѣдовательно къ тому, что всѣ мышцы тѣла усиленно напрягались. Есть

1) „The Anatomy of Expression“, 1844, стр. 190.

также причина предполагать, что мышечная система требует нѣкоторой краткой подготовки, или нѣкоторой иннервации, прежде чѣмъ придетъ въ сильное дѣйствіе. Мои собственные ощущенія побуждаютъ меня къ этому выводу; но я не могъ найти, чтобы физиологи допускали такое заключеніе. Впрочемъ, сэръ Педжетъ сообщаетъ мнѣ, что когда мышцы внезапно сокращаются съ величайшей силой безъ всякой подготовки, онѣ могутъ разорваться, напримѣръ, когда человѣкъ неожиданно поскользнется; но что это рѣдко случается при намѣренномъ движеніи, какъ бы оно ни было стремительно.

Что касается вертикальнаго положенія хвоста, то оно, повидимому, зависитъ (но я не знаю, дѣйствительно ли это такъ) отъ того, что поднимающія мышцы сильнѣе опускающихъ, такъ что, когда всѣ мышцы задней части тѣла находятся въ состояніи напряженія, хвостъ поднимается. Когда собака весела и бѣжитъ впереди хозяина крупною эластичною

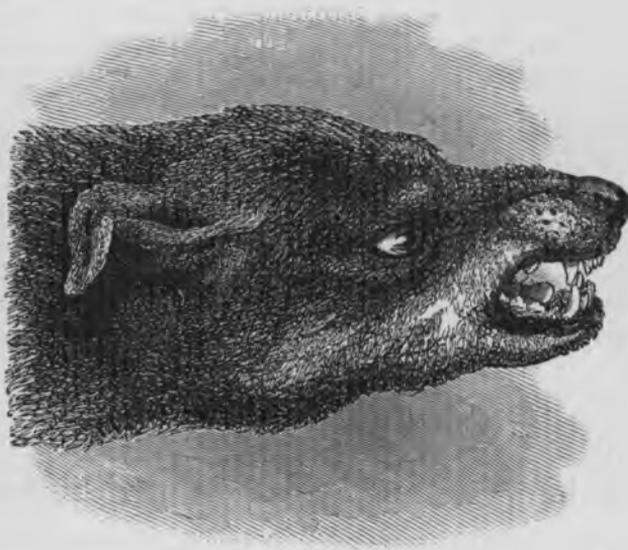

Рис. 14. Голова рычащей собаки. Рисов. съ натуры м-ръ Вудъ.

рысью, она обыкновенно держитъ хвостъ кверху, хотя далеко не такъ напряженно, какъ при гнѣвѣ. Лошадь, когда ее только что направили въ открытое поле, бѣжитъ крупною эластичною рысью, высоко поднимая голову и хвостъ. Даже коровы, когда онѣ скачутъ отъ удовольствія, смѣшно закидываютъ хвосты. То же самое бываетъ съ различными животными въ Зоологическомъ саду. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ положеніе хвоста опредѣляется специальными обстоятельствами; такъ, когда лошадь переходитъ въ самый быстрый галопъ, она всегда опускаетъ хвостъ, чтобы представлять какъ можно меньше сопротивленія для воздуха¹⁾.

Когда собака готова прыгнуть на своего противника, она издаетъ свирѣпое рычаніе; уши плотно прижимаются назадъ, а верхняя губа (рис. 14) сдвигается съ зубовъ, особенно съ клыковъ. Эти движенія

¹⁾ [Уоллесъ предлагаетъ ("Quarterly Journal of Science", янв. 1873, стр. 116) иное объясненіе. "Такъ какъ вся нервная энергія, которая можетъ быть использована, расходуется на передвиженіе, то всѣ специальныя мышечныя сокращенія, не способствующія движенію, прекращаются."]

можно наблюдать у собакъ и у щенятъ во время игры. Но если собака дѣйствительно разозлится во время игры, ея выраженіе тотчасъ же измѣняется. Впрочемъ это зависитъ только отъ того, что губы и уши гораздо энергичнѣе оттягиваются назадъ. Если собака только рычитъ на другую собаку, губа обыкновенно сдвигается только съ одной стороны, именно съ той, которая обращена къ врагу.

Движенія собаки, когда она выражаетъ привязанность къ хозяину, были описаны (рис. 6 и 8) въ нашей второй главѣ. Они состоятъ въ томъ, что все тѣло опускается и начинаетъ изгибаться, при чемъ хвостъ вытянутъ и виляетъ изъ стороны въ сторону. Уши опускаются и нѣсколько оттягиваются назадъ, отъ чего вѣки удлинняются и выраженіе всей морды измѣняется. Губы повисаютъ свободно и шерсть остается гладкой. Какъ мнѣ кажется, всѣ эти движенія или жесты можно объяснить тѣмъ, что они составляютъ полную антитезу съ тѣми движеніями, которыя естественнымъ образомъ производитъ разъяренная собака при прямо противоположномъ настроеніи. Когда человѣкъ только говоритъ со своей собакой или только замѣчаетъ ея присутствіе, мы видимъ легкіе слѣды этихъ движеній въ слабомъ виляніи хвостомъ, безъ всякаго другого движенія туловищемъ и даже безъ опусканія ушей. У собакъ привязанность выражается также въ желаніи тереться о хозяевъ и въ желаніи, чтобы хозяева ихъ погладили или потрепали.

Грасіоле объясняетъ вышеописанныя движенія для выраженія привязанности слѣдующимъ образомъ; читатель можетъ судить, представляется ли его объясненіе удовлетворительнымъ. Говоря о животныхъ вообще, включая и собаку, онъ говоритъ¹⁾: «C'est toujours la partie la plus sensible de leurs corps qui recherche les caresses ou les donne. Lorsque toute la longueur des flancs et du corps est sensible, l'animal serpente et rampe sous les caresses; et ces ondulations se propagent le long des muscles analogues des segments jusqu'aux extrémités de la colonne vertébrale, la queue se ploie et s'agite». Далѣе онъ прибавляетъ, что собаки, когда онѣ бываютъ въ ласковомъ настроеніи, опускаютъ уши для того, чтобы не воспринимать никакихъ звуковъ и сосредоточить все вниманіе на ласкахъ хозяина.

У собакъ есть другой поразительный способъ выражать привязанность, именно посредствомъ лизанія рукъ или лица хозяина. Онѣ иногда лижутъ другъ друга, и въ этомъ случаѣ всегда лижутъ въ морду. Я видалъ также, какъ собаки лизали кошекъ, съ которыми онѣ жили въ дружбѣ. Эта привычка произошла вѣроятно вслѣдствіе того, что самки тщательно вылизываютъ щенятъ, предметъ ихъ самой нѣжной любви, чтобы вычистить ихъ. Послѣ краткаго отсутствія онѣ тоже часто поспѣшно нѣсколько разъ лижутъ щенятъ, повидимому, изъ привязанности къ нимъ. Вѣроятно, такимъ путемъ эта привычка ассоціировалась съ чувствомъ любви, чѣмъ бы послѣдствіи она ни была вызвана. Теперь эта привычка такъ прочно стала наслѣдственной или прирожденной, что она передается одинаково обоимъ поламъ. У моего крысолова-самки недавно уничтожили щенятъ, и хотя она всегда была очень ласковая, я былъ весьма пораженъ способомъ, которымъ она старалась удовлетворить своей инстинктивной материнской любви, изливая ее на меня; ея желаніе лизать мои руки превратилось въ ненасытную страсть²⁾.

¹⁾ „De la physionomie“, 1865, стр. 187, 218.

²⁾ [Бодри указываетъ въ письмѣ на одно мѣсто въ Рамайянь, гдѣ мать, найдя трупъ своего сына, „lèche avec la langue le visage du mort en gémissant comme une vache privée de son veau“.]

Тотъ же принципъ, вѣроятно, объясняетъ, почему собаки, когда бывають въ ласковомъ настроеніи, любятъ тереться о хозяевъ, или чтобы хозяева ихъ гладили и трепали; ибо вслѣдствіе ухода за щенятами соприкосновеніе съ возлюбленнымъ объектомъ прочно ассоціировалось въ ихъ умѣ съ чувствомъ любви.

Привязанность собаки къ хозяину соединена съ сильнымъ чувствомъ подчиненія, близкимъ къ страху. Поэтому собаки не только опускають туловище и немного прижимаются къ землѣ, приближаясь къ хозяину, но иногда бросаются на землю животомъ кверху. Это движеніе представляетъ полнѣйшую противоположность какому бы то ни было сопротивленію. У меня раньше была большая собака, которая вовсе не боялась драться съ другими собаками; но одна похожая на волка овчарка, жившая по сосѣдству, имѣла странное вліяніе на мою собаку, хотя была менѣе злобна и менѣе сильна. Когда онѣ встрѣчались на дорогѣ, моя собака обыкновенно бѣжала ей навстрѣчу, немного поджавъ хвостъ и не взерошивая шерсти, потомъ она бросалась на землю животомъ вверхъ. Этимъ движеніемъ она какъ бы говорила яснѣе словъ: «Видишь, я твоя раба».

Нѣкоторыя собаки очень своеобразно проявляютъ пріятное и возбужденное настроеніе, соединенное съ привязанностью: именно, онѣ ухмыляются¹⁾. Это давно замѣтилъ Сомервилъ, который говоритъ:

„And with a courtly grin, the fawning hound
Salutes thee cowering, his wide opening nose
Upward he curls, and his large sloe-black eyes
Melt in soft blandishments, and humble joy“.

The Chase, книга I.

Знаменитая борзая Вальтеръ-Скотта, Мэда, имѣла эту привычку, и она очень распространена у крысолововъ. Я видѣлъ ее также у шпица и у овчарки. М-ръ Ривиръ, который особенно занимался этимъ выраженіемъ, сообщаетъ мнѣ, что оно рѣдко проявляется въ совершенной формѣ, но что въ болѣе слабой степени оно очень обыкновенно. При ухмыляніи, какъ и при рычаніи, верхняя губа сдвигается, такъ что обнажаются клыки, уши же оттягиваются назадъ; но общій видъ животнаго ясно показываетъ, что оно не чувствуетъ гнѣва. Сэръ Ч. Бель²⁾ замѣчаетъ: «Собаки, выражая привязанность, слегка отворачивають губы и, прыгая, ухмыляются и фыркають такъ, что это похоже на смѣхъ». Нѣкоторые называютъ ухмыляніе улыбкой; но если бы это дѣйствительно была улыбка, мы видѣли бы подобное же, и притомъ болѣе явственное, движеніе губъ и ушей тогда, когда собаки лають отъ радости; но этого не бываетъ, хотя за ухмыляніемъ часто слѣдуетъ радостный лай. Съ другой стороны, собаки, играя со своими товарищами или хозяевами, почти всегда дѣлають видъ, что кусають, и тогда онѣ отодвигають, хотя не очень сильно, губы и уши. Поэтому я пред-

¹⁾ [Одинъ корреспондентъ въ остъ-индскомъ департаментѣ телеграфовъ указываетъ (въ письмѣ отъ 14 февр. 1875), что у рогатаго скота обнаженіе зубовъ связано съ половымъ инстинктомъ. „Я покупалъ быка и хотѣлъ посмотреть его зубы, но онъ никакъ не давалъ этого сдѣлать; туземцы предложили привести корову и тогда „быкъ“ тотчасъ же вытянулъ шею и раздвинулъ губы, такъ что зубы обнажились“. Корреспондентъ утверждаетъ, что обыкновеніе приводитъ корову, чтобы заставить быка показать зубы очень распространено въ Индіи.]

²⁾ „Привѣтливо осклабившись, извиваясь и опустившись къ землѣ, собака встрѣчаетъ тебя; ея широко открытыя ноздри подняты кверху, а большіе черные глаза блестятъ ласкою и смиренною радостью“. (Прим. перев.) „The Anatomy of Expression“, 1844, стр. 140.

полагаю, что нѣкоторыя собаки, когда онѣ испытываютъ живое удовольствие, соединенное съ привязанностью, склонны дѣйствовать по привычкѣ и по ассоціаціи тѣми же самыми мышцами, которыя онѣ употребляютъ, когда въ шутку кусаютъ другъ друга или руки хозяина.

Я описалъ во второй главѣ походку и внѣшній видъ собаки, когда она весела и рѣзкую противоположность, которую представляетъ то же самое животное при уныніи и разочарованіи, когда его голова, уши, туловище, хвостъ и щеки повисаютъ, а глаза становятся тусклыми. Въ ожиданіи какого-нибудь удовольствія собаки причудливо прыгаютъ и скачутъ, лая отъ радости. Склонность лаять при такомъ настроеніи наслѣдственна или зависитъ отъ породы; борзые лаютъ рѣдко, тогда какъ шпицы, отправляясь съ хозяиномъ на прогулку, лаютъ такъ непрерывно, что надоѣдаетъ.

Мучительная боль выражается у собакъ почти такъ же, какъ у большинства другихъ животныхъ, а именно воемъ, извиваніемъ и судорогами всего тѣла.

Вниманіе выражается тѣмъ, что голова поднимается, уши настораживаются, а глаза пристально устремлены на наблюдаемый предметъ или въ сторону его. Если это—звукъ, происхожденіе котораго неизвѣстно, то голова часто наклонно повертывается съ боку на бокъ весьма выразительно, вѣроятно для того, чтобы точнѣе опредѣлить, откуда идетъ звукъ. Но я видѣлъ, какъ собака, очень удивленная новымъ звукомъ, повернула голову вбокъ по привычкѣ, хотя ясно видѣла причину звука. Какъ было замѣчено раньше, если вниманіе собаки чѣмъ-нибудь возбуждено, то она, слѣдя за какимъ-нибудь предметомъ или прислушиваясь къ звуку, часто поднимаетъ лапу (рис. 4) и держитъ ее подогнутой, какъ бы для того, чтобы медленно подкрасться.

Подъ вліяніемъ крайняго страха собака бросается на землю, воеетъ и выпускаетъ испражненія; но шерсть, кажется, не взъерошивается, если она не испытываетъ гнѣва. Я видѣлъ однажды, какъ собака очень испугалась оркестра, который громко игралъ передъ домомъ, всѣ мышцы ея тѣла дрожали, сердце билось такъ быстро, что едва можно было сосчитать удары, и она задыхалась, широко раскрывъ ротъ, совершенно такъ же, какъ дѣлаетъ испуганный человѣкъ. А между тѣмъ эта собака не была утомлена; она передъ тѣмъ медленно и безопасно бродила по комнатѣ и день былъ холодный.

Даже очень слабая степень страха неизмѣнно выражается въ томъ, что хвостъ поджимается ¹⁾ между ногъ ²⁾. Это поджиманіе хвоста сопровождается оттягиваніемъ ушей назадъ; но они не прижимаются плотно къ головѣ, какъ при рычаніи, и не опускаются внизъ, какъ при веселомъ или ласковомъ настроеніи собакъ. Когда двѣ молодя собаки, играя, гоняются другъ за другомъ, та, которая убѣгаетъ, всегда поджимаетъ хвостъ. То же самое бываетъ, когда собака, въ самомъ веселомъ

¹⁾ [Представляется вѣроятнымъ, что поджиманіе хвоста есть не столько попытка защитить его, сколько часть общаго усилія по возможности уменьшить поверхность, подвергающуюся опасности (срав. опусканіе гнѣвъ на колѣни, описанное ниже). Одинъ корреспондентъ сравниваетъ это движеніе съ позою игрока въ мячъ, который вынужденъ быть празднымъ въ то время, какъ его товарищи играютъ. Итакъ, это движеніе было бы аналогично пожиманію плечами, если Бодри (см. гл. XI, стр.) правъ, когда приводитъ это движеніе въ связь съ усиліемъ спрятать голову].

²⁾ [Въ одной клинообразной надписи, которой почти 5000 лѣтъ, и въ которой описывается потопъ, есть описаніе страха боговъ во время бури: «Боги, какъ псы съ поджатыми хвостами, припали къ землѣ». Эта замѣтка взята изъ газетной вырѣзки, сохраненной Чарльзомъ Дарвиномъ, но не имѣющей ни числа ни заглавія].

настроении, скачетъ какъ безумная, вокругъ хозяина, описывая круги или цифру восемь. Въ этомъ случаѣ она поступаетъ такъ, какъ будто за нею гонится другая собака. Собаки предаются этой своеобразной игрѣ—которая навѣрно знакома каждому, кто слѣдилъ за ними—особенно охотно послѣ того, какъ животное испытало легкую тревогу или испугъ, на примѣръ, если хозяинъ внезапно прыгнетъ на нее въ темнотѣ. Въ этомъ случаѣ, какъ и тогда, когда двѣ собаки гоняются другъ за другомъ во время игры, кажется, будто та, которая убѣгаетъ, боится, что другая поймаетъ ее за хвостъ; но насколько я могъ провѣрить, собаки очень рѣдко ловятъ другъ друга такимъ образомъ. Я спрашивалъ одного джентльмена, который всю свою жизнь держалъ гончихъ, а онъ въ свою очередь справлялся у другихъ опытныхъ охотниковъ, видали ли они когда-нибудь, чтобы собаки такъ схватывали лисицу; но имъ этого ни разу не случалось видѣть. Повидимому, когда собаку преслѣдуютъ или когда она опасается, что ее ударятъ сзади, или что какой-нибудь предметъ упадетъ на нее, она во всѣхъ этихъ случаяхъ желаетъ какъ можно скорѣе подобратъ всю заднюю часть своего тѣла, и вслѣдствіе какой-то симпатіи или связи между мышцами, хвостъ тогда плотно поджимается.

У гіены можно наблюдать такое же совмѣстное движеніе задней части тѣла и хвоста. М-ръ Бартлетъ сообщаетъ мнѣ, что когда двѣ гіены дерутся, каждая изъ нихъ сознаетъ удивительную силу челюстей другой, и онѣ бываютъ чрезвычайно осторожны. Онѣ отлично знаютъ, что если врагъ схватитъ за ногу, то кость будетъ мгновенно разгрызена въ мельчайшія частицы; поэтому они приближаются другъ къ другу на колѣняхъ, какъ можно сильнѣе подогнувъ ноги внутрь и согнувъ все тѣло такъ, чтобы ни одна часть не выдавалась, въ то же время хвостъ плотно поджимается между ногами. Въ такой позѣ онѣ приближаются другъ къ другу бокомъ или даже отчасти задомъ. Далѣе, нѣкоторые виды оленей, когда они бываютъ въ ярости и дерутся, поджимаютъ хвосты. Когда лошадь въ полѣ, играя, старается укусить другую за заднюю часть тѣла, или когда жестокий мальчикъ бьетъ осла сзади, задняя часть тѣла подтягивается, хотя это дѣлается, повидимому, не только для того, чтобы предохранить хвостъ отъ поврежденія. Мы видѣли также движеніе, обратное описанному, ибо когда животное бѣжитъ крупною эластичною рысью, хвостъ почти всегда поднятъ вверхъ.

Какъ я сказалъ, когда собаку преслѣдуютъ и она убѣгаетъ, она держитъ уши повернутыми назадъ, но при этомъ они открыты; очевидно, это дѣлается для того, чтобы слышать шаги преслѣдователя. По привычкѣ собака часто держитъ уши въ такомъ положеніи и поджимаетъ хвостъ, когда опасность очевидно угрожаетъ спереди. Я нѣсколько разъ замѣчалъ, что когда моя робкая собака-крысоловъ боится какого-нибудь находящагося впереди нея предмета, свойства котораго ей вполнѣ извѣстны и не требуютъ изслѣдованія, она все-таки долго держитъ уши и хвостъ въ описанномъ положеніи, представляя собою олицетворенную тревогу. Тревога, не соединенная со страхомъ, выражается подобнымъ же образомъ: на примѣръ, я однажды вышелъ изъ дома какъ разъ въ то время, когда эта самая собака знала, что ей принесутъ обѣдать. Я не звалъ ее, но ей очень хотѣлось сопровождать меня и въ то же время она очень хотѣла получить обѣдъ; она стояла, глядя то въ одну сторону, то въ другую, поджавъ хвостъ и оттянувъ уши назадъ, представляя собою очевидное выраженіе недоумѣнія и тревоги.

Почти всѣ описанныя до сихъ поръ выразительныя движенія, кромѣ ухмылянія отъ радости, природенны или инстинктивны, ибо они общи

для всѣхъ особей, и старыхъ и молодыхъ, всѣхъ породъ. Большая часть этихъ выраженій свойственна также отдаленнымъ предкамъ собаки, а именно волку и шакалу; нѣкоторыя изъ выраженій свойственны другимъ видамъ той же группы ¹⁾. Ручные волки и шакалы, когда ихъ ласкаютъ хозяева, прыгаютъ отъ радости, виляютъ хвостомъ, опускаютъ уши, лижутъ руки хозяина, припадаютъ къ землѣ и даже бросаются на землю животомъ кверху ²⁾. Я видѣлъ, какъ одинъ африканскій шакалъ изъ Табуна, похожій на лисицу, опускалъ уши, когда его ласкали. Волки и шакалы при испугѣ несомнѣнно поджимаютъ хвосты; по одному описанію, ручной шакалъ скакалъ вокругъ хозяина, описывая круги и восьмерки, какъ собака, поджавъ хвостъ.

Было указано ³⁾, что лисицы, какъ бы онѣ ни были приручены, никогда не производятъ ни одного изъ вышеописанныхъ выразительныхъ движеній; но это не вполне точно. Много лѣтъ тому назадъ я наблюдалъ въ зоологическомъ саду и тогда же записалъ слѣдующій фактъ: одна совсѣмъ ручная англійская лисица, когда приласкалъ ее сторожъ, завильяла хвостомъ, опустила уши, потомъ бросилась на землю животомъ вверхъ. Черная сѣверо-американская лисица тоже слегка опускала уши. Но кажется лисицы никогда не лижутъ рукъ у хозяевъ ⁴⁾, и меня увѣряли, что при испугѣ онѣ никогда не поджимаютъ хвоста. Если допустить для выраженій привязанности у собакъ то объясненіе, которое я привелъ, то окажется, что животныя, никогда не находившіяся въ прирученномъ состояніи, какъ волки, шакалы и даже лисицы, тѣмъ не менѣе приобрѣли, вслѣдствіе принципа антитезы, нѣкоторыя выразительныя тѣлодвиженія; ибо невѣроятно, чтобы эти животныя, будучи заключены въ клѣткахъ, научились этимъ жестамъ, подражая собакамъ.

Кошки. Я уже описалъ дѣйствія кошки (рис. 9), когда она разъярена, но не испугана. Она припадаетъ къ землѣ и время отъ времени выдвигаетъ переднія лапы, при чемъ когти выпущены и лапа готова къ удару. Хвостъ вытянутъ и извивается или перебрасывается изъ стороны въ сторону. Шерсть не взъерошена, по крайней мѣрѣ она не была взъерошена въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, которые я наблюдалъ. Уши плотно прижаты назадъ и зубы обнажены. Кошка издаетъ тихое, свирѣлое рычаніе. Мы можемъ понять, почему поза, которую принимаетъ кошка, собираясь вступить въ драку съ другой кошкой, до такой степени не похожа на позу собаки, когда та приближается къ другой собацѣ съ враждебными намѣреніями; кошка наноситъ удары передними лапами, и потому ей удобно или необходимо припасть къ землѣ. Кромѣ того, кошка, гораздо болѣе, чѣмъ собака, привыкла лежать спрятавшись и внезапно бросаться на добычу. Нельзя съ увѣренностью привести причину, почему хвостъ перебрасывается или извивается изъ стороны въ

¹⁾ Артуръ Найкольвъ пишетъ въ „The Country“, 31 дек., 1874, стр. 588, что онъ почти два года имѣлъ „много дѣла“ съ чистокровнымъ динго (котораго выростили изъ найденнаго помета дикихъ щенятъ) и что за все это время онъ ни разу не видѣлъ, чтобы динго виляло хвостомъ или поднимало его при приближеніи чужой собаки.

²⁾ Гольденштедтъ приводитъ много подробностей въ своемъ описаніи шакала, «Now. Comm. Acad. Sc. Imp. Petrop.» 1775, т. XX, стр. 449. См. также другое превосходное описаніе привычекъ и игры этого животнаго въ „Land and Water“, октябрь 1869. Лейт. Аннеслей тоже сообщилъ мнѣ нѣкоторыя подробности относительно шакала. Я собиралъ много справокъ о волкахъ и шакалахъ въ зоологическомъ саду и самъ наблюдалъ ихъ.

³⁾ „Land. and Water“, 6 ноября 1869.

⁴⁾ М-ръ Ллойдъ, изъ Бирмингама, пишетъ (письмо отъ 14 іюня 1881), что ручная лисица лизала руки и лицо хозяина.

сторону. Эта привычка свойственна многимъ другимъ животнымъ, напримеръ, пумѣ, когда она готовится прыгнуть ¹⁾, но ея нѣтъ ни у собакъ, ни у лисицъ, какъ я заключаю изъ описанія, даннаго С. Джомомъ, лисицы, которая подстерегала и схватила зайца. Мы уже видѣли, что нѣкоторыя ящерицы и различныя змѣи при возбужденіи быстро вибрируютъ кончиками хвостовъ. Казалось бы, что при сильномъ возбужденіи существуетъ безотчетное желаніе производить движенія какого бы то ни было рода вслѣдствіе того, что нервная сила въ изобиліи освобождается изъ возбужденныхъ чувствительныхъ центровъ; а такъ какъ хвостъ остается свободнымъ и его движеніе не нарушаетъ положе-

женія тѣла, онъ изви-
вается или перекидывает-
ся изъ стороны въ сто-
рону.

Всѣ движенія кошки, когда она бываетъ въ ласковомъ настроеніи, представляютъ полную противоположность съ только что описанными. Она выпрямляется во весь ростъ, слегка выгнувъ спину, поднявъ вертикально хвостъ и настороживъ уши; при этомъ она третъ щеками и боками о хозяина или хозяйку. Желаніе тереться обо что-нибудь бываетъ такъ сильно у кошекъ при этомъ настроеніи, что часто можно видѣть, какъ онѣ трутъ о ножки стульевъ и столовъ или объ дверные косяки. Этотъ способъ выражать привязанность произошелъ, вѣроятно, по ассоціаціи, какъ и у собакъ, вслѣдствіе того, что мать ухаживаетъ за

Рис. 15. Кошка, испугавшаяся собаки. Рисов. съ натуры м-ръ Вудъ.

котятми и ласкаетъ ихъ; а можетъ быть, вслѣдствіе взаимной любви самихъ котятъ и ихъ общихъ игръ. Мы уже описали другое тѣлодвиженіе совсѣмъ иного рода, которое служитъ выраженіемъ удовольствія, а именно, любопытную манеру молодыхъ и даже старыхъ кошекъ отъ удовольствія поочередно вытягивать переднія лапы, раздвинувъ пальцы, какъ будто они нажимаютъ на сосцы матери и сосутъ ее. Эта привычка настолько аналогична привычкѣ тереться обо что-нибудь, что обѣ онѣ, повидимому, являются слѣдствіемъ движеній, производимыхъ въ періодъ ухода за новорожденными. Я не могу сказать, почему кошки выражаютъ привязанность треніемъ въ гораздо большей степени, чѣмъ со-

²⁾ Азара, „Quadrupèdes du Paraguay“, 1801, т. I, стр. 136.

баки, хотя и эти очень любятъ прикасаться къ хозяйкамъ, и почему кошки лишь изрѣдка лижутъ руки у своихъ друзей, собаки же дѣлаютъ это постоянно. Кошки чистятся, вылизывая свою шерсть, чаще, чѣмъ собаки. Съ другой стороны, ихъ языки какъ будто менѣе приспособлены для этой работы, чѣмъ болѣе длинныя и болѣе гибкіе языки собакъ.

При испугѣ кошки выпрямляются во весь ростъ и, какъ извѣстно, смѣшнымъ образомъ выгибаютъ спину. Онѣ фыркаютъ, шипятъ, или рычатъ. Шерсть на всемъ тѣлѣ, а особенно на хвостѣ, взъерошивается. Въ тѣхъ случаяхъ, которые я наблюдалъ, хвостъ у основанія держался кверху, а концевая часть его была отброшена вбокъ; но иногда хвостъ (см. рис. 15) лишь слегка приподнимается и отгибается въ сторону почти у основанія. Уши оттягиваются назадъ и зубы обнажаются. Когда два котенка играютъ вмѣстѣ, одинъ изъ нихъ часто старается такимъ способомъ испугать другого. Согласно тому, что мы видѣли въ предыдущихъ главахъ, всѣ вышеописанныя частности выраженія понятны, кромѣ чрезвычайно сильнаго выгибанія спины. Я склоненъ думать, что подобно многимъ птицамъ, которыя, взъерошивая перья, распускаютъ крылья и хвостъ, чтобы казаться какъ можно больше, кошки выпрямляются во весь ростъ, выгибаютъ спину, часто поднимаютъ хвостъ у основанія и взъерошиваютъ шерсть для той же цѣли. Говорятъ, рысь, когда на нее нападаютъ, выгибаетъ спину, и она изображена у Брема въ такой позѣ. Но сторожа въ Зоологическомъ саду никогда не видали, чтобы болѣе крупныя животныя семейства кошечъ, тигры, львы и т. д., дѣлали хотя что-нибудь подобное; у нихъ мало причинъ бояться какого бы то ни было другого животнаго.

Кошки часто пользуются голосомъ, какъ средствомъ выраженія, и издаютъ, при различныхъ эмоціяхъ и желаніяхъ, по меньшей мѣрѣ шесть или семь различныхъ звуковъ. Одинъ изъ наиболѣе любопытныхъ звуковъ — довольное мурлыканіе, производимое какъ при вдыханіи, такъ и при выдыханіи. Пума, чита и оцелотъ тоже мурлычутъ; но тигръ, когда онъ доволенъ, «издаетъ своеобразное короткое фырканье, сопровождаемое закрываніемъ вѣкъ» ¹⁾. Говорятъ, что левъ, ягуаръ и леопардъ не мурлычутъ.

Лошади. Лошади, когда онѣ разъярены, плотно прижимаютъ уши назадъ, вытягиваютъ голову и отчасти обнажаютъ рѣзцы, готовясь укунить. Намѣреваясь лягнуть, они обыкновенно по привычкѣ оттягиваютъ уши назадъ, а глаза ихъ бывають своеобразно устремлены назадъ ²⁾. Когда онѣ довольны, напримѣръ, когда имъ приносятъ въ конюшню какой-нибудь очень любимый кормъ, онѣ поднимаютъ и втягиваютъ голову, настораживаютъ уши и, пристально глядя на своего друга, часто ржутъ. Нетерпѣніе выражается въ ударахъ копытомъ объ землю.

Дѣйствія лошади при сильномъ испугѣ въ высокой степени выразительны. Однажды моя лошадь очень испугалась сѣялки, покрытой брезентомъ и стоявшей въ открытомъ полѣ. Она подняла голову такъ высоко, что шея стала почти отвѣсно: лошадь сдѣлала это по привычкѣ, такъ какъ машина стояла у подошвы покатоности и при подниманіи го-

¹⁾ „Land and Water“, 1867, стр. 657. См. также у Азара о пумѣ въ вышеупомянутой работѣ.

²⁾ Сэръ Ч. Бель, „Anatomy of Expression“, 3-е изд., стр. 123. См. также на стр. 126 о томъ, что лошади не дышатъ ртомъ, при чемъ упоминаются ихъ расширенныя ноздри.

ловы ее нельзя было видѣть яснѣе; если бы отъ нея шель какой-нибудь звукъ, его тоже нельзя было бы услышать отчетливѣе. Глаза и уши лошади были внимательно устремлены впередъ; біеніе ея сердца чувствовалось сквозь сѣдло. Расширивъ красныя ноздри, она сильно фыркнула и, сдѣлавъ крутой поворотъ, вскачь бросилась бы прочь, если бы я не помѣшалъ ей. Ноздри расширяются не для того, чтобы обнюхать источникъ опасности, потому что, когда лошадь тщательно обнюхиваетъ какой-нибудь предметъ и при этомъ не встревожена, она не расширяетъ ноздрей. Вслѣдствіе присутствія клапана въ горлѣ лошадь, когда она съ трудомъ переводитъ духъ, дышетъ не черезъ раскрытый ротъ, а черезъ ноздри; поэтому онѣ приобрѣли способность значительно расширяться. Это расширение ноздрей, а также фыркание и сердцебіеніе въ теченіе длиннаго ряда поколѣній тѣсно ассоціировались съ чувствомъ страха; ибо страхъ обыкновенно заставлялъ лошадь напрягать всѣ усилія, когда она въ карьеръ бросалась прочь отъ источника опасности.

Жвачныя. Рогатый скотъ и овцы замѣчательны тѣмъ, что проявляютъ свои чувства и ощущенія, кромѣ крайней боли, въ очень слабой мѣрѣ. Взбѣшенный быкъ выражаетъ свою ярость только опусканіемъ головы, расширеніемъ ноздрей и мычаніемъ. Кромѣ того, онъ часто бьетъ копытомъ объ землю; но эти удары, повидимому, совершенно отличны отъ ударовъ нетерпѣливой лошади; ибо на рыхлой почвѣ быкъ поднимаетъ тучи пыли. Мнѣ кажется, что быки дѣлаютъ это, чтобы прогнать мухъ, когда онѣ ихъ раздражаютъ. Дикія породы овецъ и козъ при испугѣ бьютъ ногою въ землю и свистятъ носомъ, что служитъ для ихъ товарищей сигналомъ тревоги. Мускусный быкъ арктическихъ областей при встрѣчахъ тоже топаетъ объ землю ¹⁾. Я не могу рѣшить, отъ чего произошло это топание; изъ справокъ, которыя я наводилъ, не слѣдуетъ, чтобы какое-нибудь изъ этихъ животныхъ дралось передними ногами ²⁾.

Нѣкоторые виды оленей въ ярости производятъ гораздо больше выразительныхъ движеній, чѣмъ рогатый скотъ, овцы или козы, ибо, какъ уже было указано, они оттягиваютъ уши назадъ, скрежешутъ зубами, поднимаютъ шерсть дыбомъ, визжатъ, топаятъ ногами и взмахиваютъ рогами. Однажды въ Зоологическомъ саду формозскій олень (*Cervus pseudaxis*) приблизился ко мнѣ въ любопытной позѣ, — высоко поднявъ морду, такъ что рога прижались къ шеѣ; голову онъ нѣсколько наклонилъ вбокъ. По выраженію его глазъ я былъ увѣренъ, что онъ взбѣшенъ; онъ медленно приблизился и, подойдя вплотную къ желѣзной рѣшеткѣ, наклонилъ голову, чтобы боднуть меня, но внезапно подогнулъ ее подъ себя и съ большою силою ударилъ рогами объ рѣшетку. Бартлетъ сообщаетъ мнѣ, что нѣкоторые другіе виды оленей принимаютъ такую же позу, когда бываютъ разъярены.

Обезьяны. Различныя виды и роды обезьянъ выражаютъ свои чувства самыми разнообразными способами; этотъ фактъ интересенъ, такъ какъ

¹⁾ „Land and Water“, 1869, стр. 152.

²⁾ [М-ръ Гукхемъ, изъ Холь Грина, утверждаетъ въ письмѣ, что онъ видѣлъ, какъ овцы „злобно били передними ногами маленькую собаку“. Впрочемъ, по замѣчанію м-ра Гукхема, представляется сомнительнымъ, могло ли это дѣйствіе послужить причиною топанья у рассерженной овцы.

Возможно ли, что топание—просто сигналъ и что овцы принимаютъ его за таковою вслѣдствіе сходства этого звука съ топотомъ встревоженныхъ овецъ при бѣгствѣ ихъ вслѣдствіе испуга?]

до нѣкоторой степени имѣеть отношеніе къ вопросу, слѣдуетъ ли считать самостоятельными видами или разновидностями такъ называемыя человѣческія расы; ибо, какъ мы увидимъ въ слѣдующихъ главахъ, различныя расы людей выражаютъ свои эмоціи и ощущенія во всемъ свѣтѣ съ замѣчательнымъ однообразіемъ. Нѣкоторыя изъ выразительныхъ движеній у обезьянъ интересны и въ другомъ смыслѣ,—именно тѣмъ, что они близко аналогичны выраженіямъ человѣка. Такъ какъ я не имѣлъ случая наблюдать какой бы то ни было видъ этой группы при всякихъ обстоятельствахъ, то лучше всего расположить мои разнородныя замѣчанія по различнымъ настроеніямъ.

Удовольствіе, радость, привязанность ¹⁾. У обезьянъ невозможно отличить, по крайней мѣрѣ при опытности, не превышающей мою, выраженіе удовольствія или радости отъ выраженія привязанности. Молодые шимпанзе издають звукъ вродѣ лая, когда они рады возвращенію кого-нибудь, къ кому они привязаны. При этомъ звукѣ, который сторожа называютъ смѣхомъ, губы выдвигаются впередъ; но онѣ выдвигаются и при различныхъ другихъ душевныхъ движеніяхъ. Тѣмъ не менѣе я могъ замѣтить, что, когда они довольны, форма губъ немного отличается отъ той, которую онѣ принимаютъ, когда обезьяна сердится. Если щекотать молодого шимпанзе (они особенно чувствительны къ щекотанію подъ мышками, какъ и наши дѣти), то онъ издаетъ болѣе опредѣленный звукъ, похожій на хихиканье или смѣхъ; впрочемъ, смѣхъ иногда бываетъ беззвученъ. При этомъ углы рта оттягиваются назадъ, отчего нижнія вѣлки иногда слегка сморщиваются. Но это сморщиванье, которое такъ характерно для нашего собственнаго смѣха, бываетъ яснѣе видно у нѣкоторыхъ другихъ обезьянъ. Зубы верхней челюсти у шимпанзе не обнажаются, когда они издають звукъ, напоминающій смѣхъ; въ этомъ отношеніи они отличаются отъ насъ. Но ихъ глаза искрятся и становятся болѣе блестящими, какъ утверждаетъ Мартинъ ²⁾, специально слѣдившій за ихъ выраженіемъ.

Молодые орангутанги, когда ихъ щекочутъ, тоже осклабляются и издають звукъ, похожій на хихиканье; Мартинъ говоритъ, что ихъ глаза становятся болѣе блестящими. Когда они перестаютъ смѣяться, можно замѣтить, что по ихъ лицу пробѣгаетъ выраженіе, которое, какъ мнѣ замѣтилъ Уоллесъ, можно назвать улыбкою. Я тоже замѣтилъ нѣчто подобное у шимпанзе. Д-ръ Дюшенъ (болѣе надежнаго авторитета нельзя привести) сообщаетъ мнѣ, что онъ держалъ у себя въ домѣ совсѣмъ ручную обезьяну въ теченіе года; когда онъ давалъ ей во время кормленія какое-нибудь особенное лакомство, онъ замѣчалъ, что углы ея рта слегка приподнимались; такимъ образомъ у этого животнаго можно было ясно замѣтить выраженіе удовольствія, по характеру близкое къ начинающейся улыбкѣ и похожее на то, которое мы часто видимъ на человѣческомъ лицѣ.

Cebus azarae ³⁾, когда онъ радуется, опять увидавъ любимаго человѣка, издаетъ своеобразный хихикающій (kichernden) звукъ. Онъ также выражаетъ пріятное ощущеніе, оттягивая назадъ углы рта, но не производя звука. Ренгеръ называетъ это движеніе смѣхомъ, но его скорѣе слѣдовало бы назвать улыбкою. Форма рта бываетъ иная при выраженіи

¹⁾ См. объ этомъ вопросѣ „Происхожденіе человѣка“, англ. изд., добавочная записка, перепечатанная изъ „Nature“, 1876, стр. 18.

²⁾ „Natural History of Mammalia“, 1841, т. I, стр. 383, 410.

³⁾ Ренгеръ („Säugethiere von Paraguay“, 1830, стр. 46) семь лѣтъ держалъ этихъ обезьянъ въ неволѣ на ихъ родинѣ, въ Парагваѣ.

боли или страха, и въ этихъ случаяхъ обезьяна испускаетъ громкіе крики. Другой видъ *Cebus* въ Зоологическомъ саду (*C. hyroleucus*) отъ удовольствія нѣсколько разъ пронзительно кричитъ на одной и той же нотѣ, и тоже оттягиваетъ углы рта назадъ, вѣроятно вслѣдствіе сокращенія тѣхъ же мышцъ, которыя сокращаются и у насъ. То же самое

Рис. 16. *Synopithecus niger*, въ спокойномъ настроеніи. Рисов. съ натуры м-ръ Вульфъ.

яна издала хриплый звукъ, похожій на лай.

Сторожъ сначала обидѣлъ павіана (*Synocephalus anubis*) и привелъ его въ бѣшеную ярость, что было легко сдѣлать; потомъ сторожъ по-

Рис. 17. Та же обезьяна, когда ей пріятно, что ее ласкаютъ.

мирился съ нимъ и потрясъ его за руку. Когда произошло примиреніе, павіанъ быстро задвигалъ челюстями и губами вверхъ и внизъ, и имѣлъ довольный видъ. Когда мы смѣемся отъ души, можно замѣтить болѣе или менѣе ясно подобное же движеніе или дрожь нашихъ челюстей; но у человѣка приходятъ въ движеніе главнымъ образомъ мышцы грудной клѣтки, тогда какъ у этого павіана и у нѣкоторыхъ другихъ обезьянъ судорожно двигаются мышцы челюстей и губъ.

Я уже имѣлъ случай упомянуть о любопытной манерѣ у двухъ-трехъ видовъ макакъ и у *Synopithecus niger* оттягивать уши назадъ и издавать

бываетъ у безхвостой мартышки (*Inuus escaudatus*) въ необыкновенно сильной степени; я наблюдалъ у этой обезьяны, что кожа вѣкъ очень сморщивалась. Въ то же время она быстро шевелила нижнею челюстью или губами судорожнымъ движеніемъ, обнаживъ зубы; но звукъ, который она издавала, почти не былъ явственнѣе того, который мы иногда называемъ беззвучнымъ смѣхомъ. Два сторожа утверждали, что этотъ слабый звукъ есть смѣхъ животнаго, и когда я въ этомъ нѣсколько усомнился (такъ какъ въ то время совѣмъ не имѣлъ опыта), они заставили его напасть или скорѣе угрожать нападеніемъ ненавистной ей обезьянѣ (*Entellus*), жившей въ той же клѣткѣ. Все выраженіе лица у мартышки тотчасъ же измѣнилось; ротъ раскрылся гораздо шире, клыки обнажились сильнѣе и обезья-

на издавала хриплый звукъ, похожій на лай.

Я уже имѣлъ случай упомянуть о любопытной манерѣ у двухъ-трехъ видовъ макакъ и у *Synopithecus niger* оттягивать уши назадъ и издавать

легкое бормотанье, когда имъ пріятно, что ихъ ласкаютъ. У *Synopithecus* (рис. 17) углы рта въ то же время оттягиваются назадъ и вверхъ, такъ что зубы обнажаются. Поэтому человѣкъ, не знакомый съ этимъ выраженіемъ, никогда не счелъ бы его выраженіемъ удовольствія. Хо-

холъ изъ длинныхъ волосъ на лбу опускается и, повидимому, вся кожа головы оттягивается назадъ. Такимъ образомъ брови немного приподнимаются и глаза пріобрѣтаютъ неподвижный взглядъ. Кромѣ того, нижнія вѣки слегка сморщиваются; но это сморщиваніе не обращаетъ на себя вниманія вслѣдствіе постоянныхъ поперечныхъ морщинъ лица.

Болѣзненные эмоціи и ощущенія. У обезьянъ нелегко отличить выраженіе легкой боли или какой бы то ни было тягостной эмоціи, какъ, напр., огорченія, обиды, зависти и т. д., отъ выраженія умѣреннаго гнѣва; эти душевные состоянія легко и быстро переходятъ одно въ другое. Впрочемъ, горе у нѣкоторыхъ видовъ несомнѣнно выражается въ слезахъ. Одна женщина, продавшая Зоологическому обществу обезьяну, которая, какъ предполагали, была родомъ съ Борнео (*Macacus taurus* или *Macacus inornatus Gray*), говорила, что обезьяна часто плачетъ; Бартлетъ, а также сторожъ Сеттонъ нѣсколько разъ видали, что, когда она бывала огорчена, или даже когда ее очень жалѣли, она плакала такъ обильно, что слезы скатывались по ея щекамъ. Впрочемъ, въ этомъ примѣрѣ есть какая-то странность, такъ какъ у двухъ экземпляровъ, которыхъ впоследствии держали въ зоологическомъ саду и которыхъ считали принадлежащими къ тому же виду, ни разу не было замѣчено слезъ, хотя сторожъ и я внимательно слѣдили за ними, когда они бывали огорчены и громко кричали. Ренгеръ утверждаетъ ¹⁾, что у *Cebus azarae*, когда ему мѣшаютъ достать какой-нибудь очень желанный предметъ, или когда онъ очень испуганъ, глаза наполняются слезами, но не въ такомъ количествѣ, чтобы вылиться черезъ край. Гумбольдтъ также утверждаетъ, что глаза у *Callithrix* «мгновенно наполняются слезами, когда имъ овладѣваетъ страхъ»; но когда въ Зоологическомъ саду дразнили эту хорошенькую обезьянку, такъ что она громко кричала, этого не случалось. Впрочемъ, я не желаю подвергать ни малѣйшему сомнѣнію правильность заявленія Гумбольдта.

Унылый видъ молодыхъ орангутанговъ и шимпанзе, когда они бьются нездоровы, такъ же ясенъ и почти такъ же трогателенъ, какъ у нашихъ дѣтей. Это состояніе духа и тѣла сказывается въ ихъ безучастныхъ движеніяхъ, осунувшихся лицахъ, потускнѣвшихъ глазахъ и въ измѣненіи цвѣта лица.

Гнѣвъ. Многія обезьяны часто обнаруживаютъ это душевное состояніе, и, по замѣчанію Мартина ²⁾, оно выражается весьма различными способами. «Нѣкоторые виды, будучи раздражены, выпячиваютъ губы, смотрятъ свирѣпымъ и неподвижнымъ взглядомъ на своего врага и нѣсколько разъ порывисто вздрагиваютъ, какъ бы собираясь броситься впередъ; въ то же время они издаютъ глухіе горловые звуки. Многіе выражаютъ гнѣвъ тѣмъ, что внезапно устремляются впередъ, открывая вмѣстѣ съ тѣмъ ротъ и сдвигая губы, чтобы скрыть зубы, въ то время какъ глаза смѣло устремлены на врага, какъ бы со свирѣпымъ вызовомъ. Далѣе, нѣкоторыя обезьяны, особенно длиннохвостыя или геноны, обнажаютъ зубы и сопровождаютъ свои злобныя гримасы рѣзкимъ, отрывистымъ повторнымъ крикомъ». Сеттонъ подтверждаетъ указаніе, что нѣкоторые виды, придя въ ярость, обнажаютъ зубы, тогда какъ другіе прячутъ ихъ, выпячивая губы; нѣкоторыя обезьяны оттягиваютъ уши назадъ. Только что упомянутый *Cynopithecus niger* производитъ это

¹⁾ Ренгеръ, тамъ же, стр. 46. Гумбольдтъ, „Personal Narrative“, англ. переводъ, т. IV, стр. 527.

²⁾ „Nat. Hist. of Mammalia“, 1841, стр. 351.

движеніе и въ то же время опускаетъ хохоль на лбу и обнажаетъ зубы; такъ что движенія чертъ лица при гнѣвѣ почти одинаковы съ движеніями при удовольствіи; только люди, хорошо знающіе животное, могутъ различить эти два выраженія.

Павіаны часто выражаютъ ярость и угрожаютъ врагамъ очень страннымъ способомъ,—а именно, широко раскрывая ротъ, какъ при зѣвотѣ. Бартлетъ часто видалъ, что два павіана, когда ихъ въ первый разъ посадятъ въ одну и ту же клетку, садятся другъ противъ друга и поочередно раскрываютъ рты; повидимому, это движеніе часто оканчивается настоящею зѣвотою. Бартлетъ полагаетъ, что оба животныхъ желаютъ показать другъ другу, что они вооружены убійственными зубами, что несомнѣнно справедливо ¹⁾. Такъ какъ мнѣ было трудно повѣрить существованію этого движенія, похожаго на зѣвоту, Бартлетъ обидѣлъ стараго павіана и привелъ его въ неистовую ярость,—обезьяна почти тотчасъ же сдѣлала описанное движеніе. Нѣкоторые виды макакъ и *Cercopithecus* ²⁾ поступаютъ точно такъ же. По наблюденіямъ Брема надъ павіанами, которыхъ онъ держалъ въ Абиссиніи, они, кромѣ того, выражаютъ гнѣвъ и другимъ способомъ,—именно, ударяя одною рукою по землѣ «подобно тому, какъ разсердившійся человѣкъ стучитъ по столу кулакомъ». Я видѣлъ это движеніе у павіановъ въ Зоологическомъ саду; но иногда это движеніе скорѣе похоже на поиски камня или другого предмета въ ихъ соломенной подстилкѣ.

Сетонъ часто замѣчалъ, что лицо у *Macacus rhesus*, когда онъ сильно взбѣшенъ, краснѣетъ. Пока онъ мнѣ это рассказывалъ, другая обезьяна бросилась на *rhesus*, и я увидалъ, что лицо его покраснѣло такъ же явственно, какъ у человѣка крайне возбужденнаго. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ драки лицо обезьяны снова приняло обычный оттѣнокъ. Въ то самое время, когда лицо покраснѣло, обнаженная задняя часть тѣла, которая всегда бываетъ краснаго цвѣта, казалось, стала еще краснѣе; но я не могу настойчиво утверждать, что это именно такъ было. Когда мандрилъ бываетъ чѣмъ-нибудь возбужденъ, ярко окрашенная, голая части его кожи, говорятъ, окрашиваются еще ярче.

У нѣкоторыхъ видовъ павіановъ край лба очень выдается надъ глазами и усаженъ нѣсколькими длинными волосами, которые соотвѣтствуютъ нашимъ бровямъ. Эти животныя постоянно осматриваются кругомъ и для того, чтобы посмотреть наверхъ, они поднимаютъ брови. Повидимому, такимъ путемъ они приобрѣли привычку часто двигать бровями. Какъ бы то ни было, многія обезьяны, особенно павіаны, когда онѣ сердятся или чѣмъ-нибудь возбуждены, быстро и безостановочно двигаютъ бровями вверхъ и внизъ, а также волосистой кожей лба ³⁾. Такъ какъ у человѣка мы приводимъ подниманіе и опусканіе бровей въ связъ съ опредѣленными душевными состояніями, то почти непрерывное движеніе бровями у обезьянъ придаетъ имъ бессмысленное выраженіе. Однажды я наблюдалъ человѣка, который имѣлъ привычку постоянно поднимать брови безъ всякой соотвѣтствующей эмоціи, и это придавало

¹⁾ Угрожая раскрытымъ ртомъ, павіаны повидимому поступаютъ сознательно..., ибо у Бартлета были экземпляры съ отпиленными клыками, и они никогда не производили этого движенія: они не хотѣли показать товарищамъ своего безсилія“. Записка Ч. Дарвина отъ 14 ноября 1873 г.]

²⁾ „Thierleben“, Брема, т. I, стр. 84. О томъ, что павіаны ударяютъ по землѣ, стр. 61.

³⁾ Бремъ замѣчаетъ („Thierleben“, стр. 63), что брови у *Inuus caudatus* часто двигаются вверхъ и внизъ, когда животное сердится.

ему глуповатый видъ; то же самое бываетъ у людей, которые держатъ углы рта немного оттянутыми назадъ и вверхъ, какъ при начинающейся улыбкѣ, хотя бы въ то время имъ не было смѣшно и они не испытывали удовольствія.

Молодая самка орангутанга, завидовавшая тому, что ея сторожъ занимается другою обезьяною, слегка обнажила зубы и, издавъ капризный звукъ въ родѣ *тишъ-шисть*, повернулась къ нему спиною. И орангутанги, и шимпанзе, когда сердятся нѣсколько сильнѣе, очень выпячиваютъ губы и издають грубый звукъ, похожій на лай. Молодая самка шимпанзе въ припадкѣ ярости представляла любопытное сходство съ ребенкомъ въ такомъ же состояніи. Она громко кричала, широко раскрывъ ротъ и отодвинувъ губы такъ, что зубы совершенно обнажились. Она неистово размахивала руками, иногда всплескивая ими надъ голо-

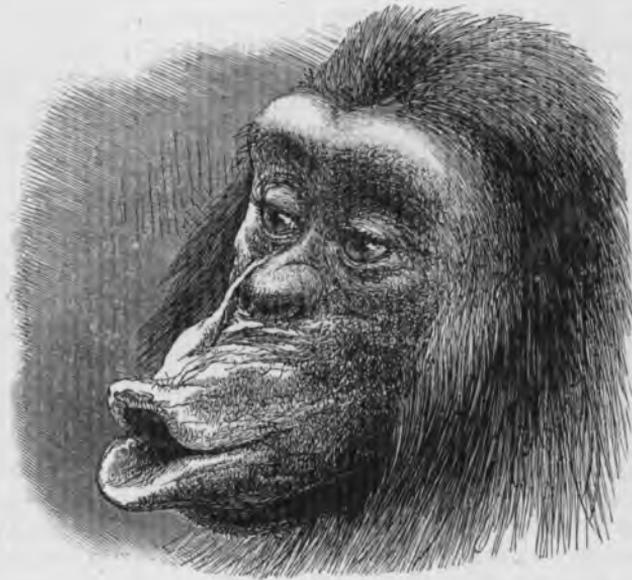

Рис. 18. Шимпанзе недовольный и разсерженный. Рис. съ натуры м-ръ Вудъ.

вою. Она каталась по землѣ, то на спинѣ, то на животѣ, и кусала все, что могла достать. Есть описаніе молодого гиббона (*Hylobates syndactylus*) въ ярости ¹⁾, который велъ себя почти такъ же.

При различныхъ обстоятельствахъ у молодыхъ орангутанговъ и шимпанзе оттопыриваются губы, иногда удивительно сильно. Обезьяны производятъ это движеніе не только при легкомъ гнѣвѣ, угрюмомъ настроеніи или досадѣ, но также когда онѣ чѣмъ-нибудь встревожены (въ одномъ примѣрѣ—при видѣ черепахи ²⁾), а также когда онѣ испытываютъ удовольствіе. Но, какъ мнѣ кажется, ни степень выпячиванія, ни форма рта не бываетъ вполнѣ одинакова во всѣхъ случаяхъ; звуки, издаваемые при этомъ, тоже различны. Прилагаемый рисунокъ изображаетъ шимпанзе, огорченного тѣмъ, что ему сначала предложили апельсинъ, а потомъ взяли его обратно. Подобное же выпячиваніе или на-

¹⁾ Беннетъ, „Wanderings in New South Wales“ и т. д., т. II, 1834, стр. 153.

²⁾ Мартинъ, „Nat. Hist. of Mamm. Animals“, 1841, стр. 405.

дуваніе губъ, хотя и въ гораздо меньшей степени, можно видѣть у дѣтей, когда они не въ духѣ.

Много лѣтъ тому назадъ въ зоологическомъ саду я поставилъ зеркало на полъ передъ двумя молодыми орангутангами, которые, насколько было извѣстно, никогда раньше зеркала не видали. Сначала они подошли вплотную и протянули къ изображенію губы, какъ бы намѣреваясь поцѣловать его, совершенно такъ же, какъ они раньше дѣлали другъ съ другомъ, когда за нѣсколько дней передъ тѣмъ ихъ въ первый разъ посадили въ одно и то же помѣщеніе. Потомъ они стали дѣлать всевозможныя гримасы и принимать передъ зеркаломъ различныя позы; они давили и терли его поверхность; они помѣщали руки на различномъ разстояніи позади него; они заглядывали за зеркало; наконецъ, они какъ будто испугались, слегка вздрогнули, разсердились и отказались смотрѣть дольше.

Когда мы стараемся произвести какое-нибудь маленькое движеніе, которое трудно и требуетъ точности, напримѣръ, когда мы вдѣваемъ нитку въ иголку, мы обыкновенно плотно сжимаемъ губы, какъ я думаю, для того, чтобы своимъ дыханіемъ не мѣшать движеніямъ; я замѣтилъ то же самое движеніе у молодого орангутанга. Это бѣдное маленькое существо хворало и развлекалось тѣмъ, что усиливало битъ мухъ на стеклахъ окна наружной стороною согнутыхъ пальцевъ; это было трудно, потому что мухи метались, и при каждой попыткѣ орангутангъ крѣпко сжималъ губы и вмѣстѣ съ тѣмъ слегка выпячивалъ ихъ.

Хотя лица, а особенно тѣлодвиженія у орангутанговъ и шимпанзе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ высокой степени выразительны, я сомнѣваюсь, выразительны ли они въ общемъ въ такой же мѣрѣ, какъ у нѣкоторыхъ другихъ обезьянъ. Это можно отчасти приписать тому, что у нихъ неподвижныя уши, а отчасти тому, что у нихъ голыя брови, движенія которыхъ поэтому менѣ замѣтны. Впрочемъ, когда они поднимаютъ брови, лобъ у нихъ покрывается поперечными морщинами, какъ и у насъ. Сравнительно съ человѣкомъ ихъ лица невыразительны, главнымъ образомъ потому, что они не хмурятся ни при какомъ душевномъ движеніи—насколько я могъ замѣтить, внимательно изучая этотъ вопросъ. Нахмуриванье, одно изъ самыхъ важныхъ выраженій у человѣка, зависитъ отъ сокращенія мышцы *corrugator supercilii*, вслѣдствіе котораго брови опускаются и сдвигаются, такъ что на лбу образуются вертикальныя морщины. Говорятъ ¹⁾, эта мышца есть и у орангутанга, и у шимпанзе, но, повидимому, она рѣдко приходитъ въ дѣйствіе или по крайней мѣрѣ дѣйствуетъ не настолько, чтобы стать замѣтною. Я дѣлалъ изъ своихъ пальцевъ нѣчто въ родѣ клѣтки и, положивъ внутрь ея соблазнительный плодъ, заставилъ молодого орангутанга и шимпанзе употребить всѣ усилія, чтобы достать его оттуда; хотя они разсердились довольно сильно, они не обнаружили и признаковъ нахмуриванья. Его не было и тогда, когда они приходили въ ярость. Я два раза переносилъ двухъ шимпанзе изъ ихъ довольно темной комнаты внезапно на яркій солнечный свѣтъ, что навѣрно заставило бы насъ нахмуриться; они мигали и жмурились, но я только разъ видѣлъ очень легкое нахмуриванье. Въ другой разъ я пощекоталъ у шимпанзе носъ соломинкой, и когда онъ сморщилъ лицо, между бровями появились легкія вертикальныя складки. У орангутанга я ни разу не видалъ нахмуреннаго лба.

¹⁾ Проф. Оуень объ орангутангѣ, „Proc. Zool. Soc.“, 1830, стр. 28. О шимпанзе, см. проф. Макалестеръ, въ „Annals and Mag. of Nat. Hist.“, т. VII, стр. 342, который утверждаетъ, что *corrugator supercilii* неотдѣлимъ отъ *orbicularis palpebrarum*.

Горилла въ ярости, по описанію, поднимаетъ хохолъ, опускаетъ нижнюю губу, расширяетъ ноздри и издаетъ ужасающіе крики. Саваджъ и Уиманъ ¹⁾ утверждаютъ, что кожа на черепѣ можетъ свободно двигаться взадъ и впередъ, и, что когда животное возбуждено, она сильно сокращается; но я предполагаю, что подъ этимъ послѣднимъ выраженіемъ они подразумѣваютъ опусканіе кожи, ибо они тоже говорятъ о молодомъ шимпанзе, что когда онъ кричитъ, то «его брови сильно сокращаются». Способность гориллы, многихъ павіановъ и другихъ обезьянъ свободно двигать кожей головы заслуживаетъ упоминанія для сопоставленія со способностью нѣкоторыхъ людей, вслѣдствіе реверсіи или наслѣдственности, произвольно двигать скальпомъ ²⁾.

Удивленіе, ужасъ.—По моей просьбѣ, въ зоологическомъ саду посадили живую прѣсноводную черепаху въ отдѣленіе, гдѣ было много обезьянъ; онѣ проявили безпредѣльное удивленіе, а также нѣкоторую боязнь. Эти чувства выразились въ томъ, что онѣ замерли на мѣстѣ, пристально уставившись на черепаху широко раскрытыми глазами и часто двигая бровями вверхъ и внизъ. Ихъ лица, казалось, нѣсколько удлиннились. Время отъ времени онѣ поднимались на заднія конечности, чтобы лучше видѣть. Онѣ часто пятились на нѣсколько шаговъ и затѣмъ, повернувъ голову черезъ плечо, вновь пристально уставлялись на черепаху. Любопытно было наблюдать, насколько меньше онѣ испугались черепахи, чѣмъ живой змѣи, которую я однажды раньше помѣстилъ въ ихъ клѣтку ³⁾; черезъ нѣсколько минутъ нѣкоторыя обезьяны рѣшились подойти и тронуть черепаху. Съ другой стороны, нѣкоторые изъ болѣе крупныхъ павіановъ были въ большемъ страхѣ и дѣлали такія гримасы, какъ будто собирались закричать. Когда я показалъ одному *Synopithecus niger* маленькую одѣтую куклу, онъ остался недвижимъ, пристально уставился широко раскрытыми глазами, немного сдвинулъ уши впередъ. Но когда въ его клѣтку помѣстили черепаху, эта обезьяна тоже странно и быстро задвигала губами, какъ бы бормоча что-то; сторожъ заявилъ, что обезьяна хочетъ умиротворить черепаху или сдѣлать ей пріятное.

Мнѣ ни разу не удалось ясно замѣтить, чтобы брови у обезьянъ при удивленіи оставались поднятыми, хотя онѣ часто двигали ими вверхъ и внизъ. Вниманіе, которое предшествуетъ удивленію, выражается у человѣка легкимъ приподниманіемъ бровей; д-ръ Дюшенъ сообщаетъ мнѣ, что когда онъ давалъ вышеупомянутой обезьянѣ какой-нибудь совсѣмъ незнакомый съѣдобный предметъ, она слегка приподнимала брови, принимая такимъ образомъ выраженіе пристального вниманія. Потомъ она брала пищу пальцами, и, опустивъ брови или поставивъ ихъ горизонтально, царапала, обнюхивала и разсматривала ее, вслѣдствіе чего получалось выраженіе раздумья. Иногда обезьяна немного откидывала голову назадъ и снова, внезапно поднявъ брови, разсматривала пищу и, наконецъ, пробовала ее.

Ни разу при удивленіи ни одна обезьяна не держала ротъ раскрытымъ. Сеттонъ въ теченіе продолжительнаго времени наблюдалъ для меня молодого орангутанга и шимпанзе; но ни тогда, когда они были чрезвычайно удивлены, ни тогда, когда они внимательно прислушивались къ незнакомому звуку, они не держали рта раскрытымъ. Этотъ

¹⁾ „Boston Journal of Nat. Hist.“, 1845—47, т. V, стр. 423. О шимпанзе тамъ же, 1843—44, т. IV, стр. 365.

²⁾ См. объ этомъ вопросѣ „Происхожденіе человѣка“, 2-е англ. изд., т. I, стр. 18.

³⁾ „Происхожденіе человѣка“, 2-е англ. изд., т. I, стр. 108.

фактъ удивителенъ, такъ какъ у человѣка едва ли есть болѣе распространенное выраженіе, чѣмъ широко раскрытый ротъ при чувствѣ удивленія. Насколько я могъ замѣтить, обезьяны легче дышать черезъ ноздри, чѣмъ люди; можетъ быть, это объясняетъ, почему онѣ не раскрываютъ рта при удивленіи, ибо, какъ мы увидимъ въ одной изъ дальнѣйшихъ главъ, человѣкъ, повидимому, производитъ это дѣйствіе при неожиданности, сначала для того, чтобы быстро сдѣлать полное вдыханіе, а послѣ для того, чтобы дышать какъ можно спокойнѣе.

Ужасъ выражается у многихъ обезьянъ пронзительными криками; губы оттягиваются назадъ, такъ что зубы обнажаются. Шерсть становится дыбомъ, особенно если животное при этомъ немного сердится. Сеттонъ ясно видѣлъ, что у *Macacus rhesus* лицо поблѣднѣло отъ страха. Обезьяны также дрожатъ отъ страха, и иногда онѣ выпускаютъ испражненія. Я видѣлъ одну обезьяну, которая почти лишилась чувствъ отъ крайняго страха, когда ее поймали.

Теперь мы привели достаточно фактовъ, относящихся къ выраженію у различныхъ животныхъ. Невозможно согласиться съ сэромъ Ч. Белемъ, когда онъ говоритъ ¹⁾, что «лица у животныхъ, повидимому, способны выражать главнымъ образомъ ярость и страхъ»; и далѣе, когда онъ говоритъ, что всѣ ихъ выраженія «сводятся, болѣе или менѣе явно, къ ихъ желаніямъ или необходимымъ инстинктамъ». Тотъ, кто посмотритъ на собаку, когда она собирается напасть на другую собаку или на человѣка, и увидитъ то же самое животное, когда оно ласкается къ хозяину, или тотъ, кто будетъ слѣдить за выраженіемъ лица обезьяны, когда ее обижаютъ и когда ее ласкаетъ сторожъ.—тотъ будетъ принужденъ согласиться, что движенія чертъ ихъ лица и ихъ жесты почти такъ же выразительны, какъ у человѣка. Хотя для нѣкоторыхъ выраженій у животныхъ нельзя дать объясненія, большинство ихъ все-таки стоитъ въ соотвѣтствіи съ тремя принципами, приведенными въ началѣ первой главы.

Г Л А В А VI.

Спеціальныя выраженія у человѣка: страданіе и плачъ.

Крикъ и плачъ маленькихъ дѣтей.—Форма чертъ лица.—Возрастъ, когда начинается плачъ.—Дѣйствіе обычнаго сдерживанія на плачъ.—Рыданія.—Причины сокращенія мышцъ вокругъ глазъ при крикѣ.—Причина выдѣленія слезъ.

Въ этой и слѣдующей главахъ будутъ описаны и объяснены, насколько это въ моихъ силахъ, выраженія человѣка при различныхъ состояніяхъ духа. Мои наблюденія будутъ расположены въ томъ порядкѣ, который я нашелъ наиболѣе удобнымъ; поэтому противоположныя душевныя движенія и ощущенія будутъ обыкновенно слѣдовать другъ за другомъ.

Страданія душевныя и тѣлесныя: плачъ.—Я уже описалъ достаточно подробно въ третьей главѣ признаки очень сильной боли, которая выражается криками или стонами, извиваніемъ всего тѣла и стискиваніемъ

¹⁾ „Anatomy of Expression“, 3-е изд., 1844, стр. 138, 121.

Таблица I.

(Къ стр. 85).

2.

1.

3.

5.

4.

6.

или скрежетомъ зубовъ. Эти признаки часто сопутствуютъ или предшествуютъ обильному выступленію пота, блѣдности, дрожи, совершенному упадку силъ или потерѣ сознания. Нѣтъ страданія сильнѣе крайняго страха или ужаса, но въ этомъ случаѣ мы имѣемъ самостоятельную эмоцію, которая будетъ разсмотрѣна въ другомъ мѣстѣ. Продолжительныя страданія, особенно душевныя, переходятъ въ упадокъ духа, горесть, уныніе и отчаяніе; эти душевныя состоянія будутъ предметомъ слѣдующей главы. Здѣсь я ограничусь плачемъ или крикомъ, особенно у дѣтей.

Маленькія дѣти, когда они испытываютъ хотя бы легкую боль, несильный голодъ или неудобство, испускаютъ громкіе и продолжительные крики. Когда они кричатъ, ихъ глаза плотно закрыты, такъ что кожа вокругъ нихъ сморщена, а лобъ собранъ въ морщины. Ротъ широко раскрытъ при своеобразномъ сокращеніи губъ, вслѣдствіе котораго онъ принимаетъ почти четырехугольную форму; десны или зубы болѣе или менѣе обнажаются. Воздухъ вдыхается почти судорожно. Кричащихъ маленькихъ дѣтей легко наблюдать, но я нашелъ, что для наблюденія лучше всего фотографіи, сдѣланныя моментально, такъ какъ онѣ допускаютъ болѣе подробное обсужденіе. Я собралъ двѣнадцать снимковъ, изъ которыхъ большинство было сдѣлано нарочно для меня; на всѣхъ одни и тѣ же характерные признаки. Поэтому шесть изъ нихъ ¹⁾ (таблица I воспроизведены посредствомъ гелиографуры.

Плотное зажмуриваніе вѣкъ и вызываемое имъ сжатіе глазного яблока (эта сторона чрезвычайно важна въ различныхъ выраженіяхъ) защищаетъ глаза отъ чрезмѣрнаго переполненія кровью, какъ сейчасъ будетъ объяснено подробно. Что касается послѣдовательности, въ которой сокращаются различныя мышцы, плотно сжимая глаза, то я обязанъ д-ру Лангстафу изъ Сууттемптона за нѣкоторыя наблюденія, которыя я потомъ повторилъ. Лучшій способъ для наблюденія этой послѣдовательности—заставить кого-нибудь сначала поднять брови, отчего образуются поперечныя морщины на лбу, а затѣмъ очень постепенно сократить всѣ мышцы вокругъ глазъ какъ можно сильнѣе. Читателю, не знакомому съ анатоміей лица, слѣдуетъ справляться съ рис. 1—3. Мышцы, надвигающія брови (*corrugator supercilii*), повидимому, сокращаются раньше всѣхъ; онѣ стягиваютъ брови внизъ и внутрь, къ переносицѣ, вызывая между бровями вертикальныя морщины, т.-е. нахмуриванье; въ то же время онѣ вызываютъ исчезновеніе поперечныхъ морщинъ на лбу. Круговыя мышцы сокращаются почти одновременно съ надвигателями бровей и вызываютъ морщины вокругъ глазъ; впрочемъ, круговыя мышцы, повидимому, могутъ сократиться еще сильнѣе, какъ только сокращеніе надвигателей окажетъ имъ поддержку. Наконецъ, сокращаются пирамидальныя мышцы носа; онѣ еще сильнѣе оттягиваютъ внизъ брови и кожу лба, вызывая короткія поперечныя морщины на переносицѣ ²⁾. Для краткости мы будемъ вообще называть эти мышцы круговыми, или мышцами, окружающими глазъ.

При сильномъ сокращеніи этихъ мускуловъ мышцы, идущія къ верхней губѣ ³⁾, тоже сокращаются и поднимаютъ верхнюю губу. Этого

¹⁾ Лучшія фотографіи моей коллекціи сдѣланы Реджлендеромъ, Викторія-стритъ, Лондонъ, и Киндерманомъ въ Гамбургѣ. Фиг. 1, 3, 4 и 6 принадлежатъ первому, а 2 и 5—послѣднему. Фиг. 6 приведена для того, чтобы показать несильный плачъ ребенка постарше.

²⁾ Генле („Handbuch d. syst. Anat.“, 1858, т. I, стр. 139) соглашается съ Дюшенемъ въ томъ, что это является слѣдствіемъ сокращенія *pygmidalis nasi*.

³⁾ Онѣ состоятъ изъ слѣдующихъ: *levator labii superioris alaeque nasi*, *levator labii proprius*, *malaris* и *zygomaticus minor*. Эта послѣдняя мышца идетъ параллельно зу-

можно было бы ожидать, судя по способу соединенія хотя бы одной *malaris* съ круговыми мышцами. Всякій, кто будетъ постепенно сокращать мышцы вокругъ глазъ, почувствуетъ, что при увеличеніи силы верхняя губа и ноздри (на которыя отчасти дѣйствуетъ одна изъ этихъ мышцъ) почти всегда приподнимаются. Если онъ будетъ держать ротъ плотно закрытымъ при сокращеніи мышцъ вокругъ глазъ, а затѣмъ внезапно ослабитъ губы, то онъ почувствуетъ, что давленіе на глаза тотчасъ же усилится. Далѣе, когда въ ясный, освѣпительный день чело-вѣкъ желаетъ посмотрѣть на отдаленный предметъ, но вынужденъ щуриться, то почти всегда можно замѣтить, что верхняя губа приподнимается. Поэтому у нѣкоторыхъ очень близорукихъ людей, которые постоянно принуждены щуриться, ротъ имѣетъ ослабившееся выраженіе.

Приподниманіе верхней губы оттягиваетъ вверхъ мясистыя частиверху щекъ и образуетъ на каждой щекѣ рѣзко обозначенную складку—носо-губную складку,—которая идетъ почти отъ краевъ ноздрей къ угламъ рта и ниже ихъ. Эту складку или морщину можно видѣть на всѣхъ фотографіяхъ и она очень характерна для выраженія плачущаго ребенка; впрочемъ при смѣхѣ или улыбкѣ получается почти такая же складка ¹⁾.

Такъ какъ верхняя губа при крикѣ сильно оттягивается вверхъ только что объясненнымъ способомъ, то опускающія угловъ рта (см. К на рис. 1 и 2) сильно сокращаются, чтобы удержать ротъ широко раскрытымъ и давать полную свободу громкому крику. Противоположныя дѣйствія этихъ мышцъ, вверху и внизу, сообщаютъ рту продолговатыя, почти четырехугольныя очертанія, какъ можно видѣть на приложенныхъ фотографіяхъ. Одна превосходная наблюдательница ²⁾, описывая плачь ребенка въ то время, когда его кормили, говоритъ: онъ раскрылъ ротъ въ видѣ квадрата, и супъ потекъ изъ всѣхъ четы-

gomaticus major и надъ ней, и прикрѣплена къ верхней части верхней губы. Она изображена на рис. 2, стр. 14, но ея нѣтъ на рис. 1 и 3. Д-ръ Дюшенъ первый показалъ („*Mécanisme de la physiologie humaine*“, 1862, стр. 39) важность сокращенія этой мышцы для той формы, которую принимаютъ черты лица при плачѣ. Генде считаетъ вышеназванныя мышцы (кромя *malaris*) подраздѣленіями мышцы *quadratus labii superioris*.

¹⁾ Хотя д-ръ Дюшенъ внимательно изучалъ сокращеніе различныхъ мышцъ при плачѣ и морщины, образующіяся при этомъ на лицѣ, его описаніе какъ будто неполно, хотя я не могу сказать, чего именно недостаетъ. Онъ приводитъ рисунокъ (Album, рис. 48), гдѣ на одной половинѣ лица вызвана улыбка посредствомъ электризаціи соответствующихъ мышцъ, тогда какъ на другой сторонѣ подобнымъ же образомъ вызвано начало плача. Почти всѣ (а именно девятнадцать чело-вѣкъ изъ двадцати одного), кому я показывалъ улыбающуюся половину лица, тотчасъ же узнали выраженіе; но что касается другой половины, то только шесть чело-вѣкъ изъ двадцати одного узнали выраженіе, то-есть, если мы примемъ такія обозначенія какъ „горе“, „уныніе“, „досада“, за правильныя, тогда какъ пятнадцать чело-вѣкъ ошиблись до смѣшного; нѣкоторые изъ нихъ говорили, что лицо выражаетъ „шутку“, „удовлетвореніе“, „лукавство“, „отвращеніе“ и т. д. Изъ этого мы можемъ заключить, что въ выраженіи есть какая-то неправильность. Впрочемъ, можетъ быть, часть этихъ пятнадцати чело-вѣкъ были отчасти сбиты съ толка тѣмъ, что они не ожидали увидать старика плачущимъ, и тѣмъ, что слезы не выдѣлялись. Что касается другого рисунка д-ра Дюшена (рис. 49), гдѣ мышцы лица подвергнуты электризаціи, чтобы изобразить чело-вѣка, начинающаго плакать, и гдѣ бровь на той же сторонѣ поставлена наклонно, что характерно для унынія, тамъ это выраженіе узнали относительно большее число людей. Изъ двадцати трехъ спрошенныхъ лицъ четырнадцать отвѣтили правильно: „печаль“, „огорченіе“, „горе“, „собирается плакать“, „терпѣть боль“ и т. д. Съ другой стороны, девятеро или совѣмъ не могли составить себѣ мнѣнія, или совершенно заблуждались, отвѣчая: „лукаво косится“, „шутитъ“, „смотреть на яркій свѣтъ“, „смотреть на отдаленный предметъ“ и т. д.

²⁾ М-съ Гаскель, „*Mary Barton*“, новое изд., стр. 84.

рехъ угловъ». Я думаю (къ этому мы вернемся въ одной изъ дальнѣйшихъ главъ), что опускающія мышцы угловъ рта менѣе подчинены самостоятельному контролю воли, чѣмъ прилегающія мышцы; такъ что если намѣреніе маленькаго ребенка закричать не вполне опредѣленно, то эта мышца обыкновенно сокращается раньше другихъ и перестаетъ сокращаться послѣ всѣхъ. Когда дѣти постарше начинаютъ плакать, мышцы, идущія къ верхней губѣ, часто сокращаются первыми; можетъ быть, это зависитъ отъ того, что дѣти постарше менѣе склонны громко кричать и имъ слѣдовательно не зачѣмъ широко раскрывать ротъ; такимъ образомъ, вышеописанныя опускающія мышцы не приходятъ въ такое сильное дѣйствіе.

У одного изъ моихъ дѣтей, начиная съ восьмого дня отъ рожденія и нѣкоторое время послѣ того, я часто замѣчалъ, что первымъ признакомъ припадка крика, когда можно было наблюдать его постепенное наступленіе, бывало легкое нахмуриваніе вслѣдствіе сокращенія надвигателей бровей; волосные сосуды голой головы и лица одновременно краснѣли отъ прилива крови. Какъ только припадокъ крика дѣйствительно начинался, всѣ мышцы вокругъ глазъ сильно сокращались и ротъ широко раскрывался вышеописаннымъ способомъ, такъ что въ этомъ раннемъ періодѣ черты лица принимали ту же форму, какую онѣ имѣютъ и въ болѣе позднемъ возрастѣ.

Д-ръ Пидеритъ ¹⁾ придаетъ большое значеніе сокращенію нѣкоторыхъ мышцъ, которыя оттягиваютъ носъ внизъ и сужаютъ ноздри, какъ весьма характерному для выраженія плача. *Depressores anguli oris*, какъ мы только что видѣли, обыкновенно сокращаются въ то же время и косвеннымъ образомъ могутъ, по д-ру Дюшену, оказывать такое дѣйствіе на носъ. При сильномъ насморкѣ у дѣтей можно замѣтить подобный же осунувшійся видъ носа, который зависитъ хотя бы отчасти, какъ мнѣ замѣтилъ д-ръ Лангстафъ, отъ того, что дѣти постоянно вбираютъ носомъ воздухъ, вслѣдствіе чего атмосфера давитъ на носъ съ боковъ. Цѣль этого суженія ноздрей у дѣтей при сильномъ насморкѣ или при плачѣ, повидимому, состоитъ въ томъ, чтобы удержать стекающую внизъ мокроту или слезы и не дать этимъ жидкостямъ разлиться по верхней губѣ.

Послѣ продолжительнаго и сильнаго припадка крика кожа головы, лицо и глаза бываютъ красными, вслѣдствіе того, что обратный оттокъ крови отъ головы былъ задержанъ бурными выдыхательными усиліями; но краснота раздраженныхъ глазъ зависитъ главнымъ образомъ отъ обильнаго истеченія слезъ. Различныя мышцы лица, которыя были сильно сокращены, все еще немного подергиваются, а верхняя губа еще остается слегка оттянутой вверхъ или отвороченной ²⁾, при чемъ углы рта остаются немного оттянутыми внизъ. Я самъ чувствовалъ и замѣчалъ у другихъ взрослыхъ людей, что когда съ трудомъ удерживаешь слезы, напримѣръ, при чтеніи трогательной повѣсти, то почти невозможно удержать отъ легкаго подергиванія или дрожи различныя мышцы, которыя у маленькихъ дѣтей приходятъ въ сильное дѣйствіе во время припадковъ крика.

Въ раннемъ возрастѣ дѣти не проливаютъ слезъ или не плачутъ ³⁾,

¹⁾ „Mimik und Physiognomik“, 1867, стр. 102. Дюшень, „Mécanisme de la phys. humaine“, Album, стр. 34.

²⁾ Д-ръ Дюшень дѣлаетъ это замѣчаніе тамъ же, стр. 39.

³⁾ [По Маффей и Рему, „Untersuchungen über den Cretinismus“. Эрлангенъ, 1844, т. II, стр. 110, на которыхъ ссылается Гагенъ, „Psychologische Untersuchungen“. Бра-

что хорошо извѣстно нянямъ и врачамъ. Это обстоятельство зависитъ не исключительно отъ того, что слезныя железы еще неспособны выдѣлять слезы. Я въ первый разъ замѣтилъ этотъ фактъ, когда случайно задѣлъ обшлагомъ одежды открытый глазъ одного изъ моихъ дѣтей, когда ему было семьдесятъ семь дней, и изъ глаза обильно потекли слезы; хотя ребенокъ громко кричалъ, другой глазъ остался сухимъ или былъ лишь слегка залитъ слезами. Подобное же легкое выступленіе слезъ было на обоихъ глазахъ десятью днями раньше во время приступа крика. У этого ребенка слезы не выливались черезъ края вѣкъ и не стекали по щекамъ при громкомъ крикѣ, когда ему было 122 дня. Для меня наблюдали нѣсколько другихъ дѣтей, и начало обильнаго плача, повидимому, весьма колеблется. Въ одномъ случаѣ на глазахъ слегка выступали слезы уже на 20-й день; въ другомъ— на 62-й. У двухъ другихъ дѣтей слезы не скатывались по лицу въ возрастѣ 84 и 110 дней; но у третьяго ребенка онѣ катились на 104-й день. Въ одномъ случаѣ, какъ меня положительно увѣрили, слезы катились въ необычайно раннемъ возрастѣ, на 42-й день ¹⁾. Кажется, будто слезныя железы требуютъ нѣкотораго навыка индивидуума, прежде чѣмъ начнутъ легко приходиться въ дѣйствіе, приблизительно такъ же, какъ различныя сложныя наследственные движенія и вкусы требуютъ нѣкотораго упражненія, прежде чѣмъ они установятся и усовершенствуются. Это тѣмъ болѣе правдоподобно для такой привычки, какъ плачь, которая навѣрно была приобретена послѣ того періода, когда человѣкъ отвѣтвился отъ общаго предка рода *Ното* и не плачущихъ человекоподобныхъ обезьянъ.

Тотъ фактъ, что въ очень раннемъ возрастѣ слезы не проливаются отъ боли или какой-либо душевной эмоціи, замѣчательнъ, такъ какъ въ болѣе позднемъ возрастѣ нѣтъ выраженія болѣе общаго или болѣе рѣзко выраженнаго, чѣмъ плачь. Разъ эта привычка приобретена ребенкомъ, она самымъ яснымъ образомъ выражаетъ страданіе всякаго рода, какъ тѣлесную боль, такъ и душевное огорченіе, хотя бы они сопровождались другими эмоціями, напримѣръ, страхомъ или яростью. Впрочемъ характеръ крика измѣняется въ очень раннемъ возрастѣ, что я замѣтилъ по своимъ дѣтямъ: крикъ неистовой злобы отличается отъ горестнаго. Одна дама сообщаетъ мнѣ, что ея дѣвочка, которой девять мѣсяцевъ, когда сердится, то громко кричитъ, но не плачетъ; однако она проливаетъ слезы, когда ее наказываютъ тѣмъ, что перевертываютъ ея стулъ спинкою къ столу. Можетъ быть, это различіе слѣдуетъ приписать тому, что въ болѣе позднемъ возрастѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ, слезы удерживаются при большинствѣ обстоятельствъ, кромѣ горя, и что вліяніе такого удерживанія передается въ болѣе ранній періодъ жизни, чѣмъ тотъ, когда это удерживаніе первоначально производилось.

У взрослыхъ, особенно у мужчинъ, тѣлесная боль вскорѣ перестаетъ вызывать слезы, и онѣ не служатъ выраженіемъ боли. Это можно объяснить тѣмъ, что и у цивилизованныхъ, и у дикихъ расъ считается слабостью и отсутствіемъ мужества, когда мужчины проявляютъ тѣлесную боль какимъ-нибудь внѣшнимъ признакомъ. За этимъ исключеніемъ, дикари плачутъ обильно отъ очень незначительныхъ причинъ, примѣры

ушвейгъ, 1847, стр. 16, кретины никогда не проливаютъ слезъ, а только воютъ и визжатъ при тѣхъ случаяхъ, которые нормально вызвали бы плачь].

¹⁾ [Одинъ критикъ („Lancet“, 14 дек. 1872, стр. 852) утверждаетъ, что онъ однажды видѣлъ, какъ слезы обильно катились по щекамъ ребенка, которому было меньше мѣсяца отъ роду].

чего собралъ сѣръ Дж. Леббокъ¹⁾. Одинъ новозеландскій вождь «плакалъ, какъ дитя, потому что матросы испортили его любимый плащъ, осыпавъ его мукою». На Огненной Землѣ я видѣлъ туземца, который недавно лишился брата и который поочередно то истерически плакалъ, то отъ души смѣялся, когда что-нибудь его забавляло. У цивилизованныхъ народовъ Европы также существуетъ значительныя различія въ смыслѣ частоты плача. Англичане плачутъ рѣдко иначе, какъ подъ бременемъ самаго остраго горя, тогда какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ материка мужчины гораздо легче и обильнѣе проливаютъ слезы.

Умалишенные, какъ извѣстно, даютъ волю всѣмъ своимъ душевнымъ движеніямъ, почти или вовсе не удерживаясь; д-ръ Кричтонъ Броунъ сообщаетъ мнѣ, что для простой меланхолии характернѣе всего, даже у мужчинъ, склонность плакать при самыхъ ничтожныхъ поводахъ или безъ всякаго повода. Они также проливаютъ несообразное количество слезъ въ случаѣ дѣйствительной причины горя. Продолжительность времени, въ теченіе котораго нѣкоторые пациенты плачутъ, удивительна; удивительно также количество проливаемыхъ ими слезъ. Одна дѣвушка, страдавшая меланхоліей, плакала цѣлый день, а послѣ создалась д-ру Броуну въ причинѣ: она вспомнила, что однажды сбрила себѣ брови для ускоренія ихъ роста. Многіе пациенты въ лечебницѣ для душевнобольныхъ подолгу сидятъ, раскачиваясь взадъ и впередъ, «а если съ ними заговорить, они прекращаютъ свои движенія, закуриваются, опускаютъ углы рта и раздражаются плачемъ». Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ, когда съ ними заговариваютъ или ласково здороваются, это, повидимому, вызываетъ у нихъ какое-то фантастическое и грустное представленіе; но въ другихъ случаяхъ усиліе какого бы то ни было рода вызываетъ плачь, независимо отъ всякихъ печальныхъ идей. Пациенты, въ маниакальномъ состояніи, тоже имѣютъ припадки бурнаго плача или всхлипываній, попеременно съ безсвязнымъ бредомъ. Впрочемъ мы не должны придавать слишкомъ много значенія обильному изліянію слезъ у умалишенныхъ, когда мы объясняемъ его отсутствіемъ какой бы то ни было сдержанности; ибо при нѣкоторыхъ мозговыхъ болѣзняхъ, на примѣръ, при параличѣ, размягченіи мозга и старческой слабости больнымъ специально свойственно плакать. Плачь свойствененъ умалишеннымъ даже послѣ впаденія ихъ въ совершенное идиотство и послѣ утраты способности рѣчи. Прирожденные идиоты тоже плачутъ²⁾; но говорятъ, что кретины не проливаютъ слезъ [см. прим. 3, стр. 87].

Какъ мы видимъ по дѣтямъ, плачь представляется природнымъ и естественнымъ выраженіемъ страданія всякаго рода, какъ физической боли, близкой къ крайней мукѣ, такъ и душевнаго огорченія. Но вышеприведенные факты и обыденный опытъ показываютъ намъ, что часто повторяемыя усилія удержать слезы, въ ассоціаціи съ опредѣленными душевными состояніями, весьма существенно ослабляютъ привычку плакать. Съ другой стороны, повидимому, способность плакать усиливается отъ привычки; такъ Тейлоръ³⁾, долго жившій на Новой Зеландіи, утверждаетъ, что тамъ женщины произвольно могутъ проливать слезы въ изобиліи; онѣ собираются вмѣстѣ, чтобы оплакивать мертвыхъ и гордятся тѣмъ, чтобы плакать «самымъ раздирательнымъ образомъ».

Единачное усиліе, производимое для подавленія слезъ, оказываетъ

1) „The Origin of Civilisation“, 1870, стр. 355.

2) См. на примѣръ у Маршала описание идиота въ „Philosoph. Transact.“, 1864, стр. 526. О кретинонхъ см. д-ръ Пидеритъ, „Mimik und Physiognomik“, 1867, стр. 61.

3) „New Zealand and its Inhabitants“, 1885, стр. 175.

мало вліянія на слезныя железы и какъ будто даже часто ведетъ къ противоположному результату. Одинъ старый и опытный врачъ говорилъ мнѣ, что, по его наблюденію, единственный способъ удержатъ горькія слезы дамъ, которымъ иногда случалось плакать, обращаясь къ нему за совѣтомъ, и которыя сами желали отъ нихъ удержаться, заключался въ томъ, что онъ серьезно просилъ ихъ не удерживаться и увѣрялъ, что продолжительныя и обильныя слезы послужатъ имъ наилучшимъ облегченіемъ.

Крикъ маленькихъ дѣтей состоитъ изъ продолжительныхъ выдыханій при короткихъ и быстрыхъ, почти судорожныхъ вдыханіяхъ, за которыми въ нѣсколько болѣе позднемъ возрастѣ слѣдуютъ рыданія. По Грасіоле ¹⁾, при рыданіи дѣйствию подвергается главнымъ образомъ гортань. Этотъ звукъ раздается «въ то мгновеніе, когда вдыханіе преодолеваетъ сопротивленіе гортани и воздухъ устремляется въ грудную кѣтку». Но и весь актъ дыханія тоже бываетъ судорожнымъ и бурнымъ. Въ то же время плечи обыкновенно поднимаются, такъ какъ дыханіе облегчается отъ этого движенія. У одного изъ моихъ дѣтей, когда ему было семьдесятъ семь дней, вдыханія были такъ быстры и сильны, что по характеру приближались къ рыданію; когда ему было 138 дней, я въ первый разъ замѣтилъ ясныя рыданія, которыми послѣ того каждый разъ сопровождались сильные приступы крика. Дыхательныя движенія отчасти произвольны, а отчасти произвольны, и я предполагаю, что рыданія хотя отчасти зависятъ отъ того, что дѣти, уже вышедшія изъ періода самаго ранняго младенчества, до нѣкоторой степени могутъ управлять своими голосовыми органами и удерживать крики, но такъ какъ они имѣютъ меньше власти надъ дыхательными мышцами, то эти мышцы нѣкоторое время продолжаютъ дѣйствовать произвольно или судорожно, послѣ того какъ придутъ въ бурное дѣйствіе. Повидимому, рыданія свойственны только человѣческому роду, ибо, какъ меня увѣряютъ сторожа въ зоологическомъ саду, они никогда не слышали, чтобы какая бы то ни было обезьяна рыдала; хотя обезьяны часто громко кричатъ, когда за ними гонятся и ловятъ ихъ, а послѣ того онѣ долгое время тяжело дышатъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что между рыданіями и обильнымъ изліяніемъ слезъ существуетъ тѣсная аналогія; ибо у дѣтей въ самомъ раннемъ младенствѣ рыданій не бываетъ, но потомъ они появляются довольно внезапно и послѣ того сопровождаются всѣ сильныя приступы крика, до тѣхъ поръ пока эта привычка не ослабѣетъ съ теченіемъ лѣтъ.

О причинѣ сокращенія мышцъ, вокругъ глазъ при крикѣ. Мы видѣли, что новорожденные младенцы и маленькія дѣти, когда кричатъ, неизмѣнно плотно закрываютъ глаза посредствомъ сокращенія окружающихъ мышцъ, такъ что кожа вокругъ глазъ сморщивается. У дѣтей постарше и даже у взрослыхъ при бурномъ и несдержанномъ плачѣ можно наблюдать стремленіе сократить эти же самыя мышцы; хотя это стремленіе часто сдерживаютъ, чтобы не мѣшать зрѣнію.

Сэръ Ч. Бель объясняетъ ²⁾ это дѣйствіе слѣдующимъ образомъ: «Во время всякаго сильнаго акта выдыханія, будетъ ли это при задушевномъ смѣхѣ, плачѣ, кашлѣ или чиханіи, глазное яблоко плотно сжимается волокнами orbicularis; это приспособленіе служитъ для поддержки

¹⁾ „De la physionomie“, 1865, стр. 126.

²⁾ „The Anatomy of Expression“, 1844, стр. 106. См. также его статью въ „Philosophical Transaction“, 1822, стр. 284; то же 1823, стр. 166 и 289. Также „The Nervous System of the Human Body“, 3-е изд. 1836, стр. 175.

и защиты сосудистой системы внутреннихъ частей глаза отъ обратнаго импульса, который въ это время сообщается крови въ венахъ. Когда мы сокращаемъ грудную клѣтку и выдыхаемъ воздухъ, кровь въ венахъ шеи и головы задерживается; при болѣе же сильныхъ актахъ выдыханія кровь не только расширяетъ сосуды, но переполняетъ даже мельчайшія развѣтвленія. Если бы въ это время глазъ не былъ надлежащимъ образомъ сжатъ и не оказывалъ бы сопротивленія толчку, то нѣжныя ткани внутри глаза могли бы быть повреждены непоправимо. Далѣе онъ прибавляетъ: «Если мы раздвинемъ вѣки у ребенка, чтобы посмотрѣть глазъ въ то время, какъ ребенокъ кричитъ и порывисто отбивается, то соединительная ткань внезапно переполняется кровью и вѣки вывертываются вслѣдствіе того, что мы отнимаемъ у сосудистой системы глаза естественную поддержку и предохранительное средство противъ происходящаго въ то время прилива крови».

Мышцы вокругъ глазъ сильно сокращаются, какъ утверждаетъ сэръ Ч. Бель, и какъ я часто наблюдалъ, не только при крикѣ, громкомъ смѣхѣ, кашлѣ и чиханіи, но и при различныхъ другихъ аналогичныхъ дѣйствіяхъ. Человѣкъ сокращаетъ эти мышцы, когда онъ сильно сморкается. Я попросилъ одного изъ моихъ сыновей закричать какъ можно громче, и какъ только онъ началъ кричать, онъ крѣпко сжалъ круговыя мышцы; я нѣсколько разъ наблюдалъ это, а когда спросилъ его, почему онъ каждый разъ такъ крѣпко зажмуривается, оказалось, что онъ совсѣмъ этого не сознавалъ; онъ поступалъ инстинктивно или безсознательно ¹⁾.

Для сокращенія этихъ мышцъ нѣтъ необходимости въ томъ, чтобы воздухъ дѣйствительно выталкивался изъ грудной клѣтки; для этого достаточно бываетъ сильнаго сокращенія мышцъ груди и живота, между тѣмъ какъ воздухъ не можетъ выходить вслѣдствіе смыканія гортаннаго отверстія. При бурной рвотѣ или позывахъ къ ней диафрагма опускается оттого, что грудная клѣтка наполнена воздухомъ; потомъ она удерживается въ этомъ положеніи вслѣдствіе смыканія гортаннаго отверстія, «а также сокращеніемъ ея собственныхъ волоконъ ²⁾». Затѣмъ мышцы живота, сильно сокращаясь, сжимаютъ желудокъ, его собственные мышцы тоже сокращаются и такимъ образомъ содержимое его извергается. При каждомъ усилии рвоты «голова переполняется кровью, такъ что лицо краснѣетъ и вздувается, а большія вены на лицѣ и на вискахъ видимо расширяются». Одновременно, какъ я знаю изъ наблюденій, мышцы вокругъ глазъ сильно сокращаются. То же самое бываетъ, когда мышцы живота дѣйствуютъ внизъ съ *необычайной* силой, выталкивая содержимое кишечника.

Величайшее напряженіе мышцъ тѣла, если мышцы грудной клѣтки не приходятъ въ сильное дѣйствіе, выталкивая или сжимая воздухъ внутри легкихъ, не ведетъ къ сокращенію мышцъ вокругъ глазъ. Я наблюдалъ моихъ сыновей, когда они употребляли большія усилія въ гимнастическихъ упражненіяхъ, напримѣръ, нѣсколько разъ поднимаясь на вѣсу на однѣхъ рукахъ или поднимая тяжелый грузъ съ земли, но у нихъ почти не было признаковъ сокращенія мышцъ вокругъ глазъ.

¹⁾ Чосеръ такъ описываетъ пѣніе пѣтуха: „Выпрямившись во весь ростъ, пѣтухъ вытянулъ шею, зажмурился и громко запѣлъ, призывая монахинь“.

„The Nonnes Priestes Tale“.

Сэръ Гуль обратилъ вниманіе автора на это мѣсто.

²⁾ См. описаніе д-ра Бринтона акта рвоты въ „Todd's Cyclop. of Anatomy and Physiology“, 1859, т. V, дополнение, стр. 318.

Такъ какъ сокращеніе этихъ мышцъ для защиты глазъ при бурномъ выдыханіи косвеннымъ образомъ служить, какъ мы впослѣдствіи увидимъ, основнымъ элементомъ въ различныхъ наиболѣе важныхъ нашихъ выраженіяхъ, то я чрезвычайно желалъ знать, насколько взгляды сэра Ч. Беля могутъ быть подтверждены. Профессоръ Дондерсъ въ Утрехтѣ¹⁾, хорошо извѣстный въ качествѣ одного изъ высшихъ авторитетовъ въ Европѣ по вопросамъ зрѣнія и строенія глаза, съ величайшей любезностью предпринялъ для меня это изслѣдованіе при помощи многочисленныхъ остроумныхъ приспособленій современной науки, и напечаталъ результаты²⁾. Онъ показываетъ, что при бурномъ выдыханіи внѣшніе сосуды, сосуды внутри глаза и сосуды сзади глаза подвергаются вліянію двоякаго рода, именно вслѣдствіе увеличеннаго давленія крови въ артеріяхъ и вслѣдствіе задержки обратнаго тока крови въ венахъ. Итакъ, несомнѣнно, что и артеріи и вены глаза при бурномъ выдыханіи болѣе или менѣе расширяются. Подробныя доказательства можно найти въ цѣльной статьѣ профессора Дондерса. Мы видимъ расширеніе венъ головы, когда при порывистомъ кашлѣ у подавившагося человѣка онѣ выдаются наружу и лицо становится багровымъ. Можно упомянуть, ссылаясь на тотъ же авторитетъ, что весь глазъ несомнѣнно немного выступаетъ впередъ при всякомъ бурномъ выдыханіи. Это зависитъ отъ расширенія сосудовъ сзади глаза и этого можно было бы ожидать, принимая во вниманіе тѣсную связь глаза и мозга; по тѣмъ случаямъ, когда часть черепа бывала удалена, извѣстно, что мозгъ поднимается и опускается съ каждымъ дыханіемъ; то же самое можно видѣть на незаросшихъ швахъ на головахъ новорожденныхъ. Вѣроятно по этой же причинѣ глаза задушеннаго человѣка представляются выходящими изъ орбиты³⁾.

Что касается защиты глаза при бурныхъ выдыхательныхъ усиліяхъ посредствомъ давленія вѣкъ, то профессоръ Дондерсъ заключаетъ на основаніи различныхъ наблюденій, что это движеніе несомнѣнно ограничиваетъ расширеніе сосудовъ или вполне ему препятствуетъ⁴⁾. Въ

1) Я весьма обязанъ м-ру Боуману за то, что онъ познакомилъ меня съ профессоромъ Дондерсомъ и помогъ мнѣ убѣдить этого великаго физиолога предпринять изслѣдованіе настоящаго предмета. Кромѣ того, я обязанъ м-ру Боуману за справки по многимъ вопросамъ, который онъ давалъ мнѣ съ величайшей любезностью.

2) Эта статья первоначально появилась въ „Nederlandsch Archief voor Genees en Natuurkunde“, Deel 5, 1870. Она была переведена д-ромъ Муромъ подъ заглавіемъ „On the Action of the Eyelids in Determination of Blood from expiratory effort“ въ „Archives of Medicine“, издаваемыхъ д-ромъ Бнлемъ, 1870, т. V, стр. 20.

3) [Д-ръ Кинъ въ Филадельфіи обращаетъ вниманіе (письмо безъ даты) на свою статью въ „Med. and Surg. History of the War of the Rebellion (Surgical Part)“ т. I, стр. 206—7, объ этомъ вопросѣ. Одинъ пациентъ лишился части черепа отъ ружейной раны; когда онъ поправился, у него осталась впадина на поверхности головы, въ которую кожа углублялась на дюймъ. Обыкновенное дыханіе не вліяло на впадину, но при умѣренномъ кашлѣ вздувался маленькій конусъ, а при сильномъ кашлѣ впадина превращалась въ выпуклость, возвышающуюся надъ поверхностью головы.]

4) Проф. Дондерсъ замѣчаетъ (тамъ же, стр. 28), что „при поврежденіи глаза, послѣ операций, и при нѣкоторыхъ формахъ внутренняго воспаленія, мы придаемъ большое значеніе равномерной поддержкѣ закрытыхъ вѣкъ, и во многихъ случаяхъ увеличиваемъ ее наложеніемъ повязки. Въ обоихъ случаяхъ мы особенно стараемся избѣгать большого давленія при выдыханіи, неудобства котораго намъ хорошо извѣстны“. Боуманъ сообщаетъ мнѣ, что при крайней свѣтобоязни, сопровождающей блѣднъ, которую у дѣтей называютъ золотушнымъ пораженіемъ глазъ, когда свѣтъ бываетъ такъ мучителенъ, что глаза цѣлыми недѣлями или мѣсяцами постоянно избѣгаютъ его посредствомъ усиленнаго смыканія вѣкъ, онъ, открывая вѣки, часто бывалъ пораженъ блѣдностью глаза,—не противоестественной блѣдностью, но отсутствіемъ красноты, которой можно было бы ожидать при нѣкоторомъ воспаленіи поверхности, обыкновенно бывающемъ при этой блѣднѣ; онъ склоненъ приписывать эту блѣдность плотному смыканію вѣкъ.

такихъ случаяхъ, прибавляетъ онъ, мы часто видимъ, что люди невольно кладутъ руку себѣ на вѣки, какъ бы для того, чтобы лучше поддержать и защитить глазное яблоко.

Тѣмъ не менѣе въ настоящее время нельзя привести вѣскихъ доказательствъ тому, что глазъ дѣйствительно повреждается отъ недостатка поддержки при бурномъ выдыханіи: но нѣкоторые указанія все-таки есть. Они состоятъ въ томъ фактѣ, что бурныя выдыхательныя усилія при сильномъ кашлѣ или рвотѣ, а особенно при чиханіи, иногда причиняютъ разрывы маленькихъ (внѣшнихъ) «сосудовъ» глаза¹⁾. Что касается внутреннихъ сосудовъ, то д-ръ Геннингъ недавно отмѣтилъ случай пучеглазія при коклюшѣ, происшедшаго, по его мнѣнію, отъ разрыва болѣе глубокихъ сосудовъ; былъ также отмѣченъ другой аналогичный случай. Но простого ощущенія неловкости, вѣроятно, было бы достаточно, чтобы ассоциированная привычка защитила глазное яблоко посредствомъ сокращенія окружающихъ мышцъ. Даже ожиданія поврежденія или возможности его, вѣроятно, было бы достаточно, такъ же, какъ движеніе предмета слишкомъ близко къ глазу вызываетъ невольное миганіе вѣками. Поэтому мы можемъ съ достовѣрностью заключить изъ наблюдений сэра Ч. Беля, а особенно изъ болѣе тщательныхъ изслѣдованій профессора Дондерса, что плотное смыканіе вѣкъ у дѣтей при крикѣ представляетъ собою дѣйствіе, полное смысла и на самомъ дѣлѣ полезное.

Мы уже видѣли, что сокращеніе круговыхъ мышцъ ведетъ къ подниманію верхней губы и, слѣдовательно, если ротъ широко раскрытъ, къ оттягиванію внизъ угловъ его вслѣдствіе сокращенія опускающихся мышцъ. Образование носо-губной складки на щекахъ тоже происходитъ отъ подниманія верхней губы. Такимъ образомъ всѣ главныя выразительныя движенія лица при плачѣ, повидимому, являются результатомъ сокращенія мышцъ вокругъ глазъ. Мы увидимъ также, что изліяніе слезъ зависитъ отъ сокращенія тѣхъ же самыхъ мышцъ, или по меньшей мѣрѣ стоитъ въ нѣкоторой связи съ нимъ.

Въ нѣкоторыхъ вышеописанныхъ случаяхъ, особенно при чиханіи и кашлѣ, возможно, что сокращеніе круговыхъ мышцъ служить добавочною защитою глазъ отъ слишкомъ сильнаго толчка или сотрясенія. Я думаю это потому, что собаки и кошки, когда грызутъ твердыя кости, всегда зажмуриваются; онѣ дѣлаютъ это, по крайней мѣрѣ, иногда, при чиханіи; хотя собаки не закрываютъ глазъ, когда громко лаютъ. Сеттонъ внимательно наблюдалъ для меня молодого орангутанга и шимпанзе, и нашелъ, что оба всегда закрываютъ глаза при чиханіи и кашлѣ, но не дѣлаютъ этого, когда громко кричатъ. Я далъ маленькую щепотку нюхательнаго табака одной американской обезьянѣ, именно *Sebus*, и она зажмуривалась, когда чихала; но она не дѣлала этого въ другой разъ, когда издавала громкіе крики.

*Причина выдѣленія слезъ*²⁾. Во всякой теоріи выдѣленія слезъ отъ

¹⁾ Дондерсъ, тамъ же, стр. 38.

²⁾ [Генле „*Anthropologische Vorträge*“, 1876, вып. I, стр. 66, обсуждаетъ дѣйствіе эмоцій на нѣкоторыя движенія тѣла и указываетъ, что возьмемъ ли мы мышечныя сокращенія, или измѣненія въ сосудахъ, или выдѣленія железъ, симптомы эмоциональнаго состоянія вообще склонны начинаться вблизи головы и распространяться внизъ. Какъ примѣръ приложенія этого закона къ выдѣленію, онъ указываетъ на то, что при страхѣ потъ выступаетъ сначала на лбу. Точно такъ же онъ говоритъ, что при сильныхъ эмоціяхъ первымъ дѣйствіемъ бываетъ истеченіе слезъ, затѣмъ слѣдуетъ отльеніе слюны, а при еще болѣе бурныхъ душевныхъ состояніяхъ дѣйствію подвергается печень и другіе органы брюшной полости. Генле всецѣло опирается на анатомію, ибо онъ говоритъ: „Если бы по несчастію начало нервовъ, возбуждающихъ слюнные же-

душевнаго движенія слѣдуетъ принять во вниманіе тотъ важный фактъ, что каждый разъ, когда мышцы вокругъ глаза сильно и произвольно сокращаются, чтобы сжать кровеносные сосуды и такимъ образомъ защитить глаза, выдѣляются слезы, часто настолько обильныя, что стекаютъ по щекамъ. Это происходитъ при всякихъ эмоціяхъ и безъ всякихъ эмоцій. Единственное исключеніе, и то лишь частичное, какъ бы противорѣчащее соотношенію между произвольнымъ сильнымъ сокращеніемъ этихъ мышцъ и выдѣленіемъ слезъ, представляютъ маленькія дѣти, которыя, громко крича при плотно зажмуренныхъ вѣкахъ, обыкновенно не плачутъ раньше двухъ-трехъ или четырехъ мѣсяцевъ. Однако ихъ глаза наполняются слезами въ гораздо болѣе раннемъ возрастѣ. Какъ уже замѣчено, казалось бы, что слезныя железы по недостатку упражненія или по какой-нибудь иной причинѣ, не проявляютъ полной функциональной дѣятельности въ очень раннемъ періодѣ жизни. У дѣтей въ болѣе позднемъ возрастѣ крики или вопли отъ какого бы то ни было огорченія столь неизмѣнно сопровождаются изліяніемъ слезъ, что слово *плакать* (weeping) и слово *кричать* (crying) стали синонимами¹⁾.

При противоположной эмоціи—большой радости и веселости, пока смѣхъ умѣренъ, сокращенія мышцъ вокругъ глазъ почти не бываетъ, такъ что нахмуриванія нѣтъ; но когда смѣхъ переходитъ во взрывы громкаго хохота, при быстрыхъ и бурныхъ судорожныхъ выдыханіяхъ, слезы ручьями текутъ по лицу. Я не разъ обращалъ вниманіе на лицо человѣка послѣ приступа сильнаго смѣха и хорошо видѣлъ, что круговыя мышцы, идущія къ верхней губѣ, еще оставались стчасти сокращенными; въ соединеніи со слезами на щекахъ это придавало верхней половинѣ лица выраженіе, котораго нельзя отличить отъ выраженія ребенка, еще всхлипывающего отъ огорченія. Тотъ фактъ, что при сильномъ смѣхѣ слезы стекаютъ по лицу, распространены у всѣхъ человѣческихъ расъ; это мы увидимъ въ одной изъ дальнѣйшихъ главъ.

При сильномъ кашлѣ, особенно когда человѣкъ поперхнется, лицо багровѣетъ, вены расширяются, круговыя мышцы сильно сокращены и слезы текутъ по щекамъ. Даже послѣ приступа обыкновеннаго кашля почти всѣмъ приходится вытирать глаза. При бурной рвотѣ или позывахъ на нее, какъ я знаю по себѣ и видалъ у другихъ, круговыя мышцы бываютъ сильно сокращены и слезы иногда обильно текутъ по щекамъ. Мнѣ высказали догадку, не зависить ли это отъ того, что въ ноздри попадаетъ раздражающее вещество и вслѣдствіе рефлекторнаго дѣйствія вызываетъ слезы. Поэтому я попросилъ одного врача, у котораго я собиралъ справки, прослѣдить за дѣйствіемъ позывовъ на рвоту, когда изъ желудка ничего не извергается; по странному совпаденію, у него самого на слѣдующее утро случился приступъ тошноты, и онъ три дня наблюдалъ одну даму во время такихъ же приступовъ; онъ увѣренъ, что ни въ одномъ случаѣ изъ желудка не было извергнуто ни атома вещества, однако же круговыя мышцы были сильно сокращены и слезы выдѣлялись въ изобиліи. Я могу также утверждать, что когда мышцы живота дѣйствуютъ съ необычайной силой на кишечникъ въ направленіи внизъ

лезы, лежало ближе къ мозговымъ полушаріямъ, чѣмъ слезные нервы, поэтамъ пришло бы вмѣсто слезъ воспѣвать слюнотеченіе“.

Обобщеніе такого рода оставляетъ безъ объясненія *специфическое* дѣйствіе различныхъ эмоцій: почему потъ выстываетъ у насъ отъ страха, а не отъ горя?]

¹⁾ М-ръ Генсли Веджвудъ („Dict. of English Etymology“ 1859, т. I, стр. 410) говоритъ: „глаголь to weep (плакать) происходитъ отъ англо-саксонскаго *wor*, первоначальное значеніе котораго—просто крикъ“.

тѣ же самыя мышцы вокругъ глазъ энергично сокращаются и вмѣстѣ съ тѣмъ обильно выдѣляются слезы.

Зѣвота начинается съ глубокаго вдыханія, за которымъ слѣдуетъ длинное и сильное выдыханіе; въ то же время почти всѣ мышцы тѣла сильно сокращаются, включая и мышцы вокругъ глазъ. Во время этого акта часто выступаютъ слезы и я даже видалъ, что онѣ скатывались по щекамъ.

Я часто замѣчалъ, что когда люди чешутъ какое-нибудь мѣсто, которое нестерпимо зудитъ, они крѣпко зажмуриваются; но, какъ мнѣ кажется, они не дѣлаютъ сначала глубокаго вдыханія и не выталкиваютъ затѣмъ воздухъ съ силою; я также никогда не замѣчалъ, чтобы въ это время глаза наполнялись слезами, однако не рѣшаюсь утверждать, что этого не бываетъ. Можетъ быть, плотное смыканіе вѣкъ представляетъ собою только часть того общаго движенія, посредствомъ котораго почти всѣ мышцы тѣла въ то же время напрягаются. Это смыканіе вѣкъ совершенно отлично отъ легкаго прищуриванія, которымъ, по замѣчанію Грасіоле ¹⁾, часто сопровождается вдыханіе восхитительнаго запаха или проба особенно вкуснаго куска, и которое происходитъ, вѣроятно, вслѣдствіе желанія удалить всѣ нарушающія впечатлѣнія, получаемыя черезъ зрѣніе.

Профессоръ Дондерсъ пишетъ мнѣ слѣдующее: «Я наблюдалъ нѣсколько случаевъ очень любопытнаго страданія, состоявшаго въ томъ, что послѣ легкаго прикосновенія къ глазу (*allouchement*), напримѣръ, одеждою, которое не причиняло ни раны, ни ссадины, появлялись спазмы круговыхъ мышцъ при очень обильномъ изліяніи слезъ, длившемся около часа. Послѣ того иногда черезъ нѣсколько недѣль сильныя спазмы тѣхъ же мышцъ возобновлялись, сопровождаемые выдѣленіемъ слезъ, одновременно съ первичной или вторичной краснотой глаза». Боуманъ сообщаетъ мнѣ, что онъ иногда наблюдалъ совершенно аналогичныя случаи, и что въ нѣкоторыхъ не было красноты или воспаленія глаза.

Я весьма желалъ узнать, существуетъ ли у какого-нибудь изъ животныя подобное соотношеніе между сокращеніемъ круговыхъ мышцъ при сильномъ выдыханіи и выдѣленіемъ слезъ; но лишь очень немногія животныя сокращаютъ эти мышцы на продолжительное время и проливаютъ слезы. *Macacus taurus*, который въ прежнее время такъ обильно плакалъ въ зоологическомъ саду, представлялъ бы отличный случай для наблюденія; но двѣ обезьяны, которыя теперь тамъ находятся и которыя относятся къ тому же виду, не плачутъ. Но Бартлетъ и я [все-таки внимательно слѣдили за ними, когда онѣ громко кричали, и онѣ, казалось, сокращали эти мышцы; но онѣ такъ быстро двигались по клѣткамъ, что было трудно положить на эти наблюденія. Насколько мнѣ удалось узнать, ни одна другая обезьяна при крикѣ не сокращаетъ круговыхъ мышцъ.

Извѣстно, что индійскій слонъ иногда плачетъ. Сэръ Теннентъ, описывая слоновъ, которыхъ онъ видѣлъ пойманными и связанными на Цейлонѣ, говоритъ: нѣкоторые «лежали неподвижно на землѣ и ничто не указывало на ихъ страданія, кромѣ слезъ, которыя наполняли ихъ глаза и безпрерывно стекали внизъ». Говоря о другомъ слонѣ, онъ сообщаетъ: «Когда сила его была сломлена и его связали, его горе было чрезвычайно трогательно; его неистовство перешло въ совершенное безсиліе; онъ лежалъ на землѣ, испуская сдавленные крики, и слезы стекали по его

¹⁾ „De la physionomie“, 1865, стр. 217.

щекамъ»¹⁾). Въ зоологическомъ саду сторожъ индійскихъ слоновъ положительно утверждаетъ, что онъ нѣсколько разъ видѣлъ, какъ слезы скатывались по лицу старой самки, когда она была огорчена удаленіемъ слоненка. Поэтому мнѣ чрезвычайно хотѣлось узнать, сокращаются ли слоны эти мышцы, когда кричатъ или громко трубить, такъ какъ этимъ на слоновъ распространялось бы соотношеніе между сокращеніемъ круговыхъ мышцъ и изліяніемъ слезъ, которое мы видимъ у человѣка. По желанію Бартлета сторожъ приказалъ старому и молодому слону трубить, и мы нѣсколько разъ видѣли ясное сокращеніе круговыхъ мышцъ, особенно нижнихъ, у обоихъ животныхъ, какъ разъ въ то мгновеніе, когда они начинали трубить. Однажды впослѣдствіи сторожъ заставилъ стараго слона трубить гораздо громче: верхнія и нижнія круговыя мышцы неизмѣнно сильно сокращались, и на этотъ разъ въ равной степени. Странно, что африканскій слонъ, который впрочемъ настолько отличается отъ индійскаго вида, что нѣкоторые натуралисты ставятъ его въ отдѣльный подродъ, когда его заставили громко трубить, не обнаружилъ и признаковъ сокращенія круговыхъ мышцъ.

Судя по вышеописаннымъ случаямъ, какъ мнѣ кажется, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что сокращеніе мышцъ вокругъ глазъ у человѣка, при сильномъ выдыханіи или тогда, когда расширенная грудная клѣтка съ силою сжимается, какимъ-то образомъ тѣсно связано съ выдѣленіемъ слезъ. Это оказывается справедливымъ для совершенно различныхъ эмоцій и независимо отъ какихъ бы то ни было эмоцій. Конечно, я не хочу сказать, что слезы не могутъ выдѣляться безъ сокращенія этихъ мышцъ; ибо извѣстно, что слезы иногда выдѣляются въ изобиліи, когда вѣки не закрыты и брови не наморщены. Сокращеніе должно быть и невольнымъ, и продолжительнымъ, какъ во время припадка удушья, или энергичнымъ, какъ при чиханіи. Отъ одного невольнаго миганія вѣками, хотя бы оно повторялось часто, слезы не выстушаютъ на глаза. Произвольнаго и продолжительнаго сокращенія различныхъ окружающихъ мышцъ тоже недостаточно. Такъ какъ слезныя железы у дѣтей легко поддаются раздраженію, то я убѣдилъ своихъ дѣтей и нѣкоторыхъ другихъ, различныхъ возрастовъ, нѣсколько разъ сократить эти мышцы изо всѣхъ силъ и продолжать это движеніе, пока они могутъ; но это не оказало почти никакого дѣйствія. Иногда въ глазахъ

1) „Ceylon“, 3-е изд., 1859, т. II, стр. 364, 376. Я обратился къ м-ру Светсу на Цейлонѣ за дальнѣйшими справками относительно плача у слоновъ, и получилъ въ отвѣтъ письмо отъ м-ра Глини, который вмѣстѣ съ другими любезно наблюдалъ для меня стадо только что пойманныхъ слоновъ. Будучи раздражены, эти слоны громко кричали, но замѣчательно, что при этомъ крикѣ они никогда не сокращали мышцъ вокругъ глазъ. Они также не проливали слезъ, и туземцы-охотники утверждали, что никогда не видели слоновъ плачущими. Тѣмъ не менѣе для меня представляется невозможнымъ сомнѣваться въ точности подробнаго описанія ихъ плача у сэра Теннента, тѣмъ болѣе, что его подтверждаетъ положительное заявленіе сторожа въ зоологическомъ саду. Не подлежитъ сомнѣнію, что два слона въ зоологическомъ саду, начиная громко трубить, неизмѣнно сокращали круговыя мышцы. Я могу примирить эти противорѣчивыя указанія только предположеніемъ, что только что пойманные слоны на Цейлонѣ, вслѣдствіе ярости или испуга, хотѣли наблюдать своихъ преслѣдователей и поэтому не сокращали круговыхъ мышцъ, чтобы не затруднять себѣ зрѣнія. Тѣ слоны, которыхъ сэръ Теннентъ видѣлъ плачущими, были удручены и въ отчаяніи отказались отъ борьбы. Слоны въ зоологическомъ саду, которые трубили по приказанію, конечно, не испытывали ни тревоги, ни ярости.

[Гордонъ Кеммингъ („The Lion Hunter in South Africa“, 1856, стр. 227), описывая поведеніе слона, тяжело раненаго пулями изъ винтовки, говоритъ, что „крупныя слезы капали изъ его глазъ, которые онъ медленно открывалъ и закрывалъ“. М-ръ Уокеръ обратилъ вниманіе автора на этотъ фактъ.]

показывалось немного влаги, но повидимому не больше того количества слезъ, какое могло раньше быть выдѣлено въ железахъ и затѣмъ быть выжато при сокращеніи мышцъ.

Нельзя установить съ увѣренностью характеръ соотношенія между произвольнымъ и энергичнымъ сокращеніемъ мышцъ вокругъ глазъ и выдѣленіемъ слезъ, но можно высказать правдоподобную догадку. Первоначальная цѣль выдѣленія слезъ, вмѣстѣ съ выдѣленіемъ нѣкотораго количества слизи, состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать поверхность глаза скользкою; второстепенная же цѣль, какъ нѣкоторые думаютъ, — поддерживать влажность въ ноздряхъ, такъ, чтобы вдыхаемый воздухъ былъ влажнымъ ¹⁾, а также содѣйствовать обонянію. Но другое, по меньшей мѣрѣ столь же важное назначеніе слезъ состоитъ въ томъ, чтобы смывать частицы пыли и другіе мельчайшіе предметы, которые могутъ попасть въ глаза. Чрезвычайную важность этого назначенія слезъ доказываютъ тѣ случаи, когда роговая оболочка становится непрозрачною отъ воспаленія, вызваннаго тѣмъ, что частицы пыли не были удалены, вслѣдствіе неподвижности глаза и вѣка ²⁾. Выдѣленіе слезъ отъ раздраженія постороннимъ тѣломъ, попавшимъ въ глазъ, есть рефлекторное дѣйствіе, т.-е. тѣло раздражаетъ периферическій нервъ, который посылаетъ впечатлѣніе опредѣленнымъ чувствующимъ нервнымъ клѣточкамъ; эти въ свою очередь передаютъ вліяніе другимъ клѣточкамъ, а тѣ — слезнымъ железамъ. Вліяніе, передаваемое этимъ железамъ, вызываетъ, какъ мы имѣемъ вѣскія причины полагать, расширеніе мышечныхъ оболочекъ мелкихъ артерій; вслѣдствіе этого большее количество крови можетъ проникать въ ткань железъ, что вызываетъ обильное выдѣленіе слезъ. Когда мелкія артеріи лица, включая и артеріи сѣтчатой оболочки, расширяются при обстоятельствахъ совсѣмъ иного рода, а именно при яркомъ румянцѣ, то слезныя железы иногда испытываютъ сходное дѣйствіе, такъ какъ глаза наполняются слезами.

Относительно многихъ рефлекторныхъ дѣйствій трудно заключить, какимъ путемъ они произошли; но относительно нашего настоящаго вопроса—дѣйствія на слезныя железы вслѣдствіе раздраженія поверхности глаза, можетъ быть, стоитъ замѣтить, что какъ только какая-либо первичная форма стала по своимъ привычкамъ полуназемной и частицы пыли начали попадать ей въ глаза, то эти частицы причиняли бы большое раздраженіе, если бы не смывались; согласно принципу иррадиации нервной силы въ смежныя нервныя клѣточки, слезныя железы были бы возбуждены къ выдѣленію слезъ. Такъ какъ это повторялось бы часто и такъ какъ нервная сила легко проходитъ по привычнымъ путямъ, то наконецъ слабого раздраженія стало бы достаточно, чтобы вызвать обильное выдѣленіе слезъ.

Какъ только этимъ или какимъ-нибудь инымъ способомъ рефлекторное дѣйствіе такого характера установилось и сдѣлалось легкимъ, другіе возбудители, придя въ соприкосновеніе съ поверхностью глаза, напримѣръ, холодный вѣтеръ, медленный воспалительный процессъ или ударъ по вѣкамъ, должны были вызывать обильное выдѣленіе слезъ; мы знаемъ, что это такъ и бываетъ. Железы приходятъ въ дѣйствіе также при раздраженіи смежныхъ частей. Такъ, напримѣръ, при раздраженіи ноздрей ѣдкими парами, слезы выдѣляются въ изобиліи даже при плотно за-

¹⁾ Bergeon, ссылка въ „Journal of Anatomy and Physiology“. ноябрь 1871, стр. 235.

²⁾ См., напр., случай, приводимый сэромъ Ч. Белемъ, „Philosophical Transactions“, 1823, стр. 177.

жмуренныхъ вѣкахъ; то же самое бываетъ послѣдствіемъ удара въ ность, нанесеннаго, напримѣръ, перчаткой для кулачнаго боя. Ударъ гибкимъ прутомъ по лицу, насколько я могъ замѣтить, вызываетъ такое же дѣйствіе. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ выдѣленіе слезъ является случайнымъ результатомъ и не приноситъ прямой пользы. Такъ какъ во всѣхъ этихъ частяхъ лица, включая и слезныя железы, находятся развѣтвленія одного и того же нерва, именно пятого, то становится до нѣкоторой степени понятнымъ, что послѣдствія возбужденія какой-нибудь одной вѣтви распространяются на нервныя клѣточки или корни другихъ вѣтвей.

При нѣкоторыхъ условіяхъ внутреннія части глаза тоже дѣйствуютъ рефлекторнымъ образомъ на слезныя железы. Приводимыя здѣсь свѣдѣнія были мнѣ любезно сообщены м-ромъ Боуманомъ; но этотъ вопросъ очень сложенъ, такъ какъ всѣ части глаза очень тѣсно связаны между собою и чрезвычайно чувствительны къ различнымъ возбудителямъ. Когда сильный свѣтъ падаетъ на сѣтчатую оболочку при ея нормальномъ состояніи, то онъ вызываетъ отдѣленіе слезъ въ весьма малой степени; но когда у болѣзненныхъ дѣтей бываютъ маленькія, застарѣвшія болячки на роговой оболочкѣ, сѣтчатка становится чрезвычайно чувствительною къ свѣту, и даже обыкновенный дневной свѣтъ вызываетъ сильное продолжительное смыканіе вѣкъ и обильное истеченіе слезъ. Если люди, которымъ слѣдовало бы прибѣгнуть къ употребленію двояковыпуклыхъ очковъ, часто напрягаютъ ослабѣвающую способность къ аккомодаци, то послѣдствіемъ очень часто бываетъ излишнее отдѣленіе слезъ, и сѣтчатка легко становится чрезмѣрно чувствительною къ свѣту. Вообще, болѣзненные поврежденія поверхности глаза и рѣсничнаго тѣла, приходящаго въ дѣйствіе при актѣ аккомодаци, часто сопровождаются чрезвычайно обильнымъ отдѣленіемъ слезъ. Напряженіе глазного яблока, не доходящее до воспаления, но представляющее собою нарушеніе равновѣсія между жидкостями, которыя изливаются и вновь поглощаются сосудами внутри глаза, обыкновенно не сопровождается отдѣленіемъ слезъ. Наконецъ, существуетъ многія болѣзненные состоянія и измѣненія въ строеніи глаза, и есть даже сильнѣйшія воспаления, которыя могутъ сопровождаться малымъ отдѣленіемъ слезъ или проходить совсѣмъ безъ него.

Такъ какъ это имѣетъ косвенное отношеніе къ занимающему насъ вопросу, то слѣдуетъ упомянуть, что глазъ и смежныя съ нимъ части подвержены необыкновенно многочисленнымъ рефлекторнымъ и ассоцированнымъ движеніямъ, ощущеніямъ и дѣйствіямъ, кромѣ тѣхъ, которыя связаны съ слезными железами. Когда яркій свѣтъ попадаетъ на сѣтчатку только одного глаза, то зрачекъ сокращается, но зрачокъ другого глаза приходитъ въ движеніе черезъ измѣримый промежутокъ времени. Зрачокъ двигается такимъ же образомъ при аккомодаци къ близкому или дальнему зрѣнію и тогда, когда мы заставляемъ оба глаза сходиться ¹⁾. Всѣмъ извѣстно, съ какою непреодолимою силою брови опускаются внизъ при очень яркомъ свѣтѣ. Точно такъ же вѣки непроизвольно мигаютъ, когда возлѣ глазъ движется какой-нибудь предметъ или когда мы внезапно слышимъ какой-нибудь звукъ. Хорошо извѣстный фактъ чиханія у нѣкоторыхъ людей, вызываемаго яркимъ свѣтомъ, еще любопытнѣе, такъ какъ здѣсь нервная сила распространяется отъ опредѣленныхъ нервныхъ клѣточекъ, связанныхъ съ сѣтчаткою, на чувствительныя нервныя клѣточки носа, вызывая въ немъ щекотаніе; отъ

¹⁾ См. обо всѣхъ этихъ вопросахъ „On the Anomalies of Accommodation and Refraction of the Eye“, профессора Дондерса, 1864, стр. 573.

нихъ она передается клѣточкамъ, которыя управляютъ различными дыхательными мышцами (включая и круговыя), и эти выталкиваютъ воздухъ такъ своеобразно, что онъ устремляется только черезъ ноздри.

Возвращаемся къ нашему вопросу,—почему во время приступа крика или при другихъ выдыхательныхъ усиліяхъ выдѣляются слезы? Такъ какъ легкий ударъ по вѣкамъ вызываетъ обильное отдѣленіе слезъ, то во всякомъ случаѣ возможно, что сильное давленіе на глазное яблоко при судорожномъ сокращеніи вѣкъ подобнымъ же образомъ вызоветъ нѣкоторое отдѣленіе слезъ. Это представляется возможнымъ, хотя произвольное сокращеніе тѣхъ же мышцъ не оказываетъ такого дѣйствія. Мы знаемъ, что человекъ не можетъ произвольно чихать или кашлять хотя бы приблизительно съ такою же силою, какъ онъ дѣлаетъ это автоматически; то же самое относится и къ сокращенію круговыхъ мышцъ: сэръ Ч. Бель производилъ надъ ними опыты и нашелъ, что при внезапномъ и сильномъ зажмуриваніи въ темнотѣ мы видимъ свѣтящіяся искры, какъ и тогда, когда постукиваемъ по вѣкамъ пальцами; «но при чиханіи сжатіе бываетъ быстрѣе и сильнѣе, а искры ярче». Ясно, что эти искры зависятъ отъ сокращенія вѣкъ, потому что «если при чиханіи держать вѣки открытыми, то мы не получаемъ впечатлѣнія свѣта». Въ своеобразныхъ случаяхъ, упоминаемыхъ профессоромъ Дондерсомъ и Боуманомъ, мы видѣли, что черезъ нѣсколько недѣль послѣ очень легкаго поврежденія глаза происходятъ судорожныя сокращенія вѣкъ и сопровождаются обильнымъ истеченіемъ слезъ. При зѣваніи слезы повидимому появляются исключительно отъ судорожнаго сокращенія мышцъ вокругъ глазъ. Несмотря на эти послѣдніе случаи, представляется почти невѣроятнымъ, чтобы давленіе вѣкъ на поверхность глаза, даже судорожное и слѣдовательно гораздо болѣе сильное, чѣмъ то, которое мы можемъ произвести произвольно, было бы достаточнымъ для того, чтобы вслѣдствіе рефлекторнаго дѣйствія вызвать отдѣленіе слезъ въ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда это происходитъ во время порывистыхъ выдыхательныхъ усилій.

Здѣсь можетъ одновременно дѣйствовать и другая причина. Мы видѣли, что внутреннія части глаза, при извѣстныхъ условіяхъ, дѣйствуютъ рефлекторнымъ образомъ на слезныя железы. Мы знаемъ, что при бурныхъ выдыхательныхъ усиліяхъ давленіе артеріальной крови въ сосудахъ глаза увеличивается и что обратное теченіе крови въ венахъ задерживается. Поэтому нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что вызываемое такимъ образомъ растяженіе глазныхъ сосудовъ можетъ дѣйствовать рефлекторно на слезныя железы, и что такимъ образомъ увеличивается дѣйствіе, зависящее отъ судорожнаго давленія вѣкъ на поверхность глаза.

Разсматривая, насколько такой взглядъ правиленъ, мы не должны упускать изъ виду, что глаза новорожденныхъ дѣтей подвергались такому двойному дѣйствію, въ теченіе безчисленныхъ поколѣній, каждый разъ, когда они кричали; а согласно тому принципу, что нервная сила легко проходитъ по привычнымъ путямъ, даже умѣренное сжатіе глазныхъ яблокъ и умѣренное расширеніе глазныхъ сосудовъ въ концѣ-концовъ по привычкѣ стало бы дѣйствовать на железы. Мы имѣемъ аналогичный случай, когда видимъ, что круговыя мышцы почти всегда слегка сокращаются даже при легкомъ приступѣ плача, когда не можетъ быть расширенія сосудовъ и ощущенія неловкости внутри глазъ.

Кромѣ того, если сложныя дѣйствія или движенія долго производились въ тѣсной ассоціаціи другъ съ другомъ, и если они по какой-

либо причинѣ сдерживаются, сначала произвольно, а потомъ по привычкѣ, то при возникновеніи надлежащихъ возбуждающихъ условій какая-нибудь часть дѣйствія или движенія, наименѣе подчиненная контролю воли, все-таки часто производится произвольно. Выдѣляющее дѣйствіе железы въ замѣчательной степени свободно отъ вліянія воли; поэтому, когда съ годами у индивидуума или, съ развитіемъ культуры— у расы, привычка кричать или громко плакать сдерживается, и слѣдовательно расширенія кровеносныхъ сосудовъ глаза не бываетъ, все-таки можетъ случиться, что слезы выступятъ. Какъ мы недавно указывали, у человѣка, читающаго трогательную повѣсть, можно видѣть подергиваніе или дрожь мышцъ вокругъ глазъ въ такой слабой степени, что ее едва можно различить. Въ этомъ случаѣ нѣтъ крика и нѣтъ расширенія кровеносныхъ сосудовъ, однако же вслѣдствіе привычки опредѣленныя нервныя клѣточки посылаютъ небольшое количество нервной силы клѣточкамъ, управляющимъ мышцами вокругъ глазъ; онѣ посылаютъ также небольшое количество силы клѣточкамъ, управляющимъ слезными железами, ибо въ то же самое время глаза часто увлажняются слезами. Если бы мы совершенно предотвратили подергиваніе мышцъ вокругъ глазъ и выдѣленіе слезъ, все-таки почти навѣрно осталась бы нѣкоторая склонность къ передачѣ нервной силы въ тѣхъ же направленіяхъ; а такъ какъ слезныя железы въ замѣчательной степени свободны отъ контроля воли, то онѣ были бы чрезвычайно склонны все-таки приходить въ дѣйствіе, выдавая такимъ образомъ, при отсутствіи другихъ внѣшнихъ признаковъ, трогательныя мысли, проходящія черезъ умъ читающаго.

Для дальнѣйшей иллюстраціи высказанаго здѣсь взгляда я могу замѣтить, что если бы въ раннемъ періодѣ жизни, когда всевозможныя привычки легко устанавливаются, наши дѣти, испытывая удовольствіе, привыкли бы смѣяться громкими взрывами (во время которыхъ сосуды глазъ расширяются) такъ же часто и такъ же продолжительно, какъ они при огорченіи предаются приступамъ крика, то вѣроятно въ позднѣйшей жизни слезы выдѣлялись бы одинаково обильно и одинаково постоянно при этихъ обоихъ душевныхъ состояніяхъ. Легкаго смѣха или улыбки, или даже пріятной мысли было бы достаточно, чтобы причинить умѣренное отдѣленіе слезъ. Въ самомъ дѣлѣ, подобная склонность очевидно существуетъ, какъ мы увидимъ въ одной изъ дальнѣйшихъ главъ, когда будемъ говорить о нѣжныхъ чувствахъ. У обитателей Сандвичевыхъ острововъ, по словамъ Фрейсине ¹⁾, слезы считаются признакомъ счастья; но намъ нужно было бы имѣть въ этомъ вопросѣ болѣе вѣскія доказательства, чѣмъ мимолетная замѣтка путешественника. Далѣе, если бы наши дѣти, въ теченіе многихъ поколѣній, и каждый изъ нихъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ почти ежедневно страдали отъ продолжительныхъ припадковъ удушья, во время которыхъ сосуды глазъ расширяются и обильно выдѣляются слезы, то вѣроятно въ силу ассоціированной привычки въ позднѣйшей жизни одной мысли объ удушьяхъ, безъ всякой душевной тревоги, было бы достаточно, чтобы вызвать слезы на наши глаза.

Подводя итоги этой главы, мы находимъ, что плачъ вѣроятно является результатомъ приблизительно такой цѣпи: дѣти, когда они голодны или испытываютъ какое бы то ни было страданіе, громко кричатъ, подобно дѣтенышамъ большинства другихъ животныхъ, отчасти призывая роди-

¹⁾ Ссылка у сэра Леббока, „Prehistoric Times“, 1865, стр. 458.

телей на помощь, а отчасти потому, что всякое большое усилие служить имъ облегченіемъ. Продолжительный крикъ неизбежно ведетъ къ переполненію кровеносныхъ сосудовъ глаза; это обстоятельство, сначала сознательно, а потомъ вслѣдствіе привычки, вѣроятно привело къ сокращенію мышцъ вокругъ глазъ для защиты ихъ. Въ то же самое время судорожное давленіе на поверхность глаза и расширеніе сосудовъ внутри глаза, при чемъ сознательное ощущеніе не было необходимо, вѣроятно дѣйствовали рефлекторнымъ образомъ на слезныя железы. Наконецъ, на основаніи трехъ началъ: во-первыхъ, легкаго прохожденія нервной силы по привычнымъ путямъ, во-вторыхъ, ассоціаціи, сила которой такъ широко распространена, и въ-третьихъ, того принципа, что нѣкоторыя дѣйствія болѣе подчинены контролю воли—условія сложились такъ, что страданіе легко вызываетъ отдѣленіе слезъ, которое можетъ и не сопровождаться какимъ бы то ни было другимъ дѣйствіемъ.

Хотя сообразно съ этимъ взглядомъ мы должны смотрѣть на плачь, какъ на случайный результатъ, столь же безцѣльный, какъ выдѣленіе слезъ отъ удара *не* въ глазъ, или какъ чиханіе отъ дѣйствія яркаго свѣта на сѣтчатку, всетаки намъ будетъ не трудно понять, какимъ образомъ выдѣленіе слезъ служитъ облегченіемъ въ страданіи. И чѣмъ порывистѣе или истеричнѣе плачь, тѣмъ сильнѣе будетъ облегченіе,—на основаніи того же принципа, по которому корчи всего тѣла, скрежетъ зубами и пронзительные крики доставляютъ облегченіе при мучительной боли.

Г Л А В А VII.

Упадокъ духа, тревога, горе, уныніе и отчаяніе.

Общее вліяніе горя на организмъ.—Наклонное положеніе бровей при страданіи.—О причинѣ наклоннаго положенія бровей.—Объ опусканіи угловъ рта.

Послѣ того, какъ нашъ духъ перенесетъ острый приступъ горя, причина котораго продолжаетъ существовать, мы впадаемъ въ удручающее состояніе; или мы можемъ быть совершенно разбитыми и впасть въ уныніе. Продолжительная тѣлесная боль, если она не доходитъ до муки, обыкновенно ведетъ къ такому же душевному состоянію. Если мы ожидаемъ страданія, то испытываемъ тревогу; если у насъ нѣтъ надежды на облегченіе, мы отчаиваемся.

Люди, страдающіе отъ безумнаго горя, часто ищутъ облегченія въ бурныхъ, почти неистовыхъ движеніяхъ, какъ описано въ одной изъ предшествующихъ главъ; но когда ихъ страданіе, хотя и продолжаясь, нѣсколько умѣрится, они уже не желаютъ дѣятельности, но остаются неподвижными и пассивными, или иногда они раскачиваются взадъ и впередъ. Кровообращеніе замедляется, лицо блѣднѣетъ, мышцы вялы, вѣки опускаются, голова свѣшивается на славленную грудь, губы, щеки и нижняя челюсть опускаются внизъ отъ собственной тяжести. Поэтому всѣ черты лица удлиняются; про лицо человѣка, который слышитъ дурную новость, говорятъ, что оно вытянулось. Нѣсколько туземцевъ на Огненной Землѣ, стараясь объяснить намъ, что ихъ другъ, капитанъ на одномъ суднѣ тюленепромышленниковъ, находится въ уныніи, тянули себѣ обѣими руками щеки внизъ, чтобы сдѣлать свои лица какъ можно длиннѣе. М-ръ Беннетъ сообщаетъ мнѣ, что австралійскіе туземцы, когда

бываютъ въ уныніи, имѣютъ осунувшійся видъ. Послѣ продолжительнаго страданія глаза становятся тусклыми и утрачиваютъ выразительность, и часто бываютъ слегка увлажнены слезами. Брови нерѣдко принимаютъ наклонное положеніе, что зависитъ отъ приподниманія ихъ внутреннихъ концовъ. Отъ этого на лбу появляются морщины своеобразной формы, которыя весьма отличны отъ морщинъ при простомъ нахмуриваніи; хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть налицо только нахмуриванье. Углы рта оттягиваются внизъ; это оттягиваніе — такой общеизвѣстный признакъ удрученнаго настроенія, что оно почти вошло въ поговорку.

Дыханіе замедляется и ослабѣваетъ, и часто прерывается глубокими вздохами. По замѣчанію Грасіоле, всякій разъ, какъ наше вниманіе долго сосредоточивается на какомъ-нибудь предметѣ, мы забываемъ дышать, а потомъ облегчаемъ себя глубокимъ вдыханіемъ ¹⁾; но вздохи огорченнаго человѣка, вслѣдствіе его медленнаго дыханія и вялаго кровообращенія, въ высокой степени характерны ²⁾. Такъ какъ горе человѣка, находящагося въ такомъ состояніи, время отъ времени обостряется и достигаетъ силы пароксизма, спазмы вліяютъ на дыхательныя мышцы, и онъ чувствуетъ, будто у него въ горлѣ поднимается какой-то предметъ, такъ называемый *globus hystericus*. Эти судорожныя движенія, очевидно, близки къ рыданіямъ у дѣтей, и представляютъ собою остатки тѣхъ болѣе сильныхъ судорогъ, которыя происходятъ въ тѣхъ случаяхъ, когда про человѣка говорятъ, что онъ задыхается отъ чрезмѣрнаго горя ³⁾.

Наклонное положеніе бровей.—Въ вышеприведенномъ описаніи только два пункта требуютъ дальнѣйшаго выясненія, и они чрезвычайно любопытны: именно, приподниманіе внутреннихъ концовъ бровей и оттягиваніе угловъ рта внизъ. Что касается бровей, то иногда можно видѣть, какъ онѣ принимаютъ наклонное положеніе у людей, страдающихъ отъ глубокаго унынія или тревоги; напримѣръ, я наблюдалъ это движеніе у одной матери, когда она говорила о своемъ больномъ сынѣ; иногда это движеніе бываетъ вызвано совершенно ничтожными или мимолетными причинами, при дѣйствительномъ или притворномъ огорченіи. Брови принимаютъ такое положеніе вслѣдствіе того, что сокращеніе нѣкоторыхъ мышцъ (а именно, круговыхъ надвигателей бровей *corrugatores*) и пирамидальныхъ мышцъ носа, которыя вмѣстѣ стремятся опустить и сократить брови) отчасти сдерживается болѣе сильнымъ дѣйствіемъ центральныхъ фасцій лобной мышцы. Эти послѣднія фасціи своимъ сокращеніемъ поднимаютъ только внутренніе концы бровей; а такъ какъ надвигатели бровей въ то же время сдвигаютъ брови, то ихъ внутренніе концы собираются въ складку или въ комокъ. Эта складка представляетъ собою весьма характерную черту въ той фигурѣ, которую образуютъ брови, принимая наклонное положеніе, какъ можно видѣть на рис. 2 и 5, табл. II. Въ то же время брови немного топорщатся, вслѣд-

¹⁾ [Профессоръ Викторъ Карусъ обратилъ вниманіе автора на статью Нассе въ „Deutsches Archiv für Physiologie“ Меккеля, т. 2, 1816, стр. I, гдѣ описана эта характерная форма вздоха.]

²⁾ Вышеприведенныя замѣчанія взяты отчасти изъ моихъ собственныхъ наблюденій, но главнымъ образомъ у Грасіоле („De la physionomie“, стр. 53, 337; о вздохѣ—232), который хорошо обработалъ весь этотъ вопросъ. См. также Huschke, „Mimices et Physiognomices, Fragmentum physiologicum“, 1821, стр. 21. О потускнѣнннхъ глазахъ—д-ръ Пидеритъ „Mimik und Physiognomik“, 1867, стр. 65.

³⁾ О дѣйствии горя на органы дыханія, см. особенно у сэра Ч. Беля, „Anatomy of Expression“, 3-е изд., 1844, стр. 151.

Таблица II.
(Къ стр. 102, 103, 104).

1.

3.

2.

4.

5.

6.

7.

ствіе того, что волосы взъерошиваются. Кромѣ того, д-ръ Кривтонъ Брунъ часто замѣчалъ у пациентовъ - меланхоликовъ, которые постоянно держатъ брови наклонно, «своеобразный рѣзкій изгибъ верхняго вѣка». Слѣды такого движенія можно замѣтить при сравненіи праваго и лѣваго вѣкъ у молодого человѣка на фотографіи (рис. 2, табл. II); ибо онъ не былъ въ состояніи дѣйствовать одинаково обѣими бровями. Это показываютъ также неодинаковыя морщины по обѣимъ сторонамъ его лба. Рѣзкій изгибъ вѣкъ зависитъ, какъ я думаю, отъ того, что поднимается только внутренній конецъ бровей; ибо когда приподнята и изогнута вся бровь, то верхнее вѣко въ легкой степени слѣдуетъ тому же движенію.

Но наиболѣе замѣтный результатъ противоположнаго сокращенія вышеупомянутыхъ мышцъ составляютъ своеобразныя морщины, образующіяся на лбу. Эти мышцы, когда онѣ такимъ образомъ дѣйствуютъ одновременно, хотя и въ противоположномъ направленіи, можно ради краткости назвать мышцами горя. Когда человѣкъ поднимаетъ брови, сокращая всю лобную мышцу, поперечныя складки занимаютъ всю ширину лба; но въ настоящемъ случаѣ сокращаются только среднія фасціи; слѣдовательно, поперечныя складки образуются только на средней части лба. Въ то же время кожа надъ внѣшними частями оттягивается внизъ и разглаживается, вслѣдствіе сокращенія внѣшнихъ частей круговыхъ мышцъ. Брови кромѣ того сближаются, благодаря одновременному сокращенію надвигателей ¹⁾; это послѣднее движеніе вызываетъ вертикальныя морщины, которыя отдѣляютъ внѣшнюю, опущенную часть кожи лба отъ центральной, приподнятой части. Сочетаніе этихъ вертикальныхъ морщинъ съ центральными и поперечными (см. рис. 2 и 3) образуетъ на лбу фигуру, которую сравнивали съ подковою; но, точнѣе говоря, морщины представляютъ собою три стороны четырехугольника. Онѣ часто бываютъ отчетливо видны на лбу у взрослыхъ или почти взрослыхъ людей, когда ихъ брови принимаютъ наклонное положеніе; но у маленькихъ дѣтей, вслѣдствіе того, что ихъ кожа нелегко собирается въ морщины, эти складки рѣдко бываютъ видны, или же можно замѣтить только намеки на нихъ.

¹⁾ Въ предшествующихъ замѣчаніяхъ относительно способа, которымъ брови приводятся въ наклонное положеніе, я слѣдовалъ тому, что, повидимому, представляетъ собою общее мнѣніе всѣхъ анатомовъ, въ сочиненіяхъ которыхъ я дѣлалъ справки относительно дѣйствія вышеупомянутыхъ мышцъ, или съ которыми я разговаривалъ. Поэтому во всемъ этомъ сочиненіи я буду придерживаться такого же взгляда на дѣйствіе мышцъ *corrugator supercilii, orbicularis pyramidalis nasi* и *frontalis*. Но д-ръ Дюшенъ полагаетъ (и всѣ заключенія, къ которымъ онъ приходитъ, заслуживаютъ серьезнаго разсмотрѣнія), что мышца *corrugator*, которую онъ называетъ *sourcilier*, поднимаетъ внутренній уголъ бровей и что дѣйствіе ея противоположно дѣйствію верхней и внутренней части круговой мышцы, а также дѣйствію *pyramidalis nasi* (см. „Mécanisme de la phys. humaine“, 1862, in-folio, art. V, текстъ и рисунки 19—29; изд. in 8°, 1862, текстъ на стр. 43). Впрочемъ онъ допускаетъ, что *corrugator* сближаетъ брови, вызывая вертикальныя морщины надъ переносицей, или нахмуриванье. Далѣе, онъ полагаетъ, что на разстояніи двухъ внѣшнихъ третей брови *corrugator* дѣйствуетъ совмѣстно съ верхнею круговою мышцею: обѣ онѣ здѣсь протнводѣйствуютъ лобной мышцѣ. По рисункамъ Генле я не могу понять (гравюра, фиг. 3), какимъ образомъ *corrugator* можетъ дѣйствовать такъ, какъ описываетъ Дюшенъ. См. объ этомъ вопросѣ также замѣчанія профессора Дондерса въ „Archives of Medicine“, 1870, т. V, стр. 34. М-ръ Вудъ, который такъ извѣстенъ своимъ тщательнымъ изученіемъ мышцъ человѣческаго тѣла, сообщаетъ мнѣ, что онъ считаетъ мое описаніе дѣйствія *corrugator* правильнымъ. Но этотъ вопросъ не представляетъ важности въ отношеніи того выраженія, которое вызывается наклоннымъ положеніемъ бровей, и не играетъ большой роли въ теоріи его происхожденія.

Эти своеобразныя морщины лучше всего изображены на фиг. 3, табл. II, на лбу одной молодой дамы, которая въ необычайной мѣрѣ обладаетъ способностью произвольно приводить эти мышцы въ дѣйствіе. Такъ какъ она была поглощена своимъ усиленіемъ, пока ее фотографировали, то ея выраженіе вовсе не изображало горя; поэтому я привелъ только лобъ. Фиг. 1 на той же таблицѣ, заимствованная изъ сочиненія д-ра Дюшена ¹⁾, изображаетъ, въ уменьшенномъ масштабѣ, лицо одного молодого человѣка, который былъ хорошимъ актеромъ, въ его естественномъ состояніи. На фиг. 2 онъ представленъ изображающимъ горе, но его брови, какъ замѣчено раньше, испытываютъ неодинаковое дѣйствіе. Что это выраженіе правильно, можно заключить изъ того факта, что изъ пятнадцати лицъ, которымъ былъ показанъ оригинальный снимокъ, безъ всякаго указанія на его предполагаемый смыслъ, четырнадцать тотчасъ же отвѣтили: «безотрадная печаль», «терпѣливое страданіе», «меланхолія» и такъ далѣе. Исторія фиг. 5 довольно любопытна: я увидаль этотъ портретъ въ окнѣ магазина и отнесъ его къ м-ру Реджлендеру, чтобы узнать, кто его сдѣлалъ; при этомъ я замѣтилъ ему, что выраженіе чрезвычайно патетично. Онъ отвѣтилъ: «Этотъ портретъ сдѣлалъ я, и онъ не могъ не быть патетическимъ, потому что мальчикъ черезъ нѣсколько минутъ разразился плачемъ». Потомъ онъ показалъ мнѣ портретъ того же мальчика въ спокойномъ состояніи, который воспроизведенъ здѣсь (фиг. 4). На фиг. 6 можно замѣтить намекъ на наклонное положеніе бровей; но этотъ снимокъ, а также фиг. 7, приведены для того, чтобы показать опусканіе угловъ рта, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь.

Лишь немногіе люди, безъ предварительнаго упражненія, могутъ произвольно приводить въ дѣйствіе мышцы горя; но послѣ нѣсколькихъ попытокъ, значительному числу это удастся, другіе же никогда не могутъ этого сдѣлать. Степень наклоненія бровей, какъ произвольнаго, такъ и безсознательнаго, у разныхъ людей весьма различна. У нѣкоторыхъ, повидимому, имѣющихъ необыкновенно сильныя пирамидальныя мышцы, сокращеніе центральныхъ фасцій лобной мышцы, хотя бы и энергичное, какъ показываютъ четырехугольныя морщины на лбу, не поднимаетъ внутреннихъ концовъ бровей, но только не даетъ имъ опуститься настолько, насколько онѣ опустились бы безъ этого сокращенія. Насколько мнѣ удалось наблюдать, мышцы горя гораздо чаще приходятъ въ дѣйствіе у дѣтей и у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ. Онѣ рѣдко приходятъ въ дѣйствіе, по крайней мѣрѣ у взрослыхъ людей, отъ тѣлесной боли, но почти исключительно отъ душевнаго огорченія. Два лица, которымъ послѣ нѣ котораго упражненія удалось привести въ дѣйствіе мышцы горя, нашли, глядя въ зеркало, что когда они ставятъ брови наклонно, они невольно въ то же время опускаютъ углы рта; это часто бываетъ, когда мы естественнымъ образомъ принимаемъ это выраженіе.

Способность легко приводить мышцы горя въ дѣйствіе, повидимому, наследственна, подобно почти всѣмъ другимъ человѣческимъ способностямъ. Одна дама, изъ семьи, знаменитой тѣмъ, что изъ нея вышло необыкновенно много великихъ актеровъ и актрисъ, и которая сама мо-

1) Я весьма обязанъ д-ру Дюшену за то, что онъ позволилъ воспроизвести посредствомъ гелиографуры эти два портрета (фиг. 1 и 2) изъ его сочиненія in-folio. Многія изъ предшествующихъ замѣчаній относительно сморщиванія кожи при наклонномъ положеніи бровей, заимствованы изъ его превосходныхъ разсужденій объ этомъ предметѣ.

жетъ принимать это выраженіе «съ удивительной точностью», говорила д-ру Кричтону Броуну, что всѣ члены ея семьи обладали этою способностью въ замѣчательной степени. Та же самая наслѣдственная склонность, говорятъ, распространилась, какъ я тоже слышалъ отъ д-ра Броуна, на послѣдняго потомка семьи, которая послужила темою для романа Вальтера Скотта «Красная перчатка»; но въ немъ описывается, что у героя на лбу появлялась фигура въ видѣ подковы при всякомъ сильномъ душевномъ движеніи. Я видѣлъ также молодую женщину, лобъ которой, казалось, почти всегда былъ такъ сокращенъ, независимо отъ того, испытывала ли она въ то время какое-нибудь душевное движеніе.

Мышцы горя не очень часто приходятъ въ дѣйствіе; а такъ какъ движеніе ихъ часто бываетъ мгновеннымъ, то легко ускользаетъ отъ наблюденія. Хотя, наблюдая это выраженіе, всѣ тотчасъ же узнаютъ его, какъ выраженіе горя или тревоги, все-таки ни одинъ человекъ изъ тысячи, никогда не изучавшихъ этого вопроса, не будетъ въ состояніи въ точности сказать, какая перемѣна происходитъ въ лицѣ страждущаго. Вѣроятно, по этой причинѣ объ этомъ выраженіи даже не упоминается, насколько я замѣтилъ, ни въ одномъ произведеніи изящной литературы, кромѣ «Красной перчатки» и еще одного романа; сочинительница его, какъ я слышалъ, принадлежитъ къ только-что упомянутому семейству актеровъ; такимъ образомъ она могла обратить специальное вниманіе на этотъ предметъ.

Это выраженіе было знакомъ древнимъ греческимъ скульпторамъ, какъ показываютъ статуи Лаокоона и Арротино; но, по замѣчанію Дюшена, они проводили поперечныя морщины во всю ширину лба, и такимъ образомъ дѣлали большую анатомическую ошибку; то же самое можно сказать про нѣкоторые современные статуи. Впрочемъ, болѣе вѣроятно, что эти удивительно точные наблюдатели намѣренно жертвовали правдой ради красоты, чѣмъ то, что они дѣлали ошибку; ибо четырехугольныя морщины на лбу были бы не очень красивы въ мраморѣ. Это выраженіе, въ своей крайней степени, насколько я могъ прослѣдить, не часто изображается на картинахъ у старыхъ мастеровъ, вѣроятно, по той же причинѣ; но одна дама, которая вполнѣ знакома съ этимъ выраженіемъ, сообщаетъ мнѣ, что въ «Снятіи съ креста» Фра Анджелико, во Флоренціи, оно ясно изображено у одной изъ фигуръ на правой сторонѣ; я могъ бы прибавить нѣсколько другихъ примѣровъ.

Д-ръ Кричтонъ Броунъ, по моей просьбѣ, внимательно слѣдилъ за этимъ выраженіемъ у многочисленныхъ душевнобольныхъ, находящихся на его попеченіи въ пріютѣ въ Вестъ-Райдингѣ; ему знакомы фотографіи Дюшена, изображающія дѣйствіе мышцъ горя. Онъ сообщаетъ мнѣ, что энергичное дѣйствіе этихъ мышцъ можно постоянно видѣть у больныхъ меланхолей, а особенно — у больныхъ ипохондріей; и что постоянныя линіи или морщины, получающіяся отъ привычнаго сокращенія этихъ мышцъ, служатъ характерною чертою фізіономіи у умалишенныхъ, принадлежащихъ къ этимъ двумъ категоріямъ. Д-ръ Броунъ внимательно наблюдалъ для меня въ теченіе значительнаго срока три случая ипохондріи, въ которыхъ мышцы горя были постоянно сокращены. Въ одномъ изъ этихъ случаевъ вдова 51-года воображала, что потеряла всѣ свои внутренности и что все ея тѣло пусто. У нея было выраженіе глубокаго горя, и она по цѣлымъ часамъ мѣрно ударяла полусжатými руками. Мышцы горя были постоянно сокращены, а верхнія вѣки изогнуты. Такое состояніе продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ, потомъ она поправилась и лицо ея приняло естественное выраженіе.

Второй случай представлялъ такія же характерныя черты, съ тѣмъ дополненіемъ, что углы рта были опущены.

М-ръ Патрицъ Найколь тоже любезно наблюдалъ для меня нѣсколько случаевъ въ пріютѣ для умалишенныхъ въ Сессексѣ, и сообщилъ мнѣ всѣ подробности относительно трехъ изъ нихъ; но нѣтъ надобности приводить ихъ здѣсь. М-ръ Найколь заключаетъ изъ своихъ наблюдений надъ пациентами-меланхоликами, что внутренніе концы бровей почти всегда болѣе или менѣе подняты, а морщины на лбу обозначены болѣе или менѣе явственно. У одной молодой женщины было замѣчено, что эти морщины постоянно слегка перебѣгаютъ или двигаются. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ углы рта опускаются, но часто лишь въ слабой степени. Почти всегда можно было наблюдать нѣкоторое различіе въ выраженіи у разныхъ пациентовъ-меланхоликовъ. Вѣки обыкновенно бываютъ опущены, а кожа около ихъ внѣшнихъ угловъ и подъ ними сморщена. Носо-губная складка, которая идетъ отъ ноздрей къ угламъ рта и которая такъ ясно видна у хнычущихъ дѣтей, часто бываетъ явственно обозначена у этихъ пациентовъ.

Хотя у умалишенныхъ мышцы горя часто находятся въ постоянномъ дѣйстви, у людей онѣ иногда безсознательно приходятъ въ мимолетное дѣйствіе отъ причинъ, ничтожныхъ до смѣшнаго. Одинъ господинъ сдѣлалъ молодой дамѣ изъ благодарности подарокъ, до нелѣпости маленькій; она сдѣлала видъ, будто обидѣлась, и когда она стала выговаривать ему, ея брови стали совсѣмъ наклонно, а на лбу образовались соотвѣтствующія морщины. Другая молодая дама и юноша, находясь въ очень веселомъ настроеніи, поспѣшно говорили вмѣстѣ съ необыкновенной быстротою; я замѣтилъ, что всякій разъ какъ молодая дама отставала и не могла сыпать словами достаточно быстро, ея брови наклонно поднимались вверхъ, а на лбу образовались прямоугольныя морщины. Такимъ образомъ она каждый разъ подавала сигналъ тревоги; она сдѣлала это разъ шесть въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Я ничего объ этомъ не сказалъ, но однажды послѣ я попросилъ ее привести въ дѣйствіе мышцы горя; другая дѣвушка, которая при этомъ присутствовала и которая могла дѣлать это произвольно, показала ей въ чемъ дѣло. Первая сдѣлала нѣсколько попытокъ, но онѣ совершенно не удались; а между тѣмъ такой ничтожной причины огорченія какъ невозможность говорить съ желательной быстротою было достаточно, чтобы нѣсколько разъ привести эти мышцы въ энергичное движеніе.

Выраженіе горя, зависящее отъ сокращенія мышцъ горя, отнюдь не ограничивается одними европейцами, но, повидимому, свойственно всѣмъ человѣческимъ расамъ. Я получилъ по крайней мѣрѣ достовѣрныя описанія относительно индусовъ, дангаровъ (одно изъ туземныхъ племенъ въ нагорной части Индіи, слѣдовательно, принадлежащее къ совсѣмъ иной расѣ, чѣмъ индусы), малайцевъ, негровъ и австралійцевъ. Что касается послѣднихъ, то два наблюдателя отвѣчаютъ на мой вопросъ утвердительно, но не входятъ въ подробности. Впрочемъ, м-ръ Теплинъ прибавляетъ къ моимъ описательнымъ замѣчаніямъ слова: «это вѣрно». Что касается негровъ, то дама, которая говорила мнѣ о картинѣ Фра-Анджелико, видѣла негра, который тянулъ лодку на лямкѣ по Нилу; когда ему встрѣтилось препятствіе, она замѣтила, что его мышцы горя пришли въ энергичное дѣйствіе, а середина лба явственно покрылась морщинами. М-ръ Гичъ наблюдалъ одного малайца на Малаккѣ, у котораго углы рта очень опустились, брови стояли наклонно, а на лбу образовались глубокия, короткія борозды. Это выраженіе длилось очень короткое

время; м-ръ Гичъ замѣчаетъ, что это было «очень странное выраженіе, весьма похожее на лицо человѣка, готоваго заплакать отъ какой-нибудь большой утраты».

Въ Индіи м-ръ Эрскинъ нашель, что туземцамъ знакомо это выраженіе, а м-ръ Скоттъ, изъ ботаническаго сада въ Калькуттѣ, любезно прислалъ мнѣ подробное описаніе двухъ случаевъ. Онъ нѣкоторое время слѣдилъ, не будучи замѣченнымъ, за очень молодой женщиной-дангаркой, женой одного изъ садовниковъ, которая няньчила своего умиравшаго ребенка; онъ ясно видѣлъ, что внутренніе углы бровей были приподняты, вѣки опущены, лобъ въ срединѣ сморщенъ, ротъ слегка раскрытъ, а углы его очень опущены. Потомъ онъ вышелъ изъ-за закрывавшихъ его растений и заговорилъ съ бѣдной женщиной, которая вздрогнула, залилась горькими слезами и стала умолять его вылѣчить ребенка. Вторымъ примѣромъ послужилъ мужчина-индусъ, который вслѣдствіе болѣзни и бѣдности былъ вынужденъ продать любимую козу. Получивъ деньги, онъ нѣсколько разъ посмотрѣлъ на нихъ, держа ихъ въ рукѣ, а потомъ на козу, какъ бы раздумывая, не вернуть ли ему деньги. Онъ подошелъ къ козѣ, которую уже привязали, чтобы увести ее, и животное поднялось на заднія ноги и стало лизать ему руки. Тогда его глаза забѣгали изъ стороны въ сторону, его «ротъ былъ не вполне закрытъ, а углы его очень замѣтно опустились». Наконецъ, повидимому, бѣднякъ рѣшилъ, что ему необходимо разстаться съ козою, и тогда, какъ видѣлъ м-ръ Скоттъ, его брови приняли слегка наклонное положеніе, у внутреннихъ концовъ ихъ образовалось характерное утолщеніе или вздутіе, но морщинъ на лбу не было. Этотъ человѣкъ простоялъ такъ съ минуту, потомъ глубоко вздохнулъ, залился слезами, поднялъ руки, благословилъ козу, повернулся и ушелъ, не оглядываясь.

О причинѣ наклоннаго положенія бровей при страданіи. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ни одно выраженіе не представлялось мнѣ такимъ запутаннымъ, какъ то, которое мы здѣсь разсматриваемъ. Почему отъ горя или тревоги сокращаются только центральныя фасціи лобной мышцы, вмѣстѣ съ мышцами вокругъ глазъ? Мы здѣсь какъ будто имѣемъ сложное движеніе, происходящее только для того, чтобы выражать горе; а между тѣмъ это выраженіе бываетъ сравнительно рѣдко и часто остается незамѣченнымъ. Я думаю, что дать объясненіе не такъ трудно, какъ сначала кажется. Д-ръ Дюшенъ приводитъ портретъ вышеупомянутаго молодого человѣка, который, глядя вверхъ на ярко освѣщенную поверхность, невольно сокращалъ мышцы горя преувеличеннымъ образомъ. Я совсѣмъ позабылъ объ этомъ портретѣ, когда однажды въ очень ясный день, ѣдучи верхомъ спиною къ солнцу, я встрѣтилъ дѣвочку, у которой брови, когда она подняла на меня глаза, приняли чрезвычайно наклонное положеніе, а на лбу образовались соответствующія морщины. Послѣ того я нѣсколько разъ наблюдалъ такое же движеніе при сходныхъ обстоятельствахъ. Вернувшись домой, я заставилъ троихъ своихъ дѣтей, не давая имъ никакихъ объясненій, смотрѣть какъ можно дольше и внимательнѣе на верхушку высокаго дерева, которая выдѣлялась на фонѣ очень яснаго неба. У всѣхъ троихъ круговые надвигатели бровей и пирамидальныя мышцы энергично сократились, вслѣдствіе рефлекторнаго дѣйствія, отъ раздраженія сѣтчатки, чтобы защитить глаза отъ яркаго свѣта. Но они напрягали всѣ силы, чтобы смотрѣть вверхъ; теперь можно было наблюдать любопытную борьбу, съ судорожными подергиваніями, между всею лобною мышцею или только ея центральною частью — съ

одной стороны, и различными мышцами, которыя служатъ для опусканія бровей и закрыванія вѣкъ,—съ другой. Отъ невольнаго сокращенія пирамидальной мышцы часть носа у переносицы покрылась глубокими поперечными морщинами. У одного изъ троихъ дѣтей всѣ брови мгновенно поднимались и опускались отъ поочереднаго сокращенія всей лобной мышцы и мышцъ, окружающихъ глазъ, такъ что лобъ во всю ширину то сморщивался, то разглаживался. У двоихъ другихъ дѣтей лобъ сморщился только въ средней части, вслѣдствіе чего образовались прямоугольныя морщины; брови же стали наклонно, при чемъ ихъ внутренніе концы собрались вмѣстѣ и вздулись,—у одного ребенка въ слабой степени, а у другого — въ рѣзко выраженной формѣ. Это различіе въ степени наклоненія бровей, повидимому, зависѣло отъ различія въ ихъ подвижности вообще и отъ силы пирамидальныхъ мышцъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ брови и лобъ подвергались дѣйствию подъ влияніемъ сильнаго свѣта, при чемъ всѣ характерныя частности были совершенно тождественны съ тѣми, какія бываютъ подъ влияніемъ горя или тревоги.

Дюшенъ утверждаетъ, что пирамидальная мышца носа менѣе подчинена контролю воли, чѣмъ другія мышцы вокругъ глазъ. Онъ замѣчаетъ, что молодой человекъ, который могъ такъ хорошо приводить въ дѣйствіе мышцы горя, а также большую часть другихъ лицевыхъ мышцъ, не могъ сократить пирамидальныя ¹⁾. Впрочемъ, эта способность у разныхъ людей безъ сомнѣнія различна. Пирамидальная мышца служитъ для оттягиванія внизъ кожи лба между бровями, вмѣстѣ съ ихъ внутренними концами. Центральныя фасціи лобной мышцы противодѣйствуютъ пирамидальной; и если дѣйствіе послѣдней специальнымъ образомъ сдерживается, то эти центральныя фасціи непременно сократятся. Такимъ образомъ, если люди, имѣющіе сильныя пирамидальныя мышцы, подъ влияніемъ яркаго свѣта безсознательно желаютъ воспрепятствовать опусканію бровей, то центральныя фасціи лобной мышцы должны придти въ дѣйствіе, и ихъ сокращеніе, если оно достаточно сильно, чтобы преодолѣть пирамидальныя, вмѣстѣ съ сокращеніемъ надвигателя и круговой мышцы, окажетъ на брови и лобъ только что описанное дѣйствіе ²⁾.

Когда дѣти кричатъ или плачутъ, они сокращаютъ, какъ мы знаемъ, круговую,—надвигателя и пирамидальную мышцы, первоначально для того, чтобы сжать глаза и такимъ образомъ предохранить ихъ отъ переполненія кровью, а во-вторыхъ—по привычкѣ. Поэтому я ожидалъ найти у дѣтей, что, когда они стараются или предупредить приближающійся приступъ плача, или перестать плакать, они будутъ сдерживать сокращеніе вышеназванныхъ мышцъ совершенно такъ же, какъ они дѣлаютъ, глядя вверхъ на яркій свѣтъ, и что, слѣдовательно, центральныя фасціи лобной мышцы будутъ часто приходиться въ дѣйствіе. Поэтому я началъ самъ наблюдать дѣтей въ такія минуты и просилъ другихъ, въ томъ числѣ нѣкоторыхъ врачей, дѣлать то же самое. Необходимо наблюдать тщательно, такъ какъ своеобразное противоположное дѣйствіе этихъ мышцъ у дѣтей далеко не такъ явственно, какъ у взрослыхъ, вслѣдствіе того, что на ихъ лбахъ нелегко образуются морщины. Но я вскорѣ нашелъ, что мышцы горя въ этихъ случаяхъ очень часто приходятъ въ

1) „Mécanisme de la phys. humaine“. Album, стр. 15.

2) [Д-ръ Кинъ имѣлъ случай гальванизировать мышцы у преступника тотчасъ же послѣ того, какъ онъ былъ казненъ черезъ повѣшеніе. Его опыты подтверждаютъ заключеніе, что *pyramidalis nrisi* „прямо противодѣйствуетъ центральной части occipito-frontalis и наоборотъ“. См. Кинъ, „Transactions of the College of Physicians of Philadelphia“, 1875, стр. 104.]

явственное дѣйствіе. Было бы излишнимъ приводить всѣ случаи, которые были наблюдаемы; я опишу лишь нѣкоторые изъ нихъ. Одну полторагодовалую дѣвочку дразнили другія дѣти, и, прежде чѣмъ она расплакалась, ея брови явственно приняли наклонное положеніе. У одной дѣвочки постарше было замѣчено такое же наклонное положеніе, при чемъ внутренніе концы бровей явственно образовали складку, въ то же время углы рта были оттянуты внизъ. Какъ только она разразилась слезами, всѣ черты измѣнились, и это своеобразное выраженіе исчезло. Далѣе, одному маленькому мальчику, послѣ прививки оспы, во время которой онъ громко кричалъ и плакалъ, врачъ далъ апельсинъ, нарочно принесенный съ этою цѣлью, что очень понравилось ребенку; когда онъ пересталъ плакать, на его лицѣ были замѣчены всѣ характерныя движенія, включая и образованіе прямоугольныхъ морщинъ посрединѣ лба. Наконецъ, я встрѣтилъ на дорогѣ дѣвочку лѣтъ трехъ или четырехъ, которая испугалась собаки; когда я спросилъ ее, что съ нею, она перестала хныкать, и ея брови тотчасъ же въ чрезвычайно рѣзкой степени приняли наклонное положеніе.

Итакъ, здѣсь, какъ мнѣ представляется несомнѣннымъ, мы имѣемъ ключъ къ задачѣ, почему центральныя фасціи лобной мышцы и мышцы вокругъ глазъ сокращаются въ противоположномъ другъ другу смыслѣ подъ вліяніемъ горя, — будетъ ли ихъ сокращеніе продолжительнымъ, какъ у больныхъ меланхоліей, или мгновенно, отъ какой-нибудь незначительной причины огорченія. Всѣ мы въ малолѣтствѣ много разъ сокращали круговыя, — надвигатели и пирамидальныя мышцы, чтобы защитить глаза при крикѣ; наши предки раньше насъ дѣлали то же самое въ теченіе многихъ поколѣній; хотя съ годами мы при огорченіи легко удерживаемся отъ криковъ, но вслѣдствіе долгой привычки не всегда можемъ устранить легкое сокращеніе мышцъ, названныхъ выше; если это сокращеніе незначительно, мы даже не замѣчаемъ его у самихъ себя и не стараемся сдержать его. Но пирамидальныя мышцы, повидимому, менѣе подчинены волѣ, чѣмъ другія близкія ей мышцы; и если онѣ хорошо развиты, то ихъ сокращеніе можетъ быть задержано только противодѣйствующимъ сокращеніемъ центральныхъ фасцій лобной мышцы. Неизбѣжнымъ результатомъ этого, если фасціи сокращаются энергично, является наклонное оттягиваніе бровей вверхъ, образованіе складокъ на ихъ внутреннихъ концахъ и образованіе прямоугольныхъ морщинъ на срединѣ лба. Такъ какъ дѣти и женщины плачутъ гораздо легче, чѣмъ — мужчины, и такъ какъ взрослые люди обоего пола рѣдко плачутъ иначе какъ отъ душевнаго огорченія, то намъ понятно, почему мышцы горя чаще можно видѣть въ дѣйствіи, какъ мнѣ кажется, у дѣтей и у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ, а у взрослыхъ людей и того и другого пола только при душевномъ огорченіи. Въ нѣкоторыхъ изъ вышеописанныхъ случаяхъ, напримѣръ, въ описаніи бѣдной женщины-дангарки и индуса, за дѣйствіемъ мышцы горя быстро послѣдовали горькія слезы. Во всѣхъ случаяхъ огорченія, какъ большого, такъ и малаго, нашъ мозгъ вслѣдствіе долгой привычки имѣетъ стремленіе послать приказъ опредѣленнымъ мышцамъ сократиться, какъ будто мы все еще младенцы, готовые закричать; но благодаря удивительной силѣ воли и вслѣдствіе привычки мы можемъ отчасти противодѣйствовать этому приказу, хотя это производится безсознательно, поскольку идетъ рѣчь о способѣ противодѣйствія.

Объ отпусканіи угловъ рта. Это движеніе производится мышцами *depressores anguli oris* (см. букву К на рис. 1 и 2). Волокна этой мышцы рас-

ходятся внизъ, а верхніе сходяшіеся концы прикрѣплены вокругъ угловъ рта и къ нижней губѣ, нѣсколько отступя отъ угловъ по направленію къ серединѣ¹⁾. Нѣкоторыя изъ волоконъ, повидимому, противодѣйствуютъ мышцѣ *zygomaticus major*, а другія—различнымъ мышцамъ, идущимъ къ внѣшней части верхней губы. Сокращеніе этой мышцы оттягиваетъ внизъ и кнаружи углы рта, включая внѣшнюю часть верхней губы, и даже въ легкой степени крылья ноздрей. Когда ротъ закрытъ, а эта мышца дѣйствуетъ, то губная спайка или линія соединенія обѣихъ губъ образуетъ изогнутую черту, обращенную вогнутою стороною внизъ²⁾, а самыя губы обыкновенно немного оттопыриваются, особенно нижняя. Ротъ въ этомъ положеніи хорошо изображенъ на двухъ фотографіяхъ (таблица II, фиг. 6 и 7), сдѣланныхъ Реджендеромъ. Мальчикъ наверху (фиг. 6) только что пересталъ плакать отъ удара по лицу, полученнаго отъ другого мальчика; для фотографированія былъ схваченъ надлежащей моментъ.

Выраженіе упадка духа, горя или унынія, получающееся отъ сокращенія этой мышцы, было замѣчено всѣми писавшими объ этомъ вопросѣ. Сказать про человѣка, что у него «ротъ опущенъ» (*is down in the mouth*) и сказать, что онъ разстроенъ,—синонимы. Какъ я уже указывалъ, ссылаясь на авторитетъ Кричтона Броуна и Найколя, опусканіе угловъ рта можно часто видѣть у страдающихъ мелахонліей; оно было хорошо видно на нѣсколькихъ портретахъ, присланныхъ мнѣ названными врачами; портреты были сняты съ пациентовъ, имѣвшихъ сильную склонность къ самоубійству. Опусканіе угловъ рта было замѣчено у людей, принадлежащихъ къ различнымъ расамъ, а именно, у индусовъ, у темнокожихъ нагорныхъ племенъ Индіи, у малайцевъ и, какъ мнѣ сообщаетъ Хегеноръ, у австралійскихъ туземцевъ.

Когда дѣти кричатъ, они съ силою сокращаютъ мышцы вокругъ глазъ, отчего верхняя губа оттягивается вверхъ; а такъ какъ они вынуждены держать ротъ широко раскрытымъ, то опускающія мышцы, идущія къ угламъ его, тоже приходятъ въ энергичное дѣйствіе. Обыкновенно, но не неизмѣнно, вслѣдствіе этого нижняя губа съ обѣихъ сторонъ, близъ угловъ рта, получаетъ легкой угловатый изгибъ. Въ результатъ такого движенія верхней и нижней губы ротъ принимаетъ очертаніе, близкое къ четырехугольнику. Сокращеніе опускающей мышцы лучше всего видно у маленькихъ дѣтей, когда они кричатъ несильно, а особенно передъ самымъ началомъ плача или при окончаніи его. Ихъ личико принимаетъ тогда крайне жалобное выраженіе, какъ я постоянно наблюдалъ у моихъ собственныхъ дѣтей въ возрастѣ отъ шести недѣль до двухъ-трехъ мѣсяцевъ. Иногда, когда они борются съ приступомъ плача, очертанія рта изгибаются преувеличеннымъ образомъ и становятся похожими на подкову; выраженіе горя становится тогда смѣхотворной карикатурой.

Объясненіе сокращенія этой мышцы подъ вліяніемъ упадка духа или унынія, повидимому, вытекаетъ изъ тѣхъ же общихъ принциповъ, какъ и объясненіе наклоннаго положенія бровей. Д-ръ Дюшенъ сообщаетъ мнѣ свое заключеніе, выведенное изъ его наблюденій, которыя онъ производилъ въ теченіе многихъ лѣтъ; по его словамъ, это—одна изъ тѣхъ лицевыхъ мышць, которыя наименѣе подчинены контролю воли. Этотъ фактъ дѣйствительно можно вывести изъ того, что сейчасъ было указано

1) Генле „*Handbuch der Anat. des Menschen*“, 1858, т. I, стр. 148, рис. 68 и 69.

2) См. описаніе дѣйствія этой мышцы у д-ра Дюшена „*Mécanisme de la physiologie humaine*“, Album, (1862), VIII, стр. 34.

относительно дѣтей, когда они нерѣшительно начинаютъ плакать или стараются перестать плакать; ибо въ это время они обыкновенно успѣшнѣе управляютъ всѣми другимъ лицевыми мышцами, чѣмъ опускающими мышцами угловъ рта. Два превосходныхъ наблюдателя, изъ которыхъ одинъ — врачъ, не имѣвшие никакой теоріи относительно этого вопроса, внимательно слѣдили для меня за нѣсколькими дѣтьми постарше и за женщинами, когда онѣ, послѣ нѣкотораго сопротивленія, очень постепенно приближались къ тому, чтобы разразиться слезами; оба наблюдателя увѣрены, что опускающія мышцы приходили въ дѣйствіе раньше всѣхъ другихъ. А такъ какъ опускающія мышцы много разъ приходили въ энергичное дѣйствіе во время дѣтства у многихъ поколѣній, то нервная сила, по принципу долговременной ассоциированной привычки имѣетъ стремленіе притекать къ этимъ мышцамъ, а также къ различнымъ другимъ лицевымъ мышцамъ всякій разъ, когда въ послѣдующей жизни мы испытываемъ даже легкое чувство огорченія. Но такъ какъ опускающія мышцы нѣсколько менѣе подчинены волѣ, чѣмъ большинство другихъ, то мы можемъ ожидать, что онѣ часто будутъ слегка сокращаться, тогда какъ другія останутся пассивными. Замѣчательно, какое незначительное опусканіе угловъ рта придаетъ лицу выраженіе упадка духа или унынія; весьма незначительнаго сокращенія этихъ мышцъ достаточно, чтобы выдать такое душевное состояніе.

Здѣсь можно упомянуть объ одномъ незначительномъ наблюденіи, потому что оно поможетъ подвести итоги настоящему предмету. Въ вагонѣ желѣзной дороги почти противъ меня сидѣла старушка, лицо которой имѣло спокойное, хотя озабоченное выраженіе. Пока я смотрѣлъ на нее, я замѣтилъ, что ея *depressores anguli oris* весьма слабо, однако же несомнѣнно сократились; но такъ какъ ея лицо оставалось попрежнему спокойнымъ, я подумалъ, какъ бессмысленно это сокращеніе и какъ легко ошибиться. Едва эта мысль пришла мнѣ въ голову, я увидалъ, что ея глаза внезапно наполнились слезами, такъ что онѣ почти вылились черезъ край, и все ея лицо вытянулось. Теперь уже не могло быть сомнѣнія, что въ душѣ ея проходило какое-нибудь мучительное воспоминаніе, можетъ быть, о давно утраченномъ ребенкѣ. Какъ только ея чувствующие центры испытали дѣйствіе, извѣстныя нервныя клѣточки въ дѣйствіе долгой привычки мгновенно передали приказъ всѣмъ дыхательнымъ мышцамъ и мышцамъ вокругъ рта, чтобы онѣ приготовились къ приступу плача. Но воля или, скорѣе, привычка, пріобрѣтенная позже, отмѣнила этотъ приказъ, и всѣ мышцы повиновались, кромѣ легкаго неповиновенія *depressores anguli oris*. Ротъ даже не раскрылся, дыханіе не ускорилося; ни одна мышца не пришла въ дѣйствіе, кромѣ тѣхъ, которыя оттягиваютъ внизъ углы рта.

Какъ только ротъ этой дамы невольно и безсознательно съ ея стороны, сталъ принимать форму, соотвѣтствующую приступу плача, мы можемъ быть почти увѣрены, что какое-то нервное вліяніе было передано по давно привычнымъ путямъ къ различнымъ дыхательнымъ мышцамъ, а также мышцамъ вокругъ глазъ и сосудодвигательнымъ центрамъ, которые управляютъ притокомъ крови, посылаемой слезнымъ железамъ. Дѣйствительно, мы имѣемъ ясное доказательство этого послѣдняго факта въ томъ, что ея глаза слегка наполнились слезами; мы можемъ понять это, такъ какъ слезныя железы менѣе подчинены контролю воли, чѣмъ лицевыя мышцы. Безъ сомнѣнія, въ то же время существовало нѣкото-

рое стремленіе сократить мышцы вокругъ глазъ, какъ бы для защиты ихъ отъ переполненія кровью, но это сокращеніе было вполнѣ задержано и ея лобъ остался гладкимъ. Если бы ея пирамидальные надвигатели и круговыя мышцы такъ же мало повиновались волѣ, какъ у многихъ людей, то онѣ слегка пришли бы въ дѣйствіе; тогда центральныя фасціи лобной мышцы сократились бы въ противодѣйствіе имъ, и ея брови приняли бы наклонное положеніе при прямоугольныхъ морщинахъ на лбу. Тогда лицо ея еще явственнѣе, чѣмъ теперь, выражало бы состояніе унынія или, скорѣе, горя.

При помощи такихъ градацій мы можемъ понять, почему, какъ только въ мозгу появится какая-нибудь грустная мысль, происходитъ едва замѣтное оттягиваніе угловъ рта внизъ или легкое приподниманіе внутреннихъ концовъ бровей, или оба эти движенія одновременно, а непосредственно вслѣдъ за ними—легкое выступленіе слезъ. Токъ нервной силы передается по нѣсколькимъ привычнымъ путямъ и вызываетъ дѣйствіе во всѣхъ пунктахъ, гдѣ воля не приобрѣла, вслѣдствіе долговременной привычки, большой силы вмѣшательства. Вышеописанныя движенія можно разсматривать какъ зачаточные слѣды приступовъ плача, которые такъ часты и такъ продолжительны во младенчествѣ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, поистинѣ удивительны звенья, которыя связываютъ причину и слѣдствіе, вызывая различныя выраженія на человѣческомъ лицѣ; они объясняютъ намъ смыслъ нѣкоторыхъ движеній, которыя мы производимъ невольно и безсознательно всякій разъ, какъ черезъ нашъ мозгъ проходятъ нѣкоторыя мимолетныя эмоціи.

ГЛАВА VIII.

Радость, веселость, любовь, нѣжныя чувства, благоговѣніе.

Смѣхъ, какъ первоначальное выраженіе радости.—Смѣшныя представленія—Движенія чертъ лица при смѣхѣ.—Характеръ издаваемого звука.—Выдѣленіе слезъ при громкомъ смѣхѣ.—Промежуточныя ступени между громкимъ смѣхомъ и слабой улыбкой—Веселость.—Выраженіе любви.—Нѣжныя чувства.—Благоговѣніе.

Радость, когда она бываетъ порывиста, вызываетъ различныя безцѣльныя движенія: пляску, хлопанье въ ладоши, топанье ногами и т. д., и громкій смѣхъ. Повидимому, смѣхъ является первоначально просто выраженіемъ радости или счастья. Мы ясно видимъ это у играющихъ дѣтей, которыя смѣются почти непрерывно. У молодыхъ людей, уже вышедшихъ изъ дѣтскаго возраста, когда они очень веселы, всегда бываетъ много безсмысленнаго смѣха. Гомеръ описываетъ смѣхъ боговъ, какъ «избытокъ ихъ небесной радости послѣ повседнежнаго пира». Человѣкъ улыбается (а улыбка, какъ мы увидимъ, постепенно переходитъ въ смѣхъ), встрѣтивъ на улицѣ стараго друга; онъ дѣлаетъ то же самое при всякомъ незначительномъ удовольствіи, напримѣръ, когда онъ вдыхаетъ пріятный запахъ ¹⁾. Лаура Бриджманъ, будучи слѣпою и глухою, не могла приобрѣсти никакого выраженія путемъ подражанія, а между тѣмъ, когда ей сообщали при помощи условныхъ знаковъ письмо отъ любимаго друга,

1) Гербертъ Спенсеръ „Essays Scientific“ и т. д., 1858, стр. 360.

она «смѣялась и хлопала въ ладоши, а на щекахъ ея появлялся румянецъ». Въ другихъ случаяхъ было замѣчено, что она топала ногами отъ радости ¹⁾.

Идіоты и слабоумные тоже служатъ хорошимъ доказательствомъ, что смѣхъ или улыбка первоначально выражаютъ только счастье или радость. Д-ръ Кричтонъ Броунъ, которому здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, я обязанъ за результаты его широкаго опыта, сообщаетъ мнѣ, что у идіотовъ смѣхъ является наиболѣе распространеннымъ и частымъ изъ всѣхъ эмоциональныхъ выражений. Многіе идіоты угрюмы, возбуждены, беспокойны, находятся въ тягостномъ настроеніи или совершенно безучастны,—такіе никогда не смѣются. Другіе же часто смѣются совершенно бессмысленно. Такъ одинъ мальчикъ-идіотъ, не способный къ рѣчи, при помощи знаковъ жаловался д-ру Броуну, что другой мальчикъ въ пріютѣ подбилъ ему глазъ; разсказъ сопровождался «взрывами смѣха и его лицо сіяло широкою улыбкою». Есть еще обширная категорія идіотовъ, которые постоянно радостны и добродушны, и которые постоянно смѣются или улыбаются ²⁾. На ихъ лицахъ часто лежитъ стереотипная улыбка; ихъ радостное настроеніе усиливается, и они осклабляются, усмѣхаются или хихикаютъ, когда передъ ними ставятъ пищу или когда ихъ ласкаютъ, показываютъ имъ яркіе цвѣта, или когда они слышатъ музыку. Нѣкоторые изъ нихъ смѣются сильнѣе обыкновеннаго, когда ходятъ или пробуютъ произвести мускульное усиліе. Веселость большинства идіотовъ, по замѣчанію д-ра Броуна, не можетъ быть ассоцірована ни съ какими опредѣленными идеями,—они просто чувствуютъ удовольствіе и выражаютъ его смѣхомъ или улыбками. У слабоумныхъ, стоящихъ нѣсколько выше, самой обыкновенной причиною смѣха, повидимому, бываетъ самодовольство, а затѣмъ—удовольствіе, которое они испытываютъ, когда ихъ поведеніе одобряютъ.

У взрослыхъ людей смѣхъ вызывается причинами, значительно отличающимися отъ тѣхъ, которыхъ бываетъ достаточно въ дѣтствѣ; но это замѣчаніе почти не относится къ улыбкѣ. Въ этомъ отношеніи смѣхъ аналогиченъ плачу, который у взрослыхъ почти ограниченъ душевными огорченіями, тогда какъ у дѣтей его одинаково вызываетъ и тѣлесная боль, и какое-нибудь страданіе, и страхъ или ярость. О причинахъ смѣха у взрослыхъ людей написано много любопытныхъ разсужденій. Этотъ вопросъ крайне сложенъ. Самой обыкновенной причиною повидимому бываетъ что-нибудь нелѣпое или необъяснимое, возбуждающее удивленіе и чувство нѣкотораго превосходства у смѣющагося, который долженъ находиться въ радостномъ настроеніи ³⁾. Обстоятельства не должны представлять большой важности,—ни одинъ бѣднякъ не засмѣется и не улыбнется, внезапно услышавъ, что ему завѣщено большое состояніе. Если духъ сильно возбужденъ пріятными чувствами и если случится маленькое неожиданное происшествіе или придетъ неожиданная мысль, тогда, какъ замѣчаетъ Гербертъ Спенсеръ ⁴⁾, «большое количество нервной энергіи, которому не даютъ расходоваться на образование равнозначащаго количества новыхъ мыслей и эмоцій, которыя зарождались, вне-

¹⁾ Либеръ о голосовыхъ звукахъ у Лауры Бриджманъ „Smithsonian Contributions“ 1851, т. II, стр. 6.

²⁾ См. также Маршалъ въ „Phil. Transact.“, 1864, стр. 526.

³⁾ Бенъ („The Emotions and the Will“, 1865, стр. 247) подробно и интересно разсуждаетъ о смѣшномъ. Приведенная выше цитата относительно смѣха боговъ взята изъ этого сочиненія. См. также Мандевиль, „The Fable of the Bees“, т. II, стр. 168.

⁴⁾ „The Physiology of Laughter“. Очерки, вторая серія, 1863, стр. 114.

запно задерживается въ своемъ теченіи» . . . . «Этотъ избытокъ долженъ вылиться въ какомъ-нибудь другомъ направленіи, и получается оттокъ по двигательнымъ нервамъ къ различнымъ категоріямъ мышцъ, вызывающій полусудорожныя движенія, которыя мы называемъ смѣхомъ». Одинъ корреспондентъ во время послѣдней осады Парижа сдѣлалъ наблюденіе, относящееся къ этому предмету, — именно, что нѣмецкіе солдаты, послѣ сильнаго возбужденія, испытаннаго при крайней опасности, были особенно склонны къ взрывамъ громкаго хохота отъ малѣйшей шутки. Далѣе, когда маленькія дѣти собираются заплакать, какая-нибудь неожиданность иногда внезапно превращаетъ ихъ плачъ въ смѣхъ, въ который, повидимому, одинаково хорошо можетъ излиться избытокъ ихъ нервной энергіи ¹⁾.

Иногда говорятъ, что смѣшная мысль щекочетъ воображеніе; это такъ называемое щекотаніе ума любопытнымъ образомъ аналогично щекотанію тѣла. Всѣмъ извѣстно, какъ неумѣренно смѣются дѣти и какъ корчится все ихъ тѣло, когда ихъ щекочутъ. Человѣкоподобныя обезьяны, какъ мы видѣли, издаютъ при щекотаніи, особенно подъ мышками, повторный звукъ, соотвѣтствующій нашему смѣху. Я прикоснулся клочкомъ бумаги къ подошвѣ одного изъ моихъ дѣтей, когда ему было только семь дней; нога внезапно отдернулась, а пальцы изогнулись, какъ бываетъ у дѣтей въ болѣе позднемъ возрастѣ. Такія движенія, а также смѣхъ при щекотаніи, очевидно рефлекторныя дѣйствія; это доказывается еще и тѣмъ, что мельчайшія гладкія мышечныя волокна, которыя служатъ для подниманія отдѣльныхъ волосковъ на тѣлѣ, сокращаются близъ поверхности, которую щекочутъ ²⁾. Однако же смѣхъ отъ смѣхотворной мысли, хотя онъ и непроизволенъ, не можетъ быть названъ строго рефлекторнымъ дѣйствіемъ. Въ этомъ случаѣ, а также при смѣхѣ отъ щекотанія, духъ долженъ быть пріятно настроенъ; если маленькаго ребенка станетъ щекотать незнакомый человѣкъ, то онъ закричитъ отъ страха. Прикосновеніе должно быть легкимъ, а мысль или событіе, чтобы быть смѣшными, не должны имѣть большой важности. Легче всего поддаются щекотанію тѣ части тѣла, къ которымъ не прикасаются постоянно, напримѣръ, подъ мышками, или между пальцами ногъ, или же такія части, какъ подошвы, къ которымъ обыкновенно прикасается широкая поверхность; но поверхность, на которой мы сидимъ, представляетъ замѣтное исключеніе изъ этого правила. По словамъ Грасіоле ³⁾, нѣкоторые нервы значительно чувствительнѣе другихъ къ щекотанію. Изъ того факта, что ребенокъ почти не можетъ щекотать самъ себя или можетъ это дѣлать въ гораздо меньшей степени, чѣмъ другой человѣкъ, какъ бы слѣдуетъ, что въ точности не должно быть извѣстно, какой пунктъ испытаетъ прикосновеніе; также и въ умѣ существеннымъ элементомъ смѣшнаго, повидимому, является нѣчто неожиданное, новое или нелѣпое представленіе, нарушающее обычное теченіе мыслей ⁴⁾.

¹⁾ [М-ръ Гинтонъ въ Санъ-Франциско (письмо отъ 15 іюня 1873) пишетъ, что онъ поочередно звалъ криками на помощь и смѣялся, когда былъ одинъ въ очень опасномъ положеніи на скалахъ близъ Золотыхъ Воротъ.]

²⁾ Листеръ въ „Quarterly Journal of Microscopical Science“, 1853, т. I, стр. 266.

³⁾ „De la physiologie“, стр. 186.

⁴⁾ [Дюмонъ („Théorie scientifique de la sensibilité“, 2-е изд., 1877, стр. 202) старается показать, что щекотаніе зависитъ отъ неожиданныхъ измѣненій въ характерѣ прикосновенія; онъ тоже думаетъ, что именно эта неожиданность есть общая причина смѣха какъ при щекотаніи, такъ и отъ смѣшной мысли. Гекеръ („Physiologie und

Таблица III.

(Къ стр. 115).

1.

4.

2.

5.

3.

6.

Звукъ смѣха получается отъ глубокаго вдыханія, за которымъ слѣдуютъ короткія, прерывистыя, судорожныя сокращенія грудной клѣтки и особенно диафрагмы¹⁾. Поэтому и говорятъ «смѣяться, держась за бока». Отъ сотрясенія тѣла голова киваетъ. Нижняя челюсть часто вздрагиваетъ въ направленіи вверхъ и внизъ, что бываетъ также у нѣкоторыхъ видовъ павиановъ, когда они очень довольны.

При смѣхѣ ротъ раскрывается болѣе или менѣе широко, углы его сильно оттягиваются назадъ, а также немного вверхъ; верхняя губа нѣсколько приподнимается. Оттягиваніе угловъ рта назадъ лучше всего видно при умѣренномъ смѣхѣ, а особенно при широкой улыбкѣ—последній эпитетъ показываетъ, насколько расширяется ротъ. На прилагаемыхъ фиг. 1—3, таблица III, сфотографированы различныя степени умѣреннаго смѣха и улыбки. Портретъ дѣвочки въ шляпѣ сдѣланъ д-ромъ Уолличемъ, и выраженіе ея подлинно; два другіе снимка сдѣланы Реджлендеромъ. Д-ръ Дюшенъ нѣсколько разъ настаиваетъ²⁾, что при радостной эмоціи подвергаются дѣйствию исключительно большія скуловые мышцы (*zygomaticus major*), которыя служатъ для оттягиванія угловъ рта назадъ и вверхъ; но если судить по тому, что всегда обнажаются верхніе зубы при смѣхѣ и при широкой улыбкѣ, а также по моимъ собственнымъ ощущеніямъ, то я не могу сомнѣваться, что нѣкоторыя изъ мышцъ, идущихъ къ верхней губѣ, тоже отчасти приходятъ въ дѣйствіе. Верхнія и нижнія круговыя мышцы глаза въ то же время болѣе или менѣе сокращаются; а какъ объяснено въ главѣ, гдѣ была рѣчь о плачѣ, существуетъ тѣсная связь между круговыми мышцами, особенно нижними, и нѣкоторыми изъ мышцъ, идущихъ къ верхней губѣ. Говоря объ этомъ, Генле замѣчаетъ³⁾, что, когда человекъ плотно зажмуриваетъ одинъ глазъ, онъ не можетъ не приподнять верхнюю губу съ той же стороны; наоборотъ, если кто-нибудь положить себѣ палецъ на нижнее вѣко, а потомъ какъ можно сильнѣе обнажить верхніе рѣзцы, то онъ почувствуетъ, что, когда его верхняя губа сильно оттянется вверхъ, мышцы нижняго вѣка сократятся. На рисункѣ Генле, фиг. 2, можно видѣть, что *musculus malaris* (H), идущій къ верхней губѣ, является почти составною частью нижней круговой мышцы.

Д-ръ Дюшенъ приводитъ большой портретъ старика (въ уменьшенномъ видѣ на табл. III, фиг. 4) въ его обычномъ спокойномъ состояніи и другой портретъ того же человека (фиг. 5) при естественной улыбкѣ. Всѣ, кому былъ показанъ второй портретъ, тотчасъ же признали, что онъ вѣренъ природѣ. Дюшенъ приводитъ также, какъ примѣръ неестественной или ложной улыбки, еще одинъ портретъ того же старика (фиг. 6), гдѣ углы рта сильно оттянуты вслѣдствіе гальванизации мышцъ *zygomaticus major*. Ясно, что это выраженіе не естественно, ибо я показывалъ этотъ портретъ двадцати четыремъ лицамъ; изъ нихъ трое вовсе не могли сказать, что оно выражаетъ, а другіе, замѣчая, что это выраженіе близко къ улыбкѣ, отвѣчали такими словами: «злая шутка», «стареется засмѣяться», «ослабился», «полуизумленный смѣхъ» и т. д. Д-ръ Дюшенъ цѣликомъ приписываетъ ложность выраженія недоста-

Psychologie des Lachens“ (1872) ставитъ щекотаніе въ связь со чувствомъ смѣшнаго, какъ съ причиною смѣха, но съ иной точки зрѣнія.]

¹⁾ Сэръ Ч. Бель („Anat. of Expression“, стр. 147) дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній о движеніи диафрагмы при смѣхѣ.

²⁾ „Mécanisme de la physionomie humaine“, Album, текстъ VI.

³⁾ „Handbuch der system. Anat. des Menschen“, 1858, т. I, стр. 144. См. мою гра-
вюру (H, рис. 2).

точному сокращенію круговыхъ мышцъ нижнихъ вѣкъ, ибо онъ по справедливости придаетъ большое значеніе сокращенію этихъ мышцъ для выраженія радости. Безъ сомнѣнія, въ такомъ взглядѣ много истины, но, какъ мнѣ кажется, не вся истина. Сокращеніе нижнихъ круговыхъ мышцъ всегда сопровождается, какъ мы видѣли, оттягиваніемъ верхней губы вверхъ. Если бы верхняя губа, на фиг. 6, была слегка приподнята, то изгибъ ея былъ бы менѣе прямолинейнъ, носо-губная складка была бы нѣсколько иною и все выраженіе, какъ я думаю, было бы болѣе естественно, независимо отъ большей наглядности эффекта при болѣе сильномъ сокращеніи нижнихъ вѣкъ. Кроме того, мышца *cornuator*, на фиг. 6, сокращена слишкомъ сильно, и вызываетъ нахмуриваніе; подъ вліяніемъ радости эта мышца приходитъ въ дѣйствіе только при рѣзко выраженномъ или бурномъ смѣхѣ.

При оттягиваніи угловъ рта назадъ и вверхъ, вслѣдствіе сокращенія большихъ скуловыхъ мышцъ (*zygomaticus major*) и подниманія верхней губы, щеки оттягиваются вверхъ. Такимъ образомъ, подъ глазами образуются морщины, а у стариковъ также у внѣшнихъ концовъ глазъ; эти морщины въ высокой степени характерны для смѣха или улыбки. По мѣрѣ того какъ легкая улыбка переходитъ въ широкую или въ смѣхъ, всякій можетъ чувствовать и видѣть, если будетъ слѣдить за своими ощущеніями и смотрѣть на себя въ зеркало, что при подниманіи верхней губы и при сокращеніи нижнихъ круговыхъ мышцъ морщины на нижнихъ вѣкахъ и подъ глазами очень усиливаются или увеличиваются. Въ то же время, какъ я не разъ замѣчалъ, брови слегка опускаются, и это показывается, что верхнія круговыя мышцы, подобно нижнимъ, сокращаются хотя бы отчасти, но это остается незамѣченнымъ, поскольку рѣчь идетъ объ нашихъ ощущеніяхъ. Если сравнить оригиналь портрета старика, гдѣ его лицо находится въ обычномъ спокойномъ состояніи (фиг. 4), съ тѣмъ портретомъ (фиг. 5), гдѣ онъ естественнымъ образомъ улыбается, то можно видѣть, что брови на второмъ немного опущены. Какъ я предполагаю, это происходитъ вслѣдствіе того, что верхнія круговыя мышцы, въ силу долговременной привычки, склонны дѣйствовать до нѣкоторой степени совмѣстно съ нижними круговыми мышцами; эти же съ своей стороны сокращаются въ связи съ оттягиваніемъ верхней губы вверхъ.

Стремленіе скуловыхъ мышцъ сокращаться подъ вліяніемъ пріятныхъ ощущенийъ доказывается любопытнымъ фактомъ, сообщеннымъ мнѣ докторомъ Броуномъ и относящимся къ пациентамъ, страдающимъ *профессивнымъ параличемъ*¹⁾. «Въ этой болѣзни почти неизмѣнно существуетъ оптимизмъ—иллюзіи относительно богатства, знатности, величія—ненормальная веселость, пріятливость и расточительность, тогда какъ самымъ раннимъ физическимъ симптомомъ болѣзни является дрожаніе уголъ рта и внѣшнихъ уголъ глазъ. Этотъ фактъ всѣми признанъ. Постоянная дрожь мышцъ нижняго вѣка и большихъ скуловыхъ мышцъ служить характернымъ признакомъ раннихъ стадій общаго паралича. Лицо имѣетъ довольное и благосклонное выраженіе. По мѣрѣ развитія болѣзни поражаются и другія мышцы, но пока больной не впалъ въ полное идиотство, преобладаетъ выраженіе слабой благосклонности».

Такъ какъ при смѣхѣ и при широкой улыбкѣ щеки и верхняя губа сильно поднимаются, то кажется, будто носъ становится короче; кожа

¹⁾ См. также замѣчанія въ томъ же смыслѣ д-ра Кричтона Броуна въ „Journal of Mental Science“, апрѣль 1871, стр. 149.

на переносицѣ покрывается мелкими поперечными морщинами, а по бокамъ образуются другія, продольныя, наклонныя лини. Верхніе передніе зубы обыкновенно обнажаются. Образуется ясно обозначенная носогубная складка, идущая отъ крыла каждой ноздри къ углу рта; у старыхъ людей эта складка часто бываетъ двойною.

Наравнѣ съ оттягиваніемъ угловъ рта и верхней губы и съ морщинами, вызываемыми имъ, ясныя, блестящія глаза являются характерною чертою пріятнаго или веселаго настроенія. Даже у идиотовъ - микроцефаловъ, которые стоятъ такъ низко, что не могутъ научиться говорить, глаза становятся нѣсколько яснѣе, когда они довольны ¹⁾. При самомъ сильномъ смѣхѣ глаза такъ наполняются слезами, что не могутъ блестѣть; но та влага, которая выжимается изъ железъ при умѣренномъ смѣхѣ или улыбкаѣ, можетъ быть, содѣйствуетъ блеску глазъ; впрочемъ, эта роль влаги навѣрно имѣетъ совсѣмъ второстепенное значеніе, такъ какъ глаза тускнѣютъ отъ горя, хотя во время него они часто бываютъ влажными. Повидимому, блескъ глазъ зависить главнымъ образомъ отъ ихъ напряженія ²⁾, происходящаго отъ сокращенія круговыхъ мышцъ и отъ давленія приподнятыхъ щекъ. Но, по словамъ д-ра Пидерита, который разобралъ этотъ вопросъ подробнѣе всѣхъ другихъ писателей ³⁾, напряженіе можно въ значительной мѣрѣ приписать тому, что глазное яблоко наполняется кровью и другими жидкостями, вслѣдствіе ускореннаго кровообращенія, вызываемаго возбужденнымъ состояніемъ при удовольствіи. Онъ указываетъ на противоположность въ выраженіи глазъ у чахоточнаго больного, имѣющаго быстрое кровообращеніе, и у человѣка, страдающаго холерой, у котораго изсякли почти всѣ жидкости тѣла. Отъ всякой причины, понижающей кровообращеніе, глаза мертвѣютъ. Я помню, что однажды видѣлъ человѣка, совершенно разбитаго продолжительными и тяжелыми усиліями въ очень жаркій день; кто-то изъ присутствующихъ сравнилъ его глаза съ глазами вареной трески.

Возвращаемся къ звукамъ, издаваемымъ при смѣхѣ. Мы смутно понимаемъ, какимъ образомъ издаваніе звуковъ какаго бы то ни было рода естественнымъ путемъ ассоціировалось съ пріятнымъ настроеніемъ; ибо въ значительной части животнаго царства голосовые или инструментальныя звуки употребляются однимъ поломъ какъ призывъ или приманка для другаго. Они употребляются также какъ знакъ радостной встрѣчи между родителями и ихъ потомствомъ, и между дружными членами одной и той же общины. Но мы не знаемъ, почему звуки, которые издаетъ человѣкъ, когда онъ доволенъ, имѣютъ своеобразный повторный характеръ, свойственный смѣху. Тѣмъ не менѣе намъ понятно, что эти звуки естественнымъ образомъ должны какъ можно болѣе отличаться отъ воплей или криковъ въ бѣдѣ; а такъ какъ при издаваніи послѣднихъ звуковъ выдыханія бываютъ продолжительны и непрерывны, при короткихъ и прерывистыхъ вдыханіяхъ, то для звуковъ, издаваемыхъ отъ радости, мы пожалуй могли бы ожидать, что выдыханія будутъ короткими и прерывистыми при продолжительныхъ вдыханіяхъ; именно такъ это и бываетъ.

Совершенно такъ же темень вопросъ, почему при обыкновенномъ смѣхѣ углы рта оттягиваются и верхняя губа поднимается. Ротъ не дол-

¹⁾ С. Vogt, „Mémoire sur les microcéphales“, 1867, стр. 21.

²⁾ Сэръ Ч. Бель, „Anatomy of Expression“, стр. 133.

³⁾ „Mimik und Physiognomik“, 1867, стр. 63—67.

жень быть раскрытъ до крайнихъ предѣловъ, ибо когда это случается во время приступовъ сильнѣйшаго смѣха, звука почти не бываетъ, или же тонъ его измѣняется и онъ представляется выходящимъ изъ глубины горла. Дыхательныя мышцы и даже мышцы конечностей въ то же время приходятъ въ быстрое вибрирующее движеніе. Нижняя челюсть часто участвуетъ въ этомъ движеніи, и это, можетъ быть, препятствуетъ рту широко раскрываться. Но такъ какъ нужно издавать звукъ въ полномъ его объемѣ, то отверстіе рта должно быть велико; можетъ быть съ этою цѣлью углы рта оттягиваются и верхняя губа поднимается. Хотя мы почти не можемъ объяснить ни форму рта при смѣхѣ, вслѣдствіе которой образуются подъ глазами морщины, ни своеобразный повторный звукъ смѣха, ни дрожаніе челюстей, тѣмъ не менѣе мы можемъ заключить, что всѣ эти эффекты зависятъ отъ какой-нибудь общей причины; ибо всѣ они служатъ характернымъ признакомъ и выраженіемъ пріятнаго настроенія у различныхъ обезьянъ.

Можно прослѣдить рядъ переходовъ отъ бурнаго смѣха къ умѣренному, къ широкой улыбкѣ, къ легкой улыбкѣ и къ выраженію простой веселости. При сильнѣйшемъ смѣхѣ часто все тѣло откидывается назадъ и трясется или почти корчится; дыханіе весьма разстраивается; голова и лицо переполняются кровью, при чемъ вены расширяются; круговыя мышцы судорожно сокращаются, чтобы защитить глаза. Слезы выдѣляются въ изобиліи. Поэтому, какъ замѣчено раньше, почти невозможно указать различіе между залитымъ слезами лицомъ человѣка послѣ приступа сильнѣйшаго смѣха и послѣ приступа горькаго плача¹⁾. Близкое сходство судорожныхъ движеній, вызываемыхъ этими совершенно различными эмоціями, вѣроятно бываетъ причиною того, что больные, страдающіе истеріей, поочередно бурно плачутъ и смѣются и что маленькія дѣти иногда переходятъ изъ одного состоянія въ другое. М-ръ Свинхо сообщаетъ мнѣ, что онъ часто видалъ, какъ китайцы, страдавшіе отъ глубокаго горя, раздражались истерическими приступами смѣха.

Я желалъ узнать, льются ли слезы въ изобиліи при сильнѣйшемъ смѣхѣ у большинства человѣческихъ расъ, и мои корреспонденты сообщаютъ, что это именно такъ и бываетъ. Одинъ примѣръ былъ замѣченъ у индусовъ, и они сами говорили, что это случается часто. То же самое бываетъ у китайцевъ. Женщины одного дикаго племени малайцевъ на Малаккскомъ полуостровѣ иногда проливаютъ слезы, когда смѣются отъ души, хотя это случается рѣдко. У дайаковъ на Борнео это вѣроятно бываетъ часто, по крайней мѣрѣ у женщинъ, ибо-я слышалъ отъ раджи Брука, что у нихъ существуетъ ходячее выраженіе: «мы чуть не заплакали отъ смѣха». Австралійскіе туземцы безъ стѣсненія выражаютъ свои душевныя движенія, и мой корреспондентъ пишетъ, что они прыгаютъ, бьютъ въ ладоши отъ радости и часто шумно хохочутъ. Не менѣе четырехъ наблюдателей видѣли, что въ такихъ случаяхъ ихъ глаза обильно увлажнились; въ одномъ случаѣ слезы капались по щекамъ. М-ръ Бельмеръ, миссіонеръ въ отдаленной части Викторіи, замѣчаетъ, «что онѣ обладаютъ живымъ чувствомъ смѣшного; они—превосходные мимики, и если одинъ изъ нихъ можетъ подражать особенностямъ какого-нибудь отсутствующаго члена племени, то очень часто случается слышать, какъ весь таборъ покатывается со смѣху». У

1) Сэръ Рейнольдъ замѣчаетъ («Discourses», XII, стр. 100): «Любопытно наблюдать и несомнѣнно справедливо, что крайнія ступени противоположныхъ страстей, съ очень малыми уклоненіями, выражаются одинаковыми дѣйствіями». Онъ приводитъ въ примѣръ неистовую радость вакханки и горе Маріи Магдалины.

европейцевъ почти ничѣмъ нельзя такъ легко вызвать смѣхъ какъ передразниваніемъ другихъ; довольно любопытно, что то же самое относится и къ австралійскимъ дикарямъ, которые являются одною изъ наиболѣе обособленныхъ расъ на свѣтѣ.

Въ южной Африкѣ у двухъ племенъ кафровъ, особенно у женщинъ, глаза при смѣхѣ часто наполняются слезами. Гейка, братъ вождя Сандилли, отвѣчаетъ на мой вопросъ объ этомъ словами: «Да, у нихъ есть такое обыкновеніе». Сэръ Эндрю Смитъ видѣлъ, какъ раскрашенное лицо готтентотки покрылось полосами отъ слезъ послѣ приступа смѣха. Въ сѣверной Африкѣ, у абиссинцевъ, слезы выдѣляются при тѣхъ же обстоятельствахъ. Далѣе, въ Сѣверной Америкѣ тотъ же фактъ былъ наблюдаемъ у одного замѣчательно дикаго и изолированнаго племени, но главнымъ образомъ у женщинъ; у другого племени онъ былъ наблюдаемъ только въ одномъ случаѣ¹⁾.

Какъ раньше было замѣчено, сильнѣйшій смѣхъ постепенно переходить въ умѣренный. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ мышцы вокругъ глазъ сокращаются гораздо слабѣе, и нахмуриваніе бываетъ слабое или его совсѣмъ не бываетъ. Между легкимъ смѣхомъ и широкой улыбкой почти нѣтъ различія, кромѣ того, что при улыбкѣ не издается повторнаго звука, хотя при улыбкѣ часто можно слышать одно довольно сильное выдыханіе или слабый шумъ—зачатокъ смѣха. На умѣренно улыбающемся лицѣ, вслѣдствіе легкаго опусканія бровей, все-таки можно прослѣдить сокращеніе верхнихъ круговыхъ мышцъ. Сокращеніе нижнихъ круговыхъ мышцъ и мышцъ нижняго вѣка гораздо явственнѣе и доказывается сморщиваніемъ нижнихъ вѣкъ и кожи подъ ними, а также легкимъ оттягиваніемъ верхней губы къверху. Отъ широчайшей улыбки мы тончайшими ступенями переходимъ къ самой легкой. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ черты движутся въ гораздо меньшей степени и гораздо медленнѣе, а ротъ остается закрытымъ. Изгибъ носо-губной складки въ обоихъ этихъ случаяхъ тоже не вполне одинаковъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что между движеніемъ чертъ лица при сильнѣйшемъ смѣхѣ и при очень слабой улыбкѣ нельзя провести рѣзкой разграничивающей линіи²⁾.

Слѣдовательно, можно сказать, что улыбка является первою ступеню въ развитіи смѣха. Но можно высказать иной, болѣе правдоподобный взглядъ а именно, что привычка издавать отъ удовольствія громкіе повторные звуки первоначально привела къ оттягиванію угловъ рта и верхней губы и къ сокращенію круговыхъ мышцъ и что теперь, вслѣдствіе ассоціаціи и долговременной привычки, тѣ же самыя мышцы въ легкой степени приходятъ въ дѣйствіе всякій разъ, когда какая-нибудь причина вызываетъ въ насъ чувство, которое привело бы къ смѣху, если бы было сильнѣе; результатомъ является улыбка³⁾.

Будемъ ли мы смотрѣть на смѣхъ какъ на полное развитіе улыбки или, что болѣе правдоподобно, если мы будемъ смотрѣть на легкую улыбку какъ на слѣды привычки, твердо укоренившейся въ теченіе

1) [М-ръ Гартшорнъ («Fortnightly Review», мартъ 1876, стр. 410), самымъ положительнымъ образомъ утверждаетъ, что ведды на Цейлонѣ никогда не смѣются. Всевозможныя попытки заставить ихъ засмѣяться оказались тщетными. Когда ихъ спросили, смѣются ли они когда-нибудь, они отвѣтили: «Нѣтъ, чему же намъ смѣяться».]

2) Д-ръ Пидеритъ пришелъ къ такому же заключенію, тамъ же, стр. 99.

3) [Изъ рукописной замѣтки автора видно, что по его окончательному мнѣнію сокращеніе круговыхъ мышцъ при легкомъ смѣхѣ и улыбкѣ нельзя цѣликомъ объяснить, какъ «слѣды сокращенія при громкомъ смѣхѣ, ибо этимъ не объясняется, почему сокращаются главнымъ образомъ нижнія круговыя мышцы» при улыбкѣ.]

многихъ поколѣній смѣяться всегда, когда мы веселы,—мы можемъ прослѣдить у нашихъ дѣтей постепенный переходъ отъ улыбки къ смѣху. Тѣмъ, кто ухаживаетъ за маленькими дѣтьми, хорошо извѣстно, что трудно быть увѣреннымъ, когда именно опредѣленные движенія возлѣ ихъ рта бываютъ дѣйствительно выразительными, то-есть когда они на самомъ дѣлѣ улыбаются. Поэтому я внимательно слѣдилъ за собственными дѣтьми. Одинъ изъ нихъ улынулся въ сорокапятидневномъ возрастѣ, находясь въ радостномъ настроеніи, то-есть углы его рта оттянулись, и въ то же время глаза несомнѣнно заблестѣли. Я замѣтилъ то же самое на слѣдующій день; но на третій день ребенокъ былъ не совсѣмъ здоровъ и не было и слѣдовъ улыбки; поэтому вѣроятно предшествующія улыбки были настоящими. Послѣ того въ теченіе восьми дней и всю слѣдующую недѣлю его глаза становились замѣчательно блестящими при каждой улыбкѣ, а носъ одновременно покрывался поперечными морщинами. Это движеніе теперь сопровождалось легкимъ, похожимъ на бляеніе звукомъ, который, можетъ быть, изображалъ смѣхъ. На 113-й день этотъ слабый звукъ, который появлялся всегда при выдыханіи, принялъ нѣсколько иной характеръ и сталъ болѣе раздѣльнымъ или прерывистымъ, какъ при рыданіи; этотъ звукъ былъ несомнѣнно начинающимся смѣхомъ. Мнѣ въ то время казалось, что измѣненіе звука связано съ большимъ раздвиганіемъ рта въ стороны, по мѣрѣ того, какъ улыбки становились шире.

У другого ребенка первая настоящая улыбка была замѣчена приблизительно въ томъ же возрастѣ, то-есть на сорокъ пятый день, у третьяго нѣсколько раньше. Второй ребенокъ, когда ему было шестьдесятъ пять дней, улыбался гораздо шире и опредѣленнѣе, чѣмъ первый ребенокъ въ томъ же возрастѣ; даже въ тотъ ранній періодъ онъ издавалъ звуки, очень похожіе на смѣхъ. Въ этомъ постепенномъ приобрѣтеніи маленькими дѣтьми привычки смѣяться мы имѣемъ случай, до нѣкоторой степени аналогичный плачу. Какъ для обыкновенныхъ движеній тѣла, на примѣръ, для ходьбы, нужно упражненіе, оно, повидимому, нужно и для смѣха, и для плача. Съ другой стороны, привычка кричать, какъ полезная для дѣтей, хорошо развита уже въ самые первые дни.

Подъемъ духа, веселость. При подъемѣ духа человѣкъ, хотя бы онъ и не улыбался, обыкновенно имѣетъ нѣкоторое стремленіе оттягивать углы рта. Когда человѣкъ возбужденъ отъ удовольствія, кровообращеніе ускоряется, глаза блестятъ и цвѣтъ лица становится ярче. Мозгъ, возбуждаемый усиленнымъ приливомъ крови, реагируетъ на умственные способности; веселыя мысли еще быстрѣе проходятъ въ умъ и привязанности становятся теплѣе. Я слышалъ, какъ ребенокъ, которому не было четырехъ лѣтъ, на вопросъ, что значитъ быть въ духѣ, отвѣтилъ: «Это значитъ смѣяться, болтать и цѣловать». Было бы трудно дать болѣе вѣрное и болѣе картинное опредѣленіе. При такомъ настроеніи человѣкъ держится прямо, голова его поднята и глаза открыты. Черты лица не опускаются и брови не бываютъ сокращены. Напротивъ, по замѣчанію Моро ¹⁾, лобная мышца имѣетъ стремленіе къ легкому сокращенію; это разглаживаетъ лобъ, удаляетъ всѣ слѣды нахмуриванья, слегка выгибаетъ брови дугою и поднимаетъ вѣки. Поэтому латинское выраже-

¹⁾ «La physionomie», Лафатера, изд. 1820 г., т. IV, стр. 224. См. также для видимой имъ цитаты «The Anatomy of Expression», сэра Ч. Беля, стр. 172.

exporrigere frontem—разглаживать морщины на лбу—значить быть веселымъ или радостнымъ. Все выраженіе человѣка, когда онъ въ духѣ, представляетъ полную противоположность съ его выраженіемъ, когда онъ страдаетъ отъ горя. По словамъ сэра Ч. Беля, «при всѣхъ радостныхъ эмоціяхъ брови, вѣки, ноздри и углы рта поднимаются. При удручающихъ страстяхъ бываетъ обратное». Подъ вліяніемъ послѣднихъ лобъ бываетъ нахмуренъ, вѣки, щеки, ротъ и вся голова опускаются; глаза становятся тусклыми; лицо бываетъ блѣдно, а дыханіе медленно. При радости лицо становится шире, при горѣ—длиннѣе. Я не возьму на себя сказать, игралъ ли здѣсь принципъ антитезы роль въ установленіи этихъ противоположныхъ выраженій, дѣйствуя въ одинаковомъ направленіи съ прямыми причинами, которыя были указаны и которыя въ достаточной степени ясны.

У всѣхъ человѣческихъ расъ выраженіе пріятнаго расположенія духа, повидимому, одинаково и его легко узнать. Мои корреспонденты въ различныхъ частяхъ Стараго и Новаго Свѣта даютъ утвердительный отвѣтъ на мой вопросъ объ этомъ предметѣ, и приводятъ нѣкоторыя подробности относительно индусовъ, малайцевъ и новозеландцевъ. Блескъ глазъ у австралійцевъ поразилъ четверыхъ наблюдателей, и тотъ же фактъ былъ замѣченъ у индусовъ, новозеландцевъ и дайаковъ на Борнео.

Дикари иногда выражаютъ удовольствіе не только улыбкою, но и жестами, имѣющими отношеніе къ удовольствію, испытываемому во время ѣды. Такъ, Веджвудъ¹⁾ приводитъ слова Питерика, что негры на верхнемъ Нилѣ всѣ начали тереть себѣ животы, когда онъ выложилъ передъ ними свои бусы; а Лейхгардтъ говоритъ, что австралійцы чмокали и щелкали губами при видѣ его лошадей и воловъ, а особенно — его охотничьихъ собакъ. Гренландцы, «когда говорятъ что-нибудь съ удовольствіемъ, втягиваютъ въ себя воздухъ съ особымъ звукомъ»²⁾; можетъ быть, это есть подражаніе проглатыванію вкусной пищи.

Смѣхъ подавляется сильнымъ сокращеніемъ круговыхъ мышцъ рта, что препятствуетъ большой скуловой и другимъ мышцамъ оттягивать губы назадъ и вверхъ. Нижняя губа тоже иногда удерживается зубами, что придаетъ лицу плутоватое выраженіе, какъ было замѣчено у слѣпой и глухой Лауры Бриджманъ³⁾. Положеніе большой скуловой мышцы не всегда одинаково, и я видѣлъ молодую женщину, у которой *depressores unguli oris* приходили въ энергичное дѣйствіе при подавленіи улыбки; но благодаря блеску глазъ это нисколько не сообщало ея лицу меланхолическаго выраженія.

Смѣхъ часто употребляютъ принужденнымъ образомъ, чтобы скрыть или замаскировать какое-нибудь другое душевное состояніе, даже гнѣвъ. Мы часто видимъ, что люди смѣются, чтобы скрыть стыдъ или робость. Когда человѣкъ поджимаетъ губы, какъ бы для того, чтобы удержать возможную улыбку, хотя ничто ея не вызываетъ или ничто не препятствуетъ дать ей волю, получается принужденное, торжественное и натянутое выраженіе; но здѣсь намъ незачѣмъ говорить о такихъ смѣшанныхъ выраженіяхъ. При насмѣшкѣ дѣйствительная или притворная улыбка или смѣхъ часто сливается съ выраженіемъ, свойственнымъ пренебреженію, которое можетъ перейти въ гнѣвное пренебреженіе или през-

1) «Dictionary of English Etymology», 2-е изд., 1872, введеніе, стр. XLIV.

2) Крайцъ, цитировано у Тейлора, «Primitive Culture», 1871, т. I, стр. 169.

3) Либеръ, „Smithsonian Contributions“, 1851, т. II, стр. 7.

рѣніе. Въ такихъ случаяхъ смыслъ смѣха или улыбки состоитъ въ томъ, чтобы показать оскорбителю, что онъ только смѣшнѣе.

Любовь, нѣжныя чувства и т. д. — Хотя эмоція любви, напримѣръ, любовь матери къ своему младенцу, одна изъ сильнѣйшихъ, къ какимъ способна душа, про нее почти нельзя сказать, что она имѣетъ соответственный или особый способъ выраженія; и это понятно, ибо любовь обыкновенно не вела къ какому-либо опредѣленному образу дѣйствій. Безъ сомнѣнія, такъ какъ привязанность есть пріятное чувство, она обыкновенно вызываетъ легкую улыбку и нѣсколько усиливаетъ блескъ глазъ. Обыкновенно мы испытываемъ сильное желаніе прикасаться къ любимому существу; этимъ способомъ любовь выражается яснѣе, чѣмъ какимъ-либо другимъ ¹⁾. Поэтому мы жаждемъ заключить въ свои объятія тѣхъ, кого мы нѣжно любимъ. Вѣроятно, мы обязаны этимъ желаніемъ наследственной привычкѣ, ассоціированной съ заботами и уходомъ за нашими дѣтьми и съ взаимными ласками влюбленныхъ.

У животныхъ мы также видимъ, что прикосновеніе, ассоціированное съ любовью, доставляетъ имъ удовольствіе. Собакамъ и кошкамъ очевидно пріятно тереться о своихъ хозяевъ и хозяекъ; имъ пріятно также, когда тѣ ихъ гладятъ или треплютъ. Многія обезьяны, какъ меня увѣряють сторожа въ зоологическомъ саду, очень любятъ ласкаться другъ къ другу и съ наслажденіемъ принимаютъ ласки людей, къ которымъ они привязаны. Бартлетъ описалъ мнѣ поведеніе двухъ шимпанзе, которые были нѣсколько старше того возраста, въ какомъ ихъ обыкновенно къ намъ привозятъ, когда ихъ въ первый разъ посадили вмѣстѣ. Они сѣли другъ противъ друга, соприкасаясь губами, очень вытянутыми; одинъ изъ нихъ положилъ руку на плечо другого. Затѣмъ они обвили другъ друга руками. Потомъ они встали, при чемъ каждый держалъ руку на плечѣ другого, подняли головы, открыли рты и закричали отъ восторга.

Мы, европейцы, такъ привыкли къ поцѣлудамъ, какъ къ знаку привязанности, что мы могли бы счесть эту привычку природной для всего человѣческаго рода; однако же это не вѣрно. Стиль ошибался, когда сказалъ: «Ее изобрѣла природа и она появилась съ первымъ уходомъ». Джемми Беттонъ, уроженецъ Огненной земли, говорилъ мнѣ, что этотъ обычай неизвѣстенъ въ его странѣ. Онъ также не извѣстенъ у новозеландцевъ, тайтянъ, папуасовъ ²⁾, австралійцевъ, сомальцевъ въ Африкѣ и эскимосовъ ³⁾. Но эта привычка природна или естественна въ той мѣрѣ, въ какой она очевидно зависитъ отъ удовольствія, получаемого при тѣсномъ соприкосновеніи съ любимымъ человекомъ; въ различныхъ частяхъ свѣта ее замѣняетъ треніе носами, какъ у новозеландцевъ или лапландцевъ, треніе или похлопываніе по рукамъ по груди или по желудку, или обычай, по которому одинъ человекъ ударяетъ себя по лицу руками или ногами другого. Можетъ быть при-

¹⁾ Бенъ замѣчаетъ („Mental and Moral Science“, 1868, стр. 239): „Нѣжность есть вызываемая различными причинами пріятная эмоція, стремленіе которой состоитъ въ томъ, чтобы привлечь человѣческія существа во взаимныя объятія.“

²⁾ [Мантегацца („La physionomie“, стр. 198) цитируетъ Wyatt Gill, который видѣлъ, что папуасы цѣловались.]

³⁾ Сэръ Дж. Леббокъ въ „Prehistoric Times“, 2-е изд., 1869, стр. 552, приводитъ достовѣрныя справки для этихъ свѣдѣній. Цитата по Стилю взята изъ этого сочиненія. [М-ръ Винвудъ Ридъ (письмо отъ 5 ноября 1872) говоритъ, что поцѣлуды неизвѣстны во всей западной Африкѣ, „которая является вѣроятно самою обширною не цѣлующеюся областью на всемъ земномъ шарѣ.“]

вычка дуть въ знакъ привязанности на различныя части тѣла основана на томъ же принципѣ ¹⁾).

Трудно анализировать тѣ чувства, которыя называются нѣжными; въ нихъ, повидимому, соединяются привязанность, радость и особенно симпатія. Эти чувства сами по себѣ пріятнаго свойства, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда жалость слишкомъ глубока или когда пробуждается ужасъ, на примѣръ, если мы слышимъ объ истязаніи человѣка или животнаго. Съ нашей настоящей точки зрѣнія эти чувства замѣчательны тѣмъ, что очень легко вызываютъ отдѣленіе слезъ. Не мало—отцовъ и сыновей, которые плакали, встрѣчаясь послѣ долгой разлуки, особенно если встрѣча была неожиданна. Безъ сомнѣнія, крайняя радость сама по себѣ имѣетъ стремленіе дѣйствовать на слезныя железы; но въ такихъ случаяхъ, какой былъ только что упомянутъ, вѣроятно, въ душѣ отца и сына проходятъ смутныя мысли о томъ горѣ, которое они испытывали бы, если бы никогда не встрѣтились; а горе естественнымъ образомъ ведетъ къ отдѣленію слезъ. Такъ, при возвращеніи Улисса

Телемакъ въ несказанномъ волненіи
Пламенно обнялъ отца благороднаго съ громкимъ рыданьемъ.
Въ сердце тогда имъ обоемъ проникло желаніе плача.

.....
Такъ, заливаясь слезами, рыдали они и стонали
Громко; и въ плачѣ могло бѣ ихъ застать заходящее солнце,
Если бы вдругъ не спросилъ Телемакъ, обратясь къ Одиссею...
Одиссея, перев. Жуковского,
пѣснь XVI, ст. 213.

Далѣе, когда Пенелопа, наконецъ, узнала мужа:
..... заплакавъ
Взрыдъ, поднялась Пенелопа и кинулась быстро на шею
Мужу, и милую голову нѣжно цѣлуя, сказала...
Пѣснь XXIII, стр. 206.

Живое воспоминаніе о нашей прежней родинѣ или о давно минувшихъ счастливыхъ дняхъ легко вызываетъ слезы на глаза, но здѣсь опять намъ естественно приходитъ мысль, что эти дни никогда не возвратятся. Въ такихъ случаяхъ можно сказать, что мы сочувствуемъ сами себѣ въ своемъ настоящемъ положеніи сравнительно съ прошлымъ. Сочувствіе къ огорченіямъ другихъ, даже къ воображаемымъ огорченіямъ героини въ трогательной повѣсти, къ которой мы не чувствуемъ привязанности, легко вызываетъ слезы. То же самое бываетъ при сочувствіи къ счастью другихъ, на примѣръ, къ влюбленному, который послѣ многихъ тяжелыхъ испытаній, наконецъ, достигъ успѣха въ хорошо изложенной повѣсти.

Повидимому, сочувствіе является самостоятельною или отдѣльною эмоціею; она особенно способна возбуждать слезныя железы. Это бываетъ какъ тогда, когда мы выказываемъ сочувствіе, такъ и тогда, когда мы его получаемъ. Навѣрно всѣ замѣчали, какъ легко дѣти принимаются плакать, когда мы жалѣемъ ихъ за какой-нибудь незначительный ушибъ. Какъ мнѣ сообщаетъ д-ръ Кричтонъ Броунъ, умалишенные-меланхолики отъ ласковаго слова часто раздражаются неудержимымъ плачемъ. Когда мы выражаемъ сожалѣніе о горѣ друга, слезы часто выступаютъ на нашихъ собственныхъ глазахъ. Сочувствіе обыкновенно объясняютъ тѣмъ предположеніемъ, что когда мы слышимъ о страданіи у другихъ или ви-

1) См. полное описаніе, со справками, у Тейлора, „Researches into the Early History of Mankind“, 2-е изд., 1870, стр. 51.

димъ его, то идея страданія такъ живо представляется нашему уму, что мы сами страдаемъ. Но этого объясненія едва ли достаточно, ибо оно не объясняетъ тѣснаго сродства между сочувствіемъ и привязанностью. Мы, безъ сомнѣнія, гораздо глубже сочувствуемъ любимому человѣку, чѣмъ такому, который для насъ безразличенъ; и сочувствіе первого до- ставляетъ намъ гораздо больше облегченія, чѣмъ сочувствіе второго. Но мы безспорно можемъ сочувствовать и тѣмъ, къ кому не питаемъ при- вязанности.

Въ одной изъ предыдущихъ главъ было разсмотрѣно, почему страда- ніе, когда мы дѣйствительно испытываемъ его сами, вызываетъ плачь. Что касается радости, то ея естественнымъ и всеобщимъ выраженіемъ бываетъ смѣхъ; у всѣхъ человѣческихъ расъ громкій смѣхъ ведетъ къ болѣе обильному выдѣленію слезъ, чѣмъ всѣ другія причины кромѣ огорченія. Наполненіе глазъ слезами, которое несомнѣнно происходитъ при большой радости, хотя бы смѣха и не было, можетъ мнѣ казаться, быть объяснено привычкой и ассоціаціей на основаніи тѣхъ же принциповъ, какъ и изліяніе слезъ отъ горя, хотя бы и въ отсутствіе крика. Тѣмъ не менѣе довольно замѣчательно, что сочувствіе къ огорченіямъ другихъ вызываетъ болѣе обильныя слезы, чѣмъ наше собственное огорченіе; а между тѣмъ это несомнѣнно. Многие люди, изъ глазъ которыхъ соб- ственныя страданія не могли исторгнуть ни слезинки, проливали слезы надъ страданіями возлюбленнаго друга. Еще болѣе замѣчательно, что сочув- ствіе счастью или благополучію тѣхъ, кого мы нѣжно любимъ, ведетъ къ тому же результату, тогда какъ подобное счастье, испытываемое нами самими, оставило бы наши глаза сухими. Впрочемъ, слѣдуетъ помнить, что долговременная привычка сдерживаться, которая такъ властно пре- пятствуетъ обильному изліянію слезъ при тѣлесной боли, не играла роли въ смыслѣ препятствія для умѣреннаго изліянія слезъ при сочувствіи страданіямъ или счастью другихъ.

Какъ я пытался показать въ другомъ мѣстѣ ¹⁾, музыка имѣетъ уди- вительную способность вызывать, въ смутной и неопредѣленной формѣ, тѣ сильныя душевныя движенія, которыя испытывались въ давно ми- нувшіе вѣка, когда наши отдаленные предки, ухаживая другъ за дру- гомъ, прибѣгали къ помощи голосовыхъ звуковъ, какъ это вѣроятно было. А такъ какъ нѣкоторыя изъ нашихъ сильнѣйшихъ эмоцій—горе, большая радость, любовь и сочувствіе—ведутъ къ обильному выдѣленію слезъ, то не удивительно, что музыка способна вызывать слезы у насъ на глазахъ, особенно если мы уже смягчены какимъ-нибудь изъ нѣж- ныхъ чувствъ. Музыка часто оказываетъ другое своеобразное дѣйствіе. Мы знаемъ, что всякое сильное ощущеніе, эмоція или возбужденіе— крайняя боль, ярость, страхъ, радость или страстная любовь—имѣютъ специальное стремленіе вызывать дрожаніе мышцъ; трепеть или легкій ознобъ, который пробѣгаетъ внизъ по позвоночнику и по конечностямъ у многихъ людей, когда музыка производитъ на нихъ могучее впечатлѣ- ніе, повидимому, стоитъ къ вышеуказанному дрожанію тѣла въ такомъ же отношеніи, какъ легкое выступленіе слезъ подъ впечатлѣніемъ му- зыки относится къ плачу отъ всякаго сильнаго и дѣйствительнаго ду- шевнаго движенія.

Благоговѣніе.—Такъ какъ благоговѣніе до нѣкоторой степени родст- венно привязанности, хотя оно главнымъ образомъ заключается въ поч-

1) „The Descent of Man“, изд. II, стр. 364.

тени, часто соединенномъ со страхомъ, мы можемъ вкратцѣ упомянуть здѣсь о выраженіи этого душевнаго состоянія. У нѣкоторыхъ сектъ, какъ прежнихъ, такъ и нынѣшнихъ, страннымъ образомъ слиты религія и любовь; утверждали даже, какъ бы ни былъ этотъ фактъ прискорбень, что святой поцѣлуй любви мало отличается отъ того, который даетъ мужчина женщинѣ или женщина мужчинѣ ¹⁾. Благоговѣніе выражается главнымъ образомъ въ томъ, что лицо устремлено къ небесамъ, глаза же закатываются вверхъ. Сэръ Ч. Бель замѣчаетъ, что при приближеніи сна, или обморока, или смерти зрачки повертываются вверхъ и внутрь; онъ полагаетъ, что «когда мы поглощены благоговѣйными чувствами и не обращаемъ вниманія на внѣшнія впечатлѣнія, глаза поднимаются вслѣдствіе движенія, которому мы не учились и котораго не приобрѣтали», и что это зависитъ отъ той же причины, какъ и въ вышеуказанныхъ случаяхъ ²⁾. То, что глаза закатываются во время сна, несомнѣнно, какъ я слышалъ отъ профессора Дондерса. Когда дѣти сосутъ грудь матери, это движеніе глазныхъ яблокъ часто придаетъ имъ нелѣпое выраженіе восторженнаго экстаза; здѣсь мы можемъ ясно замѣтить, что происходитъ борьба съ тѣмъ положеніемъ, которое они естественнымъ образомъ принимаютъ во время сна. Но объясненіе этого факта у сэра Ч. Беля, которое опирается на предположеніе, что нѣкоторыя мышцы болѣе подчинены контролю воли, чѣмъ другія, неправильно какъ я слышалъ отъ профессора Дондерса. Такъ какъ глаза часто заводятся вверхъ въ молитвѣ, когда умъ не настолько поглощенъ мыслями, чтобы это состояніе приближалось къ безсознательности сна, то вѣроятно, это движеніе условно; оно является результатомъ общей вѣры, что Небеса, источникъ Божественной силы, которой мы молимся, расположены надъ нами.

Смиренная колѣнопреклоненная поза, съ поднятыми руками, которыя сложены ладонями, вслѣдствіе долгой привычки представляется намъ настолько соотвѣтствующей благоговѣйному настроенію, что мы могли бы счесть ее прирожденной; но я не встрѣчалъ доказательства въ пользу такого взгляда у различныхъ внѣ-европейскихъ человѣческихъ расъ. Въ классическій періодъ римской исторіи, какъ я слышалъ отъ одного превосходнаго классика, повидимому такъ не складывали рукъ во время молитвы. М-ръ Генсли Веджвудъ, повидимому, далъ ³⁾ правильное объясненіе, хотя оно предполагаетъ, что эта поза означаетъ рабскую покорность. «Когда молящійся становится на колѣни и поднимаетъ руки, сложивъ ихъ ладонями, онъ изображаетъ плѣнника, который доказываетъ полноту своего подчиненія тѣмъ, что предлагаетъ побѣдителю связать его руки. Это наглядное изображеніе латинскаго *dare manus*, что означаетъ покорность.» Поэтому невѣроятно, чтобы подниманіе глазъ или складываніе раскрытыхъ ладоней подъ вліяніемъ благоговѣйныхъ чувствъ, были прирожденными или поистинѣ выразительными движеніями; и этого едва ли можно было ожидать, ибо очень сомнительно, испытывали ли сердца людей, пока они находились въ минувшіе вѣка въ нецивилизованномъ состояніи, тѣ чувства, которыя мы теперь называемъ благоговѣйными.

¹⁾ Д-ръ Модслей обсуждаетъ этотъ вопросъ въ своемъ „Body and Mind“, 1870, стр. 85.

²⁾ „The Anatomy of Expression“, стр. 103, и „Philosophical Transactions“, 1823, стр. 182.

³⁾ „The Origin of Language“, 1866, стр. 146. Тейлоръ указываетъ („Early History of Mankind“, 2-ое изд., 1870, стр. 48) болѣе сложное происхожденіе позы рукъ во время молитвы.

ГЛАВА IX.

Раздумье. — Размышленіе. — Раздраженное настроеніе. — Угрюмость. — Рѣшимость.

Актъ нахмуриванья.—Раздумье съ усиленіемъ или съ сознаніемъ чего-либо труднаго или неприятнаго.—Отвлеченное размышленіе.—Мрачность.—Упрямство.—Угрюмость и надуданіе губъ.—Рѣшимость.—Плотное закрываніе рта.

Надвигатели бровей при своемъ сокращеніи опускаютъ брови и сближаютъ ихъ, вызывая вертикальныя морщины на лбу, то-есть—нахмуриваніе. Сэръ Ч. Бель, который ошибочно думалъ, что надвигатель бровей есть только у человѣка, считаетъ ее «самой замѣчательной мышцей человѣческаго лица. Она нахмуриваетъ брови энергичнымъ усиленіемъ, которое безотчетно, но непреодолимо обнаруживаетъ мысль, проходящую въ умѣ». Или, какъ онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, «когда брови нахмурены, энергія духа очевидна; мысль и эмоція смѣшиваются съ дикою и звѣрскою яростью животнаго» ¹⁾. Въ этихъ замѣчаніяхъ много правды, но едва ли она вся заключена въ нихъ. Д-ръ Дюшенъ назвалъ надвигатели бровей мышцею раздумья ²⁾; но безъ нѣкотораго ограниченія это названіе нельзя считать вполне правильнымъ.

Человѣкъ можетъ быть погруженъ въ глубочайшую задумчивость, но его лобъ останется гладкимъ, пока онъ не встрѣтитъ какого-нибудь препятствія въ ходѣ своихъ разсужденій, или пока его не прерветъ какая-нибудь помѣха,—тогда нахмуриваніе пробѣгаетъ по лбу, какъ тѣнь. Полумертвый отъ голода человѣкъ можетъ напряженно думать о томъ, какъ бы достать пищи, но вѣроятно онъ не будетъ хмуриться, если не встрѣтитъ какого-нибудь затрудненія въ мысляхъ или въ дѣйствіи, или если онъ не найдетъ добытую пищу отвратительною. Я замѣтилъ, что почти всѣ мгновенно нахмуриваются, замѣчая странный или дурной вкусъ въ томъ, что они ѣдятъ. Я попросилъ нѣсколько лицъ, не объясняя своей цѣли, внимательно прислушаться къ очень легкому постукиванію, характеръ и источникъ котораго былъ имъ вполне извѣстенъ, и ни одинъ изъ нихъ не нахмурился; но одинъ человѣкъ, который присоединился къ намъ и который не могъ понять, что мы всѣ дѣлаемъ въ глубокомъ молчаніи, когда мы попросили его прислушаться, сильно нахмурился, хотя не былъ раздраженъ; онъ сказалъ, что совершенно не понимаетъ, чего всѣмъ намъ нужно. Д-ръ Пидеритъ ³⁾, кото-

¹⁾ „The Anatomy of Expression“, стр. 137, 139. Не удивительно, что надвигатели бровей гораздо сильнѣе развились у человѣка, чѣмъ у человѣкоподобныхъ обезьянъ, ибо человѣкъ безпрестанно приводитъ ихъ въ дѣйствіе при различныхъ обстоятельствахъ, и унаслѣдованные результаты употребленія ихъ навѣрно ихъ укрѣпили и измѣнили. Мы видѣли, какую важную роль играютъ эти мышцы, вмѣстѣ съ круговыми, защищая глаза отъ чрезмѣрнаго переполненія кровью при бурныхъ выдыхательныхъ движеніяхъ. Когда мы закрываемъ глаза какъ можно скорѣе и плотнѣе, чтобы защитить ихъ отъ поврежденія при ударѣ, надвигатели бровей сокращаются. У дикарей и у другихъ людей, головы которыхъ не покрыты, брови постоянно спускаются и сокращаются, служа защитою отъ слишкомъ сильнаго свѣта; это движеніе отчасти производится надвигателями бровей. Это движеніе вѣроятно стало особенно полезно человеку, какъ только его ранніе предки стали держать голову вверхъ. Наконецъ, профессоръ Дондерсъ полагаетъ („Archives of Medicine“, изд. Билемъ, 1870, т. V, стр. 34), что надвигатели бровей приводятся въ дѣйствіе, чтобы выдвинуть глазное яблоко для аккомодации при разсматриваніи вблизи.

²⁾ „Mécanisme de la physionomie humaine“, Album, текстъ III.

³⁾ „Mimik und Physiognomik“, стр. 46.

рый напечаталъ замѣтки по тому же вопросу, прибавляетъ, что заики обыкновенно хмурятся, когда говорятъ, и что человѣкъ, исполняя даже незначительную работу, напримѣръ, надѣвая сапогъ, нахмуриается, если находить, что сапогъ тѣсень. Нѣкоторые люди такъ привыкли нахмуриваться, что даже то усиліе, которое они дѣлаютъ для того, чтобы говорить, вызываетъ сокращеніе лба.

Люди всѣхъ расъ нахмуриваются, встрѣчая какое бы то ни было умственное затрудненіе, какъ я заключаю изъ отвѣтовъ, которые я получилъ на свои вопросы; но я дурно составилъ вопросы, смѣшавъ глубокое мышленіе съ раздумьемъ при недоумѣніи. Тѣмъ не менѣе ясно, что австралійцы, малайцы, индусы и кафры въ южной Африкѣ при недоумѣніи нахмуриваются. Добришгоферъ замѣчаетъ, что гуаранцы въ Южной Америкѣ въ подобныхъ случаяхъ нахмуриваютъ брови ¹⁾.

Изъ этихъ соображеній мы можемъ заключить, что нахмуриванье не есть выраженіе простаго раздумья, какъ бы оно ни было глубоко, или вниманія, какъ бы оно ни было пристально, но оно означаетъ, что въ ходѣ мыслей или дѣйствія встрѣтилось нѣчто трудное или непріятное. Впрочемъ глубокое размышленіе рѣдко можетъ идти долгое время безъ всякаго затрудненія, такъ что оно большею частью будетъ сопровождаться нахмуриваньемъ. Поэтому нахмуриванье сообщаетъ лицу, по замѣчанію сэра Ч. Бея, выраженіе умственной энергіи. Но для того чтобы получилось такое впечатлѣніе, взглядъ долженъ быть ясенъ и упоренъ, или же глаза могутъ быть опущены внизъ, какъ часто бываетъ при глубокой задумчивости. Въ лицѣ, помимо нахмуриванья, не должно быть измѣненій, какія бываютъ у раздраженнаго или сердитаго человѣка, или такихъ, какъ потускнѣвшіе глаза и отвисшая челюсть—послѣдствія продолжительнаго страданія, или какъ у человѣка, который замѣчаетъ дурной вкусъ въ пищѣ, или какъ у человѣка, который затрудняется произвести какое-нибудь незначительное дѣйствіе, напримѣръ, вдѣть нитку въ иголку. Въ этихъ случаяхъ часто можно видѣть нахмуриванье, но оно будетъ сопровождаться какимъ-нибудь другимъ выраженіемъ, которое вполне воспрепятствуетъ тому, чтобы лицо имѣло видъ умственной энергіи или глубокой думы.

Теперь мы можемъ рассмотретьъ, почему нахмуриванье выражаетъ нѣчто трудное или непріятное въ мысляхъ или въ дѣйствіи. Совершенно такъ же, какъ натуралисты находятъ полезнымъ слѣдить за эмбриологическимъ развитіемъ органа, чтобы вполне понять его строеніе, при изученіи выразительныхъ движеній полезно какъ можно ближе придерживаться того же метода. Самое раннее и почти единственное выраженіе, которое мы видимъ въ первые дни младенчества и которое въ это время появляется часто, обнаруживается при крикѣ; а крикъ, какъ вначалѣ, такъ и нѣкоторое время послѣ того, вызывается всякими огорчающими или непріятными ощущеніями и эмоціями: голодомъ, болью, гнѣвомъ, завистью, страхомъ и т. д. Въ это время мышцы вокругъ глазъ сильно сокращаются; мнѣ кажется, этимъ въ значительной мѣрѣ объясняется нахмуриванье въ нашей остальной жизни. Я нѣсколько разъ наблюдалъ моихъ собственныхъ дѣтей, начиная съ того времени, когда имъ было менѣе недѣли, и до двухмѣсячнаго или трехмѣсячнаго возраста, и нашелъ, что при постепенномъ приближеніи приступа крика первымъ признакомъ его бываетъ сокращеніе надвига-

¹⁾ „History of the Abipones“, англ. перев., т. II, стр. 59, цитировано Леббокомъ, „Origin of Civilisation“, 1870, стр. 355.

телей бровей, которое вызывает легкое нахмуриванье, а за нимъ быстро слѣдуетъ сокращеніе другихъ мышцъ вокругъ глазъ. Когда ребенку неловко или онъ нездоровъ, то, согласно моимъ замѣткамъ, можно видѣть, какъ легкое нахмуриванье безпрестанно тѣсно пробѣгаетъ по его лицу; обыкновенно, но не всегда, за этимъ нахмуриваньемъ рано или поздно слѣдуетъ приступъ плача. Напримѣръ, я нѣкоторое время слѣдилъ за ребенкомъ семи-восьми недѣль, когда онъ сосалъ молоко, которое было холодно и поэтому не нравилось ему; легкое нахмуриванье упорно держалось все время. Оно ни разу не дошло до настоящаго приступа плача, хотя время отъ времени можно было наблюдать всѣ стадіи его приближенія.

Такъ какъ маленькія дѣти въ теченіе безчисленныхъ поколѣній слѣдовали привычкѣ сокращать брови въ началѣ всякаго приступа плача или крика, то эта привычка тѣсно ассоціировалась съ появленіемъ чувства чего-то досаднаго или непріятнаго. Поэтому этой привычкѣ свойственно сохраняться при такихъ же обстоятельствахъ и въ зрѣломъ возрастѣ, хотя она уже никогда не переходитъ въ приступъ плача. Мы начинаемъ произвольно удерживаться отъ крика или плача въ раннемъ періодѣ жизни, тогда какъ мы ни въ какомъ возрастѣ почти не сдерживаемъ нахмуриванья. Можетъ быть, стоитъ отмѣтить, что у дѣтей, которыя легко плачутъ, все, что причиняетъ имъ умственное затрудненіе и что у большинства другихъ дѣтей вызвало бы только нахмуриванье, легко заставляетъ ихъ плакать. Также у умалишенныхъ нѣкоторыхъ категорій всякое умственное усиліе, хотя бы самое незначительное, которое у человѣка, привыкшаго хмуриться, вызвало бы легкое нахмуриванье, вызываетъ неудержимыя слезы. То, что привычка сокращать брови при первомъ появленіи чего-либо непріятнаго, хотя она и приобрѣтена въ младенчествѣ, сохраняется въ остальной нашей жизни, не болѣе удивительно, чѣмъ то, что многія другія ассоціированныя привычки, приобрѣтенныя въ раннемъ возрастѣ, навсегда сохраняются и у человѣка, и у животныхъ. Напримѣръ, взрослыя кошки, когда имъ тепло и удобно, часто сохраняютъ привычку поочередно выдвигать переднія лапы, растопыривъ пальцы, что онѣ дѣлали съ опредѣленною цѣлью, когда сосали матерей.

Привычка нахмуриваться всякій разъ, когда умъ бываетъ сосредоточенъ на какомъ-нибудь вопросѣ и встрѣчаетъ затрудненіе, вѣроятно, усилилась еще отъ одной причины совсѣмъ иного рода. Зрѣніе есть наиболѣе важное изъ всѣхъ чувствъ, а въ первобытныя времена самое пристальное вниманіе навѣрно было постоянно устремлено на отдаленные предметы для того, чтобы получить добычу и избѣжать опасности. Я помню, что во время моего путешествія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Южной Америки, которыя были опасны вслѣдствіе присутствія индѣйцевъ, я былъ пораженъ тѣмъ, что полудикіе гаучосы безпрестанно, но повидимому, бессознательно, пристально осматривали весь горизонтъ. Если человѣкъ съ непокрытою головою (какъ, вѣроятно, первоначально ходилъ человѣческій родъ) напрягаетъ всѣ силы при яркомъ дневномъ свѣтѣ, а особенно при ясномъ небѣ, разсмотрѣть отдаленный предметъ, онъ почти неизмѣнно сдвигаетъ брови, чтобы устранить излишній свѣтъ; въ то же время нижнія вѣки, щеки и верхняя губа поднимаются, чтобы отверстіе глазъ уменьшилось. Я нарочно попросилъ нѣсколькихъ людей, молодыхъ и старыхъ, посмотрѣть, при вышеуказанныхъ условіяхъ, на отдаленные предметы, при чемъ я убѣдилъ ихъ, что желаю только испытать силу ихъ зрѣнія; всѣ они произвели только что описанныя дви-

женія. Кромѣ того, нѣкоторые ихъ нихъ приставили раскрытыя ладони надъ глазами, чтобы устранить избытокъ свѣта ¹⁾. Грасіоле, сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній приблизительно въ томъ же смыслѣ, говорить ²⁾: «Ce sont là des attitudes de vision difficile». Онъ заключаетъ, что мышцы вокругъ глазъ сокращаются отчасти для устраненія излишняго свѣта (что мнѣ представляется наиболѣе важною цѣлью), а отчасти для того, чтобы воспрепятствовать всѣмъ лучамъ попадать на сѣтчатку, кромѣ тѣхъ, которые идутъ прямо отъ рассматриваемаго предмета. Боуманъ, съ которымъ я совѣщался по этому вопросу, полагаетъ, что сокращеніе окружающихъ мышцъ можетъ, кромѣ того, «отчасти содѣйствовать согласованному движенію обоихъ глазъ, доставляя болѣе твердую опору въ то время, когда оба глазныхъ яблока посредствомъ ихъ собственныхъ мышцъ устанавливаются для бинокулярнаго видѣнія».

Такъ какъ усиліе, которое мы употребляемъ, внимательно рассматривая при яркомъ свѣтѣ отдаленный предметъ, и трудно, и неприятно, и такъ какъ это усиліе въ теченіе безчисленныхъ поколѣній обыкновенно сопровождалось сокращеніемъ бровей, то этимъ путемъ привычка хмуриться очень укрѣпилась; хотя первоначально она появлялась въ дѣтствѣ отъ причины совсѣмъ иного рода,—а именно, въ качествѣ перваго шага для защиты глазъ при крикѣ. Дѣйствительно, поскольку рѣчь идетъ о душевномъ состояніи, существуетъ большая аналогія между внимательнымъ рассматриваніемъ отдаленнаго предмета и поддержаніемъ неяснаго хода мыслей или исполненіемъ какой-нибудь незначительной, но хлопотливой механической работы. Предположеніе, что привычка сдвигать брови имѣетъ силу и тогда, когда нѣтъ ни малѣйшей надобности устранять избытокъ свѣта, находитъ себѣ поддержку въ вышеописанныхъ случаяхъ, когда при извѣстныхъ условіяхъ брови или вѣки приходятъ въ дѣйствіе бесполезнымъ образомъ вслѣдствіе того, что при аналогичныхъ обстоятельствахъ они имѣли подобное же употребленіе для полезной цѣли. Напримѣръ, мы произвольно закрываемъ глаза, когда не желаемъ чего-нибудь видѣть, и у насъ есть склонность закрывать ихъ, когда мы отвергаемъ предложеніе, какъ будто мы не хотимъ или не можемъ его видѣть; то же самое бываетъ, когда мы думаемъ о чемъ-нибудь ужасномъ. Мы поднимаемъ брови, когда желаемъ быстро осмотрѣться кругомъ, и мы часто дѣлаемъ то же самое, когда серьезно желаемъ что-нибудь припомнить; здѣсь мы поступаемъ такъ, какъ будто мы желаемъ увидать искомое.

Способность отвлеченія. Глубокое размышленіе. Когда человѣкъ поглощенъ мыслями и не сознаетъ окружающаго или, какъ иногда говорятъ, когда онъ «унесся за облака», онъ не хмурится, но его глаза кажутся безмысленными. Нижнія вѣки обыкновенно приподняты и сморщены, такъ же, какъ у близорукаго человѣка, когда онъ старается рассмотреть

1) [Генри Риксъ (письмо отъ 3 марта 1873) пишетъ: „Я видѣлъ, какъ черный медвѣдь, *U. americanus*, сѣлъ на заднія лапы и всклонилъ себѣ глаза передними, стараясь рассмотреть отдаленный предметъ; я слышалъ, что у названнаго вида часто бываетъ эта привычка“.]

2) „De la physionomie“, стр. 15, 144, 146. Гербертъ Спенсеръ объясняетъ нахмуриваніе исключительно привычкою сокращать брови для затѣненія глазъ при яркомъ свѣтѣ: см. „Principles of Psychology“, 2-е изд., 1872, стр. 546. Блеръ, директоръ колледжа въ Порстерѣ, сообщаетъ, что слѣпорожденные имѣютъ мало власти надъ *corrugator supercilii*, или вовсе ея не имѣютъ, такъ что они не могутъ нахмуриваться по приказанію; тѣмъ не менѣе они хмурятся произвольно. Однако они могутъ улыбаться по приказанію.

Таблица IV.

(Къ стр. 131, 142).

1.

2.

глубокомъ раздумьи мозгъ напрягается; но почему мы подносимъ руку ко рту или къ лицу—далеко не ясно.

Раздраженное настроеніе. Мы видѣли, что нахмуриванье является естественнымъ выраженіемъ какого-либо встрѣтившагося затрудненія или чего-либо неприятнаго въ мысляхъ или въ дѣйствіи; тотъ человѣкъ, умъ котораго часто и легко поддается такому дѣйствію, будетъ склоненъ къ дурному расположенію духа, или будетъ слегка сердитымъ или угрюмымъ и будетъ обыкновенно выражать это нахмуриваньемъ. Но сердитое выраженіе, происходящее отъ нахмуриванья, можетъ быть изглажено, если ротъ, часто расширяясь въ улыбку, кажется привѣтливымъ, и если глаза ясны и веселы. То же самое будетъ, если взглядъ будетъ веселъ и прямъ и если на лицѣ есть выраженіе серьезнаго размышленія. Нахмуриванье при нѣкоторомъ опусканіи угловъ рта, которое служитъ признакомъ горя, придаетъ лицу угрюмый видъ. Если ребенокъ (см. таблицу IV, фиг. 2) ¹⁾ во время плача очень нахмуривается, и если при этомъ обычное сокращеніе круговыхъ мышцъ не сильно, то получается ясно обозначенное выраженіе гнѣва и даже ярости вмѣстѣ съ выраженіемъ горя.

Если весь нахмуренный лобъ сильно опустится вслѣдствіе сокращенія пирамидальныхъ мышцъ носа, отъ котораго на переносицѣ образуются поперечныя морщины или складки, то выраженіе становится угрюмымъ. Дюшенъ полагаетъ, что сокращеніе этой мышцы, не сопровождаемое нахмуриваньемъ, придаетъ лицу выраженіе крайней и враждебной суровости ²⁾. Но я очень сомнѣваюсь въ томъ, чтобы это выраженіе было правдивымъ или естественнымъ. Я показывалъ приводимый Дюшеномъ портретъ молодого человѣка, у котораго эта мышца сильно сокращена при помощи электрическаго тока, одиннадцати лицамъ, въ томъ числѣ нѣсколькимъ художникамъ, и никто изъ нихъ не могъ догадаться, что на портретѣ изображено, кромѣ одной дѣвушки, которая отвѣтила правильно: «угрюмая сдержанность». Когда я въ первый разъ посмотрѣлъ на этотъ портретъ, зная объ его значеніи, мое воображеніе прибавило, какъ я думаю, необходимую черту, а именно, нахмуренный лобъ; вслѣдствіе этого выраженіе показалось мнѣ правдивымъ и крайне мрачнымъ.

Плотно закрытый ротъ при опущенномъ и нахмуренномъ лбѣ сообщаетъ выраженію рѣшимость или можетъ сдѣлать его упрямымъ и мрачнымъ. Мы сейчасъ разсмотримъ, почему плотно закрытый ротъ сообщаетъ выраженіе рѣшимости. Мои корреспонденты ясно видѣли выраженіе мрачнаго упрямства у туземцевъ въ шести различныхъ областяхъ Австрали. По словамъ м-ра Скотта, оно явственно видно у индусовъ. Оно было замѣчено у малайцевъ, китайцевъ, кафровъ, абиссинцевъ, въ рѣзкой формѣ, по словамъ д-ра Ротрока, у дикихъ индѣйцевъ въ Сѣверной Америкѣ, и, по словамъ м-ра Форбса, у племени аймара въ Боливіи. Я также замѣчалъ это выраженіе у арауканцевъ въ южномъ Чили. М-ръ Дайсонъ Леси замѣчаетъ, что австралійскіе туземцы, находясь въ такомъ настроеніи, иногда скрещиваютъ руки на груди; эту позу можно видѣть и у насъ. Твердая рѣшимость, доходящая до упрямства, иногда выражается еще тѣмъ, что плечи поднимаются и остаются въ такомъ положеніи; смыслъ этого жеста будетъ объясненъ въ слѣдующей главѣ.

У маленькихъ дѣтей недовольство выражается въ надуваніи губъ ³⁾.

¹⁾ Оригинальный портретъ, сдѣланный Киндерманомъ, гораздо выразительнѣе этой копии, такъ какъ на немъ яснѣ виденъ нахмуренный лобъ.

²⁾ „Mécanisme de la physiologie humaine“, Album, текстъ IV, фиг. 16—18.

³⁾ Генсли Веджвудъ объ „The Origin of Language“, 1866, стр. 78.

Когда углы губъ сильно опущены, нижняя губа немного отворачивается и выпячивается; это движеніе тоже называется надуваніемъ губъ. Но то надуваніе, о которомъ мы здѣсь говоримъ, состоитъ въ трубообразномъ оттопыриваніи обѣихъ губъ, которое иногда бываетъ настолько значительно, что губы выступаютъ на одинаковое разстояніе съ концомъ носа, если онъ коротокъ. Надуваніе обыкновенно сопровождается нахмуриваніемъ, и иногда при немъ издаются звуки въ родѣ *бу* или *у*. Это выраженіе замѣчательно, какъ почти единственное, насколько мнѣ извѣстно, которое проявляется гораздо явственнѣе въ дѣтствѣ, чѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ, по крайней мѣрѣ у европейцевъ. Впрочемъ, у взрослыхъ людей всѣхъ расъ есть нѣкоторая склонность оттопыривать губы при сильной ярости. Нѣкоторыя дѣти надуваются когда робѣютъ, и въ этихъ случаяхъ про нихъ едва ли можно сказать, что они не въ духѣ.

Судя по разпросамъ, которые я дѣлалъ въ нѣсколькихъ большихъ семьяхъ, надуваніе, повидимому, не очень распространено у европейскихъ дѣтей; но оно господствуетъ на всемъ свѣтѣ; оно навѣрно распространено и рѣзко выражено у самыхъ дикихъ расъ, ибо оно обратило на себя вниманіе многихъ наблюдателей. Оно было замѣчено въ восьми различныхъ округахъ Австраліи. Два наблюдателя видѣли надуваніе у индусскихъ дѣтей; трое—у дѣтей кафровъ и финго въ южной Африкѣ и у готтентотовъ; двое—у дѣтей дикихъ индѣйцевъ въ Сѣверной Америкѣ. Надуваніе было также замѣчено у китайцевъ, абиссинцевъ, малайцевъ въ Малаккѣ, у дайаковъ на Борнео; его часто видали у новозеландцевъ. М-ръ Мансель Виль сообщаетъ мнѣ, что онъ видалъ сильное выпячиваніе губъ не только у дѣтей кафровъ, но и у взрослыхъ обоого пола, когда они бывали не въ духѣ; а м-ръ Стекъ иногда наблюдалъ то же самое у мужчинъ и очень часто у женщинъ на Новой Зеландіи. Слѣды того же выраженія иногда можно замѣтить даже у взрослыхъ европейцевъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что оттопыриваніе губъ, особенно у маленькихъ дѣтей, служитъ характернымъ признакомъ дурного расположенія духа въ большей части свѣта. Это движеніе, особенно въ раннемъ возрастѣ, повидимому, является результатомъ сохраненія первоначальной привычки или результатомъ случайнаго атавизма. Молодые орангутанги и шимпанзе, когда они бываютъ недовольны, немного сердиты, или когда они не въ духѣ, необыкновенно сильно оттопыриваютъ губы, какъ описано въ одной изъ предыдущихъ главъ; то же самое бываетъ при удивленіи, небольшомъ испугѣ, и даже при несильномъ удовольствіи. Они выпячиваютъ ротъ, повидимому, для того, чтобы издавать различные звуки, соотвѣтствующіе этимъ настроеніямъ; форма рта, какъ я наблюдалъ у шимпанзе, была не вполне одинакова при крикѣ удовольствія и при крикѣ гнѣва. Какъ только эти животныя придутъ въ ярость, форма рта совершенно измѣняется и зубы обнажаются. Говорятъ, что взрослый орангутангъ, когда бываетъ раненъ, издаетъ «своеобразный крикъ, который сначала состоитъ изъ высокихъ нотъ, переходящихъ потомъ въ низкое рычаніе. Издавая высокія ноты, онъ выдвигаетъ губы въ видѣ воронки, но при низкихъ нотахъ онъ широко раскрываетъ ротъ»¹⁾. Говорятъ, что у гориллы нижняя губа можетъ далеко выпячиваться. Итакъ, если наши получеловѣческіе предки оттопыривали губы, когда бывали не въ духѣ или немного разсержены, такъ же, какъ это дѣлаютъ нынѣ живущія челоукоподобныя обезьяны, то фактъ, что наши

¹⁾ Мюллеръ, цитировано у Гексли, „Man's Place in Nature“, 1863, стр. 38.

дѣти при такомъ же настроеніи проявляютъ признаки того же самаго выраженія, при нѣкоторой склонности издавать звуки, не представляется аномаліей, хотя этотъ фактъ и любопытенъ. Ибо довольно обычно то явленіе, что животныя въ раннемъ возрастѣ болѣе или менѣе полно сохраняютъ, а впослѣдствіи утрачиваютъ характерныя черты, которыми первоначально обладали ихъ взрослые предки и которыя еще сохраняются у другихъ видовъ, близко родственныхъ имъ.

Нѣтъ аномаліи и въ томъ фактѣ, что дѣти дикарей, будучи не въ духѣ, обнаруживаютъ болѣе сильную склонность оттопыривать губы, чѣмъ дѣти цивилизованныхъ европейцевъ; ибо сущность дикаго состоянія, по-видимому, заключается въ сохраненіи первобытныхъ чертъ, что иногда сказывается даже въ тѣлесныхъ особенностяхъ¹⁾. Противъ такого взгляда на происхожденіе надуванія можно возразить, что человѣкоподобныя обезьяны оттопыриваютъ губы также и при удивленіи и даже при небольшомъ удовольствіи; тогда какъ у насъ это выраженіе обыкновенно ограничено недовольнымъ настроеніемъ. Но мы увидимъ въ одной изъ дальнѣйшихъ главъ, что у людей различныхъ расъ удивленіе иногда вызываетъ легкое оттопыриваніе губъ, хотя сильное удивленіе или изумленіе чаще проявляется въ широкомъ раскрываніи рта. Такъ какъ при улыбкѣ или смѣхѣ мы оттягиваемъ углы рта назадъ, мы утратили склонность выпячивать губы отъ удовольствія, если только наши отдаленные предки выражали удовольствіе такимъ движеніемъ.

Здѣсь можно упомянуть объ одномъ небольшомъ тѣлодвиженіи, которое производятъ дѣти, когда они раздражены, именно—объ ихъ, «дерганьи плечомъ.» Мнѣ кажется, что оно имѣетъ неодинаковое значеніе съ продолжительнымъ подниманіемъ обоихъ плечъ. Разсерженный ребенокъ, сидя на колѣняхъ у родителей, часто поднимаетъ ближайшее плечо, потомъ отдергиваетъ его, какъ бы уклоняясь отъ ласки, а затѣмъ дѣлаетъ имъ толчекъ назадъ, какъ бы отталкивая обидчика. Я видѣлъ, какъ одинъ ребенокъ, стоя на нѣкоторомъ разстояніи отъ всѣхъ, ясно выразилъ свои чувства, поднявъ одно плечо, сдѣлавъ имъ маленькое движеніе назадъ, и затѣмъ отвернувшись всѣмъ тѣломъ.

Твердость или рѣшимость.—Плотно сжатый ротъ имѣетъ свойство сообщать лицу выраженіе рѣшимости или твердости. Вѣроятно ни одинъ рѣшительный человѣкъ еще не имѣлъ привычки держать ротъ раскрытымъ. Поэтому небольшая и слабо развитая нижняя челюсть, которая какъ бы указываетъ, что ротъ обыкновенно не бываетъ плотно закрытъ, часто считается признакомъ слабаго характера. Продолжительное усиліе какого бы то ни было рода, тѣлесное или умственное, предполагаетъ предварительную рѣшимость; если можно доказать, что ротъ обыкновенно плотно закрывается передъ большимъ и продолжительнымъ напряженіемъ мышечной системы и во время его, тогда, вслѣдствіе принципа ассоціаціи, ротъ почти навѣрно будетъ закрытъ, какъ только будетъ принято какое-нибудь твердое рѣшеніе. Нѣсколько наблюдателей замѣтили, что человѣкъ, приступая къ какому бы то ни было напряженному мышечному усилію, неизмѣнно сначала расширяетъ легкія воздухомъ, а затѣмъ сжимаетъ ихъ сильнымъ сокращеніемъ мышцъ грудной клѣтки; для этого ротъ долженъ быть плотно закрытъ. Кромѣ того, когда человѣкъ при нужденъ сдѣлать вдоханіе, онъ держитъ грудную клѣтку какъ можно болѣе расширенной.

1) Я привелъ нѣсколько примѣровъ въ моемъ „Descent of Man“, т. I, глава II.

Для такого способа дѣйствія приводили различныя причины. Сэръ Ч. Бель утверждаетъ ¹⁾, что въ такихъ случаяхъ грудь наполняется воздухомъ и остается расширенной для того, чтобы дать твердую опору мышцамъ, которыя къ ней прикрѣпляются. Поэтому, какъ онъ замѣчаетъ, когда два человѣка вступаютъ въ смертельную схватку, господствуетъ зловѣщее молчаніе, нарушаемое только тяжелымъ, подавленнымъ дыханіемъ. Молчаніе происходитъ оттого, что при выталкиваніи воздуха для какого бы то ни было звука, ослабилась бы поддержка для мышцъ рукъ. Если раздастся крикъ, то, предполагая, что борьба происходитъ въ темнотѣ, мы тотчасъ же узнаемъ, что одинъ изъ борцовъ въ отчаяніи сдался.

Грасіоле соглашается ²⁾, что когда одному человѣку предстоитъ бороться съ другимъ, напрягая всѣ силы, или когда онъ долженъ поддерживать большую тяжесть, или долгое время сохранять принужденную позу, ему необходимо сначала сдѣлать глубокое вдыханіе, а потомъ перестать дышать; но онъ думаетъ, что объясненіе сэра Ч. Беля ошибочно. Онъ утверждаетъ, что при задержкѣ дыханія кровообращеніе замедляется, въ чемъ, какъ мнѣ кажется, нѣтъ сомнѣнія, и онъ приводитъ на основаніи строенія низшихъ животныхъ нѣкоторыя любопытныя доказательства, которыя свидѣтельствуютъ, съ одной стороны, что замедленное кровообращеніе необходимо для продолжительнаго мышечнаго напряженія, а съ другой стороны — что быстрое кровообращеніе необходимо для быстрыхъ движеній. Согласно съ этимъ взглядомъ, мы, приступая ко всякому большому усилию, закрываемъ ротъ и задерживаемъ дыханіе, чтобы замедлить кровообращеніе. Грасіоле подводитъ итогъ этому вопросу словами: «C'est là la vraie théorie de l'effort continu»; но я не знаю, въ какой мѣрѣ другіе физиологи допускаютъ эту теорію.

Д-ръ Пидеритъ объясняетъ ³⁾ плотное закрываніе рта при сильномъ мышечномъ напряженіи на основаніи того принципа, что вліяніе воли распространяется и на другія мышцы, помимо тѣхъ, дѣйствіе которыхъ необходимо для каждаго даннаго усилія; естественно, что дыхательныя мышцы и мышцы рта, которыя такъ часто употребляются, особенно легко поддаются этому вліянію. Мнѣ представляется, что въ этомъ взглядѣ вѣроятно есть доля истины, ибо намъ свойственно при сильномъ напряженіи крѣпко стискивать зубы, въ чемъ для задержки выдыханія нѣтъ надобности, пока мышцы грудной кѣтки сильно сокращены.

Наконецъ, когда человѣку нужно произвести какое-нибудь тонкое и трудное движеніе, совсѣмъ не требующее напряженія силъ, онъ все-таки обыкновенно закрываетъ ротъ и на нѣкоторое время перестаетъ дышать; но онъ дѣлаетъ это для того, чтобы движенія его груди не мѣшали движеніямъ рукъ. Напримѣръ, мы можемъ видѣть, какъ человѣкъ, вдѣвая нитку въ иголку, сжимаетъ губы и перестаетъ дышать, или дышитъ какъ можно спокойнѣе. Какъ раньше было указано, то же самое дѣлалъ молодой больной шипанзе, когда онъ развлекался тѣмъ, что билъ наружную стороною кисти мухъ, которыя жужжали на оконныхъ стеклахъ. Исполненіе дѣйствія, какъ бы оно ни было маловажно, предполагаетъ нѣкоторую степень предварительной рѣшимости, если это дѣйствіе трудно.

Повидимому нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что всѣ вышеуказанныя

1) „Anatomy of Expression“, стр. 190.

2) „De la physionomie“, стр. 118—121.

3) „Minik und Physiognomik“, стр. 79.

причины играли роль въ различной степени, совмѣстно или въ отдѣльности, въ различныхъ случаяхъ. Результатомъ явилась твердо установившаяся привычка, теперь можетъ быть наследственная, плотно закрывать ротъ передъ началомъ и во время всякаго сильнаго и продолжительнаго напряженія или при всякой тонкой операціи. Вслѣдствіе принципа ассоціаціи будетъ сильная склонность прибѣгать къ этой же привычкѣ всякій разъ, какъ умъ рѣшитъ произвести какое-либо определенное дѣйствіе или поступокъ, даже раньше какого бы то ни было тѣлеснаго напряженія или въ отсутствіе надобности въ немъ. Такимъ образомъ, обычное плотное закрываніе рта будетъ служить признакомъ рѣшительнаго характера; а рѣшительность легко переходитъ въ упрямство.

Г Л А В А X.

Ненависть и гнѣвъ.

Ненависть.—Ярость, вліяніе ея на организмъ.—Оскаливанье зубовъ.—Ярость у умалишенныхъ.—Гнѣвъ и негодованіе.—Выраженіе ихъ у различныхъ человѣческихъ расъ—Издѣвательство и угроза.—Оскаливанье клыка съ одной стороны лица.

Если мы потерпѣли отъ какаго-нибудь человѣка намѣренное оскорбленіе или предполагаемъ, что потерпимъ его, или если этотъ человѣкъ чѣмъ-нибудь досаждаеть намъ, онъ становится намъ антипатиченъ; а антипатія легко переходитъ въ ненависть. Если мы испытываемъ подобныя чувства въ умѣренной степени, то они не выражаются ясно никакими движеніями тѣла или чертъ лица, можетъ быть за исключеніемъ нѣкоторой сдержанности въ обхожденіи или нѣкоторой раздражительности. Впрочемъ, немного такихъ людей, которые могутъ долго думать о ненавистномъ человѣкѣ, не чувствуя негодованія или ярости и не проявляя ихъ признаковъ. Но если оскорбившій насъ человѣкъ совершенно незначителенъ, мы испытываемъ только пренебреженіе или презрѣніе. Если же, напротивъ, онъ всевластенъ, то ненависть переходитъ въ ужасъ, на примѣръ, когда рабъ думаетъ о жестокомъ господинѣ, или дикарь—о кровожадномъ, злобномъ божествѣ ¹⁾. Большинство нашихъ душевныхъ движеній такъ тѣсно связано съ выраженіемъ ихъ, что эти душевныя движенія почти не существуютъ, если тѣло остается пассивнымъ; характеръ же выраженія главнымъ образомъ зависитъ отъ характера дѣйствій, которыя обыкновенно производились именно при этомъ душевномъ состояніи. На примѣръ, человѣкъ можетъ знать, что его жизнь находится въ крайней опасности и можетъ сильно желать спасти ее, а между тѣмъ онъ можетъ воскликнуть, какъ Людовикъ XVI, окруженный свирѣпой чернью: «Развѣ я боюсь? Попробуйте мой пульсъ.» Точно такъ же человѣкъ можетъ сильно ненавидѣть другого, но пока ненависть не проявляется чѣмъ-нибудь физически, про него нельзя сказать, что онъ въ ярости.

Ярость.—Я уже имѣлъ случай говорить объ этомъ душевномъ движеніи въ третьей главѣ, когда была рѣчь о прямомъ вліяніи возбужден-

¹⁾ См. нѣкоторыя замѣчанія объ этомъ у м-ра Бена, „The Emotions and the Will“, 2-е изд., 1865, стр. 127. ☸

что имъ попадается. Какъ я слышалъ отъ м-ра Скотта, то же самое бываетъ у индусскихъ дѣтей и, какъ мы видѣли, у дѣтенышей человѣкоподобныхъ обезьянъ.

Но мышечная система часто испытываетъ дѣйствіе совѣмъ иного рода; ибо послѣдствіемъ крайней ярости часто бываетъ дрожь. Парализованныя губы отъказываются повиноваться волѣ, и «голосъ престакаетъ въ горлѣ» ¹⁾, или же онъ становится громкимъ, хриплымъ и нервнымъ. Если человѣкъ много и быстро говорить, то на губахъ выступаетъ пѣна. Волосы иногда становятся дыбомъ; но я возвращусь къ этому вопросу въ другой главѣ, когда буду говорить о соединеніи двухъ эмоцій, ярости и ужаса. Въ большинствѣ случаевъ лобъ бываетъ сильно нахмуренъ; ибо это движеніе вытекаетъ изъ чувства чего-либо неприятнаго или труднаго при одновременномъ сосредоточенномъ мысленіи. Но иногда лобъ, вмѣсто того чтобы сильно сократиться и опуститься, остается гладкимъ, а сверкающіе глаза широко раскрыты. Глаза всегда бываютъ ясными, или они могутъ, какъ выражается Гомеръ, быть подобны пылающему огню ²⁾. Иногда глаза наливаются кровью, и про нихъ говорятъ, что они выступили изъ орбитъ—безъ сомнѣнія, это является послѣдствіемъ переполненія головы кровью, которое доказывается расширеніемъ венъ. По словамъ Грасіоле ³⁾, при ярости зрачки всегда сокращены, и я слышалъ отъ д-ра Кричтона Броуна, что это бываетъ во время бурнаго бреда при менингитѣ; но движенія радужной оболочки подъ вліяніемъ различныхъ душевныхъ движеній представляютъ очень темный вопросъ.

Шекспиръ сводитъ воедино главные характерные признаки ярости такъ:

. . . . . Средь мира кроткимъ быть—
Нѣтъ ничего приличнѣй для мужчины;
Но звукъ трубы воинской услыхавъ,
Должны тотчасъ вы въ тигровъ превратиться,
Кровь взволновать и жилы натянуть,
Скрыть кроткій нравъ подъ маскою свирѣпой
И страшный видъ придать своимъ глазамъ.
Изъ впадинъ пусть они глядятъ, какъ пушки
Изъ амбразуръ, и пусть чело надъ ними
Нависнетъ такъ же грозно, какъ скала,
Подмытая прибоемъ океана.
Со сдержаннымъ дыханьемъ, стиснувъ зубы
И расширяя ноздри, вы должны
Теперь собрать всѣ ваши силы духа
И ихъ поднять до крайней высоты.
Впередъ, впередъ, знатнѣйшіе изъ васъ!

Генрихъ V, актъ III, сн. 1.

Перев. Михаловскаго.

При ярости губы иногда оттопыриваются; смыслъ этого движенія мнѣ непонятенъ, если только онъ не является слѣдствіемъ нашего происхожденія отъ какого-нибудь обезьяноподобнаго животнаго. Примѣры этого оттопыриванья были замѣчены не только у европейцевъ, но и у австралийцевъ, и у индусовъ. Впрочемъ, губы гораздо чаще оттягиваются назадъ и такимъ образомъ обнажаются оскаленные или стиснутые зубы. Это было замѣчено почти всѣми, кто писалъ о выраженіи ⁴⁾. По-

1) Сэръ Ч. Бель («Anatomy of Expression», стр. 95) дѣлаетъ нѣсколько превосходныхъ замѣчаній о выраженіи ярости. (См. интересный случай временной афазіи, вызванной яростью, въ «Influence of the mind on the body», Тьюка, 1872, стр. 223).

2) (Иліада, I, 104.)

3) «De la physionomie», 1865, стр. 346.

4) Сэръ Ч. Бель, „Anatomy of Expression“, стр. 177. Грасіоле („De la phys.“, стр. 369) говоритъ: „les dents se découvrent et imitent symboliquement l'action dé —

лучается такой видъ, какъ будто обнаженные зубы готовы схватить или разорвать врага, хотя бы на самомъ дѣлѣ и не было намѣренія такъ поступить. М-ръ Дайсонъ Леси видѣлъ это оскаленное выраженіе у австралійцевъ, когда они ссорились, а Гаика видѣлъ его у кафровъ въ южной Африкѣ ¹⁾. Диккенсъ ²⁾, говоря объ ужасномъ убійцѣ, только что пойманномъ и окруженномъ разъяренной толпой, пишетъ: «Люди подпрыгивали одинъ за другимъ, оскаливъ зубы и порываясь къ нему, какъ дикіе звѣри». Всякій, имѣвшій много дѣла съ маленькими дѣтьми, навѣрно замѣтилъ, какъ имъ свойственно кусаться, когда они вѣдъ себя. Повидимому, это движеніе у нихъ такъ же инстинктивно, какъ у молодыхъ крокодиловъ, которые шелкаютъ своими маленькими челюстями, какъ только выйдутъ изъ яйца.

Оскаленное выраженіе и оттопыриванье губъ, повидимому, иногда бываютъ одновременно. Одинъ внимательный наблюдатель говоритъ, что онъ видалъ много примѣровъ жестокой ненависти (которую почти нельзя отличить отъ ярости, болѣе или менѣе подавленной) у народовъ Востока, и однажды у пожилой англичанки. Во всѣхъ этихъ случаяхъ лицо было «оскаленное, а не нахмуренное, губы вытянуты, щеки опущены внизъ, глаза полузакрыты, между тѣмъ какъ лобъ оставался совершенно спокойнымъ» ³⁾.

Это оттягиванье губъ и оскаливанье зубовъ во время приступовъ ярости, какъ бы для того чтобы укусить оскорбителя, настолько замѣчательно, если мы примемъ во вниманіе, какъ рѣдко люди въ дракѣ прибѣгаютъ къ зубамъ, что я справлялся у д-ра Кричтона Броуна, часто ли встрѣчается эта привычка у умалишенныхъ, страсти которыхъ разнужданы. Онъ сообщаетъ мнѣ, что нѣсколько разъ наблюдалъ это явленіе и у умалишенныхъ, и у идіотовъ и онъ даетъ мнѣ слѣдующія подробности:

Незадолго до полученія моего письма, онъ былъ свидѣтелемъ неудержимаго взрыва гнѣва и безсмысленной ревности у одной помѣшанной дамы. Сначала она бранила мужа, и въ это время пѣна появилась на ея губахъ. Затѣмъ она подошла къ нему вплотную, стиснувъ губы и свирѣпо нахмурившись. Потомъ она оттянула губы назадъ, особенно углы верхней губы, и обнажила зубы, въ то же время приготавливаясь нанести ему коварный ударъ. Второй примѣръ — старый солдатъ, который приходитъ въ раздраженіе, когда его просятъ подчиняться правиламъ учрежденія; раздраженіе переходитъ въ ярость. Обыкновенно онъ прежде всего спрашиваетъ д-ра Броуна, не стыдно ли ему такъ обращаться съ нимъ. Потомъ онъ ругается и богохульствуетъ, шагаетъ назадъ и впередъ, дико вскидываетъ руками и угрожаетъ всѣмъ находящимся вблизи. Наконецъ, когда его неистовство достигаетъ апогея, онъ особымъ боковымъ движеніемъ кидается на д-ра Броуна, потрясая

chirer et de mordre⁴. Если бы, вмѣсто неопредѣленнаго термина symboliquement, Грациоле сказалъ, что это движеніе есть остатокъ привычки, приобретенной въ первобытныя времена, когда наши полуделовѣческіе предки въ дракахъ пускали въ ходъ зубы, какъ гориллы и орангутанги въ настоящее время, его слова были бы понятнѣе. Д-ръ Пидеритъ („Mimik“ и т. д., стр. 82) тоже говоритъ объ оттягиваніи верхней губы при ярости. На гравюрѣ съ одной изъ удивительныхъ картинъ Гогарта бѣшеная ярость изображена самымъ нагляднымъ образомъ: широко раскрытые глаза вытаращены, лобъ нахмуренъ и обнаженные зубы оскалены.

¹⁾ [Д-ръ Комри („Journal of Anthropological Institute“, т. VI, стр. 108) пишетъ про туземцевъ на Новой Гвинее, что они обнажаютъ клыки и плюютъ, когда сердятся].

²⁾ „Oliver Twist“, т. III, стр. 245.

³⁾ „The Spectator“, 11 іюля 1868, стр. 819.

Таблица VI.

(Къ стр. 140, 151)

1.

1

4.

2

сжатымъ кулакомъ и угрожая уничтожить его. Въ это время можно замѣтить, что его верхняя губа поднята, особенно по угламъ, такъ что его огромные клыки открыты. Онъ съ шипѣніемъ произноситъ ругательства сквозь стиснутые зубы, и весь его видъ становится чрезвычайно свирѣпымъ. Подобное же описаніе приложимо и къ другому чело-вѣку, съ тѣмъ различіемъ, что у него на губахъ обыкновенно высту-паютъ пѣна и онъ плюетъ; при этомъ онъ странно и быстро танцуетъ и прыгаетъ кругомъ, выкрикивая проклятія пронзительнымъ фальцетомъ.

Д-ръ Броунъ также сообщаетъ мнѣ объ одномъ идиотѣ, страдаю-щемъ падучею болѣзнию, который неспособенъ къ самостоятельнымъ движеніямъ и который цѣлые дни занимается игрушками; но у него угрюмый характеръ и онъ легко приходитъ въ ярость. Когда кто-ни-будь тронетъ его игрушки, онъ медленно поднимаетъ голову, выводя ее изъ обычнаго опущеннаго положенія, и устремляетъ глаза на обид-чика, медленно, но сердито нахмуриваясь. Если ему продолжаютъ до-саждать, онъ оттягиваетъ назадъ толстыя губы и обнаруживаетъ вы-дающийся впередъ рядъ отвратительныхъ зубовъ (при чемъ особенно обращаютъ на себя вниманіе большіе клыки); затѣмъ онъ быстро и злобно схватываетъ раскрытою рукою обидчика. По замѣчанію д-ра Броуна, быстрота этого схватыванья изумительна у существа, которое обыкновенно такъ неподвижно, что ему нужно около 15 секундъ на поворотъ головы изъ одной стороны въ другую, когда какой-либо шумъ привлечетъ его вниманіе. Если дать ему въ руки, когда онъ такъ раз-драженъ, носовой платокъ, книгу или другую вещь, онъ подноситъ ее ко рту и кусаетъ. М-ръ Найколь тоже описалъ мнѣ два примѣра ду-шевнобольныхъ, у которыхъ во время приступовъ ярости губы оття-гиваются.

Д-ръ Модслей, подробно описавъ различныя странныя звѣроподоб-ныя черты у идиотовъ, спрашиваетъ, не зависятъ ли онѣ отъ вторич-наго появленія первобытныхъ инстинктовъ—«какъ слабое эхо далекаго прошлаго, свидѣтельствующее о родствѣ, которое чело-вѣкъ почти пе-реросъ». Онъ прибавляетъ, что такъ какъ каждый чело-вѣческій мозгъ проходитъ въ теченіе своего развитія черезъ тѣ же стадіи, какія встрѣ-чаются у низшихъ позвоночныхъ, и такъ какъ мозгъ идиота находится въ недоразвитомъ состояніи, то мы можемъ предположить, что онъ «проявитъ свои наиболѣе первобытныя функціи и не проявитъ высшихъ». Д-ръ Модслей думаетъ, что съ этой же точки зрѣнія можно смотрѣть на нѣкоторыхъ умалишенныхъ, мозгъ которыхъ находится въ состояніи вырожденія; онъ спрашиваетъ, откуда берется «свирѣпое рычанье, ин-стинкты разрушенія, непристойный языкъ, дикій вой, оскорбительныя привычки, которыя проявляются у нѣкоторыхъ умалишенныхъ? По-чему бы чело-вѣческому существу, лишившись разсудка, приобрѣтать та-кой звѣроподобный характеръ, какъ это бываетъ у нѣкоторыхъ, если бы чело-вѣкъ не носилъ въ себѣ звѣриной натуры?» ¹⁾ Повидимому, на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить утвердительно.

Гнѣвъ, негодованіе. Эти душевныя состоянія отличаются отъ яро-сти только степенью, и въ ихъ характерныхъ признакахъ нѣтъ рѣзкой разницы. При умѣренномъ гнѣвѣ дѣятельность сердца нѣсколько усили-вается, румянецъ увеличивается и глаза становятся блестящими. Дыха-ніе тоже немного ускоряется; а такъ какъ дѣйствіе всѣхъ мышцъ,

¹⁾ „Body and Mind“, 1870, стр. 51—53.

служащихъ этой функціи, согласовано, то крылья ноздрей немного приподнимаются, чтобы воздухъ поступалъ свободно; это движеніе служитъ весьма характернымъ признакомъ негодованія. Ротъ обыкновенно бываетъ сжатъ, а лобъ почти всегда нахмуренъ. Въмѣсто неистовыхъ тѣлодвиженій крайней ярости, негодующій человѣкъ безсознательно принимаетъ такую позу, какъ будто онъ готовъ напасть на врага или ударить его; иногда онъ съ вызывающимъ видомъ мѣрзаетъ его взглядомъ съ головы до ногъ. Онъ высоко держитъ голову, грудь вполнѣ расширена и ноги твердо стоятъ на землѣ. Онъ держитъ руки въ разныхъ позахъ, выставивъ угломъ одинъ или оба локтя, или неподвижно вытянувъ руки вдоль боковъ. У европейцевъ кулаки обыкновенно бываютъ сжаты ¹⁾. На фиг. 1 и 2, табл. VI, довольно хорошо изображены люди, симулирующіе негодованіе. Каждый изъ насъ, если онъ живо вообразитъ, что его оскорбили и сердитымъ тономъ требуетъ объясненія, увидитъ въ зеркалѣ, какъ невольно и безсознательно онъ приметъ позу, похожую на приведенныя.

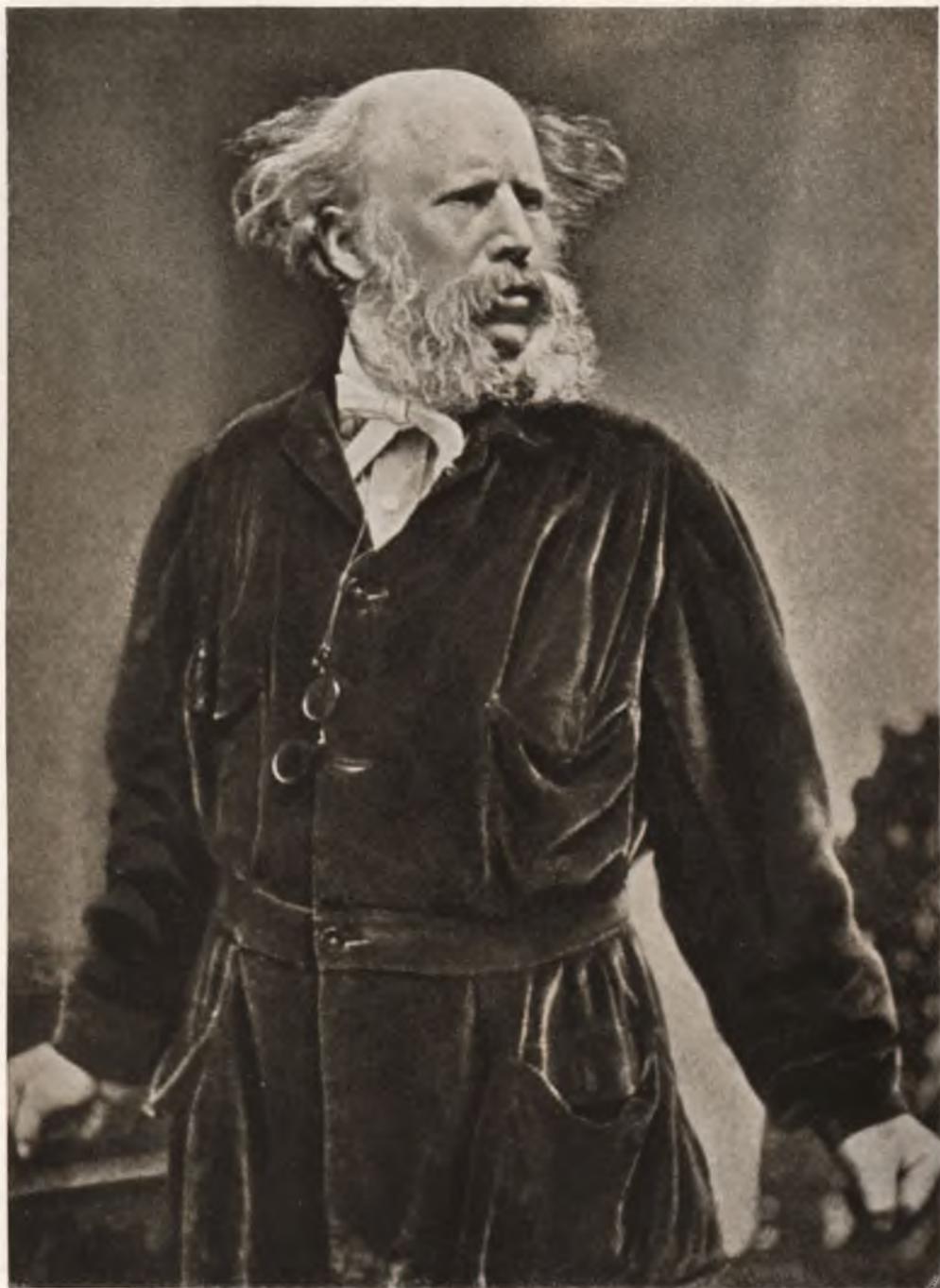
Ярость, гнѣвъ и негодованіе выражаются почти одинаково во всемъ свѣтѣ; въ доказательство этого и въ качествѣ иллюстраціи нѣкоторыхъ вышеприведенныхъ замѣчаній, можетъ быть, стоитъ привести слѣдующія описанія. Впрочемъ, есть исключеніе по отношенію къ сжиманью кулаковъ, повидимому это движеніе свойственно главнымъ образомъ людямъ, которые дерутся кулаками. Только одинъ изъ моихъ корреспондентовъ видѣлъ сжатые кулаки у австралійцевъ. Всѣ согласны въ томъ, что туловище держится прямо; всѣ, за двумя исключеніями, указываютъ, что брови сильно сдвинуты. Нѣкоторые изъ нихъ упоминаютъ о плотно сжатомъ ртѣ, расширенныхъ ноздряхъ и сверкающихъ глазахъ. По словамъ м-ра Теплина, у австралійцевъ ярость выражается выпячиваньемъ губъ при широко раскрытыхъ глазахъ; у женщинъ же она проявляется въ томъ, что онѣ пляшутъ кругомъ и бросаютъ пыль на воздухъ. Другой наблюдатель говоритъ о туземцахъ-мужчинахъ, что они, придя въ ярость, дико размахиваютъ руками.

За исключеніемъ того, что относится къ сжиманію кулаковъ, я получилъ подобныя же описанія малайцевъ на Малакскомъ полуостровѣ, абиссинцевъ и туземцевъ южной Африки. То же самое происходитъ у индѣйцевъ въ Дакоутѣ, въ Сѣверной Америкѣ; по словамъ м-ра Матьюзъ, они при этомъ высоко держатъ голову, хмурятся и часто отходятъ прочь большими шагами. М-ръ Бриджсъ утверждаетъ, что жители Огненной Земли, придя въ ярость, часто топаютъ оземь, безцѣльно прохаживаются, иногда плачутъ и блѣднѣютъ. М-ръ Стекъ наблюдалъ ссору новозеландцевъ, мужчины и женщины, и внесъ въ свою записную книжку слѣдующую замѣтку: «Глаза расширены, туловище порывисто раскачивается взадъ и впередъ, голова наклонена впередъ, кулаки стиснуты и то отбрасываются за туловище, то направляются другъ другу въ лицо». М-ръ Свинхо говоритъ, что мое описаніе согласно съ тѣмъ, что онъ видѣлъ у китайцевъ, съ тѣмъ исключеніемъ, что разсердившійся человѣкъ обыкновенно наклоняетъ туловище къ своему противнику и, указывая на него, раздражается потокомъ брани.

Наконецъ, переходимъ къ туземцамъ Индіи,—м-ръ Скоттъ прислалъ мнѣ подробное описаніе ихъ жестовъ и выраженія во время ярости.

¹⁾ Лебрень, въ известной „Conférence sur l'expression“ („La physionomie“, Лафатера, изд. 1820 г., т. IX, стр. 268), замѣчаетъ, что гнѣвъ выражается сжатіемъ кулаковъ. См. о томъ же Huschke, „Mimices et Physiognomices“, Fragmentum Physiologicum, 1824, стр. 2с. Также сэръ Ч. Бель, „Anatomy of Expression“, стр. 219.

Таблица VI.
(Къ стр. 140).

Два бенгальца-простолюдина поссорились изъ-за занятыхъ денегъ. Сначала они были спокойны, но скоро вышли изъ себя и стали осыпать другъ друга грубѣйшей бранью, относившейся къ родственникамъ и предкамъ врага во многихъ прошлыхъ поколѣнїяхъ. Ихъ жесты были совѣмъ непохожи на жесты европейцевъ: хотя у нихъ грудь была расширена и плечи выпрямлены, руки оставались неподвижно вытянутыми, локти были повернуты внутрь, а пальцы то сжимались, то раскрывались. Ихъ плечи часто высоко поднимались, а потомъ опять опускались. Они грозно смотрѣли одинъ на другого изъ-подъ опущенныхъ и сильно нахмуренныхъ бровей, а оттопыренные губы были плотно сжаты. Они приблизились другъ къ другу, вытянувъ впередъ голову и шею, и стали толкать, царапать и хватать одинъ другого. Это выставленіе головы и туловища впередъ, повидимому, представляетъ обычный жестъ у человѣка, пришедшаго въ ярость; я замѣчалъ его у пьяныхъ англійскихъ женщинъ, когда онѣ шумно ссорились на улицѣ. Въ такихъ случаяхъ можно предположить, что ни одинъ изъ враговъ не рассчитываетъ получить ударъ отъ другого¹⁾.

Одного бенгальца, служившаго въ ботаническомъ саду, смотритель-туземецъ въ присутствїи м-ра Скотта обвинилъ въ кражѣ цѣннаго растенія. Тотъ молча и презрительно выслушалъ обвиненіе; онъ стоялъ выпрямившись, грудь была расширена, ротъ закрытъ, губы оттопырены, глаза смотрѣли прямо и пронизательно. Потомъ онъ сталъ съ угрожающимъ видомъ утверждать, что невиненъ, поднявъ стиснутыя руки, выставивъ теперь голову впередъ, широко раскрывъ глаза и поднявъ брови. М-ръ Скоттъ наблюдалъ также двухъ мечисовъ въ Сиккимѣ, которые поссорились при дѣлежѣ платы. Вскорѣ они пришли въ неистовую ярость, тогда ихъ туловище стало держаться менѣе прямо, а головы выставились впередъ; они дѣлали гримасы одинъ другому; плечи были подняты; руки оставались неподвижно согнутыми внутрь въ локтяхъ, а пальцы судорожно смыкались, но не были вполнѣ стиснуты. Они все время то приближались, то отступали одинъ отъ другого, и часто поднимали руки, какъ бы для удара, но кулаки не были сжаты и ударовъ не было. М-ръ Скоттъ наблюдалъ подобныя же движенія у лепчей, ссоры которыхъ онъ часто видалъ; онъ замѣтилъ, что они держатъ руки неподвижно и почти параллельно туловищу, закинувъ кисти немного назадъ и отчасти закрывая ладони, но не стискивая кулаковъ.

Издѣвательство, угроза; оскаливанье клыка съ одной стороны. Выраженіе, которое я хочу здѣсь разсмотрѣть, мало отличается отъ того уже описаннаго выраженія, когда губы оттягиваются и обнажаются зубы. Различіе состоитъ только въ такомъ оттягиванїи верхней губы, при которомъ показывается клыкъ только съ одной стороны лица; при этомъ самое лицо обыкновенно немного поднимается вверхъ и наполовину отворачивается отъ человѣка, нанесшаго оскорбленіе. Другіе признаки ярости не всегда бываютъ налицо. Это выраженіе можно иногда наблюдать у человѣка, который издѣвается надъ другимъ или смотритъ на него съ

¹⁾ [„Не есть ли это приближеніе головы и туловища къ оскорбителю у человѣка, пришедшаго въ ярость, остатокъ нападенія на врага при помощи зубовъ?“—Замѣтка Ч. Дарвина.

Мозелей („J. Anthropolog. Institute“, т. VI, 1876—7) приводитъ хорошее описаніе жителя Адмиралтейскихъ острововъ, пришедшаго въ „бѣшеную ярость“; онъ пишетъ, что голова этого человѣка была „опущена и дергалась по направленію предмета его гнѣва, какъ будто онъ намѣревался вцѣпиться въ него зубами“.]

вызывающимъ видомъ, хотя бы дѣйствительнаго гнѣва и не было; напри- мѣръ, когда кого-нибудь въ шутку обвиняють въ проступкѣ, а онъ отвѣчаетъ: «Я презираю это обвиненіе». Это выраженіе встрѣчается не очень часто, но я видѣлъ его очень явственно у одной дамы, которую поддразнивало другое лицо. Парсонзъ описалъ его уже въ 1746 г., и изобразилъ на гравюрѣ обнаженный клыкъ съ одной стороны ¹⁾. Безъ моего упоминанія объ этомъ предметѣ Реджлендеръ спросилъ меня, замѣчалъ ли я когда-либо это выраженіе, такъ какъ оно весьма поразило его. Онъ сдѣлалъ для меня портретъ (таблица IV, фиг. I) одной дамы, которая иногда невольно обнажаетъ клыкъ съ одной стороны и которая можетъ дѣлать это произвольно съ необычайной отчетливостью.

Выраженіе полусутоливой насмѣшки постепенно переходитъ въ чрез- вычайно свирѣпое, когда одновременно съ сильнымъ нахмуриваньемъ лба и свирѣпымъ взглядомъ оскаливается клыкъ. Одно мальчика-бенгальца обвинили передъ м-ромъ Скоттомъ въ какомъ-то проступкѣ. Провинив- шійся не рѣшался дать волю своему гнѣву въ словахъ, но онъ ясно вы- ражался на его лицѣ то угрожающимъ нахмуриваньемъ, то «совершенно собачьимъ рычаньемъ». Когда онъ издавалъ рычанье, «край губы надъ клыкомъ, который у него былъ большой и выдавался впередъ, подни- мался со стороны, обращенной къ обвинителю, при чемъ лобъ оставался сильно нахмуреннымъ». Сэръ Ч. Бель утверждаетъ ²⁾, что актеръ Кукъ могъ выражать самую явную ненависть, «когда онъ, глядя искоса, под- нималъ вверхъ внѣшнюю часть верхней губы и обнажалъ острый клыкъ».

Оскаливанье клыка есть результатъ двойного движенія. Уголь или край рта немного оттягивается назадъ, и въ то же время мышца, иду- щая параллельно носу и близъ него, поднимаетъ внѣшнюю часть верхней губы и открываетъ клыкъ съ той же стороны лица. Отъ сокращенія этой мышцы на щекѣ образуется замѣтная складка и подъ глазомъ, особенно у его внутренняго угла, появляются рѣзкія морщины. Это движеніе оди- наково съ движеніемъ рычащей собаки; собака, когда она дѣлаетъ видъ, будто хочетъ вступить въ драку, часто поднимаетъ губу только съ одной стороны, именно съ той, которая обращена къ противнику. Наше слово *sneer* (издѣваться) въ сущности тождественно со словомъ *snarl* (рычать), которое первоначально было *snar*, а *l* «есть только элементъ, обозначаю- щій продолжительность дѣйствія» ³⁾.

Мнѣ кажется, что мы имѣемъ слѣды того же самаго выраженія въ томъ, что называется ядовитой или сардонической улыбкой. При ней губы остаются сомкнутыми или почти сомкнутыми, но уголь рта оття- гивается со стороны, обращенной къ осмѣиваемому человѣку; это оття- гиванье угла рта назадъ есть часть выраженія, бывающаго при настоя- щемъ издѣвательствѣ. Хотя нѣкоторые люди сильнѣе улыбаются одною стороною лица, чѣмъ другою, нелегко понять, почему при насмѣшкѣ улыбка, если она подлинна, обыкновенно ограничивается одною сторо- ною. Въ этихъ случаяхъ я замѣчалъ также легкое подергиванье мышцы, которая поднимаетъ внѣшнюю часть верхней губы; это движеніе, если бы оно было доведено до конца, обнажило бы клыкъ и получило бы вы- раженіе, бывающее при издѣвательствѣ.

М-ръ Бельмеръ, австралійскій миссіонеръ въ отдаленной части Гипс- ленда, говоритъ въ отвѣтъ на мой вопросъ относительно оскаливанья

1) „Transact Philosoph. Soc.“, прибавленіе, 1746, стр. 65.

2) „Anatomy of Expression“, стр. 136. Сэръ Ч. Бель называетъ (стр. 131) мышцы, обнажающія клыки, мышцами рычанья.

3) Генсли Веджвудъ „Dictionary of English Etymology“, 1865, т. III, стр. 241, 243.

клыка съ одной стороны: «Я замѣчалъ, что туземцы, озлобившись другъ на друга, говорятъ со стиснутыми зубами, оттянувъ верхнюю губу въ одну сторону и вообще имѣя сердитое выраженіе лица; но они прямо глядятъ на того, къ кому обращаются». Три другихъ наблюдателя въ Австраліи, одинъ въ Абиссиніи и одинъ въ Китаѣ отвѣчаютъ утвердительно на мой вопросъ относительно этого выраженія; но такъ какъ это выраженіе встрѣчается рѣдко и такъ какъ они не вдаются въ подробности, я не рѣшаюсь положиться на нихъ. Впрочемъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что животноподобное выраженіе чаще встрѣчается у дикарей, чѣмъ у цивилизованныхъ расъ. М-ръ Гичъ—наблюдатель, которому можно вполнѣ довѣрять, и онъ однажды наблюдалъ его у одного малайца внутри Малакки—М-ръ Глини отвѣчаетъ: «Мы наблюдали это выраженіе у туземцевъ Цейлона, но не часто». Наконецъ, въ Сѣверной Америкѣ д-ръ Ротрокъ видѣлъ его у нѣкоторыхъ индѣйцевъ и часто наблюдалъ его у племени, сосѣдняго съ племенемъ атна.

Хотя верхняя губа несомнѣнно иногда поднимается только съ одной стороны при насмѣшкѣ или вызывающемъ обращеніи, я не могу сказать, чтобы это всегда такъ бывало, потому что лицо обыкновенно бываетъ наполовину отвернуто, а это выраженіе часто бываетъ мимолетно. Возможно, что ограниченіе этого выраженія только одною стороною не является существенною чертою его, но можетъ быть зависить отъ того, что соотвѣтствующія мышцы способны приходить въ движеніе только съ одной стороны. Я попросилъ четырехъ лицъ произвольно сдѣлать это движеніе, двое могли открыть клыкъ только съ лѣвой стороны, одинъ—только съ правой, а четвертый—ни съ той, ни съ другой. Однако же вовсе нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что эти же самые люди, если бы они въ самомъ дѣлѣ смотрѣли на кого-нибудь съ вызывающимъ видомъ, не обнажили бы безсознательно клыка съ одной стороны, безразлично съ какой именно, но обращенной къ оскорбителю. Ибо мы видѣли, что нѣкоторые люди не могутъ произвольно придавать бровямъ наклонное положеніе, но мгновенно производятъ это движеніе подъ вліяніемъ какой-нибудь реальной, хотя бы самой незначительной, причины огорченія. Часто встрѣчающаяся полная утрата способности оскалывать клыкъ съ одной стороны лица указываетъ, такимъ образомъ, что это движеніе рѣдко употребляется и стало почти abortивнымъ. Дѣйствительно, тотъ фактъ, что человѣкъ обладаетъ этой способностью или обнаруживаетъ склонность пользоваться ею, удивителенъ; ибо Сеттонъ никогда не замѣчалъ оскалыванія клыковъ у нашихъ ближайшихъ родичей, то-есть у обезьянъ въ зоологическомъ саду, и онъ положительно утверждаетъ, что павіаны, несмотря на то, что имѣютъ большіе клыки, никогда не дѣлаютъ этого движенія, но обнажаютъ всѣ зубы, когда разсвирѣпѣютъ и готовятся къ нападенію. Неизвѣстно, оскалываютъ ли клыки, приготовляясь къ дракѣ, взрослыя человекоподобныя обезьяны, у самцовъ которыхъ клыки гораздо больше, чѣмъ у самокъ.

Разсматриваемое здѣсь выраженіе, явится ли оно при шутливой насмѣшкѣ или будетъ свирѣпымъ оскалываньемъ, есть одно изъ наиболѣе любопытныхъ, какія встрѣчаются у человѣка. Оно свидѣтельствуетъ объ его животномъ происхожденіи; ибо ни одинъ человѣкъ, даже катаясь по землѣ въ смертельной схваткѣ съ врагомъ и пытаясь укусить его, не станетъ пускать въ дѣло клыки преимущественно передъ остальными. Вслѣдствіе нашего родства съ человекоподобными обезьянами, намъ легко предположить, что у самцовъ нашихъ получеловѣческихъ предковъ были большіе клыки; теперь иногда рождаются люди, у которыхъ клыки необык-

новенно велики, а на противоположной челюсти есть промежутки для помѣщенія ихъ ¹⁾). Хотя и нѣтъ аналогіи, на которую мы могли бы опереться, мы можемъ предполагать далѣе, что наши получеловѣческіе предки оскаливали клыки, приготовляясь драться, какъ мы дѣлаемъ и сейчасъ, когда приходимъ въ ярость или когда только насмѣхаемся надъ кѣмъ-нибудь или смотримъ съ вызывающимъ видомъ, не имѣя намѣренія дѣйствительно напасть на врага при помощи зубовъ.

Г Л А В А XI.

Пренебреженіе. — Презрѣніе. — Отвращеніе. — Вино- вность. — Гордость и пр. — Безпомощность. — Терпѣніе. — Утвержденіе и отрицаніе.

Различныя выраженія пренебреженія и презрѣнія. — Насмѣшливая улыбка. — Жесты, выражающіе пренебреженіе. — Отвращеніе. — Виновость, обманъ, гордость и пр. — Безпомощность или безсиліе. — Терпѣніе. — Упрямство. — Пожиманіе плечами свойственно большинству человѣческихъ расъ. — Утвердительные и отрицательные знаки.

Презрѣніе почти нельзя отличить отъ пренебреженія, кромѣ того, что первое предполагаетъ нѣсколько болѣе гнѣвное настроеніе. Ихъ также нельзя ясно отличить отъ чувствъ, описанныхъ въ предыдущей главѣ и названныхъ издѣвательствомъ и вызывающими чувствами. Отвращеніе является чувствомъ нѣсколько болѣе самостоятельнаго характера и связано съ чѣмъ-нибудь возмутительнымъ, первоначально относящимся къ чувству вкуса, дѣйствительно испытываемому или живо воображаемому; а затѣмъ оно связано со всѣмъ, что вызываетъ подобное же чувство, черезъ посредство обонянія, осязанія и даже зрѣнія. Тѣмъ не менѣе крайнее презрѣніе, или, какъ его часто называютъ, ненавистничество, почти не отличается отъ отвращенія. Слѣдовательно, всѣ эти душевныя состоянія близко родственны между собою; каждое изъ нихъ можетъ выражаться различными способами. Нѣкоторые писатели настаивали преимущественно на одномъ способѣ выраженія, другіе — на другомъ. Изъ этого обстоятельства Лемуанъ заключилъ, что ихъ описанія ненадежны. Но мы сейчасъ увидимъ, что чувствамъ, которыя мы здѣсь разсмотримъ, естественно выражаться многими способами въ той же мѣрѣ, въ какой различныя обычныя дѣйствія пригодны для выраженія ихъ вслѣдствіе принципа ассоціаціи.

Презрѣніе и пренебреженіе, а также издѣвательство и вызывающія чувства, могутъ проявляться въ легкомъ оскаливаніи клыка съ одной стороны лица; это движеніе, повидимому, постепенно переходитъ въ такое, которое очень похоже на улыбку. Или же улыбка и смѣхъ могутъ быть подлинными, хотя и насмѣшливыми; при этомъ предполагается, что оскорбитель по своей совершенной незначительности вызываетъ только веселость; но эта веселость обыкновенно бываетъ притворной. Отвѣчая на мои вопросы, Гайка замѣчаетъ, что пренебреженіе обыкновенно выражается у его соотечественниковъ, кафровъ, улыбкою; таково же наблюденіе раджи Брука надъ дайаками на Борнео. Такъ

1) „The Descent of Man“, 2-е изд., т. I, стр. 60.

1) «De la physionomie et la Parole», 1865, стр. 89.

Таблица V.
(Къ стр. 145, 147).

1.

2.

3.

какъ смѣхъ первоначально является просто выраженіемъ радости, то очень маленькія дѣти, какъ мнѣ кажется, никогда не смѣются въ насмѣшку.

Частичное зажмуриванье вѣкъ, какъ настаиваетъ Дюшенъ¹⁾, или отворачиванье въ сторону глазъ или всего тѣла, тоже въ высшей степени выразительно для пренебреженія. Этими движеніями мы какъ бы заявляемъ, что презираемый человѣкъ не стоитъ того, чтобы на него смотрѣть, или что смотрѣть на него неприятно. Прилагаемый портретъ (таблица V, фиг. I), сдѣланный Реджендеромъ, показываетъ эту форму пренебреженія. На немъ изображена молодая дѣвушка, которая, какъ предполагается, рветъ портретъ отвергнутаго поклонника²⁾.

Наиболѣе обычный способъ выражать пренебреженіе состоитъ въ движеніяхъ, происходящихъ около носа или вокругъ рта; но эти послѣднія движенія, когда они рѣзко выражены, означаютъ отвращеніе. Носъ можетъ быть слегка поднятъ вверхъ, что, повидимому, бываетъ слѣдствіемъ отворачиванія верхней губы вверху; или же это движеніе можетъ быть настолько слабымъ, что носъ только наморщится. Носъ часто бываетъ слегка сокращенъ, такъ что проходъ отчасти замыкается³⁾; это движеніе обыкновенно сопровождается легкимъ фырканьемъ или выдыханіемъ (черезъ носъ). Всѣ эти движенія тождественны съ тѣми, которыя мы выполняемъ, замѣчая неприятный запахъ и желая устранить или вытолкнуть его. Въ крайнихъ случаяхъ, по замѣчанію д-ра Пидерита⁴⁾, мы оттопыриваемъ и поднимаемъ обѣ губы или только верхнюю, чтобы закрыть носъ какъ бы клапаномъ, при чемъ носъ поднимается. Такимъ образомъ, мы какъ бы говоримъ презираемому человѣку, что отъ него

1) «Physionomie humaine», Album, текстъ VIII, стр. 35. Грасіоле тоже говоритъ („De la phys.“, 1865, стр. 52) объ отворачиваньи глазъ и тѣла.

2) [М-ръ Голбичъ („St. Paul's Magazine“, февр. 1873, стр. 202) высказываетъ догадку, что когда „голова поднимается вверхъ и откидывается назадъ, чтобы произвести впечатлѣніе возмозно большаго разстоянія въ смыслѣ роста между презирающимъ и презираемымъ, вѣки участвуютъ въ общемъ движеніи, и глаза должны смотрѣть сверху внизъ на презираемый предметъ“]

Профессоръ Клиландъ даетъ подобное же объясненіе въ своемъ сочиненіи „Evolution, Expression and Sensation“, 1881, стр. 54, гдѣ онъ пишетъ: „При высокомеріи поднятая голова представляетъ контрастъ съ взглядомъ, направленнымъ нѣсколько внизъ, и означаетъ, что умъ полонъ сознанія собственной высоты и смотритъ на другихъ сверху внизъ“.

Клиландъ указываетъ (стр. 60), что выраженіе пренебреженія на фиг. I, таблица V, зависитъ существеннымъ образомъ отъ противоположности между направленіемъ глазъ и поворота головы: голова поднята, а глаза опущены. Въ доказательство этого онъ рекомендуетъ опытъ, (который я нашелъ вполне убѣдительнымъ)—а именно, нужно закрыть шею женщины, на табл. V, клочкомъ бумаги, на которомъ нарисована такая фигура, чтобы, голова представилась опущенной; тогда пренебреженіе исчезаетъ, уступая мѣсто выраженію „серьезному и спокойному“, и, можно прибавить, нѣсколько меланхолическому.

Въ связи съ этимъ срав. сказанное въ текстѣ подъ заголовкомъ *Гордость*, стр. 245].

3) Д-ръ Огль, въ интересной статьѣ объ обоняннн („Medico - Chirurgical Transactions“, т. LIII, стр. 268), показываетъ, что когда мы желаемъ внимательно понюхать, мы, вмѣсто того, чтобы одинъ разъ глубоко вдохнуть носомъ, нѣсколько разъ быстро и коротко втягиваемъ воздухъ. Если „мы будемъ во время этого процесса слѣдить за ноздрями, мы увидимъ, что онѣ не только не расширятся, но даже сокращаются при каждомъ вдыханнн. Въ этомъ сокращеннн не участвуетъ все переднее отверстие, но только задняя часть“. Потомъ онъ объясняетъ причину этого движеннн. Когда, съ другой стороны, мы желаемъ устранить какой-нибудь запахъ, то я предполагаю, что сокращеннн происходитъ только въ передней части ноздрей.

4) „Mimik und Physiognomik“, стр. 84, 93. Грасіоле (тамъ же, стр. 155) смотритъ почти одинаково съ д-ромъ Пидеритомъ на выраженіе пренебреженія и отвращенія.

идеть дурной запахъ ¹⁾, приблизительно такъ же, какъ мы выражаемъ ему полузакрытыми вѣками или отворачиваньемъ лица, что на него не стоитъ смотрѣть. Впрочемъ, не слѣдуетъ предполагать, что такія мысли на самомъ дѣлѣ проходятъ въ нашемъ умѣ, когда мы выражаемъ пренебреженіе; но такъ какъ всякій разъ, когда мы замѣчали непріятный запахъ или видѣли непріятное зрѣлище, мы производили движенія подобнаго рода, они стали привычными или постоянными, и употребляются теперь при всѣхъ аналогичныхъ душевныхъ состояніяхъ.

Различныя своеобразныя маленькіе жесты тоже выражаютъ пренебреженіе, напримѣръ, *шелканье пальцами*. Это движеніе, какъ замѣчаетъ Гейлоръ ²⁾, «не очень понятно въ томъ видѣ, какъ мы обыкновенно его наблюдаемъ; но если мы замѣтимъ, что тотъ же самый знакъ, когда его дѣлаютъ слегка, какъ бы катая крошечный предметъ между указательнымъ и большимъ пальцемъ, или же такой знакъ, будто мы бросаемъ этотъ предметъ ногтемъ большого пальца и указательнымъ пальцемъ, служатъ обычными и вполнѣ понятными знаками у глухонѣмыхъ, означая все крошечное, незначительное, достойное пренебреженія, то окажется, что мы какъ будто преувеличили совершенно естественное движеніе и придали ему условное значеніе, такъ что потеряли изъ вида его первоначальный смыслъ. Любопытное упоминаніе этого жеста есть у Страбона» ³⁾. Вашингтонъ Матьюзъ сообщаетъ мнѣ, что у индѣйцевъ Дакоты, въ Сѣверной Америкѣ, пренебреженіе выказывается не только движеніями лица, подобными вышеописаннымъ, но и «условно тѣмъ, что руку сжимаютъ и держатъ ее близъ груди; затѣмъ предплечье внезапно вытягиваютъ, раскрываютъ руку и разъединяютъ пальцы. Если человѣкъ, къ которому относится этотъ знакъ, присутствуетъ, то движеніе руки направлено въ его сторону, а голова иногда отвернута отъ него». Это внезапное протягиваніе и раскрываніе руки, можетъ быть, намекаетъ на движеніе, которое мы производимъ, когда роняемъ или бросаемъ прочь предметъ, не имѣющій цѣны.

Терминъ «отвращеніе» въ самомъ простомъ смыслѣ означаетъ нѣчто противное на вкусъ. Любопытно, какъ легко появляется это чувство, когда въ наружномъ видѣ, запахѣ или характерѣ нашей пищи есть нѣчто необычное. На Огненной Землѣ одинъ туземецъ прикоснулся пальцемъ къ холодному консервированному мясу, которое я ѣлъ на нашемъ бивуакѣ, и ясно выказалъ свое отвращеніе по поводу его мягкости, тогда какъ для меня было крайне отвратительно, что нагой

¹⁾ Презрѣніе (scorn) предполагаетъ сильную степень пренебреженія (contempt); одинъ изъ корней слова „scorn“ означаетъ, по Веджвуду „Dict. of English Etymology“, т. III, стр. 125), нечистоту или грязь. Съ презираемымъ человѣкомъ обращаются какъ съ грязью.

²⁾ „Early History of Mankind“, 2-е изд., 1870, стр. 45.

³⁾ Въ „Letters of Chauncey Wright“ (частное изданіе, Кембриджъ, 1878, стр. 309) есть нѣсколько интересныхъ указаній по этому вопросу, приводимыхъ со словъ одного современнаго грека, м-ра Софоклеса, который въ то время былъ профессоромъ греческаго языка въ Гарвардскомъ университетѣ. Chauncey Wright писалъ: „Одинъ жестъ, безсознательнаго употребленія котораго я никогда у него (у м-ра Софоклеса) не видалъ, но который, какъ я послѣ узналъ, другіе у него видѣли, онъ объяснилъ мнѣ какъ восточный эквивалентъ шелканья пальцами для выраженія пренебреженія, а болѣе отвлеченно—для выраженія очень малыхъ размѣровъ и, во-вторыхъ, для обозначенія отсутствія чего-либо или отрицанія: жестъ состоитъ въ прикосновеніи къ верхнимъ переднимъ зубамъ ногтемъ большого пальца и затѣмъ въ отбрасываніи его, какъ будто мы бросаемъ прочь кусочекъ ногтя.“]

Возможно, что фраза „это вы на насъ закусили палецъ, синьоръ?“ въ „Ромео и Юліи“ (актъ I, сд. I) относится къ подсобному презрительному жесту.

дикарь притронулся къ моей пищѣ, хотя его руки не казались грязными. Супъ, которымъ запачкана борода мужчины, кажется отвратительнымъ, хотя, конечно, въ самомъ супѣ нѣтъ ничего отвратительнаго. Я предполагаю, что это происходитъ отъ той тѣсной ассоціаціи, которая существуетъ въ нашемъ умѣ между видомъ пищи, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, и мыслью объ поѣданіи ея.

Такъ какъ чувство отвращенія первоначально появляется въ связи съ актомъ ѣды или пробованія, то естественно, что выраженіе его состоитъ главнымъ образомъ въ движеніяхъ вокругъ рта. Но такъ какъ отвращеніе также причиняетъ досаду, то оно обыкновенно сопровождается нахмуриваньемъ, и часто такими жестами, которыми мы какъ бы желаемъ оттолкнуть отъ себя противный предметъ или оградить себя отъ него. На двухъ портретахъ м-ръ Реджлендеръ довольно удачно симулировалъ это выраженіе (фиг. 2 и 3, таблица V). Что касается лица, то умѣренное отвращеніе выражается различно: широко раскрытымъ ртомъ, какъ бы для того, чтобы выронить противный кусокъ; плеваньемъ; тѣмъ, что мы дуемъ, оттопыривъ губы, или такимъ звукомъ, какъ будто мы прочищаемъ горло. Такіе горловые звуки изображаются *ахъ* или *ухъ*; эти звуки иногда сопровождаются содроганіемъ, при чемъ руки плотно прижимаются къ бокамъ, а плечи поднимаются, какъ при ужасѣ ¹⁾. Крайнее отвращеніе выражается движеніями вокругъ рта, тождественными съ тѣми, которыя бывають передъ рвотою. Ротъ широко раскрывается, верхняя губа сильно оттягивается, отчего носъ наморщивается; нижняя губа оттопыривается и отворачивается какъ можно сильнѣе. Это послѣднее движеніе требуетъ сокращенія мышцъ, которыя оттягивають углы рта внизъ ²⁾.

Замѣчательно, какъ легко и быстро у нѣкоторыхъ людей появляются позывы къ рвотѣ или самая рвота отъ одной мысли, что они съѣли какую-нибудь необычную пищу, напримѣръ, животное, котораго обыкновенно не ѣдятъ, хотя бы въ такой пищѣ не было ничего, что заставляетъ желудокъ извергнуть ее. Когда рвота, въ качествѣ рефлекторнаго дѣйствія, бываетъ слѣдствіемъ какой-нибудь реальной причины—слишкомъ обильной пищи, испорченнаго мяса или рвотнаго средства—она появляется не тотчасъ же, но обыкновенно послѣ значительнаго промежутка. Поэтому, желая объяснить такое быстрое и легкое появленіе позывовъ къ рвотѣ или самой рвоты, отъ одной мысли, мы начинаемъ предполагать, что наши предки (подобно жвачнымъ и нѣкоторымъ другимъ животнымъ) первоначально обладали способностью произвольно извергать пищу, которая была для нихъ неподходящею, или про которую они думали, что она имъ не годится ³⁾; а теперь, хотя эта способность утрачена, поскольку она зависитъ отъ воли, она произвольно

¹⁾ См. объ этомъ Генсли Веджвудъ, введене къ „Dictionary of English Etymology“, 2-е изд., 1872, стр. XXXVII.

²⁾ Дюпенъ полагаетъ, что при отворачиваньи нижней губы углы опускаются внизъ мышцами *depressores anguli oris*. Генле („Handbuch der Anatomie des Menschen“, 1858, т. I, стр. 151) заключаетъ, что это движеніе производитъ *musculus quadratus menti*.

³⁾ [Врачъ, состоящій при рабочемъ домѣ Беллитегона (письмо отъ 3 января 1873), описываетъ одного идиота, по имени Патрикъ Вольшъ, который обладалъ способностью извергать пищу изъ желудка.

Авторъ получилъ еще другое, повидимому, достовѣрное описаніе одного юноши-шотландца, который имѣлъ способность произвольно извергать пищу; этотъ актъ не сопровождался ни болью, ни тоскливымъ чувствомъ.

М-ръ Кепльзъ сообщаетъ, что суки часто извергають пищу для своихъ щенятъ, когда тѣ достигнуть извѣстнаго возраста.]

приходить въ дѣйствіе, въ силу привычки, твердо установившейся въ прежнее время, всякій разъ, когда нашъ умъ возмущается при мысли, что мы съѣли какую-нибудь отвратительную пищу, или когда мы вообще думаемъ о чемъ-либо противномъ. Это предположеніе получаетъ поддержку въ фактѣ, въ которомъ меня увѣряетъ Сеттонъ, что обезьяны въ зоологическомъ саду часто рветъ, когда онѣ совершенно здоровы, и такимъ образомъ, этотъ актъ какъ будто произволенъ. Для насъ понятно, что такъ какъ человѣкъ можетъ посредствомъ языка сообщить дѣтямъ и другимъ, какой пищи слѣдуетъ избѣгать, то ему представляется мало случаевъ прибѣгать къ способности произвольно извергать ее; такимъ образомъ, эта способность должна постепенно утрачиваться вслѣдствіе отвыканія ¹⁾.

Такъ какъ обоняніе очень тѣсно связано съ чувствомъ вкуса, то не удивительно, что чрезвычайно дурной запахъ вызываетъ у нѣкоторыхъ людей позывы на рвоту или самую рвоту такъ же легко, какъ и мысль объ отвратительной пищѣ, и что, какъ дальнѣйшее слѣдствіе, умѣренно неприятный запахъ вызываетъ различныя движенія, выражающія отвращеніе. Склонность къ позывамъ на рвоту отъ зловонія любопытнымъ образомъ тотчасъ же усиливается при нѣкоторой привычкѣ, хотя вскорѣ утрачивается, когда мы освоимся съ неприятнымъ предметомъ, а также, когда мы намѣренно сдерживаемся. Напримѣръ, я хотѣлъ вычистить скелетъ птицы, который былъ недостаточно мацерированъ, и отъ этого запаха моего слугу и меня, не имѣвшихъ большой опытности въ такой работѣ, стало тянуть такъ сильно, что мы были принуждены бросить работу. Въ теченіе предыдущихъ дней я осматривалъ нѣкоторые другіе скелеты, которые слегка пахли; этотъ запахъ нимало на меня не дѣйствовалъ, но потомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, всякій разъ, какъ я бралъ въ руки эти же скелеты, меня позывало къ рвотѣ.

Судя по отвѣтамъ, полученнымъ отъ моихъ корреспондентовъ, различныя движенія, которыя были до сихъ поръ описаны какъ выражающія пренебреженіе и отвращеніе, повидимому, распространены въ значительной части свѣта. Напримѣръ, д-ръ Ротрокъ отвѣчаетъ рѣшительнымъ утвержденіемъ относительно нѣкоторыхъ дикихъ индѣйскихъ племенъ въ Сѣверной Америкѣ. Кранцъ говоритъ, что когда гренландецъ что-нибудь отрицаетъ съ пренебреженіемъ или ужасомъ, онъ поднимаетъ носъ и издаетъ черезъ него легкій звукъ ²⁾. М-ръ Скоттъ прислалъ мнѣ картинное описаніе лица одного молодого индуса, когда тотъ видѣлъ касторовое масло, которое иногда былъ принужденъ принимать. М-ръ Скоттъ видалъ также это же выраженіе на лицахъ у туземцевъ высшей касты, когда они подходили близко къ какому-нибудь гнющему предмету. М-ръ Бриджсъ говоритъ, что жители Огненной Земли «выражаютъ пренебреженіе тѣмъ, что выставляютъ губы ³⁾, шипятъ черезъ нихъ и поднимаютъ носъ». Нѣсколько моихъ корреспондентовъ замѣчаютъ склонность или фыркать носомъ, или производить звукъ, изображаемый *ухъ* или *ахъ*.

¹⁾ [Судя по замѣткамъ карандашомъ на экземплярѣ „Influence of the Mind on the Body“, д-ра Тьюка (стр. 88), принадлежавшемъ автору, Ч. Дарвинъ, повидимому, считалъ, что ошибался, приписывая позывы къ рвотѣ привычкѣ. Повидимому, онъ послѣ убѣдился, что они могутъ зависѣть просто отъ воображенія.]

²⁾ Цитировано у Тейлора „Primitive Culture“, 1871 г., т. I, стр. 169.

³⁾ [Д-ръ Коури („Journal of Anthropological Institute“, т. VI, стр. 108) говоритъ, что жители Новой Гвинеи выражаютъ отвращеніе, надувая губы или подражая рвотѣ.]

чѣмъ сами думаемъ, нашимъ предшествующимъ знакомствомъ съ людьми или обстоятельствами.

Мои корреспонденты даютъ почти единогласно утвердительный отвѣтъ на мой вопросъ, можно ли узнавать у различныхъ человѣческихъ расъ выраженіе виновности и обмана ¹⁾; я довѣряю ихъ отвѣтамъ, такъ какъ они обыкновенно отрицаютъ, чтобы было возможно узнать ревность. Въ тѣхъ случаяхъ, когда они входятъ въ подробности, они почти всегда упоминаютъ о глазахъ. Про виноватаго человѣка говорятъ, что онъ старается не смотрѣть на своего обвинителя, или что онъ глядитъ на него украдкой. Про глаза говорятъ, что они «скослены», или «бѣгаютъ изъ стороны въ сторону», или «вѣки опущены и отчасти закрыты». Это послѣднее замѣчаніе дѣлаетъ м-ръ Хегеноръ относительно австралійцевъ, и Гаика—относительно кафровъ. Какъ будетъ объяснено, когда мы будемъ говорить о румянцѣ, безпокойныя движенія глазъ, повидимому, являются слѣдствіемъ того, что виноватый человѣкъ не смѣетъ встрѣтиться глазами съ обвинителемъ. Я могу прибавить, что я наблюдалъ выраженіе виновности, безъ тѣни страха, у нѣкоторыхъ изъ моихъ дѣтей въ очень раннемъ возрастѣ. Въ одномъ случаѣ это выраженіе было несомнѣнно у ребенка, которому было два года и семь мѣсяцевъ, и привело къ открытію его маленькаго преступленія. Какъ занесено въ мои замѣтки, слѣданныя въ то время, сознание вины проявилось въ неестественномъ блескѣ глазъ и въ странномъ, принужденномъ поведеніи, которое невозможно описать.

Какъ мнѣ кажется, хитрость тоже проявляется главнымъ образомъ движеніями около глазъ, ибо вслѣдствіе долговременной привычки они менѣе подчинены контролю воли, чѣмъ движенія тѣла. Гербертъ Спенсеръ замѣчаетъ ²⁾: «Когда есть желаніе увидать что-нибудь, находящееся сбоку поля зрѣнія, такъ, чтобы другіе не замѣтили, что мы это видимъ, то мы склонны сдерживать замѣтное движеніе головы и произвести нужную фиксацію только глазами, которые вслѣдствіе этого очень сильно повертываются въ одну сторону. Поэтому, когда глаза повернуты въ сторону, а лицо въ ту же сторону не повернуто, мы имѣемъ предъ собою естественный языкъ того, что называется лукавствомъ» ³⁾.

Изъ всѣхъ переименованныхъ сложныхъ эмоцийъ гордость, можетъ быть, выражается яснѣе всего. Гордый человѣкъ проявляетъ чувство своего превосходства надъ другими тѣмъ, что держитъ голову и туловище прямо. Онъ высокомеренъ (*haut*), и старается казаться какъ можно большіхъ размѣровъ, такъ что метафорически про него говорятъ, что онъ надуетъ или напыщенъ чванствомъ. Про павлина или индѣйскаго пѣтуха, когда они выступаютъ, распутивъ перья, иногда говорятъ, что они представляютъ собою эмблему гордости ⁴⁾. Заносчивый человѣкъ

¹⁾ [По словамъ сэра Генри Мена, туземцы въ Индіи, давая показанія, такъ умѣютъ слѣдить за выраженіемъ своего лица, что нѣтъ никакихъ признаковъ, говорятъ ли они правду или нѣтъ; но они не могутъ слѣдить за движеніемъ пальцевъ на ногахъ, судорожные изгибы которыхъ часто выдаютъ, что свидѣтель лжетъ.]

²⁾ „Principles of Psychology“, 2-е изд., 1872 г., стр. 552.

³⁾ [Профессоръ Клиландъ („Evolution, Expression and Sensation“, 1881, стр. 55) указываетъ, что скриваніе обмана выражается въ томъ, что лицо направлено внизъ, а глаза устремлены вверхъ. Преступникъ, ограждающій себя ложью... поникаетъ головою надъ своею тайной, въ то же время украдкой бросая взгляды вверхъ, чтобы видѣть производимое впечатлѣніе, въ которомъ онъ неувѣренъ.]

⁴⁾ Грасіоле („De la phis.“, стр. 351) дѣлаетъ это замѣчаніе и приводитъ нѣсколько хорошихъ наблюденій надъ выраженіемъ гордости. См. у сэра Ч. Бея („Anatomy of Expression“, стр. III) о дѣйствии *musculus superbus*.

Таблица VI.

(Къ стр. 151).

смотреть на другихъ сверху и, опустивъ вѣки, едва удостоиваетъ замѣчать ихъ; или же онъ можетъ выказывать свое пренебреженіе легкими движеніями около ноздрей и губъ, какія описаны выше. Поэтому мышца, отворачивающая нижнюю губу, названа *musculus superbus*. На нѣкоторыхъ фотографіяхъ съ пациентовъ, страдающихъ маніей гордости, которыя мнѣ прислалъ д-ръ Кричтонъ Броунъ, голова и туловище держатся прямо, а ротъ плотно закрытъ. Послѣднее движеніе, выражающее рѣшимость, происходитъ, какъ я думаю, оттого, что гордый человѣкъ совершенно увѣренъ въ самомъ себѣ. Все выраженіе гордости представляетъ прямую противоположность съ выраженіемъ смиренія; такимъ образомъ, намъ здѣсь не зачѣмъ говорить объ этомъ послѣднемъ душевномъ состояніи.

Безпомощность, безсиліе; пожиманіе плечами ¹⁾. Когда человѣкъ желаетъ показать, что онъ не можетъ чего-либо сдѣлать или чему-либо воспрепятствовать, онъ часто поднимаетъ быстрымъ движеніемъ оба плеча. Въ то же время, если это тѣлодвиженіе проявляется въ полной формѣ, онъ плотно пригибаетъ локти внутрь, поднимаетъ раскрытыя руки, повернувъ ихъ кнаружи, и раздвигаетъ пальцы. Голова часто немного отклоняется вбокъ; брови бываютъ подняты, отчего поперекъ лба образуются морщины. Ротъ обыкновенно бываетъ раскрытъ. Чтобы показать, насколько эти движенія чертъ лица безсознательны, можно упомянуть, что хотя я часто намѣренно пожималъ плечами, чтобы наблюдать, какую позу принимаютъ мои руки, я совсѣмъ не замѣчалъ, что у меня поднимаются брови и открывается ротъ, пока не посмотрѣлъ на себя въ зеркало; послѣ того я замѣчалъ тѣ же движенія на лицѣ у другихъ. На прилагаемой таблицѣ VI, фиг. 3 и 4, м-ръ Реджлендеръ удачно изобразилъ пожиманье плечами.

Англичане гораздо менѣе экспансивны, чѣмъ люди большинства другихъ европейскихъ націй, и они пожимаютъ плечами далеко не такъ часто и не такъ энергично, какъ французы или итальянцы. Этотъ жестъ варьируется во всѣхъ степеняхъ, отъ только что описаннаго сложнаго движенія до мгновеннаго и едва замѣтнаго подниманія обоихъ плечъ; или, какъ я замѣтилъ у одной дамы, сидѣвшей въ креслѣ, до легкаго поворота кнаружи раскрытыхъ ладоней съ раздвинутыми пальцами. Я никогда не видалъ, чтобы очень маленькія англійскія дѣти пожимали плечами, но одинъ профессоръ-медикъ и превосходный наблюдатель внимательно слѣдилъ за слѣдующимъ случаемъ, который онъ сообщилъ мнѣ. Отецъ этого профессора былъ парижанинъ, а мать — шотландка. Его жена — англійскаго происхожденія съ обѣихъ сторонъ, и сообщившій мнѣ эти свѣдѣнія думаетъ, что она никогда въ жизни не пожимала плечами. Его дѣти появились на свѣтъ въ Англии, няня — чистокровная англичанка, и ни разу не было замѣчено, чтобы она пожимала плечами. Когда его старшей дочери было шестнадцать-восемнадцать мѣсяцевъ, было замѣчено, что она пожимаетъ плечами; мать ея воскликнула тогда: «Посмотри, какъ маленькая французенка пожимаетъ плечами». Въ первое время она часто производила это движеніе, при чемъ иногда не-

¹⁾ [Бульверъ („Pathomyotomia“, 1649 г., стр. 85) описываетъ пожиманье плечами такъ: „Тотъ, кому не нравится происшествіе, которому ничѣмъ нельзя помочь, кромѣ терпѣнія, или тотъ, кто поздно захваченъ событіемъ и можетъ защищаться только молчаливымъ согласіемъ; тотъ, кто льститъ, восхищается, робѣетъ, страшится, сомнѣвается, отрицаетъ или поступаетъ недобросовѣстно, или желаетъ привести извиненіе, имѣетъ обыкновеніе прятать голову и съезженную шею между плечами.“]

много откидывала голову назадъ и вбокъ; но, насколько было замѣчено, она не дѣлала обычнаго движенія локтями и кистями рукъ. Эта привычка постепенно ослабѣла, и теперь, когда ей съ небольшимъ четыре года, она никогда этого не дѣлаетъ. Про отца говорятъ, что онъ иногда пожимаетъ плечами, особенно когда спорить съ кѣмъ-нибудь; но чрезвычайно невѣроятно, чтобы его дочь подражала ему въ такомъ раннемъ возрастѣ; ибо, какъ онъ замѣчаетъ, она никакъ не могла часто видѣть у него этотъ жестъ. Кромѣ того, если бы эта привычка была пріобрѣтена посредствомъ подражанія, она вѣроятно не была бы такъ рано оставлена ребенкомъ по доброй волѣ, и какъ мы сейчасъ увидимъ, также и вторымъ ребенкомъ, хотя отецъ попрежнему жилъ вмѣстѣ съ семьей. Можно прибавить, что эта дѣвочка похожа на парижскаго дѣда почти до комизма. Она имѣетъ еще и другую весьма любопытную черту сходства съ нимъ,—именно, у нея есть своеобразная ужимка. Когда она съ нетерпѣніемъ ждетъ чего-нибудь, она протягиваетъ ручку и быстро третъ большимъ пальцемъ объ указательный и средній: дѣдъ ея часто дѣлалъ точно такое же движеніе при такихъ же обстоятельствахъ.

Вторая дочь этого профессора тоже пожимала плечами, когда ей не было еще полутора лѣтъ, а впоследствии оставила эту привычку. Конечно, возможно, что она подражала старшей сестрѣ; но у нея еще была эта привычка, когда сестра ее уже утратила. Сначала она была меньше похожа на дѣда-парижанина, чѣмъ ея сестра въ томъ же возрастѣ, но теперь она болѣе похожа на него. Она тоже до сихъ поръ сохранила своеобразную привычку при нетерпѣніи тереть другъ о друга большой палецъ и два другихъ.

Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ хорошій примѣръ, подобно приведеннымъ въ одной изъ предыдущихъ главъ, наследственной ужимки или жеста; ибо, я полагаю, никто не припишетъ простому совпадению такую своеобразную привычку, которая была свойственна дѣду и двумъ его внучкамъ, которыхъ никогда его не видали.

Если принять во вниманіе всѣ обстоятельства, относящіяся къ пожиманію плечами у этихъ дѣтей, то едва-ли можно сомнѣваться, что онѣ наследовали эту привычку отъ своихъ предковъ-французовъ, хотя въ ихъ жилахъ была только одна четверть французской крови и хотя ихъ дѣдъ пожималъ плечами не часто. Хотя этотъ фактъ интересенъ, все-таки нѣтъ ничего весьма необычнаго въ томъ, что эти дѣти въ раннемъ возрастѣ имѣли наследственную привычку, а потомъ оставили ее; ибо у дѣтенышей многихъ животныхъ нѣкоторые признаки сохраняются на время, а послѣ утрачиваются.

Такъ какъ мнѣ одно время казалось въ высшей степени невѣроятнымъ, чтобы такое сложное движеніе, какъ пожиманіе плечами, вмѣстѣ съ сопровождающими его жестами, было природнымъ, я весьма желалъ узнать, производить ли его слѣпая и глухая Лаура Бриджманъ, которая не могла научиться этой привычкѣ при помощи подражанія. Я слышалъ черезъ д-ра Инза отъ одной дамы, которая недавно за нею ходила, что она пожимаетъ плечами, повертываетъ локти внутрь и поднимаетъ брови совершенно такъ же, какъ это дѣлаютъ другіе, и при тѣхъ же обстоятельствахъ. Мнѣ также очень хотѣлось узнать, употребляется ли этотъ жестъ у различныхъ человѣческихъ расъ, особенно у тѣхъ, которыхъ никогда не имѣли большого общенія съ европейцами. Мы увидимъ, что они производятъ это движеніе; но, повидимому, этотъ жестъ иногда ограничивается однимъ поднятіемъ плечъ или пожиманіемъ ими, безъ прочихъ движеній.

М-ръ Скоттъ часто видалъ этотъ жестъ у бенгальцевъ и дангаровъ (которые представляютъ самостоятельное племя), служившихъ въ ботаническомъ саду въ Калькуттѣ; это бывало, когда они заявляли, что не могутъ исполнить какую-нибудь работу, напр., поднять большую тяжесть. Онъ приказалъ одному бенгальцу влѣзть на высокое дерево; но тотъ, пожимая плечами и качая головою вбокъ, сказалъ, что не можетъ. М-ръ Скоттъ, зная, что этотъ человекъ лѣнивъ, и думая, что онъ можетъ это сдѣлать, настаивалъ, чтобы онъ попытался. Тогда лицо его поблѣднѣло, руки упали по бокамъ, ротъ и глаза широко раскрылись; снова окинувъ дерево взглядомъ, онъ посмотрѣлъ искоса на м-ра Скотта, пожалъ плечами, повернулъ локти внутрь, протянулъ раскрытыя ладони и, нѣсколько разъ быстро качнувъ головою вбокъ, объявилъ, что не можетъ этого исполнить. М-ръ Эркинъ тоже видалъ, что туземцы въ Индіи пожимали плечами; но онъ никогда не видалъ, чтобы локти такъ же сильно повертывались внутрь, какъ у насъ; пожимая плечами, они иногда кладутъ руки себѣ на грудь, не скрешивая ихъ ¹⁾).

У дикихъ малайцевъ внутри Малакки и у бугисовъ (настоящихъ малайцевъ, хотя и говорящихъ на другомъ языкѣ) м-ръ Гичъ часто видалъ это тѣлодвиженіе. Я предполагаю, что это движеніе бываетъ полно, потому что въ отвѣтъ на мой вопросъ относительно движеній плечъ, рукъ, кистей рукъ и лица, м-ръ Гичъ замѣчаетъ: «Оно производится артистически.» Я потерялъ извлеченіе изъ одного путешествія съ научною цѣлью, гдѣ было хорошо описано пожиманіе плечами у нѣкоторыхъ туземцевъ (микронезійцевъ) на Каролинскомъ архипелагѣ въ Тихомъ океанѣ. Капитанъ Спида сообщаетъ мнѣ, что абиссинцы пожимаютъ плечами, но онъ не вдается въ подробности. М-съ Аза Грей видѣла, какъ арабъ-переводчикъ въ Александріи поступилъ совершенно такъ, какъ описано въ моихъ вопросахъ, когда старый джентльменъ, котораго онъ сопровождалъ, не хотѣлъ идти въ указанномъ ему направленіи.

М-ръ Вашингтонъ Матьюзъ говоритъ о дикихъ племенахъ индѣйцевъ въ западныхъ частяхъ Соединенныхъ Штатовъ: «Я въ нѣсколькихъ случаяхъ замѣчалъ, что эти люди прибѣгали къ легкому пожиманію плечами въ видѣ извиненія, но остальной части нагляднаго выраженія, которое вы описываете, при мнѣ не было.» Фрицъ Мюллеръ сообщаетъ мнѣ, что онъ видалъ, какъ негры въ Бразиліи пожимали плечами ²⁾; но, конечно, возможно, что они этому научились, подражая португальцамъ. М-съ Барберъ никогда не видала этого жеста у кафровъ въ южной Африкѣ; а Гаика, если судить по его отвѣту, даже не понялъ, что подразумѣвалось въ моемъ описаніи. М-ръ Свинхо тоже сомнѣвается относительно китайцевъ ³⁾; но онъ видалъ, какъ они, при обстоятельствахъ, которыя заставили бы насъ пожать плечами, прижимали правый локоть къ боку, поднимали брови, поднимали кисть руки, обернувъ ее ладонью къ тому, съ кѣмъ говорили, и трясли ея справа налево. Наконецъ, по отношенію къ австралійцамъ, четыре изъ моихъ корреспондентовъ отвѣчаютъ отрицательно, а одинъ — утвердительно, безъ подробностей. М-ръ Беннетъ,

¹⁾ [«Бенгалецъ», пишущій въ «Calcutta Englishman» (цитировано въ «Nature», 6 марта 1873, стр. 351) заявляетъ, что онъ не замѣчалъ пожиманія плечами у нецивилизованныхъ бенгальцевъ, хотя наблюдалъ его у своихъ соотечественниковъ, которые усвоили англійскіе идеи и обычаи.]

²⁾ [М-ръ Винвудъ Ридъ тоже видѣлъ этотъ жестъ у негровъ (письмо онъ 5 ноября 1872.)]

³⁾ [Въ письмѣ отъ 26 марта 1873 г. м-ръ Свинхо съ увѣренностью утверждаетъ, что онъ никогда не видалъ пожиманія плечами у китайцевъ; они разставляютъ руки, но локти не приближаются къ бокамъ.]

который имѣлъ превосходные случаи для наблюденія на окраинахъ колоніи Викторія, тоже отвѣчаетъ «да», прибавляя, что этотъ жестъ производится «въ болѣе мягкой и менѣе экспансивной формѣ, чѣмъ у цивилизованныхъ народовъ.» Это обстоятельство объясняетъ, можетъ быть, почему его не замѣтили четверо изъ моихъ корреспондентовъ.

Этихъ свѣдѣній, относящихся къ европейцамъ, индусамъ, нагорнымъ племенамъ Индіи, малайцамъ, микронезійцамъ, абиссинцамъ, арабамъ, неграмъ, сѣверо-американскимъ индѣйцамъ и, повидимому, къ австралійцамъ (при чемъ многіе изъ этихъ туземцевъ почти не имѣли общенія съ европейцами) достаточно для того, чтобы показать, что пожиманіе плечами, въ нѣкоторыхъ случаяхъ сопровождаемое другими соответствующими движеніями, является жестомъ, естественнымъ для человѣческаго рода.

Этотъ жестъ предполагаетъ съ нашей стороны ненамѣренное или неизбежное дѣйствіе, или такое, котораго мы не можемъ произвести, или производимое другимъ человѣкомъ дѣйствіе, которому мы не можемъ помѣшать. Этимъ жестомъ сопровождаются фразы такого рода: «я въ этомъ не виноватъ»; «для меня невозможно оказать эту милость»; «пу-скай дѣлаетъ по-своему, я не могу остановить его.» Пожиманьемъ плечъ выражается также терпѣніе или отсутствіе намѣренія сопротивляться. Поэтому, какъ мнѣ сказалъ одинъ артистъ, мышцы, поднимающія плечи, иногда называютъ «мышцами терпѣнія.» Еврей Шейлокъ говорить:

..... Синьоръ
 Антонио, припомните, какъ часто
 Въ Ріальто вы ругались надо мной
 Изъ-за моихъ же денегъ и процентовъ,
 Я это все всегда переносилъ,
 Съ терпѣніемъ плечами пожимая.

«Венеціанскій купецъ», актъ I, сц. 3. Перев. Вейнберга.

Сэръ Ч. Бель¹⁾ приводитъ очень живое изображеніе человѣка, который птятся отъ ужасной опасности и готовъ закричать въ безумномъ страхѣ. Онъ представленъ съ плечами, поднятыми почти до ушей; это сейчасъ же показываетъ, что нѣтъ мысли о сопротивленіи.

Какъ пожиманье плечами обыкновенно предполагаетъ: «я не могу сдѣлать того-то», такъ при легкомъ измѣненіи оно иногда означаетъ: «я не стану этого дѣлать.» Тогда это движеніе выражаетъ упорную рѣшимость не дѣйствовать. Ольмстедъ пишетъ²⁾, что одинъ индѣецъ въ Техасѣ сильно пожалъ плечами, когда ему сообщили про одно общество, что оно состоитъ изъ нѣмцевъ, а не изъ американцевъ; онъ выразилъ этимъ, что не желаетъ имѣть съ ними дѣла. У капризныхъ и упрямыхъ дѣтей можно видѣть оба плеча высоко поднятыми; но это движеніе не связано съ другими, которыми обыкновенно сопровождается настоящее пожиманье. Одна превосходная наблюдательница³⁾, описывая молодого человѣка, который рѣшилъ не уступать желанію отца, говорить: «Онъ засунулъ руки глубоко въ карманы и поднялъ плечи до ушей: это ясно означало—будь что будетъ, а скорѣе эта скала слетитъ со своего твердаго основанія, чѣмъ Джекъ уступитъ, и что всѣ убѣжденія въ этомъ вопросѣ совершенно напрасны. Какъ только сынъ поставилъ на своемъ, плечи его приняли естественное положеніе».

1) «Anatomy of Expression», стр. 166.

2) «Journey through Texas», стр. 352.

3) М-съ Олифантъ, «The Brownlows», т. II, стр. 206.

Покорность иногда проявляется въ томъ, что раскрытыя ладони кладутъ, одна поверхъ другой, на нижнюю часть туловища. Я счелъ бы, что этотъ маленькій жестъ не стоитъ упоминать даже вскользь, если бы д-ръ Огль не замѣтилъ мнѣ, что онъ два-три раза наблюдалъ его у пациентовъ, когда они приговаривались подвергнуться операциіи подъ хлороформомъ. Они не обнаруживали большого страха, но эту позу рукъ какъ бы заявляли, что они рѣшились, и покоряются неизбѣжному.

Теперь мы можемъ изслѣдовать, почему люди во всѣхъ частяхъ свѣта, когда они чувствуютъ (желаютъ ли они или не желаютъ обнаружить это чувство—безразлично), что они не могутъ или не хотятъ чего-нибудь сдѣлать, или не хотятъ противодѣйствовать какому-либо поступку другого, пожимаютъ плечами и въ то же время часто подгибаютъ локти внутрь, показываютъ ладони съ разставленными пальцами, часто откидываютъ голову немного вбокъ, поднимаютъ брови и раскрываютъ ротъ. Эти душевныя состоянія или просто пассивны, или показываютъ рѣшимость не дѣйствовать. Ни одно изъ вышеописанныхъ движеній не приноситъ ни малѣйшей пользы. Я не сомнѣваюсь, что объясненіе заключается въ принципѣ безсознательной антитезы ¹⁾. Повидимому, этотъ принципъ здѣсь играетъ роль такъ же явственно, какъ въ примѣрѣ собаки, которая разсвирѣпѣвъ, принимаетъ соотвѣтствующую позу для нападенія на врага и для того, чтобы казаться ему какъ можно страшнѣе; но какъ только она приходитъ въ ласковое настроеніе, все тѣло ея принимаетъ совершенно противоположную позу, хотя она не приноситъ собацѣ прямой пользы.

Замѣтимъ, какъ негодующій человѣкъ, который чувствуетъ оскорбленіе и не желаетъ снести его, высоко держитъ голову, расправляетъ плечи и расширяетъ грудь. Онъ часто сжимаетъ кулаки и приводитъ одну или обѣ руки въ соотвѣтствующее положеніе для нападенія или защиты, напрягая мышцы конечностей. Онъ нахмуривается, то-есть сокращаетъ и опускаетъ брови, и будучи въ рѣшительномъ настроеніи, закрываетъ ротъ. Движенія и поза безпомощнаго человѣка во всѣхъ отношеніяхъ представляютъ полную противоположность. Мы можемъ вообразить, что одна изъ фигуръ на таблицѣ VI, съ лѣвой стороны, только что сказала: «Какъ, вы рѣшаетесь оскорблять меня?» а одна изъ фигуръ съ правой стороны отвѣчаетъ: «Право я здѣсь ни при чемъ.» Безпомощный человѣкъ безсознательно сокращаетъ мышцы лба, которыя противодѣйствуютъ мышцамъ, вызывающимъ нахмуриванье, и такимъ образомъ онъ поднимаетъ брови; въ то же время онъ ослабляетъ мышцы вокругъ рта, такъ что нижняя челюсть опускается. Эта антитеза полна во всѣхъ подробностяхъ, не только въ движеніяхъ чертъ лица, но и въ положеніи конечностей и въ позѣ всего тѣла, какъ можно видѣть на прилагаемой таблицѣ. Такъ какъ безпомощный или извиняющійся че-

¹⁾ [Въ письмѣ отъ 4 дек. 1872 г., Бодри высказалъ мысль, что пожиманье плечами нельзя объяснять принципомъ антитезы, что это—естественный жестъ человѣка, который принимаетъ ударъ безъ сопротивленія. Однако, я думаю, что пожиманье плечами у школьника, которому угрожаютъ пощечиной, не одинаково съ пожиманьемъ плечами при извиненіи. Съживаніе отъ невидимой опасности, напримѣръ, въ крикетѣ, когда шаръ летитъ съзади и кто-нибудь кричитъ: «Береги голову», одинаково съ пожиманьемъ плечами при самозащитѣ. Бодри называетъ это движеніе втягиваніемъ («faire rentrer») головы и шеи. Всѣмъ знакомо пожиманье плечами, довольно похожее на то, которымъ выражается страданіе отъ холода. Въ первомъ случаѣ мы сознательно воспроизведемъ позу, которую при холодѣ принимаемъ инстинктивно, чтобы сберечь тепло тѣла. Бодри высказываетъ также мысль, что раскрытыя ладони выражаютъ беззащитность, показывая, что у производящаго это движеніе нѣтъ оружія.]

ловѣкъ часто желаетъ показать свое душевное состояніе, онъ поэтому дѣйствуетъ замѣтнымъ или демонстративнымъ образомъ.

Согласно съ тѣмъ фактомъ, что повертыванье локтей наружу и сжиманье кулаковъ совѣмъ не представляютъ собою тѣлодвиженій, общихъ для людей всѣхъ расъ, когда они испытываютъ негодованіе и готовы напасть на врага, повидимому безпомощное или оправдывающееся настроеніе выражается во многихъ частяхъ свѣта только пожиманьемъ плечь, безъ поворота локтей внутрь и раскрыванія ладоней. Человѣкъ или ребенокъ, которые упрямятся или покоряются какому-нибудь большому несчастію, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не имѣютъ и мысли объ активномъ сопротивленіи; они выражаютъ это душевное состояніе тѣмъ, что просто держатъ плечи поднятыми или же иногда скрещиваютъ руки на груди.

Знаки утвердительные или одобрительные, и отрицательные или порицающіе: киванье и покачиванье головою. Мнѣ хотѣлось знать, насколько обычные, употребляемые нами знаки утвержденія и отрицанія распространены на свѣтѣ. Эти знаки, на самомъ дѣлѣ, до нѣкоторой степени выражаютъ наши чувства, такъ какъ мы одобрительно киваемъ въ вертикальномъ направленіи, улыбаясь нашимъ дѣтямъ, когда мы довольны ихъ поведеніемъ, и качаемъ головою вбокъ, нахмуриваясь, когда мы имъ недовольны. У дѣтей первымъ актомъ отрицанія бываетъ отказъ отъ пищи, и я нѣсколько разъ замѣчалъ у своихъ дѣтей, что они при этомъ отворачивали голову вбокъ отъ груди или отъ чего-нибудь, что имъ подносили на ложкѣ. Когда они принимаютъ пищу и берутъ ее въ ротъ, они наклоняютъ голову впередъ. Послѣ того, какъ я сдѣлалъ эти наблюденія, я узналъ, что та же самая мысль пришла въ голову Шарма¹⁾. Слѣдуетъ отмѣтить, что когда дѣти соглашаются принять пищу или берутъ ее, бываетъ только одно движеніе впередъ, и одинъ кивокъ предполагаетъ утвержденіе. Съ другой стороны, отказываясь отъ пищи, особенно если ее имъ навязываютъ, дѣти часто двигаютъ головою нѣсколько разъ изъ стороны въ сторону, какъ дѣлаемъ мы, отрицательно качая головою. Кромѣ того, голова при отрицаніи нерѣдко откидывается назадъ, или ротъ закрывается, такъ что эти движенія тоже могли бы служить знаками отрицанія. М-ръ Веджвудъ замѣчаетъ по этому поводу²⁾, что «если употреблять голосъ при сомкнутыхъ зубахъ или губахъ, то получается звукъ *n* или *m*. Этимъ объясняется употребленіе частицы *ne* въ смыслѣ отрицанія, а можетъ быть и греческаго *μη* въ томъ же смыслѣ».

Весьма вѣроятно, что эти знаки прирождены или инстинктивны, по крайней мѣрѣ у англо-саксовъ, такъ какъ слѣпая и глухая Лаура Бриджманъ «постоянно сопровождаетъ свое *да* обычнымъ утвердительнымъ кивкомъ, а *нѣтъ*—нашимъ отрицательнымъ покачиваніемъ». Если бы м-ръ Либеръ не утверждалъ обратнаго³⁾, я рѣшилъ бы, что она приобрѣла эти жесты или научилась имъ, принимая во вниманіе ея удивительное осязаніе и пониманіе движеній другихъ людей. Про одного идиота-микрочефала, которые стоятъ на такой низкой ступени, что не могутъ на-

¹⁾ «Essai sur le langage», 2-е изд., 1846. Я весьма обязанъ миссъ Веджвудъ за то, что она сдѣлала мнѣ это указаніе и сообщила извлеченіе изъ этого сочиненія.

²⁾ «On the Origine of Language», 1866, стр. 91.

³⁾ «On the Vocal Sounds of L. Bridgman», Smithsonian Contributions, 1851, т. II, стр. 11.

учиться говорить, Фогтъ пишетъ ¹⁾, что когда его спрашивали, желаетъ ли онъ еще ѣсть или пить, то онъ отвѣчалъ наклоненіемъ или покачиваньемъ головою. Шмальцъ, въ своей замѣчательной диссертациі о воспитаніи глухонѣмыхъ, а также дѣтей, стоящихъ лишь одною ступенью выше идиотства, полагаетъ, что они всегда могутъ и дѣлать, и понимать обычные утвердительные и отрицательные знаки ²⁾.

Тѣмъ не менѣе, если мы обратимся къ различнымъ человѣческимъ расамъ, то употребленіе этихъ знаковъ не такъ повсемѣстно, какъ я ожидалъ, однако же они, повидимому, настолько распространены, что ихъ нельзя счесть вполнѣ условными или искусственными. Мои корреспонденты утверждаютъ, что оба знака употребляются у малайцевъ, у туземцевъ на Цейлонѣ, у китайцевъ, у негровъ на Гвинейскомъ берегу, и, по словамъ Гаики, у кафровъ въ южной Африкѣ, хотя у этого послѣдняго народа м-сь Барберъ никогда не видала бокового покачивания въ качествѣ отрицанія. По отношенію къ австралійцамъ семь наблюдателей согласны, что кивокъ означаетъ утвержденіе, пятеро сходятся въ томъ, что боковое покачиванье, сопровождаемое или не сопровождаемое какимъ-нибудь словомъ, бываетъ при отрицаніи, но м-ръ Дайсонъ Леси никогда не видалъ этого послѣдняго знака въ Квинслендѣ, а м-ръ Бельмеръ говоритъ, что въ Гипслендѣ отрицаніе выражается легкимъ откидываньемъ головы назадъ и выставленіемъ языка. На сѣверной оконечности материка, близъ Торресова пролива, туземцы, выражая отрицаніе, «не качаютъ головою, но, поднявъ правую руку, трясутъ ея, дѣлая два-три раза полъ-оборота ея» ³⁾. Говорятъ, современные греки и турки въ качествѣ отрицанія откидываютъ голову назадъ, прицелкивая языкомъ ⁴⁾, турки выражаютъ *да* при помощи такого движенія, какое мы производимъ, когда покачиваемъ головою ⁵⁾. Абис-

1) «Mémoire sur les microcéphales», 1867, стр. 27.

2) Цитировано у Тейлора, «Early History of Mankind», 2-е изд. 1870, стр. 38.

3) М-ръ Джуксъ, «Letters and Extracts» и пр., 1871, стр. 248.

[По словамъ Мозелея («J. Anthropolog. Institute», т. VI, 1876 7) жители Адмиралтейскихъ острововъ всегда выражаютъ отрицаніе тѣмъ, что ударяютъ себя по носу съ одной стороны вытянутымъ указательнымъ пальцемъ.]

4) Профессоръ Викторъ Карусъ сообщаетъ въ письмѣ, что это движеніе—обычный знакъ отрицанія у неаполитанцевъ и сицилійцевъ.

5) Либеръ, «On the Vocal Sounds» и т. д., стр. 2. Тейлоръ, тамъ же, стр. 53.

[Этотъ вопросъ нѣсколько теменъ. Чонси Райтъ (см. его «Письма», изданныя Тейеромъ, въ Кембриджѣ, 1878, стр. 310) цитируетъ мнѣніе м-ра Софоклеса, уроженца Греціи, бывшаго въ то время преподавателемъ новаго и древняго греческаго языка въ Гарвардскомъ университетѣ, что турки никогда не выражаютъ утвержденія покачиваньемъ головы. По описанію Софоклеса, турки, слушая рассказъ, важно киваютъ головами въ знакъ одобренія и согласія и откидываютъ головы назадъ, если не могутъ согласиться со сказаннымъ. Везалий, цитируемый въ «Pathomyotomia» Бульвера, 1649 г., говоритъ, что «большинство васъ, критянъ», выражаетъ отрицаніе движеніемъ головы вверхъ.

М-ръ Софоклесъ часто видалъ, какъ турки и другіе восточные народы качали головами при гнѣвѣ или при сильномъ неодобреніи. Этотъ жестъ знакомъ и намъ, и Чонси Райтъ приводитъ нѣсколько мѣстъ изъ Библии, гдѣ о немъ упоминается. Такъ, напр., Матѳ. XXVII, 39: «Проходяшіе же злословили Его, кивая головами своими», ср. также псалмы XXII, 7 и СІХ, 25.

М-ръ Чонси Райтъ цитируетъ Джемса Ресселя Лоуэля, который подтверждаетъ сказанное въ текстѣ, ибо онъ замѣтилъ, что въ Италіи покачиванье головою, подобное нашему отрицательному знаку, употребляется въ утвердительномъ смыслѣ.

Чонси Райтъ, пытаясь примирить противорѣчивыя показанія относительно утвердительнаго покачивания головою, выводитъ сложную теорію, основанную на томъ своеобразномъ наклонномъ положеніи, сначала въ одну сторону, а потомъ въ другую, какое принимаетъ голова при размышленіи, напримѣръ, когда художникъ разсматриваетъ свое произведеніе. Онъ полагаетъ, что изъ этого жеста могъ произойти сим-

синцы, какъ мнѣ сообщаетъ капитанъ Спида, выражаютъ отрицаніе, дергая головою къ правому плечу и слегка прищелкивая языкомъ при закрытомъ ртѣ; утверждениѣ выражается тѣмъ, что голова откидывается назадъ и брови на одно мгновение поднимаются. Тагалы въ Люзонѣ, на Филиппинскомъ архипелагѣ, какъ я слышалъ отъ д-ра Адольфа Мейера, говоря «*да*», тоже откидываютъ голову назадъ¹⁾. По словамъ раджи Брука, дайаки на Борнео выражаютъ утверждениѣ подниманіемъ бровей, а отрицаніе—легкимъ сокращеніемъ ихъ, сопровождаемымъ особеннымъ взглядомъ. Профессоръ и м-съ Аза Грей, заключили, что у арабовъ на Нилѣ утвердительный кивокъ рѣдокъ, а покачиванье головою для отрицанія никогда не употребляется и они даже не понимаютъ его. У эскимосовъ²⁾ кивокъ значитъ *да*, а миганье—*нѣтъ*. Новозеландцы вмѣсто утвердительнаго кивка поднимаютъ голову и подбородокъ³⁾.

Изъ справокъ, наведенныхъ у опытныхъ европейцевъ и у образованныхъ туземцевъ, м-ръ Эрскинъ заключаетъ, что утвердительные и отрицательные знаки бываютъ различны: кивокъ и боковое покачиваніе иногда употребляются, какъ у насъ, но отрицаніе чаще выражается тѣмъ, что они внезапно откидываютъ голову назадъ и немного вбокъ, и прищелкиваютъ языкомъ. Я не могу себѣ представить, въ чемъ состоитъ смыслъ этого прищелкиванья языкомъ, которое было замѣчено у различныхъ народовъ. Я просилъ м-ра Скотта обратить особое вниманіе на эту подробность; сдѣлавъ нѣсколько наблюдений, онъ полагаетъ, что вертикальный кивокъ обыкновенно не употребляется у туземцевъ въ качествѣ утверждениа, но что голова сначала откидывается назадъ, въ правую или лѣвую сторону, а потомъ одинъ разъ дергается наклонно впередъ. Менѣе внимательный наблюдатель, можетъ быть, назвалъ бы это движеніе боковымъ покачиваньемъ. Онъ утверждаетъ также, что при отрицаніи голову держатъ обыкновенно почти прямо и нѣсколько разъ качаютъ ею,

М-ръ Бриджсъ сообщаетъ мнѣ, что жители Огненной Земли вертикально киваютъ головою для утверждениа и качаютъ ею вбокъ при отрицаніи. Дикіе индѣйцы Сѣверной Америки, по словамъ м-ра Вашингтона Матьюзъ, научились кивать и трясти головою отъ европейцевъ; въ естественномъ состояніи они не употребляютъ этихъ знаковъ. Они выражаютъ утверждениѣ «описывая рукою (съ подогнутыми пальцами, кромѣ указательнаго) дугу внизъ и наружу отъ туловища, тогда какъ отрицаніе выражается движеніемъ раскрытой руки наружу, при поворотѣ ладони внутрь». По указаніямъ другихъ наблюдателей утвердительный знакъ у этихъ индѣйцевъ состоитъ въ томъ, что указательный палецъ поднимается, а потомъ опускается и указываетъ на землю, или же они помахиваютъ рукою прямо впередъ противъ лица, а въ знакъ отрицанія они трясутъ пальцемъ или всей рукою съ боку на бокъ⁴⁾. Это послѣднее движеніе, вѣроятно, во всѣхъ случаяхъ соотвѣтствуетъ боковому покачиванью головою. Говорятъ, что итальянцы при отрицаніи тоже двигаютъ поднятымъ пальцемъ справа налѣво; мы, англичане, тоже иногда дѣлаемъ это.

Въ общемъ мы находимъ у различныхъ человѣческихъ расъ значи-

воль согласія, соединеннаго съ размышленіемъ, который можно смѣшать съ вращеніемъ головы на вертикальной оси—нашимъ отрицательнымъ знакомъ.]

¹⁾ [По словамъ Мозеля (*loc. cit.*), жители острововъ Фиджи и Адмиралтейскихъ выражаютъ утверждениѣ движеніемъ головы вверхъ.]

²⁾ Д-ръ Кингъ, «*Edinburgh Phil. Journal*», 1845, стр. 313.

³⁾ Тейлоръ, «*Early History of Mankind*», 2-е изд., 1870, стр. 53.

тельное разнообразіе въ утвердительныхъ и отрицательныхъ знакахъ. По отношенію къ отрицанію, если мы допустимъ, что боковое качанье пальцемъ или рукою служить символомъ бокового движенія головы, и если мы допустимъ, что внезапное движеніе головы назадъ изображаетъ одно изъ движеній, часто производимыхъ маленькими дѣтьми при отказѣ отъ пищи, тогда отрицательные знаки на всемъ свѣтѣ очень однообразны, и намъ понятно, какъ они произошли. Самыя рѣзкія исключенія представляютъ арабы, эскимосы, нѣкоторыя австралійскія племена и дайаки. У послѣднихъ нахмуриванье служить знакомъ отрицанія, и у насъ боковое покачиванье головою часто сопровождается нахмуриваньемъ.

Что касается утвердительнаго кивка, то исключеній нѣсколько больше,—а именно, его нѣтъ у нѣкоторыхъ индусовъ, у турокъ, абиссинцевъ, дайаковъ, тагаловъ и новозеландцевъ. При утвержденіи иногда поднимаются брови, а такъ какъ человекъ, наклоня голову впередъ и внизъ, естественно смотритъ вверхъ на того человека, къ кому онъ обращается, то онъ будетъ склоненъ поднимать брови, и этотъ знакъ могъ произойти такимъ образомъ въ качествѣ сокращенія. Далѣе, у новозеландцевъ подниманіе подбородка и головы при утвержденіи, можетъ быть, изображаетъ въ сокращенной формѣ движеніе головы вверхъ послѣ того, какъ ею кивнули впередъ и внизъ.

⁴⁾ Леббокъ, «The Origin of Civilisation», 1870, стр. 277. Тейлоръ, тамъ же, стр. 38. Либеръ (ibid., стр. II), говоритъ объ отрицаніи у итальянцевъ. [М-ръ Ли (письмо отъ 17 янв. 1873) описываетъ боковое покачиванье указательнымъ пальцемъ или всею рукою, какъ обычный отрицательный знакъ въ Японіи.]

Г Л А В А XII.

Удивленіе.—Изумленіе.—Страхъ.—Ужасъ.

Удивленіе.—Изумленіе.—Подниманіе бровей.—Раскрываніе рта.—Выдвиганіе губъ.—Глосодвиженія, сопровождающія удивленіе.—Восхищеніе.—Страхъ.—Ужасъ.—Взъерошиванье волосъ.—Сокращеніе широкой шейной мышцы.—Расширеніе зрачковъ.—Ужасъ.—Заключеніе.

Вниманіе, если оно внезапно и пристально, постепенно переходитъ въ удивленіе; удивленіе переходитъ въ изумленіе, а это въ свою очередь въ изумленное оцѣпенѣніе. Послѣднее душевное состояніе близко родственно ужасу. Вниманіе обнаруживается легкимъ подниманіемъ бровей; по мѣрѣ того, какъ это состояніе усиливается и переходитъ въ удивленіе, брови поднимаются гораздо сильнѣе, а глаза и ротъ широко раскрываются. Подниманіе бровей нужно для быстрого и широкаго раскрыванія глазъ, отъ этого движенія на лбу образуются поперечныя морщины. Степень, до какой раскрываются глаза и ротъ, соотвѣтствуетъ степени испытываемаго удивленія, но эти движенія должны быть координированы, ибо широко раскрытый ротъ, при бровяхъ, поднятыхъ лишь слегка, даетъ бессмысленную гримасу, какъ показалъ д-ръ Дюшенъ на одной изъ своихъ фотографій ¹⁾. Съ другой стороны, часто можно видѣть притворное удивленіе, выражаемое только подниманіемъ бровей.

Д-ръ Дюшенъ приводитъ портретъ старика, брови котораго очень подняты и изогнуты вслѣдствіе электризаціи лобной мышцы, ротъ рас-

¹⁾ «Mécanisme de la physionomie», Album, 1862, стр. 42.

крытъ произвольно. Этотъ портретъ очень правдиво выражаетъ удивленіе. Я показывалъ его двадцати четыремъ лицамъ, не говоря ни слова въ объясненіе, и только одинъ совсѣмъ не понималъ, что онъ означаетъ. Другой сказалъ, что изображенъ ужасъ,—это было близко къ истинѣ; впрочемъ, нѣкоторые изъ остальныхъ прибавляли къ словамъ «удивленіе» или «изумленіе» эпитеты: испуганное, горестное, болѣзненное или полное отвращенія.

Всѣми признано, что широко раскрытые глаза и ротъ выражаютъ удивленіе или изумленіе. Такъ, Шекспиръ говоритъ: «Я видѣлъ, какъ, съ поднятымъ молоткомъ... кузнецъ стоялъ и слушалъ, ротъ разинувъ... (король Джонъ, актъ IV, сц. 2); въ другомъ мѣстѣ: «Казалось, что, когда они глядѣли другъ на друга, глаза ихъ точно выскочить хотѣли; въ ихъ молчаніи слышалась рѣчь, въ ихъ движеніи—голосъ, они, казалось, слышали сообщеніе о какомъ-то спасенномъ или разрушенномъ мѣрѣ («Зимняя сказка», актъ V, сц. 2).

Отвѣты моихъ корреспондентовъ относительно различныхъ человѣческихъ расъ замѣчательно однообразны; вышеуказанныя движенія чертъ лица часто сопровождаются опредѣленными жестами и звуками, которые сейчасъ будутъ описаны. Двѣнадцать наблюдателей въ различныхъ частяхъ Австраліи согласны въ этомъ вопросѣ. М-ръ Винвудъ Ридъ наблюдалъ это выраженіе у негровъ на Гвинейскомъ берегу. Вождь Гаика и другіе отвѣчаютъ *да* на мой вопросъ относительно кафровъ въ южной Африкѣ; опредѣленные и утвердительные отвѣты получены относительно абиссинцевъ, цейлонцевъ, китайцевъ, жителей Огненной Земли, различныхъ сѣверо-американскихъ племенъ и новозеландцевъ. Что касается послѣднихъ, м-ръ Стекъ утверждаетъ, что это выраженіе яснѣе обнаруживается у однихъ лицъ сравнительно съ другими, хотя всѣ они стараются по возможности скрывать свои чувства. Раджа Брукъ говоритъ про дайаковъ на Борнео, что при удивленіи они широко раскрываютъ глаза, часто раскачиваютъ головами и бьютъ себя въ грудь. М-ръ Скоттъ сообщаетъ мнѣ, что рабочимъ въ ботаническомъ саду, въ Калькуттѣ, строго запрещено курить, но они часто нарушаютъ это запрещеніе и когда ихъ внезапно застанутъ за куреньемъ, они прежде всего широко раскрываютъ глаза и ротъ. Потомъ они часто слегкажимаютъ плечами, когда убѣдятся, что попались непоправимо, или нахмуриваются и топаютъ ногами отъ досады. Они вскорѣ оправляются отъ удивленія, и безумный страхъ выражается ослабленіемъ всѣхъ ихъ мышцъ, ихъ голова какъ будто вдавливается между плечъ, помутившіеся глаза бѣгають въ разныя стороны и они умоляютъ простить ихъ.

Извѣстный изслѣдователь Австраліи, м-ръ Стюартъ, приводитъ ¹⁾ поразительное описаніе изумленнаго оцѣпенѣнія, соединеннаго съ ужасомъ, у туземца, который никогда раньше не видалъ человѣка верхомъ на лошади. М-ръ Стюартъ приблизился, не будучи замѣченнымъ, и окликнулъ его съ небольшого разстоянія. «Онъ повернулся и увидалъ меня. Не знаю, что онъ вообразилъ; но я никогда не видалъ лучшаго изображенія страха и изумленія. Онъ стоялъ, не будучи въ состояніи пошевелиться, прикованный къ мѣсту, раскрывъ ротъ и вытаращивъ глаза. Онъ оставался недвижимъ, пока нашъ черноокій спутникъ не приблизился къ нему на нѣсколько ярдовъ; тогда онъ внезапно бросилъ свои вещи, стремглавъ бросился на дерево и забрался на него какъ можно выше.» Онъ не могъ говорить и не отвѣчалъ ни слова на вопросы, ко-

1) «The Poluglot News Letter», Мельбурнъ, дек. 1858, стр. 2.

торые задавалъ ему чернокожій, но дрожа съ ногъ до головы, «махалъ рукою, чтобы мы уходили.»

Изъ того факта, что Лаура Бриджманъ при удивленіи неизмѣнно поднимаетъ брови, какъ меня увѣряла дама, недавно ходившая за нею, мы можемъ заключить, что это подниманіе происходитъ отъ природнаго или инстинктивнаго импульса. Такъ какъ удивленіе бываетъ вызвано чѣмъ-нибудь неожиданнымъ или неизвѣстнымъ, то мы при неожиданности естественнымъ образомъ желаемъ какъ можно скорѣе увидать причину; вслѣдствіе этого мы раскрываемъ глаза какъ можно шире, чтобы увеличить поле зрѣнія и свободно двигать глазами во всѣхъ направленіяхъ. Но этимъ едва ли объясняется такое сильное подниманіе бровей, какое бываетъ въ этомъ случаѣ, и дикое вытаращиваніе раскрытыхъ глазъ. Мнѣ кажется, что объясненіе заключается въ невозможности очень быстро раскрыть глаза только посредствомъ подниманія верхнихъ вѣкъ. Для этого нужно энергично поднять брови. Всякій, кто попытается передъ зеркаломъ открыть глаза какъ можно скорѣе, найдетъ, что онъ производитъ это движеніе; энергичное подниманіе бровей раскрываетъ глаза такъ широко, что они вытаращиваются, и вокругъ всей радужной оболочки показывается бѣлокъ. Кромѣ того, подниманіе бровей выгодно для того, чтобы смотрѣть вверхъ; ибо пока онѣ опущены, онѣ мѣшаютъ намъ смотрѣть въ этомъ направленіи. Сэръ Ч. Бель приводитъ ¹⁾ любопытное маленькое доказательство той роли, которую играютъ брови въ открываніи вѣкъ. У человѣка, пьянаго до безчувствія, всѣ мышцы ослаблены, и вѣки поэтому опущены совершенно такъ же, какъ бываетъ при засыпаніи. Чтобы противодѣйствовать этому стремленію, пьяница поднимаетъ брови; это придаетъ ему озадаченный, глупый видъ, хорошо изображенный на одномъ изъ рисунковъ Гогарта. Послѣ того, какъ привычка поднимать брови, чтобы какъ можно скорѣе осмотрѣться, приобрѣтена, это движеніе происходитъ въ силу ассоціаціи всякій разъ, какъ мы испытываемъ удивленіе отъ какой бы то ни было причины, даже отъ внезапнаго звука или мысли.

Когда брови подняты, у взрослыхъ людей весь лобъ покрывается многочисленными поперечными морщинами, но у дѣтей это бываетъ лишь въ слабой степени. Морщины идутъ линиями, концентрическими каждой брови, и отчасти сливаются посерединѣ. Онѣ въ высокой степени характерны для выраженія удивленія или изумленія. По замѣчанію Дюшена ²⁾, каждая бровь, поднимаясь, выгибается сильнѣе, чѣмъ она выгнута обыкновенно.

Причина раскрытія рта при удивленіи гораздо сложнѣе; повидимому, это движеніе вызывается одновременно нѣсколькими причинами. Часто высказывали предположеніе ³⁾, что чувство слуха такимъ же образомъ обостряется; но я слѣдилъ за людьми, которые внимательно прислушивались къ легкому шуму, характеръ и источникъ котораго имъ вполне извѣстенъ, и они не раскрывали рта. Поэтому я одно время предполагалъ, что раскрытый ротъ, можетъ быть, помогаетъ различать направленіе, въ которомъ идетъ звукъ, доставляя другой путь для его вхожденія въ ухо, черезъ Евстахіеву трубу. Но д-ръ Огль ⁴⁾ любезно справился у лучшихъ современныхъ авторитетовъ насчетъ функцій Евстахіевой трубы;

¹⁾ „The Anatomy of Expression“, стр. 106.

²⁾ „Mécanisme de la physionomie“, Album, стр. 6.

³⁾ См., напримѣръ, д-ръ Пидеритъ („Mimik und Physiognomik“, стр. 88), у котораго хорошо описано выраженіе удивленія.

⁴⁾ Д-ръ Мьюри тоже далъ мнѣ свѣдѣнія, основанныя отчасти на сравнительной анатоміи; они приводятъ къ тому же заключенію.

какъ онъ сообщаетъ мнѣ, почти окончательно доказано, что она всегда остается закрытою, кромѣ момента проглатыванья; и что у людей, у которыхъ труба ненормально остается открытою, чувство слуха, поскольку рѣчь идетъ о внѣшнихъ звукахъ, нисколько не лучше; напротивъ, онъ хуже, такъ какъ звуки, происходящіе при дыханіи, становятся явственнѣе. Если внутри рта помѣстить часы, но не давать имъ прикасаться къ стѣнкамъ, то тиканье слышно далеко не такъ ясно, какъ если держать часы снаружи. У лицъ, у которыхъ вслѣдствіе болѣзни или простуды Евстахіева труба постоянно или временно закрыта, чувство слуха страдаетъ; но это можно объяснить тѣмъ, что внутри трубы накапливается мокрота и слѣдовательно воздухъ не имѣетъ доступа. Поэтому мы можемъ заключить, что при удивленіи ротъ остается открытымъ не для того, чтобы звуки были слышны яснѣе; но тѣмъ не менѣе большинство глухихъ людей держать ротъ раскрытымъ.

Всякая внезапная эмоція, въ томъ числѣ и удивленіе, ускоряетъ дѣятельность сердца, а вмѣстѣ съ нею и дыханіе. Какъ замѣчаетъ Грасіоле¹⁾, и какъ мнѣ тоже кажется, мы можемъ дышать гораздо спокойнѣе черезъ открытый ротъ, чѣмъ черезъ ноздри. Поэтому, когда мы желаемъ внимательно прислушаться къ какому-либо звуку, мы или перестаемъ дышать, или же дышимъ какъ можно спокойнѣе, раскрывая ротъ и въ то же время держа тѣло неподвижно. Одинъ изъ моихъ сыновей проснулся ночью отъ шума при обстоятельствахъ, которыя естественнымъ образомъ требовали большой осторожности, и черезъ нѣсколько минутъ замѣтилъ, что его ротъ широко раскрытъ. Тогда онъ понялъ, что раскрылъ его для того, чтобы дышать какъ можно спокойнѣе. Этотъ взглядъ получаетъ поддержку въ противоположномъ примѣрѣ, который случается видѣть у собакъ. Собака, захлебываясь отъ усталости, или въ жаркій день, дышитъ шумно; но если ея вниманіе внезапно возбуждено, она мгновенно настораживаетъ уши, прислушиваясь, закрываетъ ротъ и дышитъ спокойно, насколько можетъ, черезъ ноздри.

Когда вниманіе въ теченіе долгаго времени съ упорнымъ напряженіемъ сосредоточено на какомъ-нибудь предметѣ, всѣ органы тѣла остаются въ забвеніи и пренебреженіи²⁾; а такъ какъ количество нервной энергіи у каждаго индивидуума ограничено, то во всѣ части организма, кромѣ той, которая въ это время приведена въ энергичное дѣйствіе, передается мало нервной силы. Поэтому многимъ мышцамъ свойственно ослабѣвать, а челюсть отпадаетъ отъ собственнаго вѣса. Этимъ объясняется отвисаніе челюсти и раскрываніе рта у человѣка, пораженнаго изумленіемъ, а также можетъ быть и при менѣе сильной эмоціи. Какъ я нашелъ въ своихъ запискахъ, я замѣчалъ это выраженіе у очень маленькихъ дѣтей, когда они были лишь умѣренно удивлены.

Есть и другая весьма существенная причина, вызывающая раскрываніе рта при удивленіи, а особенно при внезапномъ испугѣ. Намъ гораздо легче сдѣлать полное и глубокое вдыханіе черезъ широко раскрытый ротъ, чѣмъ черезъ ноздри. Когда мы вздрагиваемъ при внезапномъ звукѣ или зрѣлищѣ, почти всѣ мышцы тѣла невольно и мгновенно приходятъ въ энергичное дѣйствіе, чтобы мы могли оградить себя или отскочить отъ опасности, которая у насъ обыкновенно ассоціирована со всякою неожиданностью. Но, какъ раньше было объяснено, мы всегда безсознательно приготавливаемся ко всякому большому усилію тѣмъ, что сначала дѣлаемъ

¹⁾ „De la physionomie“, 1865, стр. 234.

²⁾ См. объ этомъ у Грасіоле, тамъ же, стр. 254.

глубокое и полное вдыханіе и, слѣдовательно, раскрываемъ ротъ. Если усилія не воспослѣдуетъ, а удивленіе продолжается, мы на время перестаемъ дышать, или дышимъ какъ можно спокойнонѣе, чтобы ясно слышать каждый звукъ. Или же, когда наше вниманіе долго и серьезно поглощено, всѣ наши мышцы ослабѣваютъ, а челюсть, вначалѣ внезапно открывшаяся, остается опущенной. Такимъ образомъ нѣсколько причинъ приводятъ къ одному и тому же движенію всякій разъ, когда мы приходимъ въ удивленіе, изумленіе или остоленіе¹⁾.

Хотя подъ вліяніемъ этихъ эмоций нашъ ротъ обыкновенно бываетъ открытъ, губы часто все-таки немного оттопыриваются. Этотъ фактъ напоминаетъ намъ о такомъ же движеніи, хотя гораздо рѣже выраженномъ, у шимпанзе и орангутанга при удивленіи. Такъ какъ за глубокимъ вдыханіемъ, сопровождающимъ первое ощущеніе тревожнаго удивленія, естественно слѣдуетъ сильное выдыханіе, и такъ какъ губы часто бываютъ оттопырены, мы, повидимому, можемъ объяснить этимъ различные звуки, которые обыкновенно при этомъ издаются. Но иногда слышно только сильное выдыханіе; такъ Лаура Бриджманъ при изумленіи округляетъ и выпячиваетъ губы, раскрываетъ ихъ и сильно дышитъ²⁾. Одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ звуковъ—низкое *о-о*; по объясненію Гельмгольца, онъ естественнымъ образомъ происходитъ отъ того, что ротъ умѣренно открытъ и губы оттопырены. Однажды въ тихую ночь съ «Бигля» въ маленькой бухтѣ на островахъ Таити было пущено нѣсколько ракетъ, чтобы позабавить туземцевъ; при спускѣ каждой ракеты было полное молчаніе, но за нимъ неизмѣнно слѣдовало низкое, протяжное *о-о*, которое разносилось вокругъ всего залива. М-ръ Вашингтонъ Матьюзъ говоритъ, что сѣверо-американскіе индѣйцы выражаютъ удивленіе оханьемъ; а негры на западномъ берегу Африки, по словамъ м-ра Винвуда Рида, оттопыриваютъ губы и издаютъ звукъ, похожій на *и-и*. Если ротъ не очень раскрытъ, а губы оттопырены значительно, то получается дующій, шипящій или свистящій звукъ. Какъ мнѣ сообщаетъ м-ръ Броу Смитъ, одного австралійца изъ внутреннихъ частей страны взяли въ театръ, чтобы показать ему акробата, который быстро вертѣлся черезъ голову; «онъ былъ очень удивленъ и выпятилъ губы, издавая ртомъ такой звукъ, будто онъ задувалъ спичку». По словамъ м-ра Бельмера, австралійцы при удивленіи издаютъ восклицаніе «*корки*» и «для этого они вытягиваютъ ротъ, какъ бы собираясь свистнуть». Мы, европейцы, часто свистемъ въ знакъ удивленія; такъ въ одномъ современномъ романѣ³⁾ сказано: «тогда этотъ человекъ выразилъ свое удивленіе и разочарованіе протяжнымъ свистомъ»⁴⁾. Одна дѣвушка изъ племени кафровъ, какъ мнѣ сообщаетъ

1) Уоллесъ („Quarterly Journal of Science“, янв. 1873, стр. 116) высказываетъ мысль, что у нашихъ дикихъ предковъ ихъ собственная или чужая опасность часто бывала ассоциирована съ причиною, вызывавшею изумленіе, и что раскрытый ротъ можетъ, такъ сказать, быть остаткомъ тревожнаго или поощряющаго крика.

Онъ объясняетъ дѣйствіе руками, какъ соответствующія движенія „для защиты лица или тѣла наблюдателя, или для приготовленія къ оказанію помощи человѣку, находящемуся въ опасности“. Онъ указываетъ, что руки принимаютъ почти такую же позу, когда „мы бросаемся помочь кому-нибудь въ опасности, держа руки наготовѣ, чтобы схватить и спасти его“. Но слѣдуетъ отмѣтить, что въ этихъ случаяхъ не бываетъ стремленія открыть ротъ.

2) Либеръ „On the Vocal Sounds of Laura Bridgman“, Smithsonian Contributions, 1851, т. II, стр. 7.

3) „Wunderholme“, т. II, стр. 91.

4) [Одинъ корреспондентъ указываетъ, что удивленное *фью* получается отъ вдыханія, тогда какъ „протяжный свистъ“ есть сознательное подражаніе этому звуку, которое у нѣкоторыхъ людей обращается въ привычку.]

м-ръ Мансель Виль, «услыхавъ о высокой цѣнѣ одной вещи, подняла брови и свистнула совершенно такъ, какъ сдѣлалъ бы европеецъ». М-ръ Веджвудъ замѣчаетъ, что эти звуки пишутся *фью* и служатъ междоуметіемъ удивленія.

По словамъ трехъ другихъ наблюдателей, австралійцы часто выражаютъ удивленіе щелканьемъ. Европейцы тоже иногда выражаютъ легкое удивленіе, издавая приблизительно такое же слабое пощелкиванье. Мы видѣли, что при неожиданности ротъ внезапно раскрывается; если въ это мгновеніе языкъ окажется плотно прижатымъ къ небу, то, отдѣляясь отъ него сразу, онъ произведетъ подобный звукъ, который такимъ образомъ могъ стать выраженіемъ удивленія.

Переходимъ къ движеніямъ тѣла. Удивленный человѣкъ часто поднимаетъ раскрытыя руки высоко надъ головою, или же закидываетъ руки только до уровня лица ¹⁾). Выпрямленные ладони бываютъ направлены къ тому человѣку, который вызываетъ это чувство, и вытянутые пальцы раздѣлены. Этотъ жестъ изображенъ м-ромъ Реджлендеромъ на таблицѣ VII, фиг. 1. На картинѣ «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи два апостола держатъ руки наполовину поднятыми, чѣмъ ясно выражается ихъ удивленіе. Одинъ надежный наблюдатель говорилъ мнѣ, что онъ недавно встрѣтилъ свою жену при самыхъ неожиданныхъ обстоятельствахъ: «она вздрогнула, широко раскрыла ротъ и глаза и вскинула обѣими руками надъ головою». Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я съ удивленіемъ увидѣлъ, что нѣсколько моихъ маленькихъ дѣтей что-то серьезно дѣлаютъ вмѣстѣ на землѣ; но разстояніе было велико, и я не могъ спросить, чѣмъ они заняты. Поэтому я закинулъ раскрытыя руки съ вытянутыми пальцами надъ головою; какъ только я произвелъ это движеніе, я замѣтилъ, что сдѣлалъ его. Тогда я сталъ ждать, не говоря ни слова, чтобы посмотрѣть, поняли ли мои дѣти этотъ жестъ; подбѣгая ко мнѣ, они кричали: «Мы видѣли, что ты удивился». Я не знаю, свойственно ли это тѣлодвиженіе различнымъ человѣческимъ расамъ, такъ какъ я упустилъ предложить вопросы объ этомъ. Изъ того факта, что Лаура Бриджманъ при изумленіи «простираетъ руки и повертываетъ кисти рукъ съ вытянутыми пальцами вверхъ» ²⁾, мы можемъ заключить, что это тѣлодвиженіе природно или естественно; она едва ли выучилась этому жесту при помощи своего тонкаго осязанія, такъ какъ чувство удивленія обыкновенно бываетъ коротко.

Гушке описываетъ ³⁾ нѣсколько иной, хотя родственной вышеуказанному жестъ, который, какъ онъ говоритъ, дѣлаютъ люди при удивленіи. Они держатся прямо, черты лица бываютъ таковы, какъ описано раньше, но вытянутыя руки направлены назадъ, а вытянутые пальцы отдѣлены другъ отъ друга. Я самъ никогда не видалъ этого жеста, но Гушке вѣроятно правъ, потому что одинъ изъ моихъ друзей спросилъ другого человѣка, какъ онъ выразилъ бы сильное удивленіе, и тотъ сейчасъ же принялъ такую позу.

¹⁾ [Этотъ жестъ былъ замѣченъ у ребенка, которому было 1 годъ и 9 мѣсяцевъ. У автора записано: „С. принесла и раскрыла передъ однимъ изъ своихъ маленькихъ внуковъ, которому было 1 годъ и 9 мѣсяцевъ, коробку игрушекъ. Ребенокъ тотчасъ же поднялъ обѣ руки, повернулъ ихъ ладонями впередъ и вытянулъ пальцы по обѣ стороны лица, крича *o-o!* или *a-a!*“.]

²⁾ Либеръ „On the Vocal Sounds“ и т. д., стр. 7.

³⁾ Гушке „Mimics of physiognomices“, 1821, стр. 18. Грациоле („De la phys.“, стр. 255) даетъ изображеніе человѣка въ такой позѣ, которая, впрочемъ, какъ мнѣ кажется, выражаетъ страхъ, соединенный съ удивленіемъ. Лебрень тоже упоминаетъ (Лафатеръ, т. IX, стр. 299) о томъ, что кисти рукъ у удивленнаго человѣка бываютъ раскрыты.

Я полагаю, что эти тѣлодвиженія можно объяснить на основаніи принципа антитезы. Мы видѣли, что человѣкъ, пришедшій въ негодованіе, держитъ голову прямо, выпрямляетъ плечи, вывертываетъ локти наружу, часто сжимаетъ кулаки, хмурится и закрываетъ ротъ; тогда какъ поза человѣка безпомощнаго представляетъ противоположность во всѣхъ частностяхъ. Далѣе, человѣкъ въ обычномъ настроеніи, когда онъ ничего не дѣлаетъ и ни о чемъ особенно не думаетъ, обыкновенно держитъ обѣ руки свободно опущенными по бокамъ, нѣсколько согнувъ кисти рукъ и сблизивъ пальцы. Поэтому внезапное подниманіе рукъ цѣликомъ или только въ локтевомъ суставѣ, раскрываніе ладоней и раздвиганіе пальцевъ или вытягиванье рукъ, протягиванье ихъ назадъ при раздѣленныхъ пальцахъ, представляютъ собой движенія, совершенно противоположныя той позѣ, которую мы сохраняемъ при безразличномъ расположеніи духа; поэтому удивленный человѣкъ безсознательно производитъ эти движенія. Кромѣ того, мы часто желаемъ проявить удивленіе нагляднымъ образомъ, а вышеописанныя позы отлично подходятъ для этой цѣли. Можно спросить, почему удивленіе и лишь немногія другія душевныя настроенія выражаются движеніями, которыя представляютъ антитезу съ другими. Но названный принципъ не будетъ играть роли для такихъ эмоцій, которыя естественнымъ образомъ ведутъ къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ и оказываютъ извѣстное вліяніе на тѣло, ибо весь организмъ бываетъ охваченъ ими: таковы, ужасъ, сильная радость, страданіе или ярость; эти эмоціи и безъ того выражаются съ величайшею ясностью.

Для выраженія удивленія есть еще одинъ маленькій жестъ, которому я не нахожу объясненія; онъ состоитъ въ томъ, что руку прикладываютъ ко рту ¹⁾ или къ какой-нибудь другой части головы. Это движеніе было замѣчено у столькихъ человѣческихъ расъ ²⁾, что должно имѣть естественное происхожденіе. Одного дикаго австрайлца ввели въ большую комнату, полную официальныхъ бумагъ, которыя очень удивили его, и онъ воскликнулъ *клекъ, клекъ, клекъ*, положивъ руку наружную стороною себѣ на губы. По словамъ м-съ Барберъ, у кафровъ и финго удивленіе выражается серьезнымъ взглядомъ и тѣмъ, что они кладутъ правую руку себѣ на ротъ, произнося слово *меуо*, которое значитъ «удивительно». Говорятъ, что бушмены прикладываютъ правую руку къ шеѣ, отклоняя голову назадъ. М-ръ Винвудъ Ридъ наблюдалъ, что негры на западномъ берегу Африки при удивленіи ударяютъ себя рукою по рту и въ то же время говорятъ: «Мой ротъ прилипаетъ ко мнѣ», т.-е. къ моимъ рукамъ; онъ слыхалъ, что это ихъ обычный жестъ въ такихъ случаяхъ. Капитанъ Спиди сообщаетъ мнѣ, что абиссинцы прикладываютъ правую руку ко лбу, ладонью наружу. Наконецъ, м-ръ Вашингтонъ Матьюзъ заявляетъ, что условный знакъ удивленія у дикихъ племенъ въ западныхъ частяхъ Соединенныхъ Штатовъ «состоитъ въ томъ, что полузакрытую руку кладутъ на ротъ; при этомъ движеніи

¹⁾ [Профессоръ Гомперцъ, въ Вѣнѣ, высказываетъ въ письмѣ (25 авг. 1873) мысль, что въ жизни дикаря удивленіе часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, когда нужно молчаніе, напримѣръ, при внезапномъ появленіи животнаго или при производимомъ имъ шумѣ. Такимъ образомъ, прикладыванье руки ко рту первоначально было жестомъ, который приказывалъ соблюдать молчаніе, а впоследствии этотъ жестъ ассоціировался съ чувствомъ удивленія даже въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ надобности въ молчаніи или когда удивляющійся человѣкъ одинъ.]

²⁾ [Книга Іова, XXI, 5: „взгляни на меня, и удивись, и положи руку на ротъ свой“. Цитировано Гольбичемъ въ „St. Paul's Magazine“, февр. 1873 стр. 211.]

³⁾ Гушке, тамъ же, стр. 18.

голова часто наклоняется впередъ и издаются слова или тихое оханье». Кетлинъ ¹⁾ тоже замѣчаетъ, что у мандановъ и у другихъ индѣйскихъ племенъ руку прижимаютъ ко рту.

Восхищеніе.—О немъ слѣдуетъ сказать лишь немного. Восхищеніе, повидимому состоитъ изъ удивленія, связаннаго съ нѣкоторымъ удивительствомъ и чувствомъ одобренія. Когда мы живо чувствуемъ восхищеніе, глаза раскрыты и брови подняты; глаза становятся блестящими, вмѣсто того чтобы оставаться безъ выраженія, какъ при простомъ удивленіи; ротъ, вмѣсто того, чтобы быть широко раскрытымъ, расширяется въ улыбку.

Страхъ, ужасъ.—Слово «страхъ» (fear), повидимому, происходитъ отъ того, что внезапно и опасно ²⁾; а слово «ужасъ» (terror)—отъ дрожанія голосовыхъ органовъ и тѣла. Для обозначенія крайняго страха я употребляю слово «ужасъ», но нѣкоторые писатели полагаютъ, что употребленіе этого слова слѣдуетъ ограничить такими случаями, гдѣ особенно затронуто воображеніе. Страху часто предшествуетъ удивленіе, и оно настолько родственно ему, что оба они ведутъ къ мгновенному возбужденію зрѣнія и слуха. Въ обоихъ случаяхъ глаза и ротъ бываютъ широко раскрыты ³⁾ и брови подняты. Испуганный человекъ сначала стоитъ

¹⁾ „North American Indians“, 3-е изд., 1842, т. I, стр. 105.

²⁾ Веджвудъ, „Dict. of English Etymology“, т. II, 1862, стр. 35. См. также Грациоле (De la physionomie, стр. 135) объ происхожденіи такихъ словъ какъ „terror, horror, rigidus, frigidus и т. д.

³⁾ [М-ръ Менби въ письмѣ (отъ 9 дек. 1872) живо изображаетъ ужасъ: „Дѣло было въ Тебли-Ольдъ-Голъ, въ Чеширѣ; это—средневѣковой домъ, въ которомъ никто не живетъ, кромѣ ключницы, помѣщающейся въ кухнѣ; домъ вполне меблированъ старинной обстановкой и сохраняется въ statu quo владѣльцами, которые хранятъ его, какъ памятникъ и музей. Съ одной стороны большого вестибюля есть изящное, выдающееся наружу окно, разукрашенное гербами; по тремъ другимъ стѣнамъ идутъ хоры, нависшія надъ вестибюлемъ; на эти хоры выходятъ двери комнатъ второго этажа. Я былъ въ одной изъ этихъ комнатъ, старинной спальнѣ. Я стоялъ посрединѣ, окно комнаты приходилось сзади меня, а впереди меня была открытая дверь, черезъ которую я смотрѣлъ, какъ солнечный свѣтъ игралъ на выдающемся окнѣ по ту сторону вестибюля. Я былъ въ траурѣ и поэтому на мнѣ была темная одежда: охотничья куртка, широкія панталоны и гетры, на головѣ мягкая шляпа, Людовикъ XI, какъ разъ той формы, какая бываетъ на Мефистофель въ оперѣ. Такъ какъ окно находилось сзади меня, то конечно вся моя фигура должна была казаться черной зрителю, если бы онъ находился впереди меня; я стоялъ совершенно тихо, поглощенный солнечнымъ свѣтомъ на окнѣ. Вдоль хоръ послышалось шарканье и въ дверяхъ показалась проходившая мимо старуха (кажется, это была сестра ключницы). Удивленная тѣмъ, что дверь оказалась открытой, она остановилась, посмотрѣла въ комнату, и, окинувъ ее глазами, конечно увидала меня, стоящаго на описанномъ мѣстѣ. Въ одно мгновеніе, точно отъ электрическаго толчка, она стала ко мнѣ лицомъ, повернувъ всю свою фигуру такъ, что она стала параллельно моей; немедленно вслѣдъ за тѣмъ, какъ бы убѣдившись вполне въ моемъ ужасномъ видѣ, она выпрямилась во весь ростъ (раньше она держалась наклонившись), и стала буквально на цыпочки; въ то же мгновеніе она вскинула обѣими руками, поставивъ плечевыя кости почти подъ прямымъ угломъ къ туловищу, а предплечья подъ прямымъ угломъ къ плечевымъ, такъ что предплечья стали вертикально. Ея руки, обращенныя ко мнѣ ладонями, были совершенно раскрыты, большіе и всѣ остальные пальцы были разставлены неподвижно. На ней былъ чепецъ, и я не увѣренъ, поднялись ли ея волосы замѣтнымъ образомъ. Раскрывъ ротъ, она испустила дикій, пронзительный крикъ, который продолжался все время (можетъ быть двѣ-три секунды), пока она стояла на цыпочкахъ, но не далѣе; какъ только она немного овладѣла собою, она повернулась и пустилась бѣжать, продолжая кричать. Она приняла меня за призракъ или за дьявола, не помню, за что именно. Какъ вы догадываетесь, всѣ эти подробности ея поведенія произвели на меня живѣйшее впечатлѣніе, ибо я ни раньше, ни послѣ того не видалъ ничего подобнаго по своей странности. Что касается меня, то я стоялъ, глядя на нее, прикованный къ

какъ статуя, неподвижно и не дыша, или припадаетъ къ землѣ, какъ бы инстинктивно стараясь остаться незамѣченнымъ.

Сердце бьется сильно и бурно, такъ что трепещетъ или ударяется о ребра; но весьма сомнительно, работаетъ ли оно въ это время производительнѣе обыкновеннаго и посылаетъ ли оно большее количество крови во всѣ части тѣла,—ибо кожа мгновенно блѣднѣетъ, какъ при началѣ обморока ¹⁾. Впрочемъ эта блѣдность поверхности вѣроятно въ значительной степени или исключительно зависитъ отъ того, что сосудодвигательные центры испытываютъ такое дѣйствіе, вслѣдствіе котораго мелкія артеріи кожи сокращаются. Что чувство сильнаго страха весьма влияетъ на кожу, мы видимъ изъ того, что изъ нея тотчасъ же, удивительнымъ и необъяснимымъ образомъ, выступаетъ потъ. Это выступленіе пота тѣмъ замѣчательнѣе, что поверхность въ это время бываетъ холодною, откуда и произошло названіе—холодный потъ, а между тѣмъ нормальное возбужденіе потовыхъ железъ къ дѣйствію бываетъ при нагрѣваніи поверхности. Кромѣ того, волосы на кожѣ становятся дыбомъ и поверхностныя мышцы дрожатъ. Въ связи съ разстройствомъ дѣятельности сердца дыханіе ускоряется. Слюнныя железы дѣйствуютъ не вполне; ротъ пересыхаетъ ²⁾ и его часто открываютъ и закрываютъ. Я замѣчалъ также, что при небольшомъ страхѣ бываетъ сильная склонность къ зѣвотѣ. Однимъ изъ наиболѣе рѣзкихъ симптомовъ является дрожь всѣхъ мышцъ тѣла; она часто прежде всего обнаруживается въ губахъ. По этой причинѣ и отъ сухости рта голосъ становится хриплымъ и неяснымъ или можетъ совсѣмъ отказаться служить. «*Obstupi, steteruntque comae et vox faucibus haesit*».

Въ книгѣ Іова есть хорошо извѣстное, величественное описаніе неопредѣленнаго страха: «Среди размышленій о ночныхъ видѣніяхъ, когда сонъ находить на людей, объявляя меня ужасъ и трепеть и потрясъ всѣ кости мои. И духъ прошелъ надо мною; дыбомъ стали волосы на мнѣ. Онъ сталъ,—но я не распозналъ вида его, только обликъ былъ предъ глазами моими; тихое вѣяніе,—и я слышу голосъ: человекъ праведнѣ ли Бога? и мужъ чище ли Творца своего?» (гл. IV, ст. 13).

По мнѣнію того какъ страхъ, усиливаясь, переходитъ въ смертельный ужасъ, мы видимъ различныя проявленія этого перехода, какъ при всѣхъ сильныхъ эмоціяхъ. Сердце бьется порывисто или же можетъ отказаться отъ работы, и тогда наступаетъ обморокъ; появляется смертельная блѣдность; дыханіе затруднено; крылья ноздрей очень расширены; «губы судорожно движутся, хватая воздухъ, впалыя щеки дрожатъ, въ горлѣ клокочетъ и сдавливаютъ его» ³⁾; совершенно раскрытое и выкатившееся глазное яблоко устремлено на предметъ, внушающій ужасъ, или же глаза могутъ безпокойно вращаться изъ стороны въ сто-

мѣсту; переходъ отъ предшествующаго спокойнаго созерцанія былъ такъ неожиданъ, а видъ ея такъ страненъ, что я чуть не принялъ ее за выходца съ того свѣта, въ такомъ старомъ и пустынномъ домѣ; я чувствовалъ, какъ мои глаза расширились и мой ротъ раскрылся, хотя я не произнесъ ни звука, пока она не пустилась бѣжать; тогда я понялъ странность положенія и поспѣшилъ за нею, чтобы успокоить ее.]

¹⁾ [Моссо („*La peur*“, франц. перев. 1886, стр. 8) пишетъ, что когда кролики пугаются, ихъ уши мгновенно блѣднѣютъ, а затѣмъ краснѣютъ.]

²⁾ М-ръ Бенъ этимъ явленіемъ объясняетъ („*The Emotions and the Will*“, 1865, стр. 54) происхожденіе обычая „подвергать преступниковъ въ Индіи испытанію при помощи шепотки риса. Обвиняемаго заставляютъ взять въ ротъ рису, и спустя нѣкоторое время выбросить его. Если шепотка совсѣмъ суха, то этотъ человекъ считается виновнымъ: его собственная нечистая совѣсть парализовала слюнныя органы“.

³⁾ Сэръ Ч. Бель, „*Transactions of Royal Phil. Soc.*“, 1882, стр. 38. „*Anatomy of Expression*“, стр. 88 и 164—169.

рону, *hic illuc volvens oculos totumque pererrat* ¹⁾. Говорятъ, что зрачки расширяются до огромныхъ размѣровъ. Всѣ мышцы тѣла цѣпенѣють, или же онѣ могутъ производить судорожныя движенія. Кисти рукъ то стискиваются, то раскрываются, при чемъ часто подергиваются. Руки могутъ быть протянуты впередъ, какъ бы для предотвращенія ужасной опасности, или же онѣ могутъ быть дико закинута надъ головою. М-ръ Хегеноръ видѣлъ это послѣднее движеніе у перепуганнаго австралійца. Въ другихъ случаяхъ бываетъ внезапное и неудержимое стремленіе бѣжать безъ оглядки; это желаніе бываетъ такъ сильно, что самые храбрые солдаты могутъ быть охвачены внезапной паникой.

Когда страхъ достигаетъ вышшаго напряженія, раздается раздражительный крикъ ужаса. Крупныя капли пота выступаютъ на кожѣ. Всѣ мышцы тѣла ослабѣваютъ. Вскорѣ наступаетъ полный упадокъ силъ и умственныя способности слабѣють. Вліяніе страха сказывается на кишкахъ. Мышцы сфинктровъ перестаютъ дѣйствовать и уже не удерживаютъ содержимаго тѣла ²⁾.

Д-ръ Кричтонъ Броунъ такъ поразительно изобразилъ крайній страхъ у одной помѣшанной тридцатипятилѣтней женщины, что слѣдуетъ привести это описаніе, хотя оно и тягостно. Когда съ нею дѣлается припадокъ, она кричитъ: «Это адъ!» «Вотъ черная женщина!» «Я не могу выйти!» и тому подобное. При этихъ крикахъ въ ея движеніяхъ чередуются напряженіе и дрожь. Въ одно мгновеніе она стискиваетъ руки, протягиваетъ руки впередъ въ напряженномъ полусогнутомъ положеніи; потомъ она вдругъ наклоняется туловищемъ впередъ, быстро раскачивается взадъ и впередъ, запускаетъ пальцы себѣ въ волосы, хватается за шею и старается сорвать съ себя одежду. Грудино-сосковья мышцы (*sterno-cleidomastoideus*) (которыя служатъ для пригибанія головы къ груди) сильно выступаютъ, какъ бы распухшія, и кожа на нихъ сильно сморщивается. Ея волосы, которыя коротко острижены на затылкѣ и лежатъ гладко, когда она спокойна, становятся дыбомъ; волосы на темени бываютъ растрепаны отъ движеній рукъ. Лицо выражаетъ великую душевную тревогу. Кожа на лицѣ и на шеѣ, до ключицъ, краснѣетъ, и вены на шеѣ и на лбу выступаютъ толстыми шнурами. Нижняя губа отвисаетъ и немного отворачивается. Ротъ остается полуоткрытымъ, а нижняя челюсть выдается впередъ. Щеки вваливаются и глубоко изборождены кривыми линиями, идущими отъ крыльевъ ноздрей къ угламъ рта. Самыя ноздри подняты и расширены. Глаза широко раскрыты, а кожа подъ ними кажется припухшей; зрачки увеличены. Лобъ покрытъ многочисленными поперечными морщинами, а у внутреннихъ концовъ бровей онъ сильно изборожденъ расходящимися линиями, которыя вызваны мощнымъ и продолжительнымъ сокращеніемъ надвигателей бровей.

М-ръ Бель тоже описалъ ³⁾ смертельный страхъ и отчаяніе, которые онъ видѣлъ у убійцы, когда его вели къ мѣсту казни въ Туринѣ. «По обѣимъ сторонамъ повозки помѣшались священники въ облаченіи, а въ серединѣ сидѣлъ самъ преступникъ. Невозможно было безъ ужаса видѣть состояніе, въ какомъ находился несчастный, а между тѣмъ какая-то странная притягательная сила не давала отвести глаза отъ этого»

¹⁾ См. у Моро о вращеніи глазами, въ изд. Лафатера, 1820 г., т. IV, стр. 263. Также Грасіоле, „De la physionomie“, стр. 17.

²⁾ См. примѣчаніе на стр. 45.

³⁾ „Observations on Italy“, 1825, стр. 48; цитировано въ „The Anatomy of Expression“, стр. 168.

дикаго, полнаго ужаса зрѣлица. На видъ ему было лѣтъ тридцать пять; онъ былъ рослый и мускулистый; лицо отличалось крупными и грубыми чертами; полунагой, блѣдный какъ смерть, обезумѣвшій отъ страха, напругая руки и ноги отъ муки, онъ судорожно стиснулъ кулаки; на его наклоненномъ и нахмуренномъ лбу стоялъ потъ и онъ безпрестанно цѣловалъ изображение Спасителя, нарисованное на хоругви, которая висѣла передъ нимъ; но онъ дѣлалъ это съ такою дикою и отчаянною тоскою, о какой намъ не можетъ дать ни малѣйшаго понятія ничто, когда-либо изображаемое на сценѣ.

Я приведу еще только одинъ примѣръ человѣка, совершенно сраженнаго ужасомъ. Одного человѣка, звѣрски убившаго двоихъ людей, привезли въ больницу, ошибочно предполагая, что онъ отравился; д-ръ Огль внимательно наблюдалъ его на слѣдующее утро, когда полиція надѣвала на него ручныя оковы и уводила его. Онъ былъ чрезвычайно блѣденъ, а упадокъ силъ былъ такъ великъ, что онъ едва могъ одѣться. Кожа была покрыта потомъ; вѣки и голова такъ сильно опустились, что было невозможно заглянуть ему въ глаза. Его нижняя челюсть отвисла. Ни одна лицевая мышца не была сокращена, и д-ръ Огль почти увѣренъ, что волосы не стояли дыбомъ: онъ внимательно слѣдилъ за ними, такъ какъ убійца выкрасилъ ихъ, чтобы не быть узнаннымъ¹⁾.

Что касается проявленія страха у различныхъ человѣческихъ расъ, мои корреспонденты согласны, что эти признаки таковы же, какъ у европейцевъ. Они обнаруживаются въ преувеличенной степени у индусовъ²⁾ и у туземцевъ Цейлона. М-ръ Гичъ видалъ, что малайцы, придя въ ужасъ, блѣднѣютъ и дрожатъ; а м-ръ Броу Смитъ утверждаетъ, что у одного туземца-австралійца, когда онъ «однажды сильно испугался, цвѣтъ кожи настолько приблизился къ тому, что мы называемъ блѣдностью, насколько это возможно у совсѣмъ чернокожаго человѣка»³⁾. М-ръ Дайсонъ Леси видѣлъ, какъ у одного австралійца крайній страхъ проявился въ нервномъ подергиваньи кистей рукъ, ногъ и губъ, и въ томъ, что на кожѣ выступилъ потъ. Многіе дикари не подавляютъ признаковъ страха въ той мѣрѣ, въ какой это дѣлаютъ европейцы; у нихъ часто бываетъ сильная дрожь. У кафровъ, какъ говоритъ Гаика на своемъ довольно странномъ англійскомъ языкѣ, дрожь «тѣла весьма испытывается и глаза бываютъ широко раскрыты». У дикарей мышцы сфинктеровъ часто ослабѣваютъ, совершенно такъ же, какъ это можно наблюдать у очень испуганныхъ собакъ, и какъ я видалъ у обезьянъ, когда онѣ бывали испуганы тѣмъ, что ихъ поймали.

Взъерошиванье волосъ.—Есть признаки страха, которые заслуживаютъ нѣкотораго дальнѣйшаго разсмотрѣнія. Поэты постоянно говорятъ, что волосы стали дыбомъ; Брутъ говоритъ призраку Цезаря: «Кто ты... что кровь мою ты въ жилахъ леденишь и волосы мои становишь дыбомъ?»

¹⁾ [М-ръ Джексонъ, цитируя приводимое ниже мѣсто изъ Одиссеи, замѣчаетъ, что Гомеръ „сознательно отождествляетъ признаки отчаянія съ симптомами физическаго упадка силъ“. Это мѣсто тамъ, гдѣ Телемакъ (пѣснь XVIII, 235 — 242) молится, чтобы ему пришлось увидать жениховъ поработенными, чтобы ихъ головы повикли и колѣна ослабѣли, совершенно такъ же, какъ сейчасъ у Ира, котораго только что сильно побили, который сидитъ, кивая головою, точно пьяный, не имѣя силы стоять или ходить и у котораго колѣна ослабѣли.]

²⁾ По словамъ д-ра Стенли Гейнза, у индусовъ цвѣтъ лица мѣняется отъ страха.]

³⁾ [Миклуха Маклай сообщаетъ („Natuurkundig Tijdschrift voor Nederlandsch Indie“, XXXIII, 1873), что папуасы на Новой Гвинее блѣднѣютъ отъ страха или гнѣва. Онъ говоритъ, что ихъ нормальный цвѣтъ—темно-шоколадный].

А кардиналь Бофоръ, послѣ убійства Глостера, восклицаетъ: «Причешите волосы, они торчатъ». Я не былъ увѣренъ, не перенесли ли сочинители изящной литературы на человѣка то, что они часто наблюдали у животныхъ, и поэтому просилъ д-ра Кричтона Броуна дать мнѣ справки относительно умалишенныхъ. Въ отвѣтъ онъ заявляетъ, что онъ не разъ видалъ, какъ подъ влияніемъ крайняго и внезапнаго ужаса у нихъ волосы становились дыбомъ. Напримѣръ, иногда бываетъ необходимо дѣлать подкожное всприскиванье морфія одной безумной женщинѣ, которая чрезвычайно боится этой операціи, хотя она причиняетъ очень незначительную боль,—она полагаетъ, что въ ея организмъ вводятъ ядъ и что ея кости размягчатся, а тѣло превратится въ пыль. Она становится смертельно блѣдной, конечности цѣпенѣютъ, какъ бы отъ судорогъ при тетаніи, а волосы на темени отчасти становятся дыбомъ.

Далѣе, д-ръ Броунъ замѣчаетъ, что взѣрошиванье волосъ, которое такъ часто встрѣчается у умалишенныхъ, не всегда связано съ ужасомъ¹⁾. Оно, кажется, чаще всего бываетъ у маниаковъ-хрониковъ, которые безсвязно бредятъ и у которыхъ бываютъ порывы къ разрушенію; но

Рис. 19. Изображеніе помѣшанной женщины, на которомъ видно состояніе ея волосъ.

взѣрошиванье волосъ можно лучше всего наблюдать во время приступовъ буйства. Тотъ фактъ, что волосы становятся дыбомъ подъ совмѣстнымъ дѣйствіемъ ярости и страха, вполне согласуется съ тѣмъ, что мы видѣли у животныхъ. Д-ръ Броунъ приводитъ въ подтвержденіе нѣсколько примѣровъ. У одного человѣка, находящагося теперь въ домѣ умалишенныхъ, каждый разъ передъ наступленіемъ припадка маніи «волосы надо лбомъ становятся дыбомъ, какъ грива у шотландскаго пони». Онъ прислалъ мнѣ портреты двухъ женщинъ, снятые въ промежуткахъ между припадками, и онъ прибавляетъ относительно одной изъ этихъ женщинъ, «что состояніе ея волосъ служитъ вѣрнымъ и удобнымъ показателемъ ея умственнаго состоянія». Я далъ скопировать одинъ изъ этихъ портретовъ, и если смотрѣть на гравюру съ нѣкотораго разстоянія, то она вѣрно передаетъ оригиналь, съ тѣмъ исключеніемъ, что волосы кажутся слишкомъ грубыми и черезчуръ курчавыми. Это необыкновенное состояніе волосъ у умалишенныхъ зависитъ не только отъ того, что они становятся дыбомъ, сколько отъ того, что они бываютъ сухи и жестки, вслѣдствіе бездѣйствія подкожныхъ железъ. Д-ръ Бекниль сказалъ²⁾, что «сумасшедшій безуменъ до конца пальцевъ»; онъ могъ бы прибавить—и до конца каждаго отдѣльнаго волоска.

¹⁾ [Генрихъ Стеки, одинъ полякъ въ С.-Петербургѣ, пишетъ (письмо—мартъ 1874) объ одной дамѣ, уроженкѣ Кавказа, волосы которой становились дыбомъ независимо отъ какого-либо душевнаго движенія. Онъ наблюдалъ, какъ ея волосы постепенно приходили въ беспорядокъ, хотя онъ намѣренно направлялъ разговоръ на веселія темы. Эта дама заявила, что когда она испытываетъ сильное душевное движеніе, ея волосы шевелятся и поднимаются, «точно живые», такъ что ей самой страшно. Въ то время эта дама не была помѣшана, но м-ръ Стеки слышалъ, что впоследствии она сошла съ ума.]

²⁾ Цитировано у д-ра Модслея, «Body and Mind», 1870, стр. 41.

Въ качествѣ эмпирическаго подтвержденія связи, существующей у умалишенныхъ между состояніемъ волосъ и умственными способностями, д-ръ Броунъ упоминаетъ, что жена одного врача, на попеченіи которой находится особа, страдающая острой меланхоліей и сильнымъ страхомъ смерти для самой себя, мужа и дѣтей, наканунѣ полученія моего письма, сообщила ему буквально слѣдующее: «И думаю, что м-сь . . . . скоро будетъ лучше, такъ какъ ея волосы становятся гладкими, а я всегда замѣчала, что наши пациенты поправляются, когда ихъ волосы перестаютъ быть жесткими и непокорными».

Д-ръ Броунъ приписываетъ постоянную жесткость волосъ у многихъ душевнобольныхъ отчасти тому, что больные постоянно находятся въ нѣскольکو возбужденномъ настроеніи, а отчасти дѣйствию привычки, то-есть, тому, что волосы часто и сильно взъерошиваются при постоянномъ повтореніи припадковъ. У тѣхъ пациентовъ, у которыхъ взъерошивание волосъ достигаетъ крайней степени, болѣзнь обыкновенно бываетъ хроническою и смертельною; но у другихъ, у которыхъ взъерошивание умѣренно, волосы снова становятся гладкими, какъ только къ больному возвращается душевное здоровье.

Въ одной изъ предыдущихъ главъ мы видѣли, что у животныхъ шерсть поднимается вслѣдствіе сокращенія мельчайшихъ гладкихъ и произвольныхъ мышечныхъ волоконъ, которыя идутъ къ каждой волосной сумкѣ. Въ дополненіе къ этому дѣйствию, какъ м-ръ Вудъ ясно убѣдился опытомъ и какъ онъ сообщаетъ мнѣ, у человѣка волосы на темени, направленные впередъ, и волосы на затылкѣ, направленные назадъ, поднимаются въ противоположномъ направленіи вслѣдствіе сокращенія лобно-затылочной мышцы (*occipito frontalis*). Такимъ образомъ эта мышца, повидимому, содѣйствуютъ взъерошиванью волосъ на головѣ у человѣка совершенно такъ же, какъ гомологичный *panniculus carnosus* содѣйствуютъ подниманію иглъ на спинѣ у нѣкоторыхъ животныхъ, или же играетъ въ этомъ движеніи главную роль.

Сокращеніе широкой шейной мышцы (platysma mioides). Эта мышца расположена по бокамъ шеи, распространяясь внизъ немного ниже ключицы, а вверхъ—до нижней части щекъ. Часть этой мышцы, называемая *risorius*, изображена на рис. фиг. 2 (М). Сокращеніе этой мышцы оттягиваетъ углы рта и нижнія части щекъ внизъ и назадъ. Въ то же время отъ сокращенія этой мышцы у молодыхъ людей образуются расходящіяся продольныя, выдающіяся складки по бокамъ шеи; а у старыхъ, худощавыхъ людей—мелкія поперечныя морщины. Про эту мышцу иногда говорятъ, что она не подчинена контролю воли, но что всякій человѣкъ приводитъ эту мышцу въ дѣйствіе, если его попросить очень сильно оттянуть углы рта назадъ и внизъ. Впрочемъ, я слышалъ объ одномъ человѣкѣ, который можетъ приводить ее въ дѣйствіе только съ одной стороны шеи.

Сэръ Ч. Бель¹⁾ и другіе утверждали, что эта мышца сильно сокращается подъ вліяніемъ страха; Дюшенъ такъ сильно настаиваетъ на значеніи этой мышцы для выраженія этой эмоціи, что называетъ ее *мышцею страха*²⁾. Впрочемъ онъ допускаетъ, что ея сокращеніе совсѣмъ невыразительно, если оно не ассоціировано съ широкимъ раскрываніемъ глазъ и рта. Онъ приводитъ портретъ (скопированный и уменьшенный

¹⁾ «Anatomy of expression», стр. 168.

²⁾ «Mécanisme de la phys. humaine», Album, текстъ XI.

на прилагаемой гравюрѣ) того же старика, который былъ снятъ въ предыдущихъ примѣрахъ; у него сильно подняты брови, ротъ раскрытъ и сокращена *platysma*; всѣ эти движенія произведены при помощи гальваническаго тока. Оригиналь портрета былъ показанъ двадцати четыремъ лицамъ, и я спрашивалъ ихъ въ отдѣльности, не давая никакихъ объясненій, какое выраженіе здѣсь приведено: двадцать человекъ тотчасъ же отвѣтили «сильный страхъ» или «ужасъ»; трое сказали — боль, а одинъ — крайняя тревога. Д-ръ Дюшенъ приводитъ другой портретъ того же старика, гдѣ *platysma* сокращена, глаза и ротъ раскрыты, а брови поставлены наклонно при помощи гальваническаго тока. Полу-

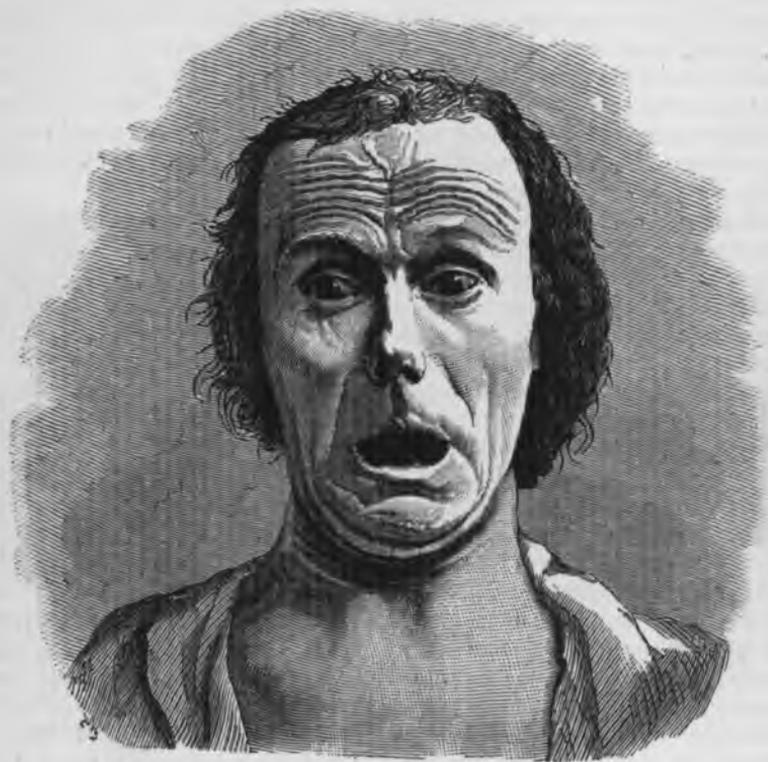

Рис. 20. Ужасъ. Съ фотографіи, сдѣланной д-ромъ Дюшеномъ.

чаемое такимъ путемъ выраженіе очень рѣзко (см. таблицу VII, фиг. 2); отъ наклоннаго положенія бровей выраженіе сильной душевной тоски еще усиливается. Оригинальнй снимокъ былъ показанъ пятнадцати лицамъ; двѣнадцать отвѣтили — страхъ или ужасъ, а трое — мука или большое страданіе. Если судить по этимъ примѣрамъ и если разсмотрѣть другіе портреты, приводимые д-ромъ Дюшеномъ, вмѣстѣ съ его замѣчаніями, относящимися къ нимъ, то, какъ мнѣ кажется, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что отъ сокращенія *platysma* выраженіе страха весьма усиливается. Тѣмъ не менѣе едва ли слѣдуетъ называть эту мышцу мышцею страха, такъ какъ сокращеніе ея вовсе не является необходимымъ спутникомъ этого душевнаго состоянія.

Крайній ужасъ у человѣка можетъ проявляться самымъ явнымъ образомъ смертельной блѣдностью, выступленіемъ капель пота на кожѣ

и совершеннымъ упадкомъ силъ при полномъ ослабленіи всѣхъ мышцъ тѣла, въ томъ числѣ и platysma... Хотя д-ръ Броунъ часто видалъ дрожь и сокращеніе этой мышцы у умалишенныхъ, ему не удалось поставить дѣйствія ея въ связь съ какимъ-либо эмоциональнымъ состояніемъ, несмотря на то, что онъ внимательно слѣдилъ за пациентами, страдавшими отъ сильнаго страха. Съ другой стороны, м-ръ Найколь наблюдалъ три случая, когда эта мышца, казалось, испытывала болѣе или менѣе постоянное сокращеніе подъ вліяніемъ меланхолии, соединенной со значительнымъ страхомъ; но въ одномъ изъ этихъ случаевъ различныя другія мышцы на шеѣ и головѣ подвергались судорожнымъ сокращеніямъ.

Д-ръ Огль наблюдалъ для меня въ одной лондонской больницѣ около двадцати пациентовъ въ то время, когда имъ должны были дать хлороформъ передъ операцией. У нихъ было замѣтно нѣкоторое содроганіе, но большаго ужаса не было. Только въ четырехъ случаяхъ platysma была замѣтно сокращена, ея сокращеніе начиналось только тогда, когда больные начинали кричать. Казалось, эта мышца сокращалась въ моментъ каждаго глубокаго вдыханія. Такимъ образомъ, весьма сомнительно, чтобы это сокращеніе вообще зависѣло отъ эмоціи страха. Въ пятомъ случаѣ больной, которому не давали хлороформа, былъ очень испуганъ, и сокращеніе platysma было у него сильнѣе и продолжительнѣе, чѣмъ въ другихъ случаяхъ. Но и здѣсь возможно сомнѣніе, такъ какъ д-ръ Огль видѣлъ, что эта мышца, которая казалась необыкновенно сильно развитою, сократилась, когда этотъ больной поднималъ голову съ подушки по окончаніи операци.

Такъ какъ я былъ въ большомъ недоумѣніи, почему страхъ вообще специальнымъ образомъ вліяетъ на поверхностную мышцу шеи, я обратился къ своимъ многочисленнымъ любезнымъ корреспондентамъ за справками относительно сокращенія этой мышцы при другихъ обстоятельствахъ. Было бы излишнимъ приводить всѣ полученные мною отвѣты. Они показываютъ, что эта мышца приходитъ въ дѣйствіе, часто неодинаковымъ образомъ и не въ одинаковой степени, при многихъ и разнообразныхъ условіяхъ. Она сильно сокращается при водобоязни и въ нѣсколько меньшей степени при судорожномъ сведеніи челюстей; иногда это явленіе бываетъ рѣзко выражено при безчувственномъ состояніи подъ вліяніемъ хлороформа. Д-ръ Огль наблюдалъ двоихъ больныхъ мужчинъ, дыханіе которыхъ было настолько затруднено, что имъ пришлось вскрыть дыхательное горло; у обоихъ platysma была сильно сокращена. Одинъ изъ этихъ людей слышалъ разговоръ окружающихъ врачей и, когда ему можно было заговорить, сказалъ, что ему не было страшно. Въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ крайне затрудненнаго дыханія, хотя и не требовавшихъ трахеотоміи, по наблюденіямъ д-ровъ Огля и Лангстаффа, platysma не была сокращена.

М-ръ Вудъ, который, какъ показываютъ его различныя сочиненія, такъ тщательно изучалъ мышцы человѣческаго тѣла, часто видалъ сокращеніе platysma при рвотѣ, тошнотѣ и отвращеніи; кромѣ того, у дѣтей и взрослыхъ, — подъ вліяніемъ ярости—напримѣръ, у ирландскихъ женщинъ, когда онѣ сорются и кричатъ другъ на друга съ сердитыми жестами. Можетъ быть, это зависѣло отъ высоты ихъ сердитаго голоса. Я знаю одну даму, превосходную музыкантшу, которая всегда сокращаетъ platysma, когда при пѣніи беретъ нѣкоторыя верхнія ноты. То же самое, по моему наблюденію, дѣлаетъ одинъ молодой человѣкъ, когда беретъ извѣстныя ноты на флейтѣ. М-ръ Вудъ сообщаетъ мнѣ, что по его наблюденіямъ platysma лучше всего развита у людей, имѣющихъ

толстую шею и широкія плечи; въ семействахъ, гдѣ эти особенности передаются по наслѣдству, развитіе этой мышцы обыкновенно сопровождается способностью совершенно произвольно двигать сходною лобно-затылочною мышцею, посредствомъ которой можно двигать кожею головы.

Повидимому, ни одинъ изъ предыдущихъ примѣровъ не проливаетъ свѣта на сокращеніе *platysma* отъ страха; но нижеслѣдующіе примѣры, какъ мнѣ кажется, иного рода. Тотъ джентельменъ, о которомъ я говорилъ раньше и который можетъ произвольно приводить эту мышцу въ дѣйствіе только съ одной стороны шеи, положительно утверждаетъ, что она сокращается съ обѣихъ сторонъ, когда онъ пугается. Мы уже приводили доказательства того, что эта мышца иногда сокращается (можетъ быть, для того, чтобы ротъ широко раскрылся), когда дыханіе затруднено вслѣдствіе болѣзни и при глубокихъ вдыханіяхъ во время приступа плача передъ операцией. Всякій разъ, когда человѣкъ пугается внезапного зрѣлища или звука, онъ мгновенно дѣлаетъ глубокое вдыханіе: такимъ образомъ, сокращеніе *platysma* могло ассоціироваться съ чувствомъ страха. Но мнѣ кажется, что здѣсь существуетъ болѣе важная связь. Первое ощущеніе страха или первая мысль о чемъ-нибудь ужасномъ обыкновенно вызываетъ содроганіе. Я поймалъ самого себя на томъ, что невольно слегка содрогнулся отъ мучительной мысли, и я явственно замѣтилъ, что *platysma* у меня сократилась; то же самое бываетъ, если я содрогаюсь притворно. Я просилъ другихъ произвести такое же движеніе: у однихъ эта мышца сокращалась, а у другихъ — нѣтъ. Одинъ изъ моихъ сыновей, вставая съ постели, содрогнулся отъ холода, а такъ какъ его рука случайно прикасалась къ шеѣ, то онъ ясно замѣтилъ, что эта мышца сильно сократилась. Тогда онъ содрогнулся намѣренно, какъ дѣлалъ и раньше, но *platysma* тогда не сократилась. М-ръ Вудъ тоже нѣсколько разъ замѣчалъ сокращеніе этой мышцы у больныхъ, когда ихъ раздѣвали для осмотра, и они не боялись, но слегка дрожали отъ холода. Къ несчастью, мнѣ не удалось убѣдиться, сокращается ли *platysma*, когда все тѣло дрожитъ, напримѣръ при лихорадочномъ ознобѣ. Но она безъ сомнѣнія часто сокращается при содроганіи, а такъ какъ первое ощущеніе страха часто сопровождается содроганіемъ или дрожью, то мнѣ кажется, что въ этомъ кроется причина сокращенія ея при страхѣ¹⁾. Впрочемъ, сокращеніе этой мышцы не является неизмѣннымъ спутникомъ страха; ибо она, вѣроятно, никогда не приходитъ въ дѣйствіе подъ вліяніемъ крайняго, обезсиливающего страха.

Расширеніе зрачковъ. Грасіоле нѣсколько разъ настаиваетъ²⁾ на томъ, что зрачки расширяются до громаднхъ размѣровъ всякій разъ, когда человѣкъ испытываетъ ужасъ. Я не имѣю причины сомнѣваться въ правильности этого утвержденія, но я не могъ получить доказательствъ³⁾, подтверждающихъ его, кромѣ одного, приведеннаго раньше, примѣра помѣшанной женщины, страдавшей отъ сильнаго страха. Я предполагаю,

¹⁾ Дюшенъ въ сущности придерживается такого же взгляда (тамъ же, стр. 45), такъ какъ онъ приписываетъ сокращеніе *platysma* дрожи отъ страха (*frisson de la peur*); но въ другомъ мѣстѣ онъ сравниваетъ это движеніе съ тѣмъ движеніемъ, вслѣдствіе котораго шерсть у испуганныхъ четвероногихъ становится дыбомъ; это едва ли можно считать вполне правильнымъ.

²⁾ «De la physionomie», стр. 51, 256, 346.

³⁾ [М-ръ Кларкъ, въ Соутгемптонѣ, пишетъ (письмо отъ 25 іюня и 16 сент. 1875 г.), что зрачки расширялись отъ страха у болонки, легавой, фоксъ-терриера и у кошки. Моссо («La revue» стр. 95) сообщаетъ, ссылаясь на авторитетъ Шиффа, что зрачки расширяются отъ боли.

что когда авторы изящной литературы говорятъ о расширившихся глазахъ, они подразумѣваютъ вѣки. Указаніе Менро¹⁾, что у попугаевъ радужная оболочка измѣняется подъ вліяніемъ сильныхъ эмоцій, независимо отъ количества свѣта, повидимому, имѣетъ отношеніе къ этому вопросу; но профессоръ Дондерсъ сообщаетъ мнѣ, что онъ часто видалъ движеніе зрачковъ у этихъ птицъ, которое, по его мнѣнію, можно приписать ихъ способности аккомодации на большое разстояніе; это происходитъ приблизительно такъ же, какъ и у насъ зрачки сокращаются, когда глаза сходятся для разсматриванья на близкомъ разстояніи. Грасіоле замѣчаетъ, что расширенные зрачки имѣютъ такой видъ, какъ будто они смотрятъ въ глубокую тьму. Безъ сомнѣнія, человѣкъ часто испытывалъ страхъ въ темнотѣ; но едва ли это бывало настолько часто или настолько исключительно, чтобы этимъ можно было объяснить появленіе прочной и ассоціированной привычки. Если предположить, что утверженіе Грасіоле правильно, то будетъ, можетъ быть, правдоподобнѣе, что могущественная эмоція страха прямо дѣйствуетъ на мозгъ и онъ реагируетъ на зрачки; но профессоръ Дондерсъ сообщаетъ мнѣ, что этотъ вопросъ чрезвычайно сложенъ. Такъ какъ это замѣчаніе можетъ пролить свѣтъ на настоящій вопросъ, я прибавлю, что д-ръ Файфъ, въ госпиталѣ Нетли, наблюдалъ у двухъ пациентовъ явственное расширеніе зрачковъ во время лихорадочнаго озноба. Профессоръ Дондерсъ, кромѣ того, часто видалъ расширеніе зрачковъ въ началѣ обморока.

Крайній ужасъ. Душевное состояніе, выражаемое этимъ терминомъ, предполагаетъ сильный страхъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ они почти тождественны. Когда благословенное открытіе хлороформа еще не было сдѣлано, навѣрно многіе испытывали великій ужасъ при мысли о предстоящей хирургической операціи. Тотъ, кто боится, а также ненавидитъ другого человѣка, будетъ питать къ нему ужасъ, въ смыслѣ, какой придаетъ этому слову Мильтонъ. Мы испытываемъ ужасъ, когда видимъ, какъ кто-нибудь, напримѣръ, ребенокъ, подвергается близкой и роковой опасности. Почти всякій испыталъ бы это чувство въ его высшей степени, видя, какъ другого человѣка пытаются или собираются пытать. Въ этихъ случаяхъ для насъ самихъ опасности нѣтъ; но вслѣдствіе силы воображенія и сочувствія мы ставимъ себя на мѣсто страдальца и испытываемъ нѣчто похожее на страхъ.

Сэръ Ч. Бель замѣчаетъ²⁾, что «ужасъ полонъ энергіи; тѣло бываетъ чрезвычайно напряжено и не ослаблено страхомъ». Поэтому становится вѣроятнымъ, что ужасъ вообще сопровождается сильнымъ сокращеніемъ бровей; но такъ какъ однимъ изъ элементовъ его является страхъ, глаза и ротъ раскрыты, а брови подняты, насколько противоположное дѣйствіе надвигателей бровей (*corrugatores*) допустить это движеніе. Дюшенъ приводитъ портретъ³⁾ того же старика (рис. 21), гдѣ глаза немного вытаращены, брови приподняты и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно сокращены, ротъ раскрытъ, *platysma* въ дѣйствіи — всѣ эти движенія произведены при помощи гальваническаго тока. Онъ находитъ, что получившееся выраженіе изображаетъ крайній ужасъ вмѣстѣ со страшною болью или мукой. Человѣкъ во время пытки, пока его страданія еще позволяютъ ему чувствовать страхъ за будущее, вѣроятно проявляетъ крайнюю степень ужаса. Я показывалъ оригиналъ портрета двадцати

¹⁾ Цитировано въ «Gradation in Man», Уайта, стр. 57.

²⁾ „Anatomy of Expression“, стр. 169.

³⁾ „Mécanisme de la physionomie“, Album, таб. 65, стр. 44 и 45.

тремъ лицамъ обоого пола и различныхъ возрастовъ; тринадцать тотчасъ же отвѣтили: ужасъ, сильная боль, страданіе или мука; трое отвѣтили—крайній страхъ; такимъ образомъ шестнадцать человѣкъ отвѣтили приблизительно согласно со взглядомъ Дюшена. Однако шестеро сказали—гнѣвъ, руководясь, безъ сомнѣнія, сильно сокращенными бровями и не обративъ вниманія на своеобразно раскрытый ротъ. Одинъ сказалъ—отвращеніе. Въ общемъ отвѣты указываютъ, что мы имѣемъ здѣсь довольно вѣрное изображеніе ужаса и муки. Портретъ, упомянутый выше (табл. VII, фиг. 2), тоже выражаетъ ужасъ; но тамъ наклонное положеніе бровей указываетъ на сильную душевную тоску, а не на энергію.

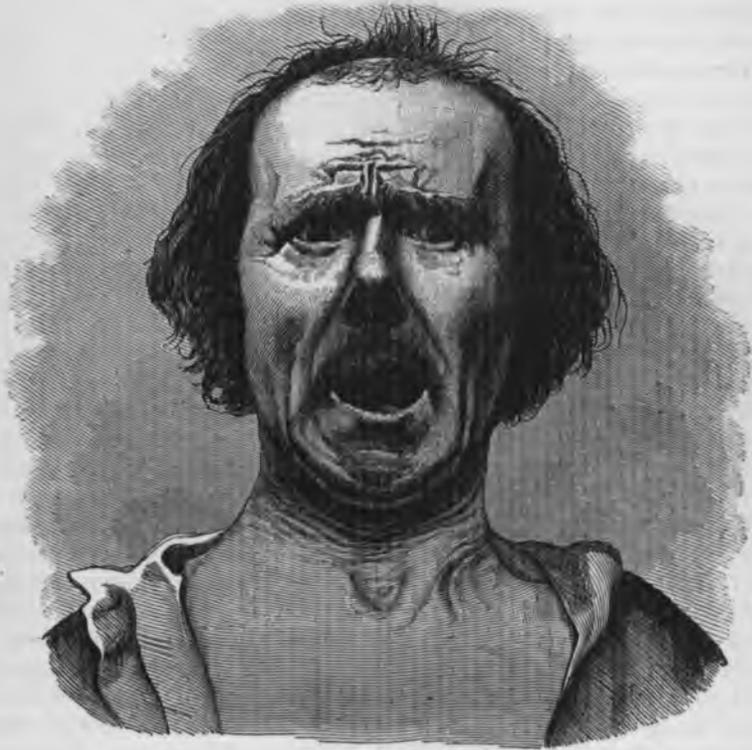

Рис. 21. Ужасъ и страданіе. Съ фотографіи, сдѣланной д-ромъ Дюшеномъ.

Ужасъ обыкновенно сопровождается различными тѣлодвиженіями, которыя у разныхъ лицъ неодинаковы. Если судить по картинамъ, то все тѣло часто отворачивается прочь или содрогается; или же руки бьются судорожно вытянуты впередъ, какъ бы для того, чтобы оттолкнуть какой-то ужасный предметъ. Самымъ частымъ жестомъ, насколько можно судить по тѣлодвиженіямъ лицъ, которыя стараются воспроизвести живо воображаемую ужасную сцену, бываетъ приподнятіе обоихъ плечъ и плотное прижиманіе согнутыхъ рукъ къ бокамъ или груди. Эти движенія приблизительно одинаковы съ тѣми, которыя мы производимъ, когда намъ очень холодно ¹⁾; они обыкновенно сопро-

¹⁾ [Эта поза свойственна не только человѣку. У автора есть замѣтка, что „обезьяны, когда имъ холодно, жмутся другъ къ другу, втягиваютъ шею и поднимаютъ плечи“.]

вождаются содроганіемъ, а также глубокимъ выдыханіемъ или вдыханіемъ, смотря по тому, окажется ли грудь въ этотъ моментъ расширенной или сокращенной. Производимые при этомъ звуки выражаются слогами *у-у* или *ухъ* ¹⁾. Однако же неясно, почему, когда намъ холодно или когда мы выражаемъ чувство ужаса, мы прижимаемъ согнутыя руки къ туловищу, поднимаемъ плечи и содрогаемся ²⁾.

Заключение. Я пытался описать разнообразныя выраженія страха, въ ихъ постепенныхъ переходахъ отъ простаго вниманія до удивленнаго вздрагиванія, и до крайняго страха и ужаса. Нѣкоторые изъ признаковъ его можно объяснить принципами привычки, ассоціаціи и наслѣдственности — напримѣръ, широкое раскрываніе рта и глазъ при поднятыхъ бровяхъ, которое происходитъ для того, чтобы какъ можно скорѣе разсмотрѣть все окружающее и отчетливо услышать всякій звукъ, который можетъ достигнуть нашего слуха. Ибо при помощи этихъ движений мы обыкновенно приготовлялись замѣтить и встрѣтить всякую опасность. Нѣкоторые другіе признаки страха тоже могутъ быть объяснены, хотя бы отчасти, на основаніи тѣхъ же принциповъ. Въ теченіе безчисленныхъ поколѣній люди пытались ускользнуть отъ враговъ или опасности посредствомъ стремительнаго бѣгства или посредствомъ ожесточенной схватки съ ними; такое сильное напряженіе навѣрно вызывало ускоренное біеніе сердца, ускоренное дыханіе, вздыманіе груди и расширеніе ноздрей. Такъ какъ эти усилія часто продолжались до послѣдней крайности, то конечнымъ результатомъ ихъ являлся полный упадокъ силъ, блѣдность, потъ, дрожаніе всѣхъ мышцъ или полное ослабленіе ихъ. Теперь же, всякій разъ, какъ мы испытываемъ въ сильной степени эмоцію страха, хотя бы она и не вела ни къ какимъ усиліямъ, тѣ же самыя послѣдствія имѣютъ стремленіе появляться вновь, въ силу наслѣдственности и ассоціаціи.

Тѣмъ не менѣе, вѣроятно, многіе вышеописанные симптомы страха, или большинство ихъ, каковы сердцебіеніе, дрожь всѣхъ мышцъ, холодный потъ и проч., въ значительной степени прямо зависятъ отъ разстроенной или прерванной передачи нервной силы отъ цереброспинальной системы къ различнымъ частямъ тѣла, вслѣдствіе могучаго вліянія страха на духъ. Независимо отъ привычки и ассоціаціи, мы можемъ съ увѣренностью полагать въ этомъ причину дѣйствія, въ такихъ случаяхъ, какъ измѣненіе выдѣленій кишечника и прекращеніе дѣятельности нѣкоторыхъ железъ. По отношенію къ непроизвольному взерошиванію волосъ мы имѣемъ вѣскія причины полагать, что у животныхъ, какъ бы это движеніе ни произошло, оно служитъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми произвольными движеніями, для того, чтобы они казались страшными вра-

¹⁾ См. замѣчанія по этому вопросу у м-ра Веджвуда, во введеніи къ его „Dictionary of English Etymology“, 2-е изд., 1872 г., стр. XXXVII.

²⁾ [Профессоръ Гомперцъ въ Вѣнѣ высказалъ въ письмѣ (отъ 25 августа 1873 г.) мысль, что прижиманіе согнутыхъ рукъ къ бокамъ первоначально могло быть полезнымъ образомъ ассоціировано съ ощущеніемъ холода. Поэтому названный жестъ могъ ассоціироваться съ содроганіемъ, вызываемымъ холодомъ. Такимъ образомъ, когда содроганіе бываетъ вызвано чувствомъ ужаса, вышеописанный жестъ могъ сопровождать его просто потому, что онъ сдѣлался „связанъ“ съ нимъ вслѣдствіе часто повторяющагося ощущенія холода. Этотъ взглядъ по необходимости оставляетъ причину содроганія безъ объясненія; но если принять содроганіе за часть выраженія ужаса, этотъ взглядъ помогаетъ объяснить наличность названнаго жеста. Нетрудно догадаться, почему жестъ руками ассоціированъ съ холодомъ: при сгибаніи рукъ и прижиманіи ихъ къ бокамъ поверхность, подвергающаяся холоду, уменьшается.]

гамъ; а такъ какъ животныя, близко родственныя человѣку, производятъ тѣ же произвольныя и произвольныя движенія, мы склонны полагать, что человѣкъ, благодаря наслѣдственности, удержалъ остатокъ ихъ, который теперь сталъ бесполезенъ. Безъ сомнѣнія, замѣчательнъ тотъ фактъ, что мельчайшія гладкія мышечныя волокна, при помощи которыхъ поднимаются волосы, рѣдко разсѣянные по тѣлу человѣка, почти нагому, сохранились донинѣ; замѣчательно и то, что они все еще сокращаются при тѣхъ же душевныхъ движеніяхъ, то-есть при страхѣ и ярости, отъ которыхъ шерсть становится дыбомъ у низшихъ представителей порядка, къ которому принадлежитъ человѣкъ.

ГЛАВА XIII.

Самолюбіе.—Стыдливость.—Робость.—Скромность: краснѣніе.

Сущность краснѣнія.—Наслѣдственность.—Части тѣла, наиболѣе подверженныя краснѣнію.—Краснѣніе у различныхъ человѣческихъ расъ.—Сопровождающія его тѣлодвиженія.—Замѣшательство.—Причины краснѣнія.—Самолюбіе, какъ главный элементъ.—Робость.—Стыдъ вслѣдствіе нарушенія нравственныхъ законовъ и условныхъ правилъ.—Скромность.—Теорія краснѣнія.—Обзоръ.

Краснѣніе есть наиболѣе своеобразное и наиболѣе характерное для человѣка выраженіе. Обезьяны краснѣютъ отъ злости, но понадобилось бы подавляющее количество доказательствъ для того, чтобы мы повѣрили, будто какое бы то ни было животное можетъ краснѣть отъ стыда. Краснѣніе лица происходитъ вслѣдствіе ослабленія мышечныхъ оболочекъ мелкихъ артерій, отъ котораго капиллярныя сосуды наполняются кровью; это ослабленіе зависитъ отъ вліянія, которое испытываютъ соотвѣтствующіе сосудодвигательные центры. Безъ сомнѣнія, если въ то же время испытать значительное душевное волненіе, общее кровообращеніе испугаетъ его вліяніе; но при чувствѣ стыда переполненіе кровью сѣти мельчайшихъ сосудовъ, покрывающихъ лицо, зависитъ не отъ дѣятельности сердца. Мы можемъ вызвать смѣхъ щекотаніемъ кожи, плачь или нахмуриваніе—ударомъ, дрожь—при помощи страха боли и т. д.; но, по замѣчанію д-ра Бергеса ¹⁾, мы не можемъ вызвать румянца никакими физическими средствами, т.-е. никакимъ воздѣйствіемъ на тѣло. Вліяніе должно быть оказано на духъ. Краснѣніе не только произвольно; но желаніе сдержатъ его даже усиливаетъ склонность къ краскѣ, такъ какъ вниманіе обращается на самого себя.

Молодые люди краснѣютъ гораздо чаще стариковъ, но краснѣнія не бываетъ въ дѣтствѣ ²⁾; это замѣчательно, такъ какъ мы знаемъ, что дѣти въ очень раннемъ возрастѣ краснѣютъ отъ злости. Я имѣю достовѣрныя свидѣтельства, что двѣ дѣвочки краснѣли въ возрастѣ между двумя и тремя годами; третій впечатлительный ребенокъ, который былъ годомъ старше, краснѣлъ, когда ему дѣлали замѣчаніе за проступокъ. Многія дѣти въ нѣсколько старшемъ возрастѣ краснѣютъ рѣзко выра-

¹⁾ „The Physiology or Mechanism of Blushing“, 1839 г., стр. 156. Въ настоящей главѣ я буду часто имѣть случай цитировать это сочиненіе.

²⁾ Д-ръ Бергесъ, тамъ же, стр. 56. На стр. 33 онъ указываетъ также, что женщины краснѣютъ легче мужчинъ, какъ описано ниже.

женнымъ образомъ. Повидимому, умственныя способности у самыхъ маленькихъ дѣтей бываютъ еще недостаточно развиты для того, чтобы они могли краснѣть. По этой же причинѣ идиоты краснѣютъ рѣдко. Д-ръ Кричтонъ Броунъ наблюдалъ для меня идиотовъ, находившихся на его попеченіи, но ни разу не видалъ настоящаго краснѣнія, хотя ему случилось видѣть, что лица у нихъ краснѣли, повидимому, отъ радости, когда передъ ними ставили пищу, а также отъ гнѣва. Однако нѣкоторые изъ нихъ, если они не вполне лишены разсудка, способны краснѣть. Напримѣръ, одинъ тринадцатилѣтній идиотъ-микроцефалъ, у котораго глаза начинали немного блестѣть, когда ему бывало приятно или весело, по описанію д-ра Бена ¹⁾ краснѣлъ и отвертывался въ сторону, когда его раздѣвали для врачебнаго осмотра.

Женщины краснѣютъ гораздо чаще мужчинъ. Рѣдко можно видѣть, чтобы старикъ покраснѣлъ, но краснѣніе у старухъ далеко не такая рѣдкость. Слепые не составляютъ исключенія. Лаура Бриджманъ, слѣпая отъ рожденія, а также совершенно глухая, краснѣетъ ²⁾. М-ръ Блеръ, директоръ Ворстерскаго колледжа, сообщаетъ мнѣ, что изъ семи или восьми слѣпорожденныхъ дѣтей, находящихся въ убѣжищѣ, трое очень легко краснѣютъ. Слепые сначала не сознаютъ, что за ними наблюдаютъ, и, какъ мнѣ сообщаетъ м-ръ Блеръ, въ ихъ воспитаніи чрезвычайно существенно внушить имъ это сознаніе; пріобрѣтенное такимъ образомъ сознаніе вѣроятно весьма увеличиваетъ склонность краснѣть, усиливая привычку обращать вниманіе на самого себя.

Склонность краснѣть наследственна. Д-ръ Бергесъ приводитъ въ примѣръ ³⁾ семейство, состоявшее изъ отца, матери и десятирехъ дѣтей; всѣ они, безъ исключенія, были склонны краснѣть въ крайне мучительной степени. Дѣти выросли: «нѣкоторыхъ изъ нихъ отправили путешествовать, чтобы эта болѣзненная впечатлительность ослабѣла, но все было совершенно бесполезно». Даже особенности краснѣнія, какъ кажется, передаются по наследству. Сэръ Джемсъ Педжетъ, осматривая позвоночникъ у одной дѣвочки, обратилъ вниманіе на то, какъ она своеобразно покраснѣла: сначала на одной щеке появилось большое красное пятно, а затѣмъ на лицѣ и на шеѣ выступили другія, неправильно разсѣянные пятна. Потомъ онъ спросилъ у матери, всегда ли ея дочь краснѣетъ такъ своеобразно, и получилъ отвѣтъ: «Да, она въ меня». Тогда сэръ Дж. Педжетъ замѣтилъ, что своимъ вопросомъ онъ заставилъ мать покраснѣть; у нея оказалась та же особенность, что и у дочери.

Въ большинствѣ случаевъ краснѣютъ только лицо, уши и шея; но многие люди, когда густо краснѣютъ, чувствуютъ, что все тѣло ихъ горитъ и зудитъ; это показываетъ, что вся поверхность его испытываетъ какое-то вліяніе. Говорятъ, что краснѣніе иногда начинается на лбу, но чаще на щекахъ, а потомъ распространяется на уши и шею ⁴⁾. У двоихъ альбиносовъ, которыхъ изслѣдовалъ д-ръ Бергесъ, краснѣніе начиналось маленькимъ, ясно ограниченнымъ пятномъ на щекахъ, надъ нервнымъ сплетеніемъ околушной железы, а затѣмъ разрасталось въ кружокъ; между этимъ краснымъ кругомъ и краснотою на шеѣ была явственная

¹⁾ Цитировано Фогтомъ, „Mémoire sur les microcéphales“, 1867 г., стр. 20. Д-ръ Бергесъ (тамъ же, стр. 56) сомнѣвается въ томъ, чтобы идиоты когда-либо краснѣли.

²⁾ Либеръ, „On the Odeal Sounds“ и т. д., Smithsonian Contributions, 1851 г., т. II, стр. 6.

³⁾ Тамъ же, стр. 182.

⁴⁾ Моро, въ изд. Лафатера, 1820 г., т. IV, стр. 303.

разграничивающая линия, хотя и то и другое появлялось одновременно. Сѣтчатая оболочка, которая у альбиносовъ естественнымъ образомъ бываетъ краснаго цвѣта, въ то же время неизмѣнно становилась еще краснѣе ¹⁾). Навѣрно всѣ замѣчали, какъ легко послѣ первой краски новыя краснѣнія смѣняются другъ друга на лицѣ. Появленію краски предшествуетъ своеобразное ощущеніе въ кожѣ. По словамъ д-ра Бергеса, за краснѣніемъ кожи обыкновенно слѣдуетъ небольшая блѣдность, которая показываетъ, что капиллярные сосуды сокращаются послѣ расширенія. Въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаяхъ вмѣсто краски появляется блѣдность, при условіяхъ, которыя естественнымъ образомъ вызвали бы краснѣніе. Напримѣръ, одна молодая дама разсказывала мнѣ, что въ одномъ большомъ, многолюдномъ обществѣ она такъ крѣпко зацѣпилась волосами за пуговицу проходившаго мимо слуги, что ее нѣкоторое время не могли распутать; по своему ощущенію она думала, что ярко покраснѣла, но подруга увѣряла ее, что она очень сильно поблѣднѣла.

Я желалъ узнать насколько далеко внизъ по тѣлу распространяется краснѣніе; сэръ Дж. Педжетъ, который по необходимости часто имѣетъ случаи для наблюденія, любезно слѣдилъ для меня за этимъ вопросомъ въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ. Онъ находитъ, что у женщинъ, у которыхъ густо краснѣютъ лицо, уши и шея сзади, краска обыкновенно не распространяется ниже по тѣлу. Рѣдко случается видѣть, чтобы она спускалась до ключицъ и лопатокъ; онъ не видалъ ни одного примѣра, гдѣ она спустилась бы ниже верхней части груди. Онъ замѣтилъ также, что краснѣніе иногда прекращается внизъ не постепенно и незамѣтно, а неправильными красноватыми пятнами. Д-ръ Лангстафъ тоже наблюдалъ для меня нѣсколькихъ женщинъ, у которыхъ туловище нисколько не краснѣло, тогда какъ лицо было пунцовымъ. У умалишенныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые, повидимому, особенно подвержены краснѣнію, д-ръ Кричтонъ Броунъ нѣсколько разъ видалъ какъ румянецъ распространялся до ключицъ, а въ двухъ случаяхъ—до груди. Онъ приводитъ въ примѣръ одну замужнюю двадцати-семилѣтнюю женщину, которая страдала эпилепсіей. На слѣдующее утро послѣ ея поступленія въ Убѣжище д-ръ Броунъ осматривалъ ее вмѣстѣ со своими ассистентами, когда она была въ постели. Какъ только онъ приблизился, ея щеки и виски густо покраснѣли, и румянецъ быстро распространился на уши. Она была очень взволнована и дрожала. Онъ разстегнулъ воротъ ея рубашки, чтобы изслѣдовать состояніе легкихъ; тогда яркая краска разлилась по ся груди, образуя дугообразную линію надъ верхнею третью каждой груди и распространилась внизъ между грудями почти до мечевиднаго отростка грудной кости. Этотъ случай интересенъ тѣмъ, что краска распространилась внизъ въ такой мѣрѣ лишь тогда, когда она усилилась вслѣдствіе того, что вниманіе больной было привлечено къ этой части ея тѣла. При дальнѣйшемъ осмотрѣ она успокоилась и румянецъ исчезъ, но впоследствии нѣсколько разъ были наблюдаемы тѣ же явленія.

Вышеприведенные факты показываютъ, что, какъ общее правило, у англичанокъ краснѣніе не распространяется ниже шеи и верхней части груди. Тѣмъ не менѣе сэръ Дж. Педжетъ сообщаетъ что онъ недавно слышалъ объ одномъ случаѣ, на который онъ можетъ вполнѣ положиться: у маленькой дѣвочки, смущенной чѣмъ-то, что ей показалось безтактностью, покраснѣлъ животъ и верхнія части ногъ. Моро ²⁾ тоже говорить,

¹⁾ Бергесъ, тамъ же, стр. 38. О блѣдности послѣ краснѣнія, стр. 177.

²⁾ См. Лафатеръ, изд. 1820 г., т. IV, стр. 303.

ссылаясь на авторитетъ знаменитаго живописца, что у одной дѣвушки, которая неохотно согласилась быть натурщицей, покраснѣли грудь, плечи, руки и все туловище, когда съ нея въ первый разъ сняли одежду.

Довольно любопытенъ вопросъ, почему въ большинствѣ случаевъ краснѣютъ только лицо, уши и шея, хотя вся поверхность тѣла часто зудитъ и горитъ. Повидимому, это явленіе зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что лицо и смежныя съ нимъ части кожи обыкновенно подвергаются вліянію воздуха, свѣта и колебаній температуры, вслѣдствіе чего мелкія артеріи не только пріобрѣли свойство легко расширяться и сокращаться, но, повидимому, и развились необычайно сравнительно съ остальною поверхностью тѣла¹⁾. Вѣроятно по этой же причинѣ, какъ замѣтили Моро и д-ръ Бергесъ, лицу такъ свойственно краснѣть при различныхъ обстоятельствахъ, напримѣръ, при пароксизмѣ лихорадки, при обыкновенной жарѣ, большимъ усилии, гнѣвѣ, легкомъ ударѣ и т. д.; съ другой стороны, по этой же причинѣ лицу свойственно блѣднѣть отъ холода и страха и становится безцвѣтнымъ во время беременности. Лицо кромѣ того особенно подвержено накожнымъ заболѣваніямъ, оспѣ, рождѣ и пр. Въ пользу этого взгляда говоритъ также тотъ фактъ, что у людей нѣкоторыхъ расъ, которые обыкновенно ходятъ почти нагими, часто краснѣютъ руки и грудь, и краска спускается даже до пояса. Одна дама, которая легко краснѣетъ, сообщаетъ д-ру Кричтону Броуну, что когда она бываетъ смущена или взволнована, то у нея краснѣетъ лицо, шея и кисти рукъ, то-есть всѣ незакрытыя части ея кожи²⁾. Тѣмъ не менѣе можно сомнѣваться, достаточно ли только всевозможныхъ стимуловъ, которымъ постоянно подвергается кожа лица и шеи, и получающейся вслѣдствіе этого способности кожи реагировать на нихъ, для объясненія того, что у англійскихъ женщинъ эти части тѣла гораздо болѣе склонны краснѣть, чѣмъ другія; ибо руки хорошо снабжены нервами и мелкими сосудами, и подвергаются дѣйствию воздуха столько же, сколько лицо или шея, а между тѣмъ руки краснѣютъ рѣдко. Мы сейчасъ увидимъ, что удовлетворительное объясненіе, повидимому, заключается въ томъ обстоятельстве, что умственное вниманіе гораздо чаще и серьезнѣе было направлено на лицо, чѣмъ на какую-либо другую часть тѣла.

Краснѣніе у различныхъ человѣческихъ расъ. Мелкіе сосуды лица наполняются кровью подъ вліяніемъ эмоціи стыда почти у всѣхъ человѣческихъ расъ, хотя у очень темнокожихъ расъ нельзя замѣтить явственнаго измѣненія цвѣта лица. Краснѣніе ясно видно у всѣхъ арійскихъ народовъ Европы, и до нѣкоторой степени у народовъ Индіи. Но м-ръ Эрскинъ никогда не замѣчалъ, чтобы шея у индусовъ испытывала явственное дѣйствиіе. У лепчъ въ Сиккимѣ м-ръ Скоттъ часто замѣчалъ слабую краску на щекахъ, у основанія ушей и по бокамъ шеи, которая сопровождалась опусканіемъ глазъ и пониканіемъ головы. Это случалось когда онъ уличалъ ихъ въ обманѣ или обвинялъ ихъ въ неблагодарности. Вслѣдствіе блѣднаго, желтоватаго цвѣта лица румянецъ у этихъ людей бываетъ гораздо замѣтнѣе чѣмъ у большинства другихъ туземцевъ Индіи. У послѣднихъ, по словамъ м-ра Скотта, стыдъ, а можетъ быть отчасти

¹⁾ Бергесъ, тамъ же, стр. 114, 122. Моро въ Лафатерѣ, тамъ же, т. IV, стр. 293.

²⁾ Одна молодая дама пишетъ: „Когда я играю на фортепiano, а другіе подходятъ и смотрятъ на меня, я боюсь, что они посмотрятъ на мои руки; я такъ боюсь, что онѣ красны, что онѣ краснѣютъ, хотя раньше не были красными. Когда моя гувернантка говорила про мои руки, что онѣ длинны или что онѣ обладаютъ способностью вытягиваться, или когда она обрѣсала на нихъ вниманіе, онѣ краснѣли“.

и страхъ, выражается гораздо яснѣе отвертываньемъ или наклоненіемъ головы, при бѣгающихъ или скошенныхъ глазахъ, чѣмъ какимъ-либо измененіемъ окраски кожи.

Семитическіе народы легко краснѣютъ, какъ и можно было ожидать вслѣдствіе ихъ общаго сходства съ арійцами. Такъ, объ еврейхъ сказано въ книгѣ Іереміи, что они «нисколько не стыдятся и не краснѣютъ» (гл. VI, 15)¹⁾. М-съ Аза Грей видѣла, какъ одинъ арабъ неумѣло управлялъ лодкою на Нилѣ; когда товарищи стали смѣяться надъ нимъ, «онъ покраснѣлъ до самаго затылка». Леди Дефъ Гордонъ указываетъ, что одинъ молодой арабъ покраснѣлъ, очутившись передъ нею²⁾.

М-ръ Свинхо видалъ, что китайцы краснѣли, но ему кажется, что это бываетъ рѣдко³⁾; однако у нихъ есть выраженіе «краснѣть отъ стыда». М-ръ Гичъ сообщаетъ мнѣ, что китайцы, поселившіеся на Малаккѣ и туземцы-малайцы внутри страны краснѣютъ. Нѣкоторые изъ этихъ людей ходятъ почти нагими, и онъ обратилъ особое вниманіе на распространеніе краски внизъ. Оставляя въ сторонѣ тѣ случаи, когда краснѣло только лицо, м-ръ Гичъ наблюдалъ, что у одного китайца, которому было 24 года, отъ стыда покраснѣло лицо, руки и грудь; у другого китайца на всемъ тѣлѣ произошло то же самое, когда его спросили, почему онъ не исполнилъ своей работы получше. Онъ видѣлъ, какъ у двухъ малайцевъ⁴⁾ покраснѣли лицо, шея, грудь и руки; у третьяго малайца (бугиса) краснѣніе распространилось до пояса.

Полинезійцы легко краснѣютъ. М-ръ Стекъ видалъ сотни примѣровъ этого у новозеландцевъ. Стоитъ привести нижеслѣдующій случай, такъ какъ дѣло идетъ о старикѣ, который былъ необыкновенно темнаго цвѣта и отчасти татуированъ. Онъ сдалъ свою землю одному англичанину за небольшую ежегодную аренду, и послѣ того имъ овладѣло страстное желаніе кушитъ двуколку, которая за послѣднее время вошла у маорійцевъ въ моду. Поэтому онъ желалъ получить всю плату за четыре года со своего арендатора и справлялся у м-ра Стека, можно ли это сдѣлать. Этотъ человекъ былъ старъ, неуклюжъ, бѣденъ и оборванъ; мысль, что онъ будетъ развѣзжать на показъ въ собственномъ экипажѣ, показалась м-ру Стэку настолько забавною, что не могъ не разсмѣяться; тогда «старикъ покраснѣлъ до корней волосъ». Форстеръ говоритъ, что «легко можно замѣтить, какъ краска разливается» по щекамъ прекрасныхъ женщинъ на Таити⁵⁾. Краснѣніе было замѣчено также у туземцевъ нѣсколькихъ другихъ архипелаговъ на Тихомъ океанѣ.

1) [По словамъ профессора Робертсона Смита, эти слова не значать—краснѣть. Возможно, что здѣсь подразумѣвается блѣдность. Впрочемъ, существуетъ слово *haphar*, которое встрѣчается въ псалмѣ XXXIV, 5, и вѣроятно означаетъ краснѣть.]

2) „Letters from Egypt“, 1865, стр. 66. Леди Гордонъ ошибается, когда говоритъ, что малайцы и мулаты никогда не краснѣютъ.

3) [М-ръ Ли (письмо отъ 17 янв. 1873) замѣчалъ, что китайцы, получившіе нѣкоторое образованіе и воспитаніе съ малолѣтства у европейцевъ въ качествѣ слугъ, легко и густо краснѣютъ, напримѣръ, когда хозяева подшучиваютъ надъ ихъ наружностью.]

4) Капитанъ Осборнъ („Quedah“, стр. 199), описывая малайца, котораго онъ упрекалъ за жестокость, говоритъ, что ему было пріятно видѣть, какъ этотъ человекъ покраснѣлъ.

5) Форстеръ „Observations during a Voyage round the World“, in 4°, 1778, стр. 229. Вайцъ даетъ („Introduction to Anthropology“, англ. пер. 1863, т. I, стр. 135) свѣдѣнія относительно другихъ острововъ въ Тихомъ океанѣ. См. также Дампиръ „On the Blushing of the Tunguinese“ (т. II, стр. 40); но самъ я не справлялся съ этою книгою. Вайцъ приводитъ слова Бергмана, что калмыки не краснѣютъ, но въ этомъ можно сомнѣваться послѣ того, что мы видѣли у китайцевъ. Онъ цитируетъ также Рота, который отрицаетъ, чтобы абиссинцы были способны краснѣть. Къ несчастью, капитанъ

М-ръ Вашингтонъ Матьюзъ часто видалъ краску стыда на лицахъ молодыхъ дѣвушекъ, принадлежащихъ къ различнымъ дикимъ племенамъ индѣйцевъ въ Сѣверной Америкѣ. На противоположной оконечности континента, на Огненной Землѣ, туземцы, по словамъ м-ра Бриджса, «часто краснѣютъ, но главнымъ образомъ при женщинахъ; впрочемъ они несомнѣнно краснѣютъ также отъ вопросовъ, относящихся къ ихъ внѣшности». Послѣднее указаніе согласно съ тѣмъ, что я припоминаю относительно обитателя Огненной Земли, Джемми Беттона: онъ краснѣлъ, когда его поддразнивали насчетъ усердія, съ которымъ онъ наводилъ глянецъ на свои башмаки и вообще старался украсить себя. М-ръ Форбсъ говоритъ ¹⁾ объ индѣйцахъ племени аймара на высокихъ плоскогорьяхъ Боливіи, что вслѣдствіе цвѣта ихъ кожи краснѣніе не можетъ быть видно у нихъ такъ же ясно, какъ у бѣлыхъ разъ; однако при обстоятельствахъ, которыя вызвали бы у насъ краску, «всегда можно замѣтить точно такое же выраженіе скромности или смущенія; даже въ темнотѣ можно ощущать поднятіе температуры кожи на лицѣ совершенно такъ же, какъ бываетъ у европейцевъ». У индѣйцевъ, живущихъ въ тѣхъ частяхъ Южной Америки, которыя имѣютъ жаркій, ровный и влажный климатъ, кожа, повидимому, менѣе легко отзывается на душевное возбужденіе, чѣмъ у туземцевъ сѣверныхъ и южныхъ частей континента, которыя долгое время подвергались рѣзкимъ колебаніямъ климата; ибо Гумбольдтъ цитируетъ безъ оговорки насмѣшку испанцевъ: «Какъ можно довѣрять тѣмъ, кто не умѣетъ краснѣть?» ²⁾ Фонъ-Спиксъ и Марціусъ, говоря о туземцахъ Бразиліи, утверждаютъ, что про нихъ нельзя въ сущности сказать, будто они краснѣютъ; «лишь послѣ продолжительнаго общенія индѣйцевъ съ бѣлыми и послѣ нѣкотораго воспитанія ихъ мы замѣтили, что ихъ душевныя движенія стали выражаться измѣненіемъ цвѣта лица» ³⁾. Впрочемъ невѣроятно, чтобы способность краснѣть произошла такимъ путемъ; но привычка обращать вниманіе на себя, образовавшаяся вслѣдствіе ихъ воспитанія и новаго образа жизни, вѣроятно очень усилила природенную склонность краснѣть.

Нѣсколько надежныхъ наблюдателей увѣрили меня, что они видали на лицахъ у негровъ явленіе, похожее на краску, при обстоятельствахъ, которыя вызвали бы ее у насъ, хотя ихъ кожа была густо-чернаго цвѣта. Нѣкоторые называютъ это явленіе бурнымъ румянцемъ, но большинство говоритъ, что черный цвѣтъ становится еще гуще. Отъ усиленнаго притока крови къ кожѣ, повидимому, какимъ-то образомъ усиливается ея черный цвѣтъ; такъ, при нѣкоторыхъ сыпныхъ болѣзняхъ пораженный мѣста у негра кажутся чернѣе, вмѣсто того чтобы казаться краснѣе, какъ у насъ ⁴⁾. Можетъ быть, кожа, болѣе сильно напряженная вслѣдствіе наполненія капиллярныхъ сосудовъ, отражаетъ нѣсколько иной оттѣнокъ, чѣмъ раньше. Мы можемъ быть увѣрены въ томъ, что капиллярные со-

Спиди, который такъ долго жилъ у абиссинцевъ, не отвѣтилъ на мой вопросъ объ этомъ предметѣ. Наконецъ, я долженъ прибавить, что раджа Брукъ никогда не наблюдалъ ни малѣйшихъ признаковъ краснѣнія у дайаковъ на Борнео; напротивъ, они утверждаютъ, что «чувствуютъ, какъ вся кровь отливаетъ у нихъ отъ лица» при обстоятельствахъ, которыя вызвали бы у насъ краску.

¹⁾ „Transact. of the Ethnological Soc.“, 1870, т. II, стр. 16.

²⁾ Гумбольдтъ „Personal Narrative“, англ. пер., т. III, стр. 229.

³⁾ Цитировано Притчардомъ „Phys. Hist. of Mankind“, 4-е изд., 1851, т. I, стр. 271.

⁴⁾ См. объ этомъ у Бергеса, тамъ же, стр. 32. Также Вайль „Introduction to Anthropology“, англ. изд., т. I, стр. 135. Моро подробно описываетъ („Лафатеръ“, 1820, т. IV, стр. 302) какъ покраснѣла негритянка-рабыня съ Мадагаскара, когда грубый хозяинъ заставилъ ее обнажить грудь.

суды на лицѣ негра наполняются кровью подѣ влияніемъ стыда; ибо у одной вполне типичной негритянки-альбиноски, описанной Бюффономъ¹⁾, на щекахъ появлялся блѣдно-красный румянецъ, когда она показывалась нагою. Рубцы на кожѣ долгое время остаются у негровъ бѣлыми, и д-ръ Бергесъ, который часто имѣлъ случай наблюдать такой рубецъ на лицѣ у негритянки, ясно видѣлъ, что онъ «неизмѣнно краснѣлъ, когда съ ней неожиданно заговаривали или когда ее обвиняли въ какомъ-нибудь незначительномъ проступкѣ»²⁾. Можно было видѣть, какъ краска шла отъ окружности рубца къ серединѣ его, но она не достигала центра. Часто встрѣчаются мулаты, которые очень легко краснѣютъ, и одинъ румянецъ смѣняется другимъ у нихъ на лицѣ. Судя по этимъ фактамъ, нельзя сомнѣваться, что негры краснѣютъ, хотя на ихъ кожѣ краска незамѣтна.

Гаика и м-съ Барберъ увѣряютъ меня, что кафры въ южной Африкѣ никогда не краснѣютъ; но можетъ быть это только означаетъ, что нельзя замѣтить измѣненія въ цвѣтѣ лица. Гаика прибавляетъ, что при обстоятельствахъ, которыя заставили бы европейца покраснѣть, его соотечественникамъ «какъ будто стыдно держать голову вверхъ».

Четверо изъ моихъ корреспондентовъ утверждаютъ, что австраійцы, которые почти такъ же черны, какъ негры, никогда не краснѣютъ. Пятый отвѣчаетъ неувѣренно и замѣчаетъ, что только очень сильная краска могла бы быть видна, вслѣдствіе грязнаго состоянія кожи. Три наблюдателя утверждаютъ, что они краснѣютъ³⁾; м-ръ Вильсонъ прибавляетъ, что краска замѣтна только при сильномъ душевномъ движеніи, и тогда, когда кожа не слишкомъ темна отъ загара и отъ неопрятности. М-ръ Лангъ отвѣчаетъ: «Я замѣчалъ, что стыдъ почти всегда вызываетъ краску, которая часто спускается до шеи». Стыдъ, прибавляетъ онъ, выражается еще и въ томъ, что «глаза бѣгаютъ по сторонамъ». Такъ какъ м-ръ Лангъ былъ учителемъ въ школѣ для туземцевъ, онъ вѣроятно наблюдалъ главнымъ образомъ дѣтей; а мы знаемъ, что они краснѣютъ чаще взрослыхъ. М-ръ Теплинъ видалъ, какъ краснѣли австраійцы, рожденные отъ смѣшанныхъ браковъ; онъ говоритъ, что у туземцевъ есть слово, которое означаетъ стыдъ. М-ръ Хегеноръ, одинъ изъ тѣхъ, которые никогда не замѣчали, чтобы австраійцы краснѣли, говоритъ, что онъ видалъ, «какъ они смотрѣли на землю отъ стыда», а миссіонеръ м-ръ Бельмеръ указываетъ: «Хотя мнѣ не удалось замѣтить у взрослыхъ туземцевъ ничего похожаго на стыдъ, я видалъ, что глаза у дѣтей, когда имъ бываетъ стыдно, кажутся безпокойными и водянистыми, какъ будто они не знаютъ, куда имъ смотрѣть».

Приведенные факты достаточно показываютъ, что краснѣніе, сопровождается ли оно измѣненіемъ цвѣта лица или нѣтъ, свойственно большинству человѣческихъ расъ, вѣроятно даже всѣмъ имъ.

Движенія и жесты, которыми сопровождается краска стыда. — При остромъ чувствѣ стыда бываетъ сильное желаніе скрыться⁴⁾. Мы отво-

¹⁾ Цитировано Притчардомъ „Phys. Hist. of Mankind“, 4-е изд., 1851, т. I, стр. 225.

²⁾ Бергесъ, тамъ же, стр. 31. О краснѣніи мулатовъ см. стр. 33. Я получилъ подобныя же описанія относительно мулатовъ.

³⁾ Баррингтонъ тоже говоритъ, что австраійцы Новаго Южнаго Валлиса краснѣютъ; цитировано у Вайца, тамъ же, стр. 135.

⁴⁾ М-ръ Веджвудъ говоритъ („Dict. of English Etymology“, т. III, 1865, стр. 155), что слово *shame* (стыдъ) „можетъ быть происходить отъ идеи тѣни (*shade*) или скриванія; его можно пояснить ниже-германскимъ *scheme*, тѣнь“. У Грасіоле („De la

рачиваемъ все тѣло, а особенно лицо, которое мы стараемся какъ-нибудь спрятать. Для застыдившагося человѣка почти невыносимо встрѣчаться взглядомъ съ присутствующими, такъ что онъ почти всегда опускаетъ глаза или смотритъ искоса. Такъ какъ въ то же время обыкновенно бываетъ сильное желаніе скрыть стыдъ, то мы дѣлаемъ безуспѣшныя попытки смотрѣть прямо въ глаза тому человѣку, который вызываетъ это чувство; антагонизмъ между этими противоположными стремленіями ведетъ къ различнымъ безпокойнымъ движеніямъ глазъ. Я обратилъ вниманіе на двухъ дамъ, которыя во время краснѣнія, которому онѣ очень подвержены, приобрѣли, повидимому, такимъ способомъ престранную привычку непрерывно мигать глазами съ необычайною быстротою. Яркая краска иногда сопровождается легкимъ выступленіемъ слезъ¹⁾; это зависитъ, какъ я думаю, отъ того, что въ слезныхъ железахъ тоже происходитъ усиленный притокъ крови, которая, какъ мы знаемъ, устремляется въ волосныя сосуды смежныхъ частей, въ томъ числѣ и сѣчатки.

Многіе писатели, древніе и современные, замѣтили вышеуказанныя движенія; уже было показано, что туземцы въ различныхъ частяхъ свѣта часто проявляютъ стыдъ тѣмъ, что смотрятъ внизъ, или искоса или безпокойно двигаютъ глазами. Езра восклицаетъ: «Боже мой! стыжусь и боюсь поднять лицо мое къ Тебѣ (IX, 6). У Исаи (гл. L, 6) мы встрѣчаемъ слова: «Поэтому я не стыжусь, поэтому я держу лицо мое, какъ камень». Сенека замѣчаетъ (Посл. XI, 5), «что римскіе актеры поникаютъ головою, устремляютъ глаза въ землю и держатъ ихъ опущенными, но не способны покраснѣть, когда изображаютъ стыдъ». По словамъ Макробія, который жилъ въ пятомъ вѣкѣ («Saturnalia», т. VII, гл. 11), «философы, изучающіе природу, утверждаютъ, что когда природа взволнована стыдомъ, она распространяетъ кровь передъ собою, какъ занавѣсъ, подобно тому, какъ покраснѣвшій человѣкъ часто закрываетъ лицо руками». У Шекспира Маркъ («Титъ Андроникъ», актъ II, сц. 5) говоритъ своей племянницѣ: «А! теперь ты отъ стыда отворачиваешь лицо». Одна дама сообщаетъ мнѣ, что она нашла въ Локской больницѣ одну дѣвушку, которую она знала раньше и которая совершенно опустилась; бѣдняжка, когда къ ней подошли, спрятала лицо подъ одѣяло и ее нельзя было убѣдить открыть его. Мы часто видимъ, какъ маленькія дѣти, оробѣвъ или застыдившись, отворачиваются и, продолжая стоять, прячутъ лицо въ платье матери или же утыкаются лицомъ ей въ колѣни.

Замышательство.—У большинства людей, когда они густо краснѣютъ, умственныя способности приходятъ въ смятеніе. Это признано такими общеупотребительными выраженіями, какъ «она растерялась отъ смущенія». Въ этомъ состояніи люди теряютъ присутствіе духа и дѣлаютъ чрезвычайно неумѣстныя замѣчанія. Часто они приходятъ въ сильную тревогу, заикаются, дѣлаютъ неловкія движенія или странныя гримасы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно наблюдать произвольное подергива-

phys.“, стр. 357—362) хорошо описаны жесты, сопровождающіе стыдъ; но нѣкоторыя изъ его замѣчаній кажутся мнѣ довольно неосновательными. См. объ этомъ вопросѣ также у Бергеса, тамъ же, стр. 69, 134.

¹⁾ Бергесъ, тамъ же, стр. 181, 182. Бургавъ тоже замѣтилъ (цитировано у Граціоле, тамъ же, стр. 361) стремленіе къ выдѣленію слезъ при сильной краскѣ. М-ръ Бельмеръ, какъ мы видѣли, говоритъ, что глаза у дѣтей австралійскихъ туземцевъ становятся „водянистыми“, когда имъ стыдно.

ныя нѣкоторыхъ лицевыхъ мышцъ. Одна молодая дама, которая чрезвычайно сильно краснѣетъ, сообщила мнѣ, что въ это время она совсѣмъ не сознаетъ, что говоритъ. Когда ей высказали догадку, не происходитъ ли это отъ ея тревоги вслѣдствіе того, что она сознаетъ, что ея румянецъ замѣченъ, она отвѣтила, что этого не можетъ быть, «такъ какъ она иногда чувствовала себя совершенно такою же глупою, когда краснѣла отъ какой-нибудь мысли у себя въ комнатѣ».

Я приведу примѣръ крайняго умственного смятенія, которому подвержены нѣкоторые впечатлительные люди. Джентльменъ, на котораго я могу положиться, увѣрялъ меня, что онъ былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены: въ честь одного чрезвычайно застѣнчиваго человѣка давали небольшой обѣдъ; когда онъ всталъ, чтобы поблагодарить, онъ повторилъ свою рѣчь, которую очевидно выучилъ наизусть, въ полномъ молчаніи, не произнеся вслухъ ни одного слова; но онъ дѣлалъ такія движенія, какъ-будто говорилъ съ большимъ жаромъ. Его друзья, замѣтивъ его состояніе, громко апплодировали воображаемымъ порывамъ краснорѣчія всякій разъ, когда его жесты указывали паузу; этотъ человѣкъ такъ и не замѣтилъ, что онъ все время совсѣмъ молчалъ. Напротивъ, послѣ онъ съ большимъ удовольствіемъ замѣтилъ моему другу, что, какъ ему кажется, онъ очень удачно справился со своей задачей.

Если человѣку очень стыдно или онъ сильно робѣетъ и у него выступаетъ густая краска, его сердце бьется быстро и дыханіе разстраивается. Это не можетъ не вліять на кровообращеніе внутри мозга и, можетъ быть, на умственные способности. Впрочемъ, если судить по еще болѣе сильному вліянію гнѣва и страха на кровообращеніе, представляется сомнительнымъ, можемъ ли мы при помощи этихъ соображеній удовлетворительнымъ образомъ объяснить умственное смятеніе у людей, когда они густо краснѣютъ.

Истинное объясненіе, повидимому, лежитъ въ тѣсной связи, которая существуетъ между капиллярнымъ кровообращеніемъ на поверхности головы и лица и кровообращеніемъ мозга. Когда я обратился за справками къ д-ру Кричтону Броуну, онъ сообщилъ мнѣ различные факты, относящіеся къ этому предмету. Если перерѣзать симпатическій нервъ съ одной стороны головы, то волосные сосуды съ той же стороны ослабѣваютъ и наполняются кровью, отчего кожа краснѣетъ и становится горячей; одновременно температура внутри черепа съ той же стороны повышается. Воспаленіе мозговыхъ оболочекъ влечетъ за собою переполненіе лица, ушей и глазъ кровью. Повидимому, первой стадіей припадка падучей бываетъ сокращеніе сосудовъ мозга, и первымъ внѣшнимъ проявленіемъ его бываетъ крайняя блѣдность лица. Рожа головы обыкновенно вызываетъ бредъ. Даже то облегченіе, которое мы получаемъ при сильной головной боли, раздражая себѣ кожу крѣпкими примочками, зависитъ, какъ я думаю, отъ того же принципа.

Д-ръ Броунъ часто прописывалъ своимъ пациентамъ вдыхать пары амилъ-нитрита ¹⁾, которые имѣютъ своеобразное свойство: они вызываютъ сильную красноту лица черезъ полминуты или черезъ минуту. Эта краснота похожа на краску стыда почти во всѣхъ частностяхъ ²⁾: она на-

¹⁾ См. также д-ръ Кричтонъ Броунъ, „Memoir“, объ этомъ вопросѣ въ West Riding Lunatic Asylum Medical Report, 1871, стр. 95—98.

²⁾ [Профессоръ Филене (цитировано въ „Kosmos“, годъ III, 1879—80, стр. 480) полагаетъ, что между дѣйствіемъ амилъ-нитрита и механизмомъ естественнаго красненія существуетъ полная аналогія. См. также его статью въ „Pflüger's Archiv“ (т. IX,

чинается въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ пунктахъ лица и распространяется, пока не покроетъ всю поверхность головы, шеи и грудь спереди; только въ одномъ случаѣ было замѣчено, что она дошла до живота. Артеріи сѣтчатой оболочки расширяются; глаза блестятъ и въ одномъ случаѣ было легкое выступленіе слезъ. Пациенты сначала испытываютъ пріятное возбужденіе, но по мѣрѣ того, какъ краснота усиливается, они приходятъ въ смущеніе и недоумѣваютъ. Одна женщина, которой часто прописывали эти пары, утверждала, что какъ только ей становится жарко, у нея *пугается въ оловъ*. У людей, которые только начинаютъ краснѣть, умственные способности бываютъ нѣсколько возбуждены, если судить по ихъ блестящимъ глазамъ и оживленнымъ движеніямъ. Только тогда, когда краснота достигаетъ высшей степени, умъ приходитъ въ смятеніе. Поэтому казалось бы, что капиллярные сосуды лица испытываютъ дѣйствіе, при вдыханіи амилъ-нитрита и при краскѣ стыда, раньше, чѣмъ дѣйствіе скажется въ той части мозга, отъ которой зависятъ умственные способности.

Наоборотъ, когда первоначальное измѣненіе происходитъ въ мозгу, кровообращеніе въ кожѣ испытываетъ дѣйствіе второстепеннымъ образомъ. Какъ мнѣ сообщаетъ д-ръ Броунъ, онъ часто наблюдалъ разсѣянные красные прыщи и пятна на груди у больныхъ, страдающихъ падучею. Въ этихъ случаяхъ, если слегка потереть кожу на груди или на животѣ карандашомъ или другимъ предметомъ, а въ рѣзко выраженныхъ случаяхъ—если только прикоснуться къ ней пальцемъ, поверхность менѣе чѣмъ черезъ полминуты покрывается ярко-красными крапинами, которыя расходятся на нѣкоторое разстояніе отъ того мѣста, къ которому прикоснулись, и держатся нѣсколько минутъ. Это—«мозговья пятна» (*maculae cerebrales*) Труссо; онѣ указываютъ, по замѣчанію д-ра Броуна, на глубокое нарушеніе равновѣсія сосудистой системы кожи. Поэтому, если существуетъ (въ чемъ мы не можемъ сомнѣваться) тѣсная связь между капиллярнымъ кровообращеніемъ въ той части мозга, отъ которой зависятъ наши умственные способности, и капиллярнымъ кровообращеніемъ въ кожѣ лица, то не удивительно, что нравственные причины, которыя вызываютъ яркую краску, вызываютъ также независимо отъ ихъ собственнаго разстраивающаго вліянія, сильное душевное смятеніе.

Характеръ душевныхъ состояній, вызывающихъ краснѣніе.—Таковыми состояніями являются застѣнчивость, стыдъ и скромность; существенный элементъ всѣхъ ихъ—самолюбіе. Можно привести много основаній въ пользу того предположенія, что первоначально возбуждающею причиною было вниманіе, обращенное на собственную внѣшность, въ связи съ мнѣніемъ другихъ объ этой внѣшности; въ силу ассоціаціи тотъ же эффектъ сталъ получаться впослѣдствіи при вниманіи, обращенномъ на самого себя въ связи съ моральнымъ поведеніемъ. Не простой актъ мышленія о нашей собственной внѣшности, но мысль о томъ, что о насъ думаютъ другіе, вызываетъ краску. Въ полномъ одиночествѣ самый впечатлительный человѣкъ былъ бы совершенно равнодушенъ къ своей наружности. Мы живѣе чувствуемъ порицаніе или неодобреніе, чѣмъ похвалу; поэтому обидныя замѣчанія или насмѣшка, какъ надъ внѣшностью, такъ и надъ поведеніемъ гораздо легче заставляютъ насъ краснѣть, чѣмъ похвала.

1874, стр. 491), въ которой онъ заключаетъ: „Можетъ быть, не будетъ излишней поспѣшностью предположить, что амилъ-нитритъ и психическія причины дѣйствуютъ на одну и ту же часть нервной системы и вызываютъ одни и тѣ же эффекты“.]

Но, безъ сомнѣнія, похвала и восхищеніе оказываютъ сильное дѣйствіе: хорошенькая дѣвушка краснѣетъ, когда на нее пристально смотритъ мужчина, хотя она отлично знаетъ, что онъ не порицаетъ ея. Многія дѣти, а также старыя и впечатлительныя люди краснѣютъ, когда ихъ очень хвалятъ. Ниже мы разсмотримъ, какимъ образомъ сознаніе, что другіе обращаютъ вниманіе на нашу внѣшность, стало вызывать мгновенное наполненіе волосныхъ сосудовъ кровью, особенно сосудовъ лица.

Я приведу причины, по которымъ я предполагаю, что основнымъ элементомъ въ приобрѣтеніи привычки краснѣть, было вниманіе, направленное на собственную внѣшность, а не на моральное поведеніе. Каждая изъ этихъ причинъ въ отдѣльности маловажна, но въ совокупности, какъ мнѣ кажется, онѣ имѣютъ значительный вѣсъ. Извѣстно, что застѣнчивые люди ни отъ чего не краснѣютъ такъ сильно, какъ отъ замѣчанія, хотя бы самаго ничтожнаго, относительно ихъ внѣшности. Нельзя даже обратить вниманіе на платье женщины, сильно подверженной краснѣнію, безъ того, чтобы ея лицо не стало пунцовымъ. На нѣкоторыхъ людей, по замѣчанію Кольриджа, достаточно пристально посмотреть для того, чтобы они покраснѣли,—пусть кто сумѣетъ, объяснить это ¹⁾.

Два альбиноса, которыхъ наблюдалъ д-ръ Бергесъ ²⁾, «при малѣйшей попыткѣ осматрѣть ихъ особенности, неизмѣнно» густо краснѣли. Женщины гораздо впечатлительнѣе мужчинъ въ вопросахъ, относящихся къ ихъ внѣшности, особенно пожилыя женщины сравнительно съ пожилыми мужчинами, и первыя легче краснѣютъ. Молодые люди обоюго пола гораздо чувствительнѣе въ этомъ вопросѣ, чѣмъ старыя, и краснѣютъ тоже гораздо чаще стариковъ. Дѣти въ очень раннемъ возрастѣ не краснѣютъ; они не обнаруживаютъ также другихъ признаковъ самосознанія, которыми обыкновенно сопровождается краснѣніе; одна изъ ихъ главныхъ прелестей состоитъ въ томъ, что имъ нѣтъ дѣла до того, какого мнѣнія о нихъ другіе. Въ этомъ раннемъ возрастѣ они уставляются на незнакомаго человѣка неподвижнымъ взглядомъ и не мигая глазами, какъ на неодушевленный предметъ; мы, взрослые, не умѣемъ подражать этому взгляду.

Для всякаго ясно, что молодые мужчины и женщины чрезвычайно чувствительны къ мнѣнію одинъ другого объ ихъ внѣшности; они краснѣютъ несравненно чаще въ присутствіи противоположнаго пола, чѣмъ въ обществѣ людей того же пола ³⁾. Молодой человѣкъ, не очень подверженный краснѣнію, сильно покраснѣетъ при малѣйшей насмѣшкѣ надъ его внѣшностью отъ дѣвушки, на мнѣніе которой о какомъ-либо важномъ предметѣ онъ не обратилъ бы вниманія. Навѣрно всякая счастливая молодая чета влюбленныхъ, цѣнившихъ взаимное восхищеніе и любовь больше всего на свѣтѣ, много разъ краснѣла въ періодъ ухаживанія. Даже дикари на Огненной Землѣ, по словамъ м-ра Бриджса, краснѣютъ «главнымъ образомъ въ присутствіи женщинъ, но несомнѣнно также при замѣчаніяхъ, относящихся къ ихъ наружности».

Изо всѣхъ частей тѣла мы больше всего смотримъ и обращаемъ вниманіе на лицо, что естественно, такъ какъ оно является главнымъ носителемъ выраженія и источника голоса. Точно такъ же на немъ главнымъ образомъ сосредоточивается красота или безобразіе, и во всемъ свѣтѣ

¹⁾ Въ разсужденіи о такъ называемомъ животномъ магнетизмѣ, въ „Table Talk“, т 1.

²⁾ Тамъ же, стр. 40.

³⁾ М-ръ Бенъ („The Emotions and the Will“, 1865, стр. 65) говоритъ о „робости манеръ, которая бываетъ между людьми противоположнаго пола... благодаря вліянію взаимнаго уваженія и боязни, что одна сторона не одобритъ другую“.

его больше всего украшаютъ ¹⁾). Поэтому въ продолженіе многихъ поколѣній лицо каждаго человѣка было для него предметомъ гораздо болѣе пристального и серьезнаго вниманія, чѣмъ какая-либо иная часть тѣла; на основаніи указаннаго здѣсь принципа мы можемъ понять, почему оно наиболѣе подвержено краснѣнію. Хотя вліяніе колебаній температуры и пр. вѣроятно весьма усилило способность капиллярныхъ сосудовъ лица и смежныхъ частей расширяться и сокращаться, однако это вліяніе само по себѣ едва ли объясняетъ, почему эти части тѣла краснѣютъ гораздо больше, чѣмъ остальное тѣло; ибо этимъ вліяніемъ не объясняется тотъ фактъ, что руки краснѣютъ рѣдко. У европейцевъ, когда лицо сильно краснѣетъ, все тѣло слегка зудитъ: а у тѣхъ чело-вѣческихъ расъ, которыя обыкновенно ходятъ почти нагими, краска покрываетъ гораздо большую поверхность, чѣмъ у насъ. Эти факты до нѣкоторой степени понятны, такъ какъ вниманіе первобытнаго чело-вѣка, а также существующихъ племенъ, которыя до сихъ поръ ходятъ нагими, не было такъ исключительно поглощено его собственнымъ лицомъ, какъ у людей, которые теперь ходятъ одѣтыми.

Мы видѣли, что во всемъ свѣтѣ люди, испытывающіе стыдъ вслѣд-ствие какого-нибудь упущенія въ области морали, склонны отворачивать, опускать или прятать лицо, независимо отъ какой-либо мысли о соб-ственной внѣшности. Это движеніе едва ли можетъ имѣть цѣлью скрыть краску, потому что люди отворачиваютъ или прячутъ лицо при такихъ обстоятельствахъ, которыя исключаютъ желаніе скрыть стыдъ, напри-мѣръ, когда они вполне сознаются въ своей винѣ и раскаиваются въ ней. Впрочемъ, первобытный человѣкъ, прежде чѣмъ онъ приобрѣлъ большую чуткость въ вопросахъ нравственности, вѣроятно былъ чрезвычайно впечатлителенъ въ томъ, что касалось его внѣшности, по крайней мѣрѣ въ отношеніяхъ къ противоположному полу; поэтому онъ вѣроятно огорчался всякимъ обиднымъ замѣчаніемъ относительно его наружности: это чувство является одною изъ формъ стыда. А такъ какъ лицо есть та часть тѣла, на которую смотрятъ болѣе всего, то понятно, что всякій человѣкъ, стыдящійся своей внѣшности, желаетъ скрыть эту часть тѣла. Послѣ того какъ привычка такимъ образомъ приобрѣтена, она естественнымъ образомъ переносится на тѣ случаи, когда человѣкъ испытываетъ стыдъ отъ строго моральныхъ причинъ; не легко найти другое объясненіе, почему при этихъ обстоятельствахъ бываетъ желаніе скрыть лицо, а не какую-нибудь другую часть тѣла.

Столь распространенная у всѣхъ людей, испытывающихъ стыдъ, привычка отворачивать или опускать глаза, или безпокойно двигать ими изъ стороны въ сторону, происходитъ вѣроятно отъ того, что всякій взглядъ, устремленный на присутствующихъ, убѣждаетъ застыдившагося человѣка, что на него пристально смотрятъ; не глядя на присутствующи-хъ, а особенно не глядя имъ въ глаза, онъ старается на мгновение избѣжать этого мучительнаго сознанія.

Робость.—Это странное душевное состояніе, которое часто называютъ застычивостью или ложнымъ стыдомъ, или *mauvaise honte*, повидимому, представляетъ собою одну изъ наиболѣе постоянныхъ причинъ краснѣ-нія. Дѣйствительно, робость главнымъ образомъ сказывается въ томъ, что лицо краснѣетъ, глаза отвернуты въ сторону или опущены, а тѣло

¹⁾ См. доказательства по этому вопросу въ „The Descent of Man“, 2-е изд., т. II, стр. 78, 370.

производитъ неловкія нервныя движенія. Многія женщины краснѣютъ отъ этой причины сотни, можетъ быть, тысячи разъ, въ то время какъ ей случится покраснѣть только одинъ разъ отъ какого-нибудь поступка, который заслуживаетъ порицанія и котораго она дѣйствительно стыдится. Повидимому робость зависитъ отъ нашей чувствительности къ хорошему или дурному мнѣнію о насъ другихъ, особенно относительно нашей наружности. Чужіе люди ничего не знаютъ и не желаютъ знать о нашемъ поведеніи или характерѣ, но они могутъ критиковать нашу внѣшность и часто дѣлаютъ это; поэтому робкіе люди особенно робѣютъ и краснѣютъ въ присутствіи незнакомыхъ лицъ. При сознаніи какой-либо особенности или даже чего-либо новаго въ одеждѣ, или какого-нибудь маленькаго недостатка въ наружности, особенно на лицѣ, застѣнчивые люди мучительно робѣютъ. Съ другой стороны, когда дѣло касается поведенія, а не внѣшности, мы гораздо легче робѣемъ въ присутствіи знакомыхъ, чѣмъ въ присутствіи чужихъ, такъ какъ мы до нѣкоторой степени цѣнимъ сужденіе первыхъ. Одинъ врачъ говорилъ мнѣ, что одинъ молодой человѣкъ, богатый герцогъ, съ которымъ онъ путешествовалъ въ качествѣ сопровождающаго врача, краснѣлъ, какъ дѣвушка, когда уплачивалъ ему его вознагражденіе; но этотъ же молодой человѣкъ вѣроятно не сталъ бы краснѣть и робѣть, уплачивая по счету торговцу. Впрочемъ, нѣкоторые люди такъ впечатлительны, что простого обращенія ихъ къ кому-нибудь съ разговоромъ достаточно для того, чтобы ихъ самосознаніе пробудилось, послѣдствіемъ чего является легкая краска.

Вслѣдствіе нашей чуткости къ неодобренію или насмѣшкѣ они гораздо легче, чѣмъ одобреніе, вызываютъ робость и краску; хотя похвала весьма сильно дѣйствуетъ на нѣкоторыхъ людей. Самоувѣренные люди рѣдко робѣютъ, ибо они такъ высоко цѣнятъ себя, что не ожидаютъ порицанія. Менѣе очевидно, почему гордые люди часто робѣютъ, какъ это, повидимому, бываетъ; можетъ быть, несмотря на свою самоувѣренность, гордый человѣкъ на самомъ дѣлѣ придаетъ большое значеніе мнѣнію другихъ, хотя и смотритъ на нихъ свысока. Чрезвычайно застѣнчивые люди рѣдко робѣютъ въ присутствіи тѣхъ, съ кѣмъ они вполне освоились и въ чьемъ добромъ мнѣніи и сочувствіи они совершенно увѣрены, напримѣръ, дѣвушка въ присутствіи матери. Въ моихъ печатныхъ вопросахъ я позабылъ поставить вопросъ, можно ли замѣтить робость у различныхъ человѣческихъ расъ; но одинъ образованный индусъ увѣрялъ м-ра Эрскина, что у его соотечественниковъ она выражается ясно.

Робость, какъ показываетъ корень этого слова въ нѣсколькихъ языкахъ ¹⁾, близко родственна страху; однако она отличается отъ страха въ обычномъ смыслѣ этого слова. Безъ сомнѣнія, робкій человѣкъ опасается, что на него обратятъ вниманіе чужіе, но про него едва ли можно сказать, что онъ ихъ боится; онъ можетъ быть геройски храбръ въ сраженіи и все-таки не имѣть самоувѣренности въ мелочахъ въ присутствіи чужихъ людей. Почти всѣ чрезвычайно волнуются, когда въ первый разъ говорятъ публично; у большинства это волненіе остается на всю жизнь; но, повидимому, это зависитъ не столько отъ робости, сколько отъ сознанія, что предстоитъ значительное усиліе (особенно

¹⁾ Веджвудъ, „Dict. of English Etymology“, т. III, 1865 г., стр. 184. То же самое относится къ латинскому слову *verecundus*.

если оно для насъ не вполне обычно ¹⁾ и ассоціированное съ нимъ дѣйствіе на организмъ ²⁾; хотя робкій или застѣнчивый человѣкъ въ такихъ случаяхъ безъ сомнѣнія страдаетъ безконечно больше всякаго другого. У очень маленькихъ дѣтей трудно отличить страхъ отъ робости; но мнѣ часто казалось, что робость у нихъ нѣсколько похожа на дикость неприрученнаго животнаго. Робость появляется въ очень раннемъ возрастѣ. У одного изъ моихъ дѣтей, когда ему было два года и три мѣсяца, я видѣлъ несомнѣнные признаки робости, причиною которой была я самъ, послѣ того, какъ пробылъ въ отсутствіи всего недѣлю. Робость выразилась не въ краскѣ, а въ томъ, что глаза въ теченіе нѣсколькихъ минутъ были слегка отвернуты отъ меня. Въ другихъ случаяхъ я замѣчалъ, что робость или застѣнчивость и настоящий стыдъ выражаются въ глазахъ у маленькихъ дѣтей раньше, чѣмъ они приобретутъ способность краснѣть.

Такъ какъ робость, повидимому, зависитъ отъ вниманія, обращеннаго на самого себя, то для насъ понятна правота тѣхъ, кто утверждаетъ, что выговоры дѣтямъ за робость, вмѣсто того, чтобы приносить имъ пользу, очень вредятъ имъ, такъ какъ еще сильнѣе привлекаютъ ихъ вниманіе къ самимъ себѣ. Справедливо указываютъ, что «ничто такъ не досаждаютъ молодежи, какъ постоянное наблюденіе за ея чувствами, надзоръ за выраженіемъ ихъ лица и измѣреніе степени ихъ воспримчивости бдительнымъ окомъ безпощаднаго зрителя. Стѣсненные такимъ надзоромъ, они могутъ думать только о томъ, что на нихъ смотрятъ, и чувствуютъ только стыдъ или тревогу» ³⁾.

Моральныя причины: сознаніе вины.—Что касается краснѣнія отъ чисто моральныхъ причинъ, мы встрѣчаемся съ тѣмъ же основнымъ принципомъ, что и раньше, а именно, съ тѣмъ значеніемъ, которое мы придаемъ мнѣнію другихъ. Краску вызываетъ не совѣсть, ибо человѣкъ можетъ искренно сожалѣть о какомъ-либо незначительномъ проступкѣ, совершенномъ въ одиночествѣ, или онъ можетъ страдать отъ сильнѣйшихъ угрызений совѣсти за нераскрытое преступленіе, но онъ не будетъ краснѣть. «Я краснѣю», говоритъ д-ръ Бергесъ ⁴⁾, «въ присутствіи моихъ обвинителей». Лицо становится пунцовымъ не отъ сознанія вины, но отъ мысли, что другіе ее предполагаютъ или знаютъ. Человѣкъ можетъ очень стыдиться того, что онъ сказалъ какую-нибудь маловажную ложь, и при этомъ не краснѣть; но если онъ только заподозритъ, что его ложь обнаружена, онъ мгновенно покраснѣетъ, особенно если ее обнаружилъ кто-нибудь, кого онъ уважаетъ.

Съ другой стороны, человѣкъ можетъ быть убѣжденнымъ, что Богъ

¹⁾ [Авторъ сдѣлалъ вышеприведенную вставку по указанію одного корреспондента, который прибавляетъ: «Самое сильное волненіе, которое я когда-либо испыталъ, было при такихъ обстоятельствахъ, которыя не могли вызывать робости. Это было въ „Classical Tripos“ при первой моей статьѣ. Я кончилъ черновой набросокъ въ полтора часа, употребилъ часть на поправку, и послѣ того оказалось, что моя рука трясется такъ сильно, что я не могу подписать своей работы. Дѣйствительно, я смотрѣлъ на нее почти полчаса, бранясь и кусая себѣ руки, и только по прошествіи этого срока я могъ нацарапать свое имя“].

²⁾ М-ръ Бенъ („The Emotions and the Will“, стр. 64) разсуждаетъ о чувствѣ „подавленности“, испытываемомъ при этихъ случаяхъ, а также о робости актеровъ, непривычныхъ къ сценѣ. М-ръ Бенъ повидимому приписываетъ это чувство просто тревогѣ или страху.

³⁾ „Essays on Practical Education“, Маріи и Р. Л. Эджвортъ, новое изданіе, т. II, 1822, стр. 38. Д-ръ Бергесъ (тамъ же, стр. 187) настаиваетъ на томъ же.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 50.

бываетъ свидѣтелемъ всѣхъ его поступковъ, онъ можетъ глубоко сознавать какой-либо проступокъ и молиться о прощениі; но, какъ думаетъ одна дама, которая очень легко краснѣетъ, это никогда не вызоветъ краски. Объясненіе этого различія между знаніемъ нашихъ поступковъ Богомъ и людьми, заключается, какъ мнѣ кажется, въ томъ, что у человѣка осужденіе безнравственнаго поведения по характеру довольно близко его осужденію нашей внѣшности, такъ что благодаря ассоціаціи и первое, и второе ведутъ къ сходнымъ результатамъ, тогда какъ неодобреніе Богомъ не вызываетъ такой ассоціаціи.

Часто люди сильно краснѣютъ, когда ихъ обвиняютъ въ какомъ-либо преступленіи, въ которомъ они совершенно неповинны. Какъ мнѣ замѣтила вышеупомянутая дама, даже одной мысли, что другіе думаютъ, будто мы сдѣлали невѣжливое или нелѣпое замѣчаніе, вполне достаточно для появленія краски, хотя мы все время сознаемъ, что насъ поняли совсѣмъ невѣрно. Поступокъ можетъ быть похвальнымъ или безразличнымъ, но впечатлительный человѣкъ покраснѣетъ, если онъ подозреваетъ, что другіе смотрятъ на него иначе. Напримѣръ, дама, будучи одна, можетъ подать нищему безъ признаковъ краски, но если присутствуютъ другіе и она сомнѣвается, одобряютъ ли они ее, или если она подозреваетъ, что остальные сочтутъ ея поступокъ сдѣланнымъ напоказъ, то она покраснѣетъ. То же самое произойдетъ, если она предложить помочь въ бѣдѣ нуждающейся образованной женщинѣ, особенно такой, которую она знала раньше при лучшихъ условіяхъ, ибо она не можетъ быть увѣренною въ томъ, какъ посмотрятъ на ея поведеніе. Но въ подобныхъ случаяхъ эти чувства бываютъ близки къ робости.

Нарушенія этикета.—Правила *этикета* всегда относятся къ поведенію въ присутствіи другихъ или по отношенію къ нимъ. Они не всегда имѣютъ связь съ нравственнымъ чувствомъ и часто бываютъ безсмысленны. Но такъ какъ они основаны на установившихся привычкахъ людей, равныхъ намъ и стоящихъ выше, мнѣніе которыхъ мы ставимъ высоко, они считаются почти такими же обязательными, какъ законы чести для джентльмена. Вслѣдствіе этого нарушеніе законовъ этикета, то-есть всякая невѣжливость, или *gaucherie*, неприличіе или неумѣстное замѣчаніе, хотя бы совершенно случайное, вызоветъ самую яркую краску, къ какой только способенъ человѣкъ. Даже отъ воспоминанія о такомъ проступкѣ, черезъ много лѣтъ, все тѣло зудитъ. Кромѣ того, сила сочувствія такъ велика, что впечатлительный человѣкъ, какъ меня увѣряла одна дама, иногда краснѣетъ при вопіющемъ нарушеніи этикета совершенно чужимъ человѣкомъ, хотя бы его самого этотъ поступокъ нимало не касался.

Скромность.—Скромность представляетъ собою еще одну чрезвычайно важную причину краснѣнія; но слово «скромность» обнимаетъ собою весьма различныя душевныя состоянія. Она предполагаетъ смиреніе, и мы часто судимъ о немъ по тому, что люди бываютъ очень довольны и краснѣютъ при небольшой похвалѣ, или потому, что въ нихъ вызываетъ досаду похвала, которую они считаютъ слишкомъ высокою сравнительно съ ихъ собственной скромной оцѣнкой себя. Въ этомъ случаѣ краска имѣетъ обычный смыслъ вниманія къ мнѣнію другихъ. Но скромность часто имѣетъ отношеніе къ неприличнымъ поступкамъ; а неприличіе есть вопросъ этикета, какъ мы ясно видимъ на примѣрѣ народовъ, которые ходятъ совершенно или почти нагими. Скромный человѣкъ, ко-

тотъ легко краснѣть при поступкахъ подобнаго рода, дѣлаетъ это потому, что они являются нарушеніемъ твердо и разумно установленнаго этикета. На самомъ дѣлѣ, это показываетъ происхожденіе слова *modest* (скромный) отъ *modus*, мѣрило или уровень поведенія. Кромѣ того, краска, появляющаяся при этой формѣ скромности, часто бываетъ giusto, такъ какъ она обыкновенно имѣетъ отношеніе къ противоположному полу; мы видѣли, что наша склонность краснѣть отъ этого усиливается во всѣхъ случаяхъ. Какъ кажется, мы прилагаемъ терминъ «скромный» къ тѣмъ, кто имѣетъ смиренное мнѣніе о себѣ, и къ тѣмъ, кто крайне чутокъ къ неприличному слову или поступку, просто потому, что въ обоихъ случаяхъ легко появляется краска, ибо эти два душевныхъ настроенія больше ничего общаго не имѣютъ. По той же причинѣ робость часто принимаютъ за скромность въ смыслѣ смиренія.

Какъ я наблюдалъ и какъ меня увѣряли, нѣкоторые люди вспыхиваютъ при всякомъ внезапномъ и неприятномъ воспоминаніи. Повидимому, самую обычною причиною бываетъ внезапное воспоминаніе о томъ, что мы не исполнили обѣщанія, даннаго другому человѣку. Можетъ быть въ этомъ случаѣ въ нашемъ умѣ полубезсознательно мелькаетъ мысль: «Что онъ обо мнѣ подумаетъ?» и тогда румянецъ будетъ имѣть характеръ настоящей краски. Но очень сомнительно, зависятъ ли въ большинствѣ случаевъ такія вспыхиванія отъ измѣненія кровообращенія въ капиллярныхъ сосудахъ; ибо мы должны помнить, что почти всякая сильная эмоція, напримѣръ, гнѣвъ или большая радость, дѣйствуетъ на сердце и отъ этого лицо краснѣетъ.

Тотъ фактъ, что краска можетъ появляться въ совершенномъ уединеніи, какъ бы противорѣчить принятому нами взгляду, то-есть тому, что эта привычка первоначально произошла вслѣдствіе нашей заботы о томъ, что о насъ думаютъ другіе. Нѣсколько дамъ, которыя легко краснѣютъ, единогласно утверждаютъ, что въ одиночествѣ можно краснѣть; нѣкоторымъ изъ нихъ кажется, что онѣ краснѣли въ темнотѣ¹⁾. Судя по тому, что м-ръ Форбсъ сообщалъ относительно племени аймара, и по моимъ собственнымъ ощущеніямъ, я не сомнѣваюсь, что послѣднее утвержденіе правильно. Поэтому Шекспиръ ошибался²⁾, когда заставилъ Юлію, которая даже была не одна, сказать Ромео (актъ II, сцена 2):

„Ты видишь, ночь
Лицо мое отъ глазъ твоихъ сокрыла;
Не то бы вдругъ зажглись румянцемъ щеки
Отъ этихъ словъ, которыя ты слышалъ“.

Перев. Грекова.

Но когда краска появляется въ одиночествѣ, причина ея почти всегда имѣетъ отношеніе къ мыслямъ другихъ людей о насъ—къ поступкамъ, совершеннымъ въ ихъ присутствіи или подозрѣваемымъ ими; далѣе, мы краснѣемъ, когда соображаемъ, что подумали бы о насъ другіе, если бы

1) [Гагенъ („Psychologische Untersuchungen“, Брауншвейгъ, 1847 г.) который по-видимому—хорошій наблюдатель, придерживается противоположнаго мнѣнія. Онъ говоритъ: „Многочисленныя наблюденія надъ самимъ собою убѣдили меня, что это ощущеніе [т.-е. краснѣнія] никогда не появляется, если въ комнатѣ темно, но появляется тотчасъ же, если ее освѣтить“.]

2) [По догадкѣ м-ра Топгема (письмо отъ 5 декабря 1872 г.) Шекспиръ подразумевалъ, что краску не видно, а не то, что ея нѣтъ.]

они знали о нашем поступкѣ. Тѣмъ не менѣе, двоимъ или троимъ изъ лицъ, дававшихъ намъ свѣдѣнія, кажется, что они краснѣли отъ стыда за поступки безъ всякаго отношенія къ другимъ. Если это такъ, то мы должны приписать этотъ результатъ силѣ укоренившейся привычки и ассоціаціи, при душевномъ состояніи, близко аналогичномъ тому, которое обыкновенно вызываетъ краску; намъ нечего этому удивляться, ибо, какъ мы сейчасъ видѣли, даже сочувствіе другому человеку, совершающему вопіющее нарушеніе этикета, иногда оказывается достаточнымъ для того, чтобы вызвать краску.

Итакъ, я заключаю, что краснѣніе, зависитъ ли оно отъ робости, отъ стыда за дѣйствительный проступокъ, отъ стыда за нарушеніе законовъ этикета, отъ скромности вслѣдствіе смиренія, отъ скромности при неприличномъ поступкѣ,—во всѣхъ случаяхъ основано на одномъ и томъ же принципѣ; этотъ принципъ состоитъ въ чуткомъ вниманіи къ мнѣнію другихъ, особенно къ порицанію ихъ, относящемуся первоначально къ нашей внѣшности, особенно къ нашимъ лицамъ; а вторично, въ силу ассоціаціи и привычки, этотъ принципъ состоитъ въ нашемъ вниманіи ко мнѣнію другихъ о нашемъ поведеніи.

Теорія краснѣнія.—Теперь намъ слѣдуетъ рассмотретьъ, почему мысль, что другіе думаютъ о насъ, можетъ вліять на капиллярное кровообращеніе? Сэръ Ч. Бель настаиваетъ ¹⁾, что краска «есть приспособленіе для выраженія, какъ можно заключить изъ того, что краска распространяется только по поверхности лица, шеи и груди, частей наиболѣе открытых». Это свойство не было приобретено; оно существовало съ самаго начала». Какъ полагаетъ д-ръ Бергесъ, его избралъ Творецъ, «для того, чтобы душа могла властно обнаруживать на щекахъ различныя внутреннія эмоціи нравственныхъ чувствъ»; краска должна служить уздою для насъ самихъ и знакомъ для другихъ, что мы нарушаемъ правила, которая слѣдовало бы считать священными. Грасіоле только замѣчаетъ: «Or comme il est dans l'ordre de la nature que l'être social le plus intelligent soit aussi le plus intelligible, cette faculté de rougeur et de pâleur qui distingue l'homme, est un signe naturel de sa haute perfection».

Вѣра, что краска стыда была специально предназначена Творцомъ, противорѣчитъ общей теоріи эволюціи, которая теперь такъ широко распространена; но обсужденіе этого общаго вопроса здѣсь не входитъ въ мои задачи. Тѣмъ, кто вѣритъ въ предначертаніе, будетъ трудно объяснить, почему самою частою и энергичною причиною краснѣнія бываетъ робость, отъ которой краснѣющей страдаетъ, а смотрящему на него становится неловко, между тѣмъ какъ она ни тому ни другому не приноситъ ни малѣйшей пользы. Имъ будетъ, кромѣ того, трудно объяснить, почему краснѣютъ негры и люди другихъ темныхъ расъ, у которыхъ измѣненіе цвѣта кожи почти или совсѣмъ незамѣтно.

Безъ сомнѣнія, легкая краска увеличиваетъ красоту дѣвичьяго лица; черкешенки, которыя способны краснѣть, неизмѣнно цѣнятся въ сералѣ султана выше, чѣмъ менѣе впечатлительныя женщины ²⁾. Но даже человеку, совершенно твердо убѣжденный въ существенномъ вліяніи полового подбора, едва ли предположить, что краснѣніе было приобретено въ качествѣ полового украшенія. Кромѣ того, такой взглядъ противо-

¹⁾ Бель, „Anatomy of Expression“, стр. 95. Бергесъ, какъ цитировано ниже, тамъ же, стр. 49. Грасіоле „De la phys.“, стр. 94.

²⁾ Ссылаюсь на авторитетъ леди Монтегю; см. Бергесъ, тамъ же, стр. 43.

рѣшил бы тому, что только что было сказано о незамѣтномъ краснѣніи у темнокожихъ расъ.

Гипотеза, которая кажется мнѣ наиболѣе правдоподобною, хотя съ перваго взгляда она можетъ показаться неосновательною, состоитъ въ томъ, что вниманіе, пристально устремленное на какую-нибудь часть тѣла, склонно вліять на обыкновенное тоническое сокращеніе мелкихъ артерій этой части. Вслѣдствіе этого названные сосуды въ такое время болѣе или менѣе ослабѣваютъ и мгновенно наполняются артеріальною кровью. Если вниманіе въ теченіе многихъ поколѣній часто обращается на одну и ту же часть тѣла, то эта склонность весьма усилится вслѣдствіе того, что нервная сила легко протекаетъ по привычнымъ путямъ, а также благодаря наслѣдственности. Всякій разъ, когда мы полагаемъ, что другіе осуждаютъ нашу внѣшность или хотя бы только разсматриваютъ ее, наше вниманіе съ живостью устремляется на внѣшнія, видимыя части нашего тѣла; изо всѣхъ этихъ частей мы наиболѣе чутко относимся къ своему лицу, и безъ сомнѣнія то же самое бывало въ теченіе многихъ прошлыхъ поколѣній. Такимъ образомъ, если мы пока предположимъ, что пристальное вниманіе можетъ вліять на капиллярные сосуды, то сосуды лица должны были стать въ высшей степени чувствительными. Въ силу ассоціаціи то же дѣйствіе будетъ склонно проявляться всякій разъ, какъ мы будемъ думать, что другіе разсматриваютъ или осуждаютъ наши поступки или нашъ характеръ¹⁾.

Такъ какъ основаніе этой теоріи опирается на предположеніе, что умственное вниманіе отчасти вліяетъ на капиллярное кровообращеніе, то будетъ необходимо привести довольно много подробностей, имѣющихъ болѣе или менѣе прямое отношеніе къ этому вопросу. Нѣсколько наблюдателей²⁾, которые вслѣдствіе своего широкаго опыта и познаній въ высокой степени способны составить себѣ здравое сужденіе, убѣждены, что вниманіе или самосознаніе (сэръ Голлендъ считаетъ второй терминъ болѣе точнымъ), будучи сосредоточены почти на любой части тѣла, оказываютъ на нее прямое физическое дѣйствіе. Это приложимо къ дви-

¹⁾ [Гаренъ („Psychologische Untersuchungen“, Брауншвейгъ, 1847, стр. 54, 55) приводитъ почти тождественную теорію. Когда наше вниманіе устремлено на наше лицо, пишетъ онъ, „оно естественнымъ образомъ направлено на чувствующие нервы, ибо именно черезъ ихъ посредство мы сознаемъ состояніе нашего лица. Далѣе, изъ многихъ другихъ фактовъ достоверно извѣстно (и это вѣроятно объясняется какъ рефлекторное дѣйствіе на нервы сосудовъ), что за раздраженіемъ чувствующаго нерва слѣдуетъ усиленный притокъ крови къ этой части. Кромѣ того, это явленіе особенно рѣзко происходитъ въ лицѣ, гдѣ незначительная боль вызываетъ красноту въкъ, лба и щекъ“. Такимъ образомъ, онъ дѣлаетъ предположеніе, что упорная мысль о лицѣ дѣйствуетъ на чувствующие нервы какъ стимуль.]

²⁾ Какъ мнѣ кажется, въ Англии сэръ Голлендъ первый разсматривалъ вліяніе умственнаго вниманія на различныя части тѣла, въ своихъ „Medical Notes and Reflections“, 1839, стр. 64. Этотъ очеркъ, весьма расширенный, былъ перепечатанъ сэромъ Голлендомъ въ его „Chapters on Mental Physiology“, 1858, стр. 79; я всегда цитирую по этому сочиненію. Почти одновременно, а также впоследствии, профессоръ Лейкокъ писалъ о томъ же вопросѣ: см. „Edinburgh Medical and Surgical Journal“, 1839, июль, стр. 17—22. Также его „Freatise on the Nervous Diseases of women“, 1840, стр. 110, и „Mind and Brain“, т. II, 1860, стр. 327. Взгляды д-ра Карпентера на месмеризмъ почти таковы же. Великій физиологъ Мюллеръ писалъ („Elements of physiology“, англ. перев., т. II, стр. 937, 1085) о вліяніи вниманія на чувства. Сэръ Педжетъ обсуждаетъ вліяніе духа на питаніе частей, въ своихъ „Lectures on Surgical Pathology“, 1853, т. I, стр. 39; я цитирую по третьему изданію, пересмотрѣнному профессоромъ Тернеромъ, 1870, стр. 28. См. также Грасіоле, „De la phys.“, стр. 282—287. [Д-ръ Тьюкъ („Journal of Mental Science“, окт. 1872) цитируетъ слова Джона Гентера: „Я увѣренъ, что могу настолько сосредоточить вниманіе на любой части тѣла, что буду чувствовать эту часть“.]

женіямъ произвольныхъ мышцъ, къ движеніямъ произвольныхъ мышцъ, когда они происходятъ произвольно, къ выдѣленіямъ изъ железъ, къ дѣятельности чувствъ и ощущеній и даже къ питанію частей.

Извѣстно, что произвольныя движенія сердца измѣняются, если на нихъ устремлено пристальное вниманіе. Грасіоле ¹⁾ приводитъ въ примѣръ человѣка, который постояннымъ наблюденіемъ и счетомъ своего пульса достигъ того, что на каждыя шесть ударовъ одинъ ударъ сталъ выпадать. Съ другой стороны, мой отецъ рассказывалъ мнѣ объ одномъ внимательномъ наблюдателѣ, несомнѣнно имѣвшемъ болѣзнь сердца, отъ которой онъ и умеръ: онъ положительно утверждалъ, что его пульсъ обыкновенно бываетъ въ высшей степени неправильнымъ, но, къ большому его огорченію, онъ неизмѣнно становился правильнымъ, какъ только мой отецъ входилъ въ комнату. Сэръ Голлендъ замѣчаетъ ²⁾, что «при внезапномъ устремленіи и сосредоточеніи самосознанія на какой-либо части тѣла, дѣйствіе его на кровообращеніе этой части часто бываетъ очевиднымъ и непосредственнымъ. Профессоръ Лейкокъ, который особенно слѣдилъ за подобными явленіями ³⁾, настаиваетъ, что „когда вниманіе направлено на какую-нибудь часть тѣла, то въ ней происходитъ мѣстное возбужденіе иннерваціи и кровообращенія, и функциональная дѣятельность этой части усиливается» ⁴⁾.

Вообще полагаютъ, что вниманіе, направляемое въ опредѣленные, повторяющіеся сроки на кишки, вліяетъ на ихъ перистальтическія движенія; эти движенія зависятъ отъ сокращенія гладкихъ и произвольныхъ мышцъ. Извѣстно, что ожиданіе припадка и видъ другихъ пациентовъ, страдающихъ тою же болѣзью, вліяетъ на ненормальное дѣйствіе произвольныхъ мышцъ при падучей, при пляскѣ св. Витта и при истеріи ⁵⁾. То же самое относится къ произвольнымъ актамъ званія и смѣха.

Мысль о нѣкоторыхъ железахъ или объ условіяхъ, при которыхъ онѣ обыкновенно приходятъ въ возбужденіе, сильно вліяетъ на нихъ. Это явленіе знакомо каждому по усиленному отдѣленію слюны, которое происходитъ, напримѣръ, когда мы упорно думаемъ объ очень кисломъ плодѣ ⁶⁾. Въ шестой главѣ было показано, что упорное или продолжительное желаніе подавить или усилить дѣйствіе слезныхъ железъ оказываетъ на нихъ дѣйствіе. Есть свѣдѣнія о нѣсколькихъ любопытныхъ случаяхъ, гдѣ женщины силою духа вліяли на грудныя железы; есть и еще болѣе замѣчательныя примѣры, относящіяся къ отправленіямъ матки ⁷⁾.

1) „De la phys.“, стр. 283.

2) „Chapters on Mental Physiology“, 1858, стр. 283.

3) „Mind and Brain“, т. II, 1860, стр. 327.

4) [Профессоръ Викторъ Карусъ описываетъ (письмо отъ 20 ян. 1877), какъ въ 1843 г., когда онъ вмѣстѣ съ однимъ другомъ работалъ на премію, предложенную медицинскимъ факультетомъ, и когда во время работы ему было необходимо опредѣлить среднюю скорость пульса, онъ нашелъ, что невозможно получить правильные результаты, если тотъ или другой изъ наблюдателей щупаетъ собственный пульсъ, такъ какъ скорость существеннымъ образомъ увеличивалась при вниманіи, направленномъ на пульсъ.]

5) „Chapters on Mental Physiology“, стр. 104—106.

6) См. о томъ же у Грасіоле, „De la phys“, стр. 287.

7) Д-ръ Кричтонъ Броунъ на основаніи наблюденій надъ умалишенными убѣжденъ, что вниманіе, направленное въ теченіе продолжительнаго времени на какую-либо часть тѣла или органъ, можетъ, наконецъ, повліять на его капиллярное кровообращеніе и питаніе. Онъ привелъ мнѣ нѣсколько необычайныхъ случаевъ; въ одномъ изъ нихъ, который нельзя здѣсь изложить цѣликомъ, замужняя пятидесятилѣтняя женщина страдала твердымъ и продолжительнымъ заблужденіемъ, что она беременна. Когда ожидаемый срокъ насталъ, она стала дѣлать совершенно такія движенія, какъ будто на самомъ дѣлѣ производила на свѣтъ ребенка; казалось, она испытывала

Когда мы устремляемъ все свои вниманіе на какое-нибудь одно чувство, острота его увеличивается¹⁾; а постоянная привычка къ пристальному вниманію, какъ, напримѣръ, у слѣпыхъ въ чувствѣ слуха, а у слѣпыхъ и глухихъ въ чувствѣ осязанія, повидимому, навсегда улучшаетъ соотвѣтствующее чувство. Судя по этимъ способностямъ у различныхъ человѣческихъ расъ, есть нѣкоторыя причины предполагать, что эти эффекты наследственны. Если мы обратимся къ обыкновеннымъ ощущеніямъ, то, какъ всѣмъ извѣстно, боль усиливается, если на ней сосредоточить вниманіе; сэръ Броди полагаетъ даже, что можно чувствовать боль въ любой части тѣла, если на нее устремлено пристальное вниманіе²⁾. Сэръ Голлендъ замѣчаетъ также, что мы не только начинаемъ сознавать существованіе той части тѣла, которая подвергается сосредоточенному вниманію, но мы испытываемъ въ ней различныя странныя ощущенія, напримѣръ, мы чувствуемъ тяжесть, жаръ, холодъ, зудъ или чесотку³⁾.

Наконецъ, нѣкоторые физиологи утверждаютъ, что духъ можетъ вліять на питаніе частей. Сэръ Педжетъ приводитъ любопытный примѣръ власти, хотя не духа, а нервной системы, надъ волосами. Одна дама, «которая подвержена приступамъ того, что мы называемъ мигренью, утромъ послѣ такого приступа всегда замѣчаетъ, что нѣкоторыя пряди ея волосъ побѣлѣли, какъ будто онѣ осыпаны крахмаломъ. Это измѣненіе происходитъ въ одну ночь, а черезъ нѣсколько дней послѣ того волосы постепенно становятся прежняго темнорусаго цвѣта»⁴⁾.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что пристальное вниманіе несомнѣнно вліяетъ на различныя части тѣла и органы, которые въ сущности не находятся подъ контролемъ воли. Въ чемъ состоитъ вниманіе—можетъ быть самая удивительная изъ всѣхъ удивительныхъ способностей духа—этотъ вопросъ крайне теменъ. По словамъ Мюллера⁵⁾, тотъ процессъ, при помощи котораго чувствующія клѣточки мозга становятся, черезъ посредство воли, способными получать болѣе сильныя и отчетливыя впечатлѣнія, близко аналогиченъ тому процессу, посредствомъ котораго двигательныя клѣточки приходятъ въ возбужденіе и посылаютъ нервную силу произвольнымъ мышцамъ. Въ дѣйствіи чувствующихъ и двигательныхъ нервныхъ клѣточекъ есть много пунктовъ аналогіи; напримѣръ, тотъ извѣстный фактъ, что пристальное вниманіе, сосредоточен-

чрезвычайно сильную боль, такъ что у нея на лбу выступилъ потъ. Какъ результатъ явилось положеніе, которое продолжалось три дня и котораго не было за шесть предыдущихъ лѣтъ. М-ръ Бредъ въ „*Magis, Hypnotism*“ и пр., 1852, стр. 95, и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ приводитъ аналогичные случаи, а также другіе факты, которые показываютъ сильное вліяніе воли на грудныя железы, и даже только на одну грудь.

¹⁾ Ссылаясь на надежные авторитеты, д-ръ Модслей приводитъ („*The Physiology and Pathology of Mind*“, 2-е изд., 1868, стр. 105) нѣсколько любопытныхъ указаній относительно улучшенія осязанія вслѣдствіе практики и вниманія. Замѣчательно, что когда это чувство становится болѣе острымъ въ какомъ-либо пунктѣ тѣла, напримѣръ, въ пальцѣ, оно точно также улучшается въ соотвѣтствующей точкѣ на противоположной половинѣ тѣла.

²⁾ „*The Lancet*“, 1838, стр. 39—40; цитировано профессоромъ Лейкокомъ, „*Nervous Diseases of Women*“, 1840, стр. 110.

³⁾ „*Chapters on Mental Physiology*“, 1858, стр. 91—93.

⁴⁾ „*Lectures on Surgical Pathology*“, 3-е изд., пересмотрѣнное профессоромъ Тернеромъ, 1870, стр. 28, 31. [Д-ръ Огль приводитъ сходный примѣръ одного лондонскаго врача, который страдаетъ невралгіей надъ бровью; при каждомъ приступѣ одинъ клочокъ волосъ въ брови бѣлѣетъ, а по минованіи приступа снова становится обычнаго цвѣта.]

⁵⁾ „*Elements of Physiology*“, англ. переводъ, т. II, стр. 938.

ное на какомъ-нибудь одномъ чувствѣ, вызываетъ утомленіе, подобно продолжительному напряженію какой-либо одной мышцы¹⁾). Поэтому, когда мы произвольно сосредоточиваемъ вниманіе на какой-либо части тѣла, клѣточки мозга, которыя получаютъ впечатлѣнія или ощущенія отъ этой части, вѣроятно, какимъ-то неизвѣстнымъ способомъ возбуждаются къ дѣятельности. Этимъ, можетъ быть, объясняется боль и испытываемыя или усиливающіяся странныя ощущенія въ той части, къ которой направлено наше упорное вниманіе, тогда какъ въ ней не происходитъ никакого мѣстнаго измѣненія.

Впрочемъ, если эта часть снабжена мышцами, то мы не можемъ быть увѣренными, какъ мнѣ замѣтилъ д-ръ Майкель Фостеръ, что къ этимъ мышцамъ не посылается безсознательно какой-либо легкой импульсъ; это вѣроятно вызвало бы смутное ощущеніе въ соотвѣтствующей части.

Въ большемъ числѣ случаевъ, напримѣръ, когда дѣло касается слюнныхъ и слезныхъ железъ, кишечнаго канала и т. д., способность сосредоточивать вниманіе, повидимому, опирается главнымъ образомъ или, какъ думаютъ нѣкоторые физиологи, исключительно на такомъ измѣненіи сосудодвигательной системы, при которомъ къ капиллярнымъ сосудамъ данной части притекаетъ больше крови. Эта усиленная дѣятельность волосныхъ сосудовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ комбинироваться съ одновременно усилившеюся дѣятельностью чувствующихъ центровъ.

Способъ, которымъ духъ вліяетъ на сосудодвигательную систему, можно представить себѣ такъ: когда мы дѣйствительно пробуемъ кислый плодъ, черезъ вкусовые нервы посылается впечатлѣніе опредѣленнымъ чувствующимъ центрамъ; эти передаютъ нервную силу сосудодвигательнымъ центрамъ, которые вслѣдствіе этого вызываютъ ослабленіе мышечныхъ оболочекъ у мелкихъ артерій, пронизывающихъ слюнные железы. Поэтому въ эти железы притекаетъ больше крови, и онѣ выдѣляютъ слюну въ избыткѣ. Не представляется невѣроятнымъ предположеніе, что когда мы напряженно мыслимъ о какомъ-либо ощущеніи, то точно такъ же, какъ если бы мы дѣйствительно испытывали это ощущеніе, въ состояніе дѣятельности приходятъ тѣ же чувствующие центры, или центры, близко связанные съ ними. Если это такъ, то при живомъ мышленіи о кисломъ вкусѣ въ возбужденіе придутъ, хотя, можетъ быть, въ меньшей степени, тѣ же клѣтки въ мозгу, какія возбуждаются при ощущеніи кислаго вкуса; въ одномъ случаѣ, какъ и въ другомъ, онѣ передадутъ нервную силу сосудодвигательному центру съ одними и тѣми же результатами.

Приведу другой, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе подходящій примѣръ. Когда человекъ стоитъ передъ большимъ огнемъ, его лицо краснѣетъ. Какъ мнѣ сообщаетъ д-ръ Майкель Фостеръ, это, повидимому, зависитъ отчасти отъ мѣстнаго дѣйствія тепла, а отчасти отъ рефлекторнаго дѣйствія сосудодвигательныхъ центровъ²⁾). Во второмъ случаѣ, тепло дѣйствуетъ на нервы лица; они передаютъ впечатлѣніе чувствующимъ клѣткамъ мозга, который дѣйствуетъ на сосудодвигательные центры, а эти въ свою очередь реагируютъ на мелкія артеріи лица, ослабляя ихъ и давая имъ наполняться кровью. Здѣсь опять не предста-

¹⁾ Профессоръ Лейкоккъ весьма интересно говоритъ объ этомъ вопросѣ. См. его „Nervous Diseases of Women“, 1840, стр. 110.

²⁾ См. также: д-ръ Michael Foster, о дѣйствіи сосудодвигательной системы въ интересномъ докладѣ, сдѣланномъ въ Royal Institution. Переведено въ „Revue des cours scientifiques“ 25 сент. 1869, стр. 683.

вляется невѣроятнымъ, что если бы мы многократно и съ большимъ напряженіемъ сосредоточивали вниманіе на воспоминаніи о нашихъ разгорѣвшихся лицахъ, то тѣ чувствительные центры, которые даютъ намъ сознаніе дѣйствительнаго жара, въ легкой степени пришли бы въ возбужденіе, и слѣдовательно стремились бы передать нѣкоторую нервную силу сосудодвигательнымъ центрамъ, такъ что капиллярные сосуды лица ослабѣли бы. Но такъ какъ у людей въ теченіе безчисленныхъ поколѣній вниманіе часто и упорно направлялось на ихъ внѣшность, а особенно на ихъ лица, то всякое незначительное стремленіе лицевыхъ капиллярныхъ сосудовъ подвергаться такому измѣненію съ теченіемъ времени очень усилилось благодаря только что упомянутымъ принципамъ, а именно вслѣдствіе того, что нервная сила легко проходитъ по привычнымъ путямъ и вслѣдствіе наслѣдственной привычки. Такимъ образомъ, какъ мнѣ кажется, мы имѣемъ правдоподобное объясненіе главныхъ явленій, связанныхъ съ актомъ краснѣнія.

Повтореніе.— Мужчины и женщины, особенно молодые, всегда придавали очень большое значеніе своей наружности; вмѣстѣ съ тѣмъ они обращали вниманіе на внѣшность другихъ. Лицо было главнымъ предметомъ вниманія, хотя, когда первобытный человѣкъ ходилъ нагимъ, онъ вѣроятно слѣдилъ за всею поверхностью своего тѣла. Вниманіе, которое мы обращаемъ на себя, происходитъ почти исключительно отъ нашей заботы о мнѣніи другихъ, ибо никакой человѣкъ, живущій въ совершенномъ уединеніи, не сталъ бы заботиться о своей внѣшности. Всѣ болѣе воспріимчивы къ порицанію, чѣмъ къ похвалѣ. Всякій разъ, когда мы знаемъ или предполагаемъ, что другіе порицаютъ нашу наружность, наше вниманіе съ силою устремляется на насъ самихъ, особенно на наши лица. Какъ только что было объяснено, вѣроятнымъ послѣдствіемъ этого будетъ возбужденіе къ дѣятельности тѣхъ чувствительныхъ центровъ, къ которымъ подходятъ чувствующіе нервы лица; это вліяніе черезъ посредство сосудодвигательной системы будетъ реагировать на капиллярные сосуды лица. Часто повторяясь въ продолженіе безчисленныхъ поколѣній, этотъ процессъ сталъ настолько привычнымъ въ ассоціаціи съ мыслью, что другіе думаютъ о насъ, что даже одного воображаемаго порицанія достаточно для того, чтобы капиллярные сосуды ослабѣли, помимо всякой сознательной мысли о нашемъ лицѣ. У нѣкоторыхъ впечатлительныхъ людей достаточно только обратить вниманіе на ихъ одежду, чтобы получился тотъ же эффектъ. Въ силу ассоціаціи и наслѣдственности наши волосные сосуды ослабѣваютъ также всякій разъ, какъ мы знаемъ или предполагаемъ, что кто-либо порицаетъ, хотя бы и молча, наши поступки, мысли и характеръ; далѣе, то же самое бываетъ, когда насъ очень хвалятъ.

На основаніи этой гипотезы мы можемъ понять, почему лицо краснѣетъ гораздо болѣе другихъ частей тѣла, хотя нѣкоторое вліяніе сказывается на всей поверхности, особенно у тѣхъ племенъ, которыя донынѣ ходятъ почти нагими. Воспе неудивительно, что темнокожія расы краснѣютъ, хотя на ихъ кожѣ не замѣтно измѣненія цвѣта. На основаніи принципа наслѣдственности, не удивительно, что слѣпорожденные краснѣютъ. Намъ понятно, почему молодые люди гораздо болѣе подвержены краснѣнію, чѣмъ старые, и почему противоположные полы особенно вызываютъ краску другъ у друга. Становится яснымъ, почему замѣчанія, относящіяся къ личности, особенно легко вызываютъ краску, и почему изо всѣхъ причинъ, вызывающихъ краснѣніе, самую могущественною

является робость; ибо робость связана съ присутствіемъ и мнѣніемъ другихъ, а робкіе люди всегда бываютъ болѣе или менѣе самолюбивы. Что касается настоящаго стыда за проступки въ области нравственности, то намъ понятно, почему краску вызываетъ не самая вина, а мысль, что другіе считаютъ насъ виновными. Человѣкъ, который размышляетъ о преступленіи въ совершенномъ одиночествѣ, и терзаемый совѣстью, не краснѣетъ; но онъ покраснѣетъ при живомъ воспоминаніи о раскрытомъ проступкѣ, или о проступкѣ, совершенномъ въ присутствіи другихъ, причѣмъ степень краснѣнія будетъ тѣсно соотвѣтствовать чувству уваженія къ тѣмъ, кто обнаружилъ, видѣлъ или подозрѣвалъ проступокъ. Нарушенія условныхъ правилъ поведенія, если на нихъ строго настаиваютъ равные намъ или выше насъ стоящіе люди, часто вызываютъ даже болѣе сильное краснѣніе, чѣмъ раскрытое преступленіе; а поступокъ, который въ сущности преступенъ, едва вызываетъ на нашихъ щекахъ легкій румянецъ, если его не порицаютъ равные намъ. Скромность при смирении или при неприличномъ поступкѣ вызываетъ яркую краску, такъ какъ она въ обоихъ случаяхъ имѣетъ отношеніе къ сужденію другихъ или къ ихъ установленнымъ обычаямъ.

Вслѣдствіе тѣснаго сродства между капиллярнымъ кровообращеніемъ поверхности головы и кровообращеніемъ мозга, при сильномъ краснѣніи всякій разъ происходитъ душевное замѣшательство, которое часто бываетъ значительнымъ. Оно нерѣдко сопровождается неловкими движеніями, а иногда произвольнымъ подергиваньемъ нѣкоторыхъ мышцъ.

Такъ какъ по этой гипотезѣ краснѣніе является результатомъ вниманія, первоначально направленнаго на нашу внѣшность, т.-е. на поверхность тѣла, а особенно на лицо, то намъ понятенъ смыслъ тѣлодвиженій, которыми сопровождается краснѣніе на всемъ свѣтѣ. Эти движенія состоятъ въ прятаніи лица или въ отворачиваніи его къ землѣ или же въ сторону. Глаза обыкновенно отвернуты въ сторону или безпокойны, ибо при взглядѣ на человѣка, который заставляетъ насъ испытывать стыдъ или робость, мы тотчасъ же мучительно сознаемъ, что его взглядъ устремленъ на насъ. На основаніи принципа ассоціированной привычки, тѣ же движенія лица и глазъ происходятъ, и бываютъ даже почти неизбѣжными, всякій разъ, когда мы знаемъ или предполагаемъ, что другіе порицаютъ или слишкомъ сильно хвалятъ наше поведеніе съ его моральной стороны.

ГЛАВА XIV.

Заключительныя замѣчанія и итоги.

Три руководящихъ принципа, которыми опредѣляются главныя выразительныя движенія.—Наслѣдственность ихъ.—О той роли, которую играли воля и намѣренность въ пріобрѣтеніи различныхъ выраженій.—Инстинктивное узнаваніе выраженія.—Отношеніе нашего предмета къ видовому единству человѣческихъ расъ.—О послѣдовательномъ пріобрѣтеніи различныхъ выраженій предками человѣка.—Важность выраженія.—
Заключеніе.

Я описалъ, насколько было въ моихъ силахъ, главныя выразительныя движенія у человѣка и нѣсколько выраженій у животныхъ. Я пытался также объяснить происхожденіе или развитіе этихъ дѣйствій на основаніи трехъ принциповъ, приведенныхъ въ первой главѣ. Первый изъ этихъ принциповъ таковъ: если движенія, которыя полезны для удовле-

творенія какого-либо желанія или для облегченія какого-нибудь ощущенія, повторяются часто, то они становятся настолько привычными, что исполняются всякій разъ, когда мы испытываемъ то же желаніе или ощущение, хотя бы въ очень слабой степени, независимо отъ того, полезны ли эти движенія или нѣтъ.

Нашъ второй принципъ есть принципъ антитезы. Привычка произвольно выполнять противоположныя движенія подъ влияніемъ противоположныхъ импульсовъ твердо установилась въ насъ вслѣдствіе практики всей нашей жизни. Поэтому, если мы, согласно нашему первому принципу, неизмѣнно выполняемъ опредѣленные дѣйствія при опредѣленномъ состояніи духа, то при возбужденіи отъ противоположнаго настроенія у насъ будетъ сильная и произвольная склонность производить прямо-противоположныя дѣйствія, полезны ли они или нѣтъ.

Нашъ третій принципъ состоитъ въ прямомъ дѣйствіи возбужденной нервной системы на тѣло, независимо отъ воли и въ значительной мѣрѣ независимо отъ привычки. Опытъ показываетъ, что нервная сила производится и освобождается при всякомъ возбужденіи cerebro-спинальной системы. Направленіе, по которому слѣдуетъ эта нервная сила, по необходимости опредѣляется линіями, связующими нервныя клѣточки другъ съ другомъ и съ различными частями тѣла. Но на это направленіе также сильно вліяетъ привычка, потому что нервная сила легко проходитъ по привычнымъ путямъ.

Неистовыя и бессмысленныя дѣйствія взбѣшеннаго человѣка можно приписать отчасти ненаправляемому току нервной силы, а отчасти вліянію привычки, ибо эти дѣйствія часто въ неясной формѣ изображаютъ нанесеніе ударовъ. Такимъ образомъ они переходятъ въ движенія, обнимаемыя нашимъ первымъ принципомъ; то же самое бываетъ, когда негодующій человѣкъ принимаетъ соотвѣтствующую позу для нападенія на противника, хотя бы онъ не имѣлъ дѣйствительнаго намѣренія напасть на него. Мы видимъ также вліяніе привычки во всѣхъ эмоціяхъ и ощущеніяхъ, которыя называютъ возбуждающими, ибо онѣ приняли такой характеръ оттого, что обыкновенно вели къ энергичному дѣйствію, а дѣйствіе косвеннымъ образомъ вліяетъ на систему дыханія и кровообращенія; кровообращеніе же въ свою очередь реагируетъ на мозгъ. Всякій разъ, когда мы даже слегка испытываемъ эти эмоціи или ощущенія, хотя бы онѣ въ это время не вели ни къ какому усилію, тѣмъ не менѣе, весь нашъ организмъ выходитъ изъ равновѣсія въ силу привычки и ассоціаціи. Другія эмоціи и ощущенія называютъ удручающими, потому что онѣ обыкновенно не вели къ энергичнымъ дѣйствіямъ, кромѣ самыхъ первыхъ мгновеній, какъ бываетъ при сильнѣйшей боли, страхѣ и горѣ; и потому что въ концѣ-концовъ эти эмоціи и ощущенія вызываютъ полный упадокъ силъ; поэтому онѣ выражаются главнымъ образомъ отрицательными знаками и потерей силъ. Далѣе, существуютъ иныя эмоціи, напримѣръ, привязанность, которыя обыкновенно не ведутъ ни къ какимъ дѣйствіямъ и слѣдовательно не проявляются ни въ какихъ рѣзкихъ внѣшнихъ признакахъ. На самомъ дѣлѣ, привязанность, поскольку она является пріятнымъ ощущеніемъ, вызываетъ обычные признаки удовольствія.

Съ другой стороны, многіе изъ эффектовъ, происходящихъ отъ возбужденія нервной системы, повидимому, совершенно независимы отъ тока нервной силы по путямъ, которые стали привычными вслѣдствіе прежнихъ актовъ воли. Такіе эффекты, часто обнаруживающіе душевное состояніе человѣка, который его испытываетъ, въ настоящее время не могутъ быть объяснены: напримѣръ, измѣненіе цвѣта волосъ отъ крайняго

ужаса или горя, холодный потъ и дрожаніе мышцъ отъ страха, измѣненіе выдѣлений кишечника и прекращеніе дѣйствія нѣкоторыхъ железъ.

Несмотря на то, что въ занимающемъ насъ предметѣ многое остается непонятнымъ, все-таки посредствомъ трехъ вышеприведенныхъ принциповъ можно объяснить такъ много выразительныхъ движеній и дѣйствій, что мы можемъ надѣяться впослѣдствіи видѣть всѣ движенія объясненными посредствомъ этихъ самыхъ принциповъ или посредствомъ другихъ близко аналогичныхъ имъ.

Если дѣйствія какого бы то ни было рода неизмѣнно сопровождаютъ какое-либо душевное состояніе, мы тотчасъ же признаемъ ихъ за выразительныя. Они могутъ заключаться въ движеніяхъ какой-либо части тѣла, напримѣръ, въ виляніи хвостомъ у собаки, въ пожиманіи плечами у человѣка, во взъерошиваньи волосъ, въ выступленіи пота, въ измѣненіи капиллярнаго кровообращенія, въ затрудненномъ дыханіи и въ употребленіи голосовыхъ и другихъ звуковыхъ средствъ. Даже насѣкомыя выражаютъ гнѣвъ, страхъ, ревность и любовь посредствомъ особыхъ звуковъ. У человѣка дыхательные органы имѣютъ особую важность для выраженія не только прямо, но еще сильнѣе—косвеннымъ образомъ.

Въ занимающемъ насъ предметѣ найдется немного вопросовъ, болѣе интересныхъ, чѣмъ необыкновенно сложная цѣпь явленій, ведущихъ къ нѣкоторымъ выразительнымъ движеніямъ. Возьмемъ, напримѣръ, наклонное положеніе бровей у человѣка, который страдаетъ отъ горя или тревоги. Когда маленькія дѣти громко кричатъ отъ голода или отъ боли, кровообращеніе измѣняется и глазамъ свойственно переполняться кровью: вслѣдствіе этого мышцы, окружающія глаза, сильно сокращаются для защиты ихъ; это движеніе въ теченіе многихъ поколѣній твердо установилось и стало наслѣдственнымъ; но когда съ возрастомъ и съ развитіемъ культуры привычка кричать отчасти подавляется, мышцы вокругъ глазъ все-таки имѣютъ стремленіе сокращаться всякій разъ, когда мы испытываемъ даже легкое огорченіе; изъ этихъ мышцъ пирамидальныя мышцы носа менѣе подчинены контролю воли, чѣмъ другія, и сокращеніе ихъ можетъ быть сдержано только сокращеніемъ центральныхъ фасцій лобной мышцы; эти фасціи поднимаютъ внутренніе концы бровей и образуютъ на лбу своеобразныя морщины, по которымъ мы тотчасъ же узнаемъ выраженіе горя или тревоги. Легкія движенія, подобныя только что описаннымъ, или едва замѣтное опусканіе угловъ рта являются послѣдними слѣдами или зачатками рѣзко выраженныхъ и понятныхъ движеній. Для насъ они полны значенія въ смыслѣ выразительности, подобно тому, какъ обыкновенныя зачаточныя органы важны для естествоиспытателя въ классификаціи и генеалогіи органическихъ существъ.

Всѣ согласны въ томъ, что главныя выразительныя движенія, производимыя человѣкомъ и низшими животными, теперь стали прирожденными или наслѣдственными, то-есть что индивидуумъ не учится имъ. Нѣкоторые изъ нихъ такъ мало зависятъ отъ обученія или подражанія, что начиная съ самыхъ первыхъ дней и потомъ всю жизнь они находятся совершенно внѣ нашего контроля, напримѣръ, ослабленіе артерій кожи при краснѣни и усиленіе дѣятельности сердца при гнѣвѣ. Мы видимъ, какъ двухлѣтнія или трехлѣтнія дѣти, и даже слѣпороденныя краснѣютъ отъ стыда; голое темя очень маленькаго ребенка краснѣетъ отъ злости. Дѣти кричатъ отъ боли тотчасъ же послѣ рожденія, и всѣ ихъ черты принимаютъ тогда такую же форму, какъ въ послѣдующіе годы. Достаточно только этихъ фактовъ для доказательства, что многіе изъ нашихъ наиболѣе важныхъ выраженій не заучены; но замѣчательно,

что нѣкоторыя изъ нихъ несомнѣнно прирожденные, требуютъ отъ индивидуума практики прежде чѣмъ стануть выполняться съ полнотою и совершенствомъ,—таковы плачь и смѣхъ. Наслѣдственная передача большинства нашихъ выразительныхъ движеній объясняетъ тотъ фактъ, что слѣпорожденные, какъ я слышалъ отъ м-ра Блера, производятъ ихъ столь же хорошо, какъ и зрячіе. Такимъ образомъ, мы можемъ понять и тотъ фактъ, что молодые и старыя особи совершенно различныхъ расъ, какъ у человѣка, такъ и у животныхъ, выражаютъ одинаковыя душевныя состоянія одними и тѣми же движеніями.

Мы такъ освоились съ фактомъ, что молодые и старыя животныя выражаютъ свои чувства одинаково, что почти не обращаемъ вниманія, на то, какъ маленькій щенокъ отъ удовольствія виляетъ хвостомъ, сколь это ни замѣчательно, прижимаетъ уши и оскаливаетъ клыки, когда дѣлаетъ видъ, будто пришелъ въ ярость, совершенно такъ же, какъ это дѣлаетъ старая собака; мы не обращаемъ вниманія на то, какъ замѣчательно испуганный и разсерженный котенокъ выгибаетъ спинку и взъерошиваетъ шерсть, подобно взрослой кошкѣ. Однако же, когда мы обратимся къ менѣе повседневнымъ тѣлодвиженіямъ у насъ самихъ, которыя мы привыкли считать искусственными или условными, каковы пожиманье плечами въ знакъ безсилія или подниманіе рукъ при раскрытыхъ ладоняхъ и вытянутыхъ пальцахъ, какъ знакъ удивленія, мы, можетъ быть, черезчуръ удивляемся, найдя, что эти жесты прирождены. Мы можемъ заключить о наслѣдственной передачѣ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ жестовъ изъ того, что ихъ производятъ очень маленькія дѣти, слѣпорожденные и большая часть совершенно различныхъ человѣческихъ расъ. Слѣдуетъ также помнить, что новыя и въ высшей степени своеобразныя ужимки, ассоціированныя съ опредѣленнымъ душевнымъ состояніемъ, какъ извѣстно, появляются у нѣкоторыхъ лицъ, а затѣмъ передаются ихъ потомкамъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже не въ одномъ поколѣніи.

Нѣкоторыя другіе жесты, которые представляются намъ настолько естественными, что мы легко могли бы счесть ихъ прирожденными, по видимому, были заучены, подобно словамъ языка. Повидимому, таковое складыванье поднятыхъ рукъ и подниманіе глазъ во время молитвы. То же самое относится къ поцѣлуямъ, какъ къ знаку привязанности; но это движеніе прирождено, поскольку оно связано съ удовольствіемъ, которое мы получаемъ отъ соприкосновенія съ любимымъ человѣкомъ. Показанія относительно наслѣдственной передачи киванья и покачиванья головою, какъ утвердительнаго и отрицательнаго знаковъ, сомнительны; ибо эти знаки не всеобщы, однако же распространены настолько, что едва ли были независимо приобрѣтены всѣми индивидуумами столь многочисленныхъ племенъ.

Теперь мы разсмотримъ, въ какой мѣрѣ воля и сознательность играли роль въ развитіи различныхъ выразительныхъ движеній. Насколько мы можемъ судить, лишь небольшое число выразительныхъ движеній, подобныхъ только что упомянутымъ, заучивается каждымъ индивидуумомъ; то-есть они сознательно и произвольно выполняются въ ранніе годы жизни для какой-либо опредѣленной цѣли или изъ подражанія другимъ, а потомъ становятся привычными. Огромное большинство выразительныхъ движеній, и притомъ всѣ наиболѣе важныя, какъ мы видѣли, прирождены или наслѣдственны; про такія движенія нельзя сказать, что они зависятъ отъ воли индивидуума. Тѣмъ не менѣе всѣ движенія,

подходящія подъ нашъ первый принципъ, сначала выполнялись произвольно, съ опредѣленной цѣлю, а именно для избавленія отъ опасности, для облегченія горя или для удовлетворенія какого-нибудь желанія. Напримѣръ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что животныя, которыя въ дракѣ прибѣгаютъ къ зубамъ, приобрѣли привычку, придя въ ярость, оттягивать уши назадъ и плотно прижимать ихъ къ головѣ. вслѣдствіе того, что ихъ предки намѣренно дѣлали это, чтобы защитить уши и не дать врагу разорвать ихъ; ибо тѣ животныя, которыя въ дракѣ не пускаютъ въ дѣло зубы, не выражаютъ свирѣпаго настроенія подобнымъ движеніемъ. Мы можемъ сдѣлать весьма правдоподобное заключеніе, что мы сами приобрѣли привычку сокращать мышцы вокругъ глазъ, когда плачемъ тихо, то-есть не издавая громкихъ звуковъ, вслѣдствіе того, что наши предки, особенно въ младенчествѣ, испытывали при крикѣ непріятное ощущеніе въ глазныхъ яблокахъ. Далѣе, нѣкоторыя въ высшей степени выразительныя движенія являются результатомъ попытки сдержатъ другія выразительныя движенія или помѣшать имъ; такъ, наклонное положеніе бровей и опусканіе угловъ рта бываетъ слѣдствіемъ попытки помѣшать приближающемуся приступу крика или сдержатъ его, когда онъ уже наступилъ. Въ этомъ случаѣ очевидно, что сознаніе и воля первоначально играли роль; но и въ этомъ, и въ другихъ подобныхъ случаяхъ мы такъ же мало сознаемъ, какія именно мышцы приходятъ въ дѣйствіе, какъ и тогда, когда мы выполняемъ самыя обыкновенныя и произвольныя движенія.

Что касается выразительныхъ движеній, зависящихъ отъ принципа антитезы, ясно, что здѣсь участвовала воля, хотя отдаленнымъ и косвеннымъ образомъ. То же самое относится къ движеніямъ, подходящимъ подъ нашъ третій принципъ; поскольку на нихъ вліяетъ легкое прохожденіе нервной силы по привычнымъ путямъ, они обусловлены прежними многократными усиліями воли. Эффекты, косвеннымъ образомъ зависящіе отъ этого послѣдняго агента, часто сложнымъ образомъ комбинируются, въ силу привычки и ассоціаціи, съ эффектами, которые являются прямымъ слѣдствіемъ возбужденія cerebro-спинальной системы. Какъ кажется, то же самое можно сказать про усиленную дѣятельность сердца подъ вліяніемъ всякой сильной эмоціи. Когда животное взъерошиваетъ шерсть, принимаетъ угрожающую позу и издаетъ свирѣпые звуки, чтобы напугать врага, мы видимъ любопытное сочетаніе движеній, которыя были первоначально произвольными, съ движеніями произвольными. Впрочемъ, возможно, что таинственная сила воли могла вліять даже на произвольныя движенія въ строгомъ смыслѣ, каково, напримѣръ, взъерошиванье шерсти.

Нѣкоторыя выразительныя движенія могли произойти произвольно, въ ассоціаціи съ опредѣленными душевными состояніями, подобно вышеупомянутымъ ужимкамъ, а впослѣдствіи они могли передаваться по наслѣдству. Но я не знаю доказательствъ, которыя подтверждали бы этотъ взглядъ.

Способность членовъ одного и того же племени сообщаться между собою при помощи языка имѣла первостепенную важность въ развитіи человѣка; выразительныя же движенія лица и тѣла весьма содѣйствуютъ силѣ языка. Мы сейчасъ же убѣждаемся въ этомъ, когда разговариваемъ о важномъ предметѣ съ человѣкомъ, лицо котораго скрыто отъ насъ. Тѣмъ не менѣе, насколько я могу замѣтить, нѣтъ основанія полагать, что какая-либо мышца развилась или даже измѣнилась исключительно ради выраженія. Голосовые и другіе звуковыя органы, при помощи ко-

торыхъ получаютъ различныя выразительныя звуки, какъ бы являются частичнымъ исключеніемъ; но въ другомъ мѣстѣ я пытался показать, что эти органы первоначально развились для половыхъ цѣлей, чтобы одинъ полъ могъ призывать или плѣнять другой. Я не могу также найти основаній для предположенія, что какое-либо наслѣдственное движеніе, служащее теперь способомъ выраженія, сначала, выполнялось произвольно и сознательно для этой специальной цѣли подобно нѣкоторымъ жестамъ и языку пальцевъ, которые употребляютъ глухонѣмые. Напротивъ, всякое правдивое или наслѣдственное выразительное движеніе повидимому, имѣло какое-нибудь естественное и независимое происхожденіе. Но будучи однажды приобрѣтены, такія движенія могутъ употребляться произвольно и сознательно, какъ средство сообщенія. Даже грудныя дѣти, если ухотъ за ними внимателенъ, замѣчаютъ въ очень раннемъ возрастѣ, что крикъ приноситъ облегченіе, и скоро начинаютъ прибѣгать къ нему произвольно. Часто можно видѣть, какъ человѣкъ произвольно поднимаетъ брови, чтобы выразить удивленіе, или улыбаются, чтобы выразить притворное удовольствіе или согласіе. Человѣкъ часто желаетъ произвести нѣкоторыя тѣлодвиженія замѣтно или на показъ, и тогда онъ поднимаетъ вытянутыя руки съ широко раздвинутыми пальцами надъ головою, чтобы выказать удивленіе, или поднимаетъ плечи до ушей, показывая, что онъ не можетъ или не хочетъ чего-либо сдѣлать. Склонность къ такимъ движеніямъ усиливается или увеличивается отъ произвольнаго и многократнаго выполненія ихъ; послѣдствія этого могутъ быть наслѣдственными.

Можетъ быть, стоить разсмотрѣть, не распространились ли на другихъ особей движенія, которыя первоначально употреблялись только однимъ или немногими индивидуумами для выраженія опредѣленнаго душевнаго состоянія, и не стали ли они наконецъ всеобщими черезъ посредство сознательнаго и бессознательнаго подражанія. Несомнѣнно, что человѣкъ очень склоненъ къ подражанію, независимо отъ сознательной воли. Эта склонность проявляется самымъ необыкновеннымъ образомъ при нѣкоторыхъ мозговыхъ болѣзняхъ, особенно въ началѣ воспалительнаго размягченія мозга, и ее назвали «echo sign». Пациенты, страдающіе этою болѣзнью, подражаютъ не понимая всякому бессмысленному жесту, который дѣлаютъ около нихъ, и повторяютъ всякое слово, которое возлѣ нихъ произносятся, даже не незнакомомъ языкѣ¹⁾. Изъ животныхъ шакалъ и волкъ въ неволѣ научились подражать лаю собаки. Какимъ образомъ собаки впервые научились лаю, который служитъ для выраженія различныхъ душевныхъ движеній и желаній и который такъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ приобрѣтенъ послѣ прирученія этого животнаго и что у разныхъ породъ онъ передается по наслѣдству въ различной степени, этого мы не знаемъ; но не позволительно ли предпологать, что въ этомъ приобрѣтеніи нѣкоторую роль играло подражаніе, такъ какъ собаки долго жили въ тѣсномъ сообществѣ съ такимъ болтливымъ животнымъ, какъ человѣкъ.

Въ предшествующихъ замѣчаніяхъ и во всей этой книгѣ я часто весьма затруднялся правильнымъ приложеніемъ терминовъ — воля, сознательность и намѣренность. Дѣйствія, которыя сначала были произвольными, вскорѣ становятся привычными и, наконецъ, наслѣдственными; тогда они могутъ выполняться даже противъ воли. Хотя они часто

¹⁾ См. интересныя факты, приводимыя д-ромъ Бетменомъ объ „Aphasia“, 1870, стр. 110.

обнаруживаютъ душевное состояніе, этотъ результатъ вначалѣ не былъ ни цѣлью ихъ, ни ожидаемымъ послѣдствіемъ. Даже такія слова: «нѣкоторыя движенія служатъ способомъ выраженія», могутъ ввести въ заблужденіе, такъ какъ они предполагаютъ, что въ этомъ состояла первоначальная цѣль или предметъ движенія. А между тѣмъ это, кажется, бывало рѣдко или никогда не бывало; движенія сначала приносили или прямую пользу, или являлись косвеннымъ послѣдствіемъ возбужденнаго состоянія чувствующихъ центровъ. Ребенокъ можетъ кричать, намѣренно или инстинктивно, чтобы показать, что ему нужна пища; но у него нѣтъ ни желанія, ни намѣренія придавать чертамъ лица ту своеобразную форму, которая такъ ясно выражаетъ горестъ, и все-таки, какъ было объяснено, нѣкоторыя изъ наиболѣе характерныхъ выраженій, проявляемыхъ человѣкомъ, явились результатомъ акта крика.

Хотя большинство нашихъ выразительныхъ дѣйствій прирождено или инстинктивно, въ чемъ всѣ согласны, совсѣмъ иной вопросъ, есть ли у насъ инстинктивная способность узнавать ихъ. Вообще полагали, что она есть; но Лемуанъ энергично возражалъ противъ этого предположенія ¹⁾. Какъ утверждаетъ одинъ внимательный наблюдатель, обезьяны скоро научаются различать не только интонацію хозяевъ, но и выраженіе ихъ лицъ ²⁾. Собаки хорошо знаютъ различіе между ласковыми и угрожающими жестами и тономъ; повидимому, онѣ узнаютъ сочувствующій тонъ. Но насколько я могу рѣшить послѣ многократныхъ пробъ, онѣ не понимаютъ движеній, ограниченныхъ чертами лица, кромѣ улыбки или смѣха, которые онѣ, кажется, узнаютъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Эта ограниченная способность узнаванія вѣроятно была приобрѣтена, какъ у обезьянъ, такъ и у собакъ, вслѣдствіе того, что онѣ ассоціировали жестокое или ласковое обращеніе съ нашими дѣйствіями; такое узнаваніе, конечно, не инстинктивно. Безъ сомнѣнія, дѣти скоро научаются понимать выразительныя движенія старшихъ, подобно тому, какъ животныя выучиваются понимать движенія человѣка. Кромѣ того, когда ребенокъ кричитъ или смѣется, онъ въ общихъ чертахъ знаетъ, что онъ дѣлаетъ и что чувствуетъ; такимъ образомъ, весьма незначительное усиліе разсудка подскажетъ ему, что означаетъ крикъ или смѣхъ у другихъ. Но вопросъ состоитъ въ слѣдующемъ: приобрѣтаютъ ли наши дѣти пониманіе выраженія только посредствомъ опыта, при помощи ассоціаціи и разсудка?

Такъ какъ большинство выразительныхъ движеній навѣрно было приобрѣтено постепенно, а вслѣдствіи стало инстинктивнымъ, то кажется до нѣкоторой степени есть *априорное* вѣроятіе, что узнаваніе ихъ тоже могло стать инстинктивнымъ. По крайней мѣрѣ такое предположеніе встрѣчаетъ не больше трудностей, чѣмъ допущеніе, что самка млекопитающаго, впервые принеся дѣтенышей, узнаетъ горестный крикъ своего потомства, или въ томъ допущеніи, что многія животныя инстинктивно узнаютъ и боятся своихъ враговъ; въ обоихъ этихъ утвержденіяхъ было бы неразумно сомнѣваться. Однако чрезвычайно трудно доказать, что наши дѣти инстинктивно узнаютъ какое бы то ни было выраженіе. Я слѣдилъ за этою частностью у моего перваго ребенка, который ничему не могъ научиться отъ общества другихъ дѣтей, и я былъ убѣжденъ, что онъ понимаетъ улыбку, что ему пріятно ее видѣть и что онъ отвѣчаетъ на нее другою улыбкою въ такомъ раннемъ возрастѣ,

¹⁾ „La physionomie et la parole“, 1865, стр. 103, 118.

²⁾ Ренгеръ, „Naturgeschichte der Säugethiere von Paraguay“, 1830, стр. 55.

когда онъ еще ничему не могъ научиться посредствомъ опыта. Когда этому ребенку было около четырехъ мѣсяцевъ, я сталъ производить при немъ разный странный шумъ, дѣлалъ странныя гримасы и старался принять грозный видъ; но онъ принималъ и шумъ, если онъ не былъ слишкомъ громокъ, и гримасы за игру; тогда я приписывалъ это тому, что имъ предшествовали или ихъ сопровождали улыбки. Когда ему было пять мѣсяцевъ, онъ, казалось, понималъ сострадательное выраженіе и интонацію. Когда ему было шесть мѣсяцевъ и нѣскольکو дней, его няня сдѣлала видъ, будто плачетъ; я видѣлъ, что его лицо мгновенно приняло грустное выраженіе и углы рта сильно опустились; этотъ ребенокъ рѣдко могъ видѣть другого ребенка плачущимъ и никогда не видалъ плачущаго взрослого человѣка, и я сомнѣваюсь, могъ ли онъ въ такомъ раннемъ возрастѣ разсуждать объ этомъ вопросѣ. Поэтому, какъ мнѣ кажется, врожденное чувство должно было сказать ему, что притворный плачь его няни выражаетъ горе, и это горе, черезъ инстинктъ симпатіи, вызвало горе у него самого ¹⁾.

Лемуанъ разсуждаетъ, что если бы человѣкъ обладалъ природнымъ пониманіемъ выраженія, то писатели и художники не встрѣчали бы такихъ затрудненій, какія они завѣдомо испытываютъ при описаніи и изображеніи характерныхъ признаковъ каждаго отдѣльнаго душевнаго состоянія. Но это возраженіе не представляется мнѣ существеннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ слѣдить за несомнѣннымъ измѣненіемъ выраженія у человѣка или животнаго и въ то же время, какъ я знаю по опыту, быть совершенно неспособными анализировать характеръ измѣненія. Изъ двухъ портретовъ одного и того же старика, приводимыхъ Дюшеномъ (таблица III, фиг. 5 и 6), почти всѣ признали, что на одномъ улыбка изображена вѣрно, а на другомъ ошибочно; но мнѣ было очень трудно рѣшить, въ чемъ состоитъ сумма различій. Мнѣ часто казалось любопытнымъ, что мы мгновенно узнаемъ такъ много оттѣнковъ выраженій помимо какого бы то ни было сознательнаго аналитическаго процесса съ нашей стороны. Я думаю, никто не можетъ ясно описать угрюмое или лукавое выраженіе, а между тѣмъ многіе наблюдатели говорятъ единогласно, что эти выраженія можно узнать у различныхъ человѣческихъ племенъ. Почти всѣ, кому я показывалъ приводимый Дюшеномъ портретъ молодого человѣка съ наклонными бровями (табл. II, фиг. 2), тотчасъ же заявляли, что на немъ выражено горе или сходное чувство; но вѣроятно ни одинъ изъ этихъ людей и даже ни одинъ изъ тысячи не могъ бы заранѣе сказать ничего точнаго относительно наклоннаго положенія бровей при наморщенныхъ внутреннихъ концахъ ихъ или относительно прямоугольныхъ складокъ на лбу. То же самое бываетъ со многими другими выраженіями, чему я имѣлъ практическое доказательство въ тѣхъ хлопотахъ, которыя понадобились для того, чтобы указать другимъ, что именно нужно наблюдать. Итакъ, если совершенное незнакомство съ частностями не мѣшаетъ намъ вѣрно и быстро узнавать различныя выраженія, я не понимаю, какимъ образомъ это незнакомство можно выставить доказательствомъ того, что наше знаніе, хотя бы смутное и неопредѣленное, не прирождено.

¹⁾ [М-ръ Уоллесъ („Quarterly Journal of Science“, январь 1873 г.) остроумно возражаетъ, что чуждое выраженіе на лицѣ няни могло просто испугать ребенка и заставить его заплакать.

Ср. примѣръ Чеддъ Кренеджа, кузнеца, въ Адамъ Бидѣ, при видѣ котораго маленькая внучка кричала, какъ при видѣ чужого, когда по воскресеньямъ у него бывало чистое лицо.]

Я пытался довольно подробно показать, что всѣ главные выраженія, проявляемыя человѣкомъ, одинаковы на всемъ свѣтѣ. Этотъ фактъ интересенъ, такъ какъ даетъ новое доказательство въ пользу того предположенія, что различныя расы произошли отъ одной группы предковъ, строеніе тѣла которыхъ, и въ значительной мѣрѣ также и духъ, навѣрно были почти вполне человѣкоподобными раньше того періода, когда расы разошлись между собою. Безъ сомнѣнія, подобное строеніе, приспособленное для той же цѣли, часто приобрѣталось независимо различными видами черезъ измѣнчивость и естественный отборъ; но этимъ взглядомъ не объясняется тѣсное сходство между различными видами во множествѣ маловажныхъ подробностей. Далѣе, если мы будемъ помнить многочисленныя частности строенія, не имѣющія отношенія къ выраженію и совершенно сходныя у всѣхъ человѣческихъ расъ, и прибавимъ къ нимъ многочисленныя частности (нѣкоторыя—весьма важныя, а нѣкоторыя—имѣющія ничтожное значеніе), отъ которыхъ прямо или косвенно зависятъ выразительныя движенія, то мнѣ представляется въ высшей степени невѣроятнымъ, чтобы такое большое сходство, или скорѣе тождество, строенія было приобрѣтено независимыми другъ отъ друга способами. А между тѣмъ это было бы неизбежно, если бы человѣческія расы произошли отъ нѣсколькихъ видовъ, первоначально различавшихся между собою. Гораздо вѣроятнѣе, что многія очень сходныя черты у различныхъ расъ обусловлены наслѣдственной передачей отъ одной прародительской формы, которая еще раньше приняла человѣкоподобный характеръ.

Любопытно подумать, хотя это, можетъ быть, празднаго размышленія, какъ давно происходило постепенное приобрѣтеніе различныхъ выразительныхъ движеній, проявляемыхъ теперь человѣкомъ, въ длинномъ рядѣ нашихъ предковъ. Слѣдующія замѣчанія помогутъ по крайней мѣрѣ вспомнить нѣкоторыя изъ главныхъ вопросовъ, изложенныхъ въ этой книгѣ. Мы можемъ съ увѣренностью полагать, что наши предки, гораздо раньше, чѣмъ ихъ можно было бы назвать человѣкоподобными, смѣялись въ знакъ удовольствія или радости, ибо многія обезьяны, когда онѣ довольны, издаютъ повторный звукъ, ясно аналогичный нашему смѣху и часто сопровождаемый дрожащими движеніями челюстей или губъ, при чемъ углы рта оттягиваются назадъ и вверхъ, щеки порываются морщинами и даже глаза начинаютъ блестѣть.

Мы можемъ также заключить, что страхъ выражался въ чрезвычайно отдаленномъ періодѣ почти такъ же, какъ онъ теперь выражается у человѣка, то-есть дрожью, взъерошиваньемъ волосъ, холоднымъ потомъ, блѣдностью, широко раскрытыми глазами, ослабленіемъ большинства мышцъ и съеживаньемъ или неподвижностью всего тѣла.

Страданіе, если оно сильно, навѣрно съ самаго начала вызывало крики или стоны, корчи тѣла и скрежетъ зубовъ. Но наши предки не производили тѣхъ высоко выразительныхъ движеній чертами лица, которыми сопровождается крикъ и плачь, пока ихъ органы кровообращенія и питанія и мышцы вокругъ глазъ не приобрѣли своего нынѣшняго строенія. Пролитіе слезъ, повидимому, произошло вслѣдствіе рефлекторнаго дѣйствія, отъ судорожнаго сокращенія вѣкъ, при чемъ отдѣленіе слезъ, можетъ быть, содѣйствовало переполненію глазныхъ яблокъ кровью во время крика. Поэтому плачь вѣроятно появился позже въ лѣстницѣ нашего происхожденія; это заключеніе согласно съ тѣмъ фактомъ, что наши ближайшіе родичи, человѣкоподобныя обезьяны, не плачутъ. Но здѣсь мы должны соблюдать нѣкоторую осторожность, ибо, такъ какъ

нѣкоторыя обезьяны, не близко родственныя человѣку, плачутъ, то эта привычка могла развиваться давно въ побочной вѣтви той группы, отъ которой происходитъ человѣкъ. Наши отдаленные предки, страдая отъ горя или отъ тревоги, не ставили брови наклонно и не оттягивали уголь рта внизъ, пока не приобрѣли привычку сдерживать крики. По этому выраженіе горя и тревоги въ высокой степени человѣчно.

Ярость въ очень раннемъ періодѣ уже выражалась угрожающими или неистовыми жестами, краснотой кожи и сверкающими глазами, но не нахмуриваньемъ. Ибо привычка нахмуриваться, повидимому, была приобретена главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что надвигатели бровей (corrugatores) — первыя мышцы, которыя сокращаются вокругъ глазъ, всякій разъ, когда во младенчествѣ мы испытываемъ боль, гнѣвъ или горе, и слѣдовательно когда мы близки къ крику; отчасти же нахмуриванье появилось потому, что оно служитъ защитой при затрудненномъ и пристальномъ смотрѣніи. Представляется вѣроятнымъ, что это затѣняющее движеніе стало привычнымъ лишь послѣ того, какъ человѣкъ сталъ держаться совершенно прямо, ибо обезьяны не хмурятся при ослѣпительномъ свѣтѣ. Наши отдаленные предки, приходя въ ярость, вѣроятно чаще оскаливали зубы, чѣмъ это дѣлаетъ человѣкъ, даже когда онъ даетъ полную волю ярости, какъ это бываетъ у умалишенныхъ. Мы можемъ также быть почти увѣренными, что, будучи не въ духѣ или раздосадованы, наши предки оттопыривали губы въ большей степени, чѣмъ это дѣлаютъ наши дѣти или даже чѣмъ это бываетъ у дѣтей нынѣшнихъ дикихъ племенъ.

Наши ранніе предки, негодуя или умѣренно сердясь, стали держать голову прямо, расправлять грудь, выпрямлять плечи и сжимать кулаки лишь послѣ того, какъ они приобрѣли обычную осанку и стоячую позу человѣка, и научились драться кулаками или дубинами. До наступленія этого періода не развивалось и движеніе, представляющее антитезу описанныхъ, — пожиманье плечами въ знакъ безсилія или терпѣнія. По той же причинѣ удивленіе тогда не выражалось подниманіемъ рукъ съ раскрытыми ладонями и вытянутыми пальцами. Кромѣ того, если судить по движеніямъ обезьянъ, удивленіе не выражалось широкимъ раскрытіемъ рта, но глаза расширялись и брови выгибались дугою. Отвращеніе въ очень раннемъ періодѣ выражалось движеніями вокругъ рта, похожими на движенія при рвотѣ, — то-есть, если правиленъ тотъ взглядъ на происхожденіе этого выраженія, который я высказалъ, — а именно, что наши предки обладали и пользовались способностью произвольно и быстро извергать изъ желудка пищу, которая имъ не нравилась. Но болѣе утонченный способъ выказывать презрѣніе или пренебреженіе, посредствомъ опусканія вѣкъ или отворачиванія глазъ и лица прочь, какъ будто презираемый человѣкъ не заслуживаетъ взгляда, вѣроятно былъ приобретенъ въ значительно позднѣйшемъ періодѣ.

Изъ всѣхъ выраженій краска стыда, повидимому, болѣе всего составляетъ особенность человѣка; однако же она свойственна всѣмъ или почти всѣмъ человѣческимъ расамъ, замѣтно ли измѣненіе цвѣта ихъ кожи или нѣтъ. Ослабленіе мелкихъ артерій поверхности кожи, отъ котораго зависитъ краснѣніе, какъ кажется, первоначально было слѣдствіемъ пристального вниманія, устремленнаго на нашу собственную внѣшность, особенно на лицо; ему содѣйствовали привычка, наследственность и легкое прохожденіе нервной силы по привычнымъ путямъ; впоследствии краснѣніе въ силу ассоціаціи распространилось на вниманіе къ самому себѣ, связанное съ моральнымъ поведеніемъ. Едва ли можно

сомнѣваться, что многія животныя способны цѣнить прекрасныя цвѣта и даже формы, какъ показываютъ старанія, съ которыми особи одного пола выставляютъ свою красоту передъ другимъ поломъ. Но представляется невозможнымъ, чтобы какое-либо животное, пока его умственные способности не развились до уровня равнаго или почти равнаго со способностями человѣка, относилось со вниманіемъ и чуткостью къ своей внѣшности. Поэтому мы можемъ заключить, что краснѣніе появилось въ гораздо позднѣйшемъ періодѣ въ длинномъ ряду нашей генеалогіи.

Изъ различныхъ фактовъ, только что упомянутыхъ и приведенныхъ въ этой книгѣ, слѣдуетъ, что если бы строеніе нашихъ органовъ дыханія и кровообращенія лишь въ слабой степени отличалось отъ того состоянія, въ которомъ они теперь находятся, большинство нашихъ выраженій было бы удивительнымъ образомъ непохоже на дѣйствительно существующія. Весьма небольшое измѣненіе расположенія артерій и венъ, идущихъ къ головѣ, вѣроятно помѣшало бы крови скопляться въ глазныхъ яблокахъ при сильномъ выдыханіи, ибо это бываетъ у весьма многихъ млекопитающихъ. Въ такомъ случаѣ мы не проявляли бы нѣкоторыхъ наиболѣе характерныхъ выраженій. Если бы человѣкъ втягивалъ въ себя жабрами воду (хотя намъ почти невозможно себѣ это представить), вмѣсто того, чтобы вдыхать ртомъ и ноздрями воздухъ, черты его лица столь же мало выражали бы его чувства, какъ теперь ихъ выражаютъ кисти рукъ или конечности. Впрочемъ, ярость и отвращеніе все-таки выражались бы движеніями возлѣ губъ и рта, а глаза становились бы яснѣе или тусклѣе, смотря по состоянію кровообращенія. Если бы наши уши остались подвижными, ихъ движенія были бы въ высшей степени выразительными, какъ у всѣхъ животныхъ, которыя кусаются въ дракѣ; мы можемъ заключить, что наши отдаленные предки дрались именно такъ, ибо мы до сихъ поръ обнажаемъ клыкъ съ одной стороны, когда издѣваемся или глумимся надъ кѣмъ-нибудь, а при бѣшеной ярости мы оскаливаемъ всѣ зубы.

Выразительныя движенія лица и тѣла, каково бы ни было ихъ происхожденіе, сами по себѣ очень важны для нашего благополучія. Они служатъ первымъ средствомъ сообщенія между матерью и ребенкомъ: она одобрительно улыбается и такимъ образомъ поощряетъ ребенка на правильномъ пути, или же она неодобрительно хмурится. Мы легко замѣчаемъ сочувствіе у другихъ по ихъ выраженію; это умѣряетъ наши страданія или усиливаетъ наше удовольствіе, и такимъ образомъ укрѣпляется взаимное доброжелательство. Выразительныя движенія придаютъ живость и энергію произносимымъ словамъ. Они обнаруживаютъ мысли и намѣренія другихъ вѣрнѣе, чѣмъ слова, которыя могутъ быть искусственны. Все достовѣрное, что заключается въ такъ называемой наукѣ—физиогномикѣ, зависитъ, повидимому, какъ давно замѣтилъ Галлеръ ¹⁾, отъ того, что у разныхъ людей часто приходятъ въ дѣйствіе неодинаковыя мышцы, смотря по свойствамъ этихъ людей; отъ этого, можетъ быть, усиливается развитіе этихъ мышцъ, а линіи или черты на лицѣ, зависящія отъ обычнаго сокращенія, становятся такимъ образомъ глубже и замѣтнѣе. Отъ свободнаго выраженія эмоці внѣшними знаками она становится интенсивнѣе ²⁾. Съ другой стороны, при подавленіи по мѣрѣ

¹⁾ Цитировано у Моро, въ его изданіи Лафатера, 1820 г., т. IV, стр. 211.

²⁾ [Упоминаніе о вліяніи сценическаго искусства, Модслей („The Physiology of Mind“, 1876 г., стр. 387, 388) говорить, что эмоція становится интенсивнѣе и опредѣленнѣе отъ тѣлеснаго движенія. Другіе писатели дѣлали подобныя же замѣчанія.

возможности, всѣхъ внѣшнихъ знаковъ, наши душевныя движенія смягчаются ¹⁾. Тотъ, кто даетъ волю бурнымъ тѣлодвиженіямъ, усиливаетъ свою ярость; кто не сдерживаетъ проявленій страха, будетъ испытывать его въ большей мѣрѣ; тотъ, кто будучи подавленъ горемъ, остается пассивнымъ, упускаетъ лучший способъ возстановить гибкость духа. Эти результаты слѣдуютъ отчасти изъ тѣснаго соотношенія, которое существуетъ почти между всѣми эмоціями и ихъ внѣшними проявленіями, отчасти же изъ прямого вліянія усилій на сердце, а слѣдовательно и на мозгъ. Даже притворная эмоція склонна дѣйствительно возбуждать ее въ нашемъ духѣ. Шекспиръ, который, благодаря удивительному знанію человѣческаго духа—навѣрно, превосходный судья, говоритъ:

Не дивно ли: актеръ при тѣни страсти,
При вымыслѣ пустомъ былъ въ состояннѣ
Своимъ мечтамъ всю душу покорить;
Его лицо отъ силы ихъ блѣднѣетъ;
Въ глазахъ слеза дрожить, и млѣетъ голосъ,
Въ чертахъ лица отчаянье и ужась,
И весь составъ его покорень мысли.
И все изъ ничего...

(Гамлетъ, актъ II, сцена 2. Перев. Кронеберга.)

Мы видѣли, что изученіе теоріи выраженія въ нѣкоторой ограниченной мѣрѣ подтверждаетъ заключеніе, что человѣкъ происходитъ отъ какой-либо низшей животной формы, и это изученіе поддерживаетъ вѣру въ видовое или подъ-видовое единство различныхъ расъ; но насколько я могу судить, такого подтвержденія почти не было нужно. Мы видѣли также, что выраженіе само по себѣ, или языкъ эмоцій, какъ его иногда называли, безъ сомнѣнія важно для благополучія человѣчества. Мы должны были бы очень интересоваться тѣмъ, чтобы понять, насколько возможно, источникъ или происхожденіе различныхъ выраженій, которыя мы можемъ ежечасно видѣть на лицахъ окружающихъ людей, уже не говоря о домашнихъ животныхъ. По всѣмъ этимъ причинамъ мы можемъ заключить, что философія нашего вопроса вполне заслуживала того вниманія, которое ей уже удѣлили нѣсколько превосходныхъ наблюдателей, и что она заслуживаетъ дальнѣйшаго вниманія, особенно отъ какого-либо даровитаго фізіолога.

напр., Вундтъ, „Essays“, 1885 г., стр. 235. Бредъ нашель, что можно вызывать бурные порывы, если придавать загипнотизированнымъ людямъ соответствующія позы.

¹⁾ Грасіоле („De la physionomie“, 1865 г., стр. 66) настаиваетъ на томъ, что это заключеніе вѣрно.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Введеніе	1
ГЛАВА I. Общіе принципы выраженія. Изложеніе трехъ главныхъ принциповъ.—Первый принципъ.—Полезныя дѣйствія становятся привычными въ связи съ опредѣленными душевными состояніями и производятся въ каждомъ частномъ случаѣ, независимо отъ того, полезны они или нѣтъ.—Сила привычки.—Наслѣдственность.—Ассоціированныя привычныя движенія у человѣка.—Рефлекторныя движенія.—Переходъ привычекъ въ рефлекторныя движенія.—Ассоціированныя привычныя движенія у низшихъ животныхъ.—Заключительныя замѣчанія	16
ГЛАВА II. Общіе принципы выраженія. (Продолженіе.) Принципъ антигезы.—Примѣры собаки и кошки.—Происхожденіе принципа.—Условные знаки.—Принципъ антигезы произошелъ не отъ сознательнаго выполненія противоположныхъ движеній при противоположныхъ импульсахъ .	30
ГЛАВА III. Общіе принципы выраженія. (Окончаніе.) Принципъ прямого дѣйствія возбужденной нервной системы на тѣло, независимо отъ воли и отчасти независимо отъ привычки.—Измѣненіе двѣта волосъ.—Дрожаніе мышцъ.—Измѣненіе выдѣленій.—Потъ.—Выраженіе крайней боли.—Выраженіе ярости, большой радости и ужаса.—Контрастъ между такими эмоціями, которыя вызываютъ выразительныя движенія, и такими, которыя ихъ не вызываютъ.—Возбуждающія и угнетающія душевныя состоянія.—Обзоръ	38
ГЛАВА IV. Способы выраженія у животныхъ. Издаваніе звуковъ.—Голосовые звуки.—Звуки, производимые инымъ способомъ.—Приподниманіе кожныхъ придатковъ, волосъ, перьевъ и пр. при гнѣвѣ и ужасѣ.—Оттягиваніе ушей назадъ, какъ приготовленіе къ дракѣ и какъ выраженіе гнѣва.—Настораживаніе ушей и подниманіе головы, какъ знакъ вниманія	49
ГЛАВА V. Спеціальныя выраженія у животныхъ. Различныя выразительныя движенія у собаки.—У кошекъ.—У лошади.—У жвачныхъ.—Выраженіе радости и привязанности у обезьянъ.—Боль.—Гнѣвъ.—Удивленіе и страхъ	67
ГЛАВА VI. Спеціальныя выраженія у человѣка: страданіе и плачь. Крикъ и плачь маленькихъ дѣтей.—Форма чертъ лица.—Возрастъ, когда начинается плачь.—Дѣйствіе обычнаго сдерживанія на плачь.—Рыданія.—Причины сокращенія мышцъ вокругъ глазъ при крикѣ.—Причина выдѣленія слезъ	84
ГЛАВА VII. Упадокъ духа, тревога, горе, уныніе и отчаяніе. Общее вліяніе горя на организмъ.—Наклонное положеніе бровей при страданіи.—О причинѣ наклоннаго положенія бровей.—Объ опусканіи уголковъ рта .	101
ГЛАВА VIII. Радость, веселость, любовь, нѣжныя чувства, благоговѣніе. Смѣхъ, какъ первоначальное выраженіе радости.—Смѣшныя представленія.—Движенія чертъ лица при смѣхѣ.—Характеръ издаваемого звука.—Выдѣленіе слезъ при громкомъ смѣхѣ.—Промежуточные ступени между громкимъ смѣхомъ и слабой улыбкой.—Веселость.—Выраженіе любви.—Нѣжныя чувства.—Благоговѣніе	112

- ГЛАВА IX. Раздумье. — Размышление. — Раздраженное настроеніе. — Угрюмость. — Рѣшимость. Актъ нахмуриванья. — Раздумье съ усиліемъ или съ сознаниемъ чего-либо труднаго или непріятнаго. — Отвлеченное размышленіе. — Мрачность. — Упрямство. — Угрюмость и надуваніе губъ. — Рѣшимость. — Плотное закрываніе рта 126
- ГЛАВА X. Ненависть и гнѣвъ. Ненависть. — Ярость, вліяніе ея на организмъ. — Оскаливанье зубовъ. — Ярость у умалишенныхъ. — Гнѣвъ и негодованіе. — Выраженіе ихъ у различныхъ человѣческихъ расъ. — Издѣвательство и угроза. — Оскаливаніе клыка съ одной стороны лица 135
- ГЛАВА XI. Пренебреженіе. — Презрѣніе. — Отвращеніе. — Виновность. — Гордость и пр. — Безпомощность. — Терпѣніе. — Утвержденіе и отрицаніе. Различныя выраженія пренебреженія и презрѣнія. — Насмѣшливая улыбка. — Жесты, выражающіе пренебреженіе. — Отвращеніе. — Виновность, обманъ, гордость и пр. — Безпомощность или бесиліе. — Терпѣніе. — Упрямство. — Пожиманіе плечами свойственно большинству человѣческихъ расъ. Утвердительныя и отрицательныя знаки 144
- ГЛАВА XII. Удивленіе. — Изумленіе. — Страхъ. — Ужась. Удивленіе. — Изумленіе. — Подниманіе бровей. — Раскрываніе рта. — Выдвиганіе губъ. — Тѣлодвиженія, сопровождающія удивленіе. — Восхищеніе. — Страхъ. — Ужась. — Взъерошиваніе волосъ. — Сокращеніе широкой шейной мышцы. — Расширеніе зрачковъ. — Ужась. — Заключеніе 159
- ГЛАВА XIII. Самолюбіе. — Стыдливость. — Робость. — Скромность: краснѣніе. Сущность краснѣнія. — Наслѣдственность. — Части тѣла, наиболѣе подверженныя краснѣнію. — Краснѣніе у различныхъ человѣческихъ расъ. — Сопровождающія его тѣлодвиженія. — Замѣшательство. — Причины краснѣнія. — Самолюбіе, какъ главный элементъ. — Робость. — Стыдъ вслѣдствіе нарушенія нравственныхъ законовъ и условныхъ правилъ. — Скромность. — Теорія краснѣнія. — Обзоръ 178
- ГЛАВА XIV. Заключительныя замѣчанія и итоги. Три руководящихъ принципа, которыми опредѣляются главныя выразительныя движенія. — Наслѣдственность ихъ. — О той роли, которую играли воля и намѣренность въ пріобрѣтеніи различныхъ выраженій. — Инстинктивное узнаваніе выраженія. — Отношеніе нашего предмета къ видовому единству человѣческихъ расъ. — О послѣдовательномъ пріобрѣтеніи различныхъ выраженій предками человѣка. — Важность выраженія. — Заключеніе 200

ЦУНБ

им. Н. А. Некрасова

2 000002 077893

Р и с у н к и.

	<i>Стр.</i>
1. Схематическое изображеніе лицевыхъ мышцъ по Ч. Беллю	14
2. » » » » » Генле	14
3. » » » » »	14
4. Маленькая собака, которая смотритъ на кошку, сидящую на столѣ	26
5. Собака, приближающаяся къ другой собакѣ съ враждебными намѣреніями	30
6. Та же собака въ смиренномъ и ласковомъ настроеніи	31
7. Полукровная овчарка въ такомъ же настроеніи, какъ собака на рис. 5.	31
8. Та же собака ласкающаяся къ хозяину	32
9. Разъяренная кошка, готовая вступить въ драку	33
10. Кошка въ ласковомъ настроеніи	34
11. Звуковыя иглы на хвостѣ дикообраза	55
12. Курица, отгоняющая собаку отъ цыплятъ	57
13. Лебедь, прогоняющій непрошеннаго посѣтителя	58
14. Голова рычащей собаки	68
15. Кошка, испугавшаяся собаки	74
16. <i>Sunporithesus niger</i> , въ спокойномъ настроеніи	78
17. Та же обезьяна, когда ей пріятно, что ее ласкаютъ	78
18. Шимпанзе недовольный и разсерженный	81
19. Изображеніе помѣшанной женщины, на которомъ видно состояніе ея волосъ	170
20. Ужась	172
21. Ужась и страданіе	176
1. Таблица	84
2. »	102
3. »	114
4. »	130
5. »	144
6—7. »	138, 140, 150

какъ бы незначительно оно ни казалось съ перваго взгляда, заключается въ томъ, что когда выдыханіе происходитъ съ силою, то мышцы вокругъ глазъ произвольно сокращаются, чтобы предохранить эти нѣжные органы отъ давленія крови. Профессоръ Дондерсъ въ Утрехтѣ чрезвычайно любезно подвергъ для меня подробному изслѣдованію этотъ фактъ, который, какъ мы впоследствии увидимъ, проливаетъ яркій свѣтъ на многія, крайне важныя выраженія человѣческаго лица. Многіе иностранные авторы недостаточно оцѣнили или совершенно не замѣтили достоинствъ труда сэра Ч. Белля, зато другіе отнесли къ нему съ полнымъ вниманіемъ; напримѣръ, Лемуанъ¹⁾ совершенно справедливо говоритъ: «Le livre de Ch. Bell devrait être médité par quiconque essaie de faire parler le visage de l'homme, par les philosophes aussi bien que par les artistes, car, sous une apparence plus légère et sous le prétexte de l'esthétique, c'est un des plus beaux monuments de la science des rapports du physique et du moral».

По причинамъ, которыя мы сейчасъ изложимъ, сэръ Ч. Белль не пытался развить свои взгляды настолько, насколько было возможно. Онъ не пробуетъ объяснить, почему различныя мышцы приходятъ въ дѣйствіе при различныхъ душевныхъ движеніяхъ; почему, напримѣръ, у человѣка, страдающаго отъ горя или отъ тревоги, приподнимаются внутренніе концы бровей и опускаются углы рта.

Въ 1807 г. М. Моро издалъ сочиненіе Лафатера о физиогномикѣ²⁾, въ которое онъ вставилъ нѣсколько собственныхъ очерковъ, содержащихъ превосходныя описанія движенія лицевыхъ мышцъ, а также многія цѣнныя замѣчанія. Однако онъ проливаетъ очень мало свѣта на философію этого вопроса. Напримѣръ, Моро, говоря о нахмуриваніи, т.-е. о сокращеніи мышцы, которую французскіе авторы называютъ *sourcilier* (*corrugator supercili*), справедливо замѣчаетъ: «Cette action des sourciliers est un des symptômes les plus tranchés de l'expression des affections pénibles ou concentrées». Затѣмъ онъ прибавляетъ, что эти мышцы, благодаря своему способу прикрѣпленія и своему положенію, приспособлены «à resserrer, à concentrer les principaux traits de la face, comme il convient dans toutes ces passions vraiment oppressives ou profondes, dans ces affections dont le sentiment semble porter l'organisation à revenir sur elle-même, à se contracter et à s'amoindrir, comme pour offrir moins de prise et de surface à des impressions redoutables ou importunes». Кто ду-

1) „De la physionomie et de la parole“, par Albert Lemoine, 1865, стр. 101.

2) „L'art de connaître les hommes“ etc., par G. Lavater. Первое изданіе этого сочиненія, о которомъ сказано въ предисловіи къ десятитому изданію 1820 г., что оно содержитъ замѣчанія Моро, говорятъ, вышло въ 1807 г.; я не сомнѣваюсь, что это вѣрно, потому что „Notice sur Lavater“ въ началѣ тома I помѣчена 13 апрѣля 1806 г. Однако нѣкоторые библиографическія работы приводятъ года 1805—1809, но мнѣ представляется невозможнымъ, чтобы дата—1805 г. была правильной. Д-ръ Дюшенъ замѣчаетъ („Mécanisme de la physionomie humaine“, изданіе in 8°, 1862, стр. 5, и „Archives générales de médecine“, янв. и февр. 1862), что Моро „a composé pour son ouvrage un article important“ и т. д., въ 1805 г.; въ томѣ I изданія 1820 г. я нашелъ мѣста съ датами: 12 декабря 1805 г. и 5 января 1806 г., кромѣ даты 13 апрѣля 1806 г., упомянутой выше. Вслѣдствіе того, что нѣкоторыя изъ этихъ мѣстъ, слѣдовательно, были написаны въ 1805 г., д-ръ Дюшенъ отдаетъ Моро первенство сравнительно съ сэромъ Ч. Беллемъ, трудъ котораго, какъ мы видѣли, вышелъ въ 1806 г. Такой способъ установленія приоритета научныхъ сочиненій совѣмъ необыченъ, но эти вопросы крайне мало важны въ сравненіи съ относительными достоинствами произведеній. Литерованные выше отрывки изъ сочиненій Моро и Лебрена взяты въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, изъ изданія Лафатера 1820 г., т. IV, стр. 228, и т. IX, стр. 279.

Извѣстный натуралистъ, консуль м-ръ Свинхо также наблюдалъ для меня китайцевъ на ихъ родинѣ и дѣлалъ справки у другихъ людей, которымъ могъ довѣрять.

Въ Индіи м-ръ Эрскинъ, живя на мѣстѣ службы, въ Амеднугурскомъ округѣ Бомбейскаго президентства, наблюдалъ выраженіе у мѣстныхъ жителей, но нашелъ, что очень трудно придти къ надежнымъ заключеніямъ, такъ какъ жители въ присутствіи европейцевъ обыкновенно скрываютъ всѣ свои чувства. Кромѣ того, онъ получилъ для меня свѣдѣнія отъ м-ра Веста, судьи въ Кенерѣ, и по нѣкоторымъ вопросамъ справлялся у развитыхъ мѣстныхъ людей. Въ Калькуттѣ м-ръ Скоттъ, хранитель ботаническаго сада, внимательно наблюдалъ людей различныхъ племенъ, которые работаютъ тамъ въ теченіе значительнаго времени; я ни отъ кого не получалъ такихъ полныхъ и цѣнныхъ подробностей. Привычка къ точному наблюденію, приобретенная во время его занятій ботаникой, была примѣнена къ нашему настоящему предмету. Что касается Цейлона, то я весьма обязанъ м-ру Глини за отвѣты на нѣкоторые изъ моихъ вопросовъ.

Въ Африкѣ мнѣ не посчастливилось относительно негровъ, хотя м-ръ Винвудъ Ридъ помогалъ мнѣ, насколько было въ его силахъ. Было бы сравнительно легко собрать свѣдѣнія о неграхъ-рабахъ въ Америкѣ, но такъ какъ они долго жили съ бѣлыми, то такое наблюденіе не представляло бы большой цѣны. Въ южныхъ частяхъ континента миссисъ Барберъ наблюдала кафровъ и финго и прислала мнѣ много опредѣленныхъ отвѣтовъ. М-ръ Мансель Виль также произвелъ нѣсколько наблюденій надъ туземцами и досталъ для меня любопытный документъ, именно написанное по-англійски мнѣніе Христіана Гейка, брата вождя Сандилли, о выраженіяхъ у его единоплеменниковъ. Для сѣверныхъ областей Африки капитанъ Спиди, долго жившій у абиссинцевъ, отвѣтилъ на мои вопросы отчасти по памяти, отчасти по наблюденіямъ, сдѣланнымъ надъ сыномъ царя Теодора, который въ то время находился на его попеченіи. Профессоръ и миссисъ Аза Грей замѣтили нѣкоторыя частности въ выраженіяхъ туземцевъ, которыхъ они наблюдали, поднимаясь по Нилу.

На великомъ американскомъ материкѣ м-ръ Бриджсъ, миссіонеръ, живущій среди обитателей Огненной Земли, отвѣтилъ на небольшое число вопросовъ о ихъ выраженіи, отправленные ему много лѣтъ тому назадъ. Въ сѣверной половинѣ этого материка д-ръ Ротрокъ слѣдилъ за выраженіями у дикихъ племенъ атна и эспіокъ на рѣкѣ Нассе, въ сѣверозападной Америкѣ. М-ръ Вашингтонъ Матьюзъ, помощникъ врача въ арміи Соединенныхъ Штатовъ, также наблюдалъ съ особымъ вниманіемъ (когда прочелъ мои вопросы, напечатанные въ «*Smithsonian Report*») нѣкоторыя изъ самихъ дикихъ племенъ въ западныхъ частяхъ Соединенныхъ Штатовъ, а именно титоновъ, grosventровъ, мандановъ и ассинабойновъ; его отвѣты оказались чрезвычайно цѣнными.

Наконецъ, помимо этихъ специальныхъ источниковъ, я собралъ нѣсколько фактовъ, случайно приведенныхъ въ описаніяхъ путешествій.

Такъ какъ мнѣ часто придется упоминать, особенно во второй половинѣ этой книги, о мышцахъ человѣческаго лица, то я поручилъ скопировать и уменьшить рисунокъ (рис. 1) изъ сочиненія Ч. Белля, и два другихъ, гдѣ подробности изображены точнѣе (рис. 2 и 3) съ извѣстной книги Генле «*Handbuch der systematischen Anatomie des Menschen*». Одинаковыя буквы на всѣхъ трехъ рисункахъ относятся къ однѣмъ и

превратились, вслѣдствіе привычки и ассоціаціи, въ рефлекторныя движенія, а теперь они такъ прочно установились и стали въ такой мѣрѣ наследственными, что они производятся, даже не принося ни малѣйшей пользы ¹⁾, всякій разъ, когда появляются тѣ самыя причины, которыя первоначально вызвали у насъ эти движенія черезъ посредство воли. Въ такихъ случаяхъ чувствующія нервныя клѣточки возбуждаютъ двигательныя клѣтки безъ первоначальнаго сообщенія съ тѣми клѣтками, отъ которыхъ зависятъ наше сознание и воля. Вѣроятно, чиханіе и кашель были первоначально приобрѣтены посредствомъ привычки выталкивать какъ можно сильнѣе всякую раздражающую частицу изъ чувствительныхъ воздушныхъ проходовъ. Что касается времени, то его было болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы эти привычки стали природными или превратились въ рефлекторныя движенія, ибо онѣ свойственны большинству или всѣмъ высшимъ четвероногимъ и, слѣдовательно, первоначальное приобрѣтеніе ихъ относится къ очень отдаленному періоду. Я не возьму на себя сказать, почему очистка горла не есть рефлекторное движеніе и почему наши дѣти должны ей учиться; но для насъ понятно, почему приходится учиться сморканію въ носовой платокъ.

Когда мы видимъ движенія обезглавленной лягушки, которыми она стираетъ каплю кислоты или другой предметъ со своей голени и которыя такъ хорошо координированы для специальной цѣли, то почти навѣрно можно сказать, что эти движенія производились сначала произвольно, а впоследствии, благодаря долговременной привычкѣ, сдѣлались настолько легкими, что наконецъ выполняются безсознательно или независимо отъ мозговыхъ полушарій.

Далѣе, представляется вѣроятнымъ, что вздрагиваніе было первоначально приобрѣтено вслѣдствіе привычки отскакивать отъ опасности какъ можно скорѣе всякій разъ, когда какое-либо изъ чувствъ дѣлало намъ предостереженіе. Вздрагиваніе, какъ мы видѣли, сопровождается миганіемъ вѣкъ для защиты глазъ, самыхъ нѣжныхъ и чувствительныхъ органовъ тѣла; мнѣ кажется, что оно всегда сопровождается внезапнымъ и сильнымъ вдыханіемъ, которое является естественнымъ приговлениемъ ко всякому большому усилю. Но когда человѣкъ или лошадь вздрагиваютъ, ихъ сердце порывисто ударяется о ребра; въ этомъ случаѣ мы можемъ по справедливости сказать, что въ общихъ рефлекторныхъ движеніяхъ тѣла участвуетъ органъ, никогда не находившійся подъ контролемъ воли. Впрочемъ, я вернусь къ этому вопросу въ одной изъ дальнѣйшихъ главъ.

Сокращеніе зрачка при раздраженіи сѣтчатой оболочки яркимъ свѣтомъ служитъ другимъ примѣромъ движенія, которое, повидимому, никакъ не могло сначала происходить произвольно, а затѣмъ установиться вслѣдствіе привычки; мы не знаемъ, чтобы зрачекъ находился подъ сознательнымъ контролемъ воли у какаго бы то ни было животнаго ²⁾.

¹⁾ Dr. Maudsley замѣчаетъ („Body and Mind“, стр. 10), что „рефлекторныя движенія, которыя обыкновенно имѣютъ полезную цѣль, могутъ, при измѣненіи обстоятельствъ во время болѣзни, приносить большой вредъ и даже причинять тяжкія страданія и крайне мучительную смерть“.

²⁾ Д-ръ Бакстеръ (письмо отъ 8 юля 1874 г.) обращаетъ вниманіе на указаніе Вирхова въ „Gedachtnissrede über Johannes Müller“, что мюллеръ могъ управлять зрачкомъ. По словамъ Льюиса („Physical Basis of Mind“, 1877, стр. 377), профессоръ Беръ въ Боннѣ обладалъ способностью произвольно сокращать или расширять зрачки. „Здѣсь двигателями служатъ мысли. Когда онъ думаетъ объ очень темномъ пространствѣ, зрачокъ расширяется, при мысли объ очень яркомъ пятнѣ зрачокъ сокращается“).

отдаленный предметъ; верхнія круговыя мышцы бывають въ то же время слегка сокращены. При этихъ условіяхъ сморщиваніе нижнихъ вѣкъ было замѣчено у нѣкоторыхъ дикарей, напримѣръ, м-ръ Дайсонъ Леси видѣлъ его у австралійцевъ въ Квинслендѣ, а м-ръ Гичъ нѣсколько разъ замѣчалъ его у малайцевъ внутри Малакки. Въ настоящее время нельзя объяснить, въ чемъ состоитъ смыслъ или причина этого движенія; но въ немъ мы имѣемъ новый примѣръ движенія вокругъ глазъ, связаннаго съ душевнымъ состояніемъ.

Безсмысленное выраженіе глазъ очень своеобразно и сейчасъ же показываетъ, когда человѣкъ совершенно поглощенъ мыслями. Профессоръ Дондерсъ съ обычной любезностью изслѣдовалъ для меня этотъ вопросъ. Онъ наблюдалъ другихъ въ такомъ состояніи и самъ подвергся наблюденію профессора Энгельмана. Въ это время глаза ни на что не бывають устремлены, слѣдовательно они не направлены на отдаленный предметъ, какъ я думалъ. Зрительныя оси часто даже слегка расходятся; если голова держится вертикально при горизонтальной плоскости зрѣнія, расхожденіе достигаетъ максимальнаго угла въ 2° . Это было опредѣлено наблюденіемъ скрещеннаго двойнаго изображенія отдаленнаго предмета. Если голова опущена впередъ, что часто бываетъ у людей, углубленныхъ въ мысли, вслѣдствіе общаго ослабленія мышцъ, и если поле зрѣнія все-таки горизонтально, то глаза по необходимости нѣсколько разъ поднимаются вверхъ, и тогда расхожденіе достигаетъ 3° или $3^{\circ} 5'$; если глаза поднятъ еще выше, то оно доходитъ 6° — 7° . Профессоръ Дондерсъ приписываетъ это расхожденіе почти совершенному ослабленію нѣкоторыхъ глазныхъ мышцъ, которое часто бываетъ послѣдствіемъ полной умственной сосредоточенности¹⁾. Активное состояніе глазныхъ мышцъ есть состояніе сведенія; профессоръ Дондерсъ замѣчаетъ по поводу расхожденія ихъ во время полной сосредоточенности, что когда одинъ глазъ слѣпнетъ, то онъ почти всегда немного спустя отклоняется кнаружи: ибо его мышцы уже не употребляются для движенія глазнаго яблока внутрь при бинокулярномъ видѣніи.

Раздумье, соединенное съ затрудненіемъ, часто сопровождается опредѣленными движеніями или жестами. Въ такихъ случаяхъ мы обыкновенно поднимаемъ руки ко лбу, рту или подбородку; но насколько я видалъ, мы не производимъ этихъ движеній, когда бываемъ совершенно поглощены мыслями и не встрѣчаемъ затрудненій. Плавтъ, описывая въ одной изъ комедій²⁾ озадаченнаго человѣка, говоритъ: «Посмотри, онъ подперъ подбородокъ рукою». Даже такой маловажный и, повидимому, не имѣющій значенія жестъ, какъ подниманіе руки къ лицу, былъ замѣченъ у нѣкоторыхъ дикарей. М-ръ Мансель Виль видѣлъ его у южноафриканскихъ кафровъ; туземный вождь Гаика прибавляетъ, что мужчины въ такихъ случаяхъ «иногда дергаютъ себя за бороду». М-ръ Вашингтонъ Матьюзъ, который слѣдилъ за нѣкоторыми изъ самыхъ дикихъ индѣйскихъ племенъ въ западныхъ областяхъ Соединенныхъ Штатовъ, замѣчаетъ, что онъ видѣлъ, какъ они при сосредоточенномъ раздумьи трогаютъ «руками, обыкновенно большимъ и указательнымъ пальцемъ, какую-нибудь часть лица, большею частью верхнюю губу». Мы можемъ понять, почему люди нажимаютъ на лобъ или трутъ его, такъ какъ при

1) Грасіоле замѣчаетъ („De la phys.“, стр. 35): „Quand l'attention est fixée sur quelque image intérieure, l'oeil regarde dans le vide et s'associe automatiquement à la contemplation de l'esprit“. Но такой взглядъ почти нельзя назвать объясненіемъ.

2) „Miles Gloriosus“, актъ II, сц. 2.

ныхъ чувствующихъ центровъ на тѣло, совмѣстно съ эффектами дѣйствій, ассоціированныхъ по привычкѣ. Ярость проявляется самыми разнообразными способами. Сердце и кровообращеніе всегда испытываютъ дѣйствіе; лицо краснѣетъ или багровѣетъ, при чемъ вены на лбу и на шеѣ расширяются. Приливъ крови къ лицу былъ замѣченъ у мѣдно-красныхъ южно-американскихъ индѣйцевъ¹⁾, и даже, какъ говорятъ, у негровъ, на бѣлыхъ рубцахъ, оставшихся послѣ старыхъ ранъ²⁾. Обезьяны тоже краснѣютъ отъ злости. У одного изъ моихъ дѣтей, когда ему еще не было четырехъ мѣсяцевъ, я нѣсколько разъ замѣчалъ, что первымъ признакомъ приближенія злости является приливъ крови къ голой головѣ. Съ другой стороны, при сильной ярости дѣятельность сердца иногда настолько нарушается, что лицо становится блѣднымъ или мертвеннымъ³⁾, и не мало есть людей, которые, страдая болѣзнью сердца, оставались мертвыми на мѣстѣ подъ вліяніемъ этого могучаго душевнаго движенія.

Дыханіе тоже измѣняется; грудь вздымается и расширенныя ноздри вздрагиваютъ⁴⁾. Какъ пишетъ Теннисонъ, «отъ порывистаго дыханія гнѣва ея прекрасныя ноздри расширились». Поэтому существуютъ такія выраженія, какъ «дышать мщеніемъ» и «задыхаться отъ гнѣва»⁵⁾.

Возбужденный мозгъ сообщаетъ силу мышцамъ и въ то же время придаетъ энергію волѣ. Тѣло обыкновенно держится прямо, будучи готово къ немедленному дѣйствию, но иногда оно наклонено впередъ къ оскорбителю, при болѣе или менѣе напряженныхъ конечностяхъ. Ротъ обыкновенно бываетъ плотно закрытъ, обнаруживая твердую рѣшимость, а зубы стиснуты или скрежещутъ. Часто встрѣчаются такіе жесты, какъ подниманіе рукъ со стиснутыми кулаками, какъ бы для того, чтобы ударить оскорбителя. Немного найдется людей, которые, находясь въ сильной ярости и говоря кому-нибудь, чтобы онъ уходилъ, удержатся отъ такихъ движеній, какъ будто они намѣрены ударить или сильно оттолкнуть этого человѣка. На самомъ дѣлѣ желаніе ударить иногда становится такъ нестерпимо сильно, что люди ударяютъ по неодушевленнымъ предметамъ или бросаютъ ихъ на землю; но тѣлодвиженія часто становятся совершенно безцѣльными или неистовыми. Маленькія дѣти, когда бываютъ въ бѣшеной ярости, катаются по землѣ на спинѣ или на животѣ, кричатъ, бьютъ ногами, царапаютъ или кусаютъ все,

¹⁾ Ренгеръ, „Naturgesch. der Säugethiere von Paraguay“, 1830 стр. 3.

[То же самое бываетъ у папуасовъ темно-шоколаднаго цвѣта на Новой Гвинее: см. Миклуха-Маклай въ „Natuurkundig Tijdschrift voor Nederlandch Indie XXXIII, 1873.]

²⁾ Сэръ Ч. Бель, „Anatomy of Expression“ стр. 96. Съ другой стороны, д-ръ Бергесъ („Physiology of Blushing“, 1839, стр. 31) говоритъ объ окрашиваніи рубца у негритянки, которое имѣло характеръ румянца.

³⁾ Моро и Грасіоле писали о цвѣтѣ лица подъ вліяніемъ бурной страсти: см. изд. Лафатера 1820 г., т. IV, стр. 282 и 300, и Грасіоле, „De la physionomie“, стр. 345.

⁴⁾ Сэръ Ч. Бель („Anatomy of Expression“, стр. 91, 107) подробно рассмотрѣлъ этотъ вопросъ. Моро замѣчаетъ (въ изд. 1820 г. „La physionomie“, Лафатера т. IV, стр. 237) и въ подтвержденіе цитируетъ Порталя, что больные, страдающіе астмой, имѣютъ постоянно расширенныя ноздри, вслѣдствіе обычнаго сокращенія мышцъ поднимающихъ крылья носа. Объясненіе расширенія ноздрей, данное д-ромъ Пидеритомъ („Mimik und Physiognomik“, стр. 82), а именно, что оно происходитъ для свободнаго дыханія при закрытомъ ртѣ и стиснутыхъ зубахъ, представляется далеко не такимъ вѣрнымъ, какъ объясненіе сэра Ч. Беля, который приписываетъ его симпатіи (т.-е. обычному совмѣстному дѣйствию) всѣхъ дыхательныхъ мышцъ. Можно замѣтить, что ноздри у разсердившагося человѣка расширяются, хотя ротъ раскрытъ (Гомеръ, по словамъ м-ра Джексона, отмѣчаетъ дѣйствіе ярости на ноздри.)

⁵⁾ М-ръ Веджвудъ, „Oh the Origin of Language“, 1866, стр. 76. Онъ указываетъ также, что звукъ тяжелаго дыханія «изображается слогами *puff, buff, whiff*, почему *buff* означаетъ приступъ раздраженія.

Плеванье является, повидимому, почти всеобщимъ знакомъ пренебреженія или отвращенія; плеванье очевидно изображаетъ выбрасываніе чего-то противнаго изо рта. У Шекспира герцогъ Норфолькскій говоритъ: «Я плюю на него, я обзываю его трусливымъ клеветникомъ и негодяемъ». Далѣе, Фальстафъ говоритъ: «Я тебѣ что-то скажу: если я тебѣ солгу, плюнь мнѣ въ лицо». Лейхгардтъ замѣчаетъ, что австралійцы «прерывали свои рѣчи тѣмъ, что плевали и издавали звукъ, похожій на *пу, пу*, повидимому, выражавшій ихъ отвращеніе». Капитанъ Бертонъ говоритъ о нѣкоторыхъ неграхъ, которые «съ отвращеніемъ плевали на землю»¹⁾. Капитанъ Спиди сообщаетъ мнѣ, что то же самое бываетъ у абиссинцевъ. М-ръ Гичъ говоритъ, что у малайцевъ на Малаккѣ отвращеніе «изображается плеваньемъ», а у жителей Огненной Земли, по словамъ м-ра Бриджса, «плюнуть на кого-нибудь есть знакъ величайшаго пренебреженія».

Я никогда не видалъ болѣе яснаго выраженія отвращенія, чѣмъ на лицѣ одного изъ моихъ дѣтей въ пятимѣсячномъ возрастѣ, когда ему въ первый разъ влили въ ротъ немного холодной воды, и потомъ мѣсяцъ спустя, когда ему положили въ ротъ кусочекъ спѣлой вишни. Отвращеніе выразилось въ томъ, что губы и весь ротъ приняли такую форму, при которой содержимое рта быстро вытекло или выпало; языкъ тоже былъ высунутъ. Эти движенія сопровождались легкимъ содроганіемъ. Это было тѣмъ комичнѣе, что сомнѣваюсь, испытывалъ ли ребенокъ дѣйствительное отвращеніе: глаза и лобъ выражали большое удивленіе и размышленіе. Высовыванье языка въ то время, когда мы роняемъ изо рта противный предметъ, можетъ быть, объясняетъ, почему показыванье языка всюду служить знакомъ пренебреженія и ненависти²⁾.

Мы теперь видѣли, что презрѣніе, пренебреженіе и отвращеніе выражаются разнообразными способами, движеніями чертъ лица и различными жестами, и что эти знаки одинаковы на всемъ свѣтѣ. Всѣ они состоятъ изъ движеній, изображающихъ выбрасыванье или устраненіе какого-нибудь реальнаго предмета, который намъ противенъ или гнусенъ, но который не вызываетъ въ насъ нѣкоторыхъ другихъ сильныхъ эмоцій, напримѣръ, ярости или ужаса; въ силу привычки и ассоціаціи подобныя же дѣйствія производятся каждый разъ, когда въ нашемъ умѣ появляется аналогичное ощущеніе.

Ревность, зависть, скудость, мстительность, подозрѣніе, обманъ, хитрость, виновность, тщеславіе, чванство, честолюбіе, гордость, смиреніе и т. д. Сомнительно, обнаруживается ли большинство поименованныхъ сложныхъ душевныхъ состояній какимъ-либо опредѣленнымъ выраженіемъ, настолько самостоятельнымъ, чтобы его можно было описать или изобразить. Когда Шекспиръ называлъ зависть *худоллицой*, или *черной*, или *блѣдной*, а ревность — *зеленоглазымъ чудовищемъ*, и когда Спенсеръ описывалъ подозрѣніе, какъ *иностранное*, *безобразное* и *мрачное*, они навѣрно сознавали эту трудность. Тѣмъ не менѣе, переименованныя чувства, или по крайней мѣрѣ многія изъ нихъ, могутъ быть замѣчены глазомъ, напримѣръ, чванство; но мы часто руководствуемся въ большей степени,

¹⁾ Обѣ эти цитаты приведены у м-ра Веджвуда, „On the Origin of Language“, 1866, стр. 75.

²⁾ Тейлоръ говоритъ, что это такъ („Early History of Mankind“, 2-е изд., 1870 г., стр. 52); онъ прибавляетъ: „Неясно, почему это происходитъ“.